

KEN FOLLETT

"FOLLETT IS A MASTER STORYTELLER"
The Times

LIE DOWN
WITH LIONS

Кен Фоллетт

Лёжа со львами

OCR Klim: klim_lib@mail.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118957

Оригинал: KenFollett, "Lie Down with Lions"

Перевод:

Т. Каравкина

Аннотация

1981 год, Париж. Поэт Эллис Тэйлор влюблен в студентку Джейн, и та отвечает ему взаимностью. Врач Жан-Пьер тоже влюблен в Джейн, но пока безрезультатно. Эллис и Джейн вскоре ссорятся, Эллис вынужден вернуться в США, а Джейн выходит замуж за Жан-Пьера. Но на самом деле...

Эллис Тэйлор – агент ЦРУ, один из лучших оперативников, специализирующийся на поимке террористов. Жан-Пьер – французский коммунист, недавно завербованный КГБ для работы среди афганских моджахедов. А Джейн... просто феминистка, но и этого достаточно для патриархального Афганистана, где она через год окажется с молодым мужем...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	37
Глава 3	53
Часть вторая	68
Глава 4	68
Глава 5	113
Глава 6	145
Глава 7	173
Глава 8	199
Глава 9	244
Глава 10	266
Глава 11	298
Глава 12	332
Глава 13	349
Глава 14	389
Глава 15	409
Глава 16	425
Глава 17	448
Глава 18	481
Глава 19	513
Часть третья	563
Глава 20	563

Кен Фоллетт

Лежа со львами

Часть первая
1981 год

Глава 1

Те, кто старался убить Ахмета Ильмаза, были серьезными людьми. Речь шла о студентах-турках, живших в иммиграции в Париже. Они уже убили атташе турецкого посольства и бросили зажигательную бомбу в дом, где жил один из ответственных сотрудников представительства турецких авиакомпаний. Они избрали Ильмаза своей следующей мишенью, поскольку он был богат, был сторонником военной диктатуры и преспокойно жил в Париже.

Его дом и офис находились под надежной охраной, а разъезжал он в бронированном «Мерседесе». Тем не менее студенты считали, что у каждого мужчины есть своя слабость и таковой, как правило, был интерес к женщинам. Это в полной мере относилось к Ильмазу. В результате наблюдений за Ильмазом в течение нескольких недель выяснилось, что

по вечерам два-три раза в неделю он садился в автомобиль «Рено», типа фургона, которым его обслуга обычно пользовалась для поездок за покупками, и ехал до боковой улицы в пятнадцатом округе, где жила влюбленная в него красивая молодая турчанка.

И так, студенты решили заложить бомбу в автомобиль «Рено» в отсутствие хозяина.

Они точно знали, где достать взрывчатку, у Пепе Гоцци, одного из многочисленных сыновей корсиканского крестного отца Меме Гоцци. Пепе был торговцем оружием, Он продавал свой товар любому, но предпочитал «политических» клиентов, поскольку, по его оптимистическому признанию, «идеалисты платят больше». Он помогал студентам-туркам в их обоих предыдущих покушениях.

Однако в их плане, связанном с установкой бомбы в автомобиле, появилась одна загвоздка. Обычно место для девушки в автомобиле «рено» оставалось незанятым, но не всегда. Иногда Ильмаз отправлялся с ней куда-нибудь поужинать. Довольно часто она уезжала и возвращалась через полчаса на машине, нагруженной хлебом, фруктами, сыром, вином – видимо, для приятного пиршества. Кое-когда Ильмаз уезжал домой на такси, а девушка забирала его машину на день, а то и на два. Подобно всем террористам, студенты были романтиками, и не хотели убивать красивую девушку, единственная вина которой заключалась в любви к недостойному мужчине.

Они обсуждали эту проблему на демократической основе. Все решения принимались голосованием, невзирая на авторитеты. Тем не менее, среди них был один, авторитетностью которого предопределялась его господствующая роль. Звали его Рахми Коскун. Это был стройный эмоциональный молодой человек с густыми усами и самоуверенным блеском в глазах. Именно благодаря его энергии и решимости, несмотря на проблемы и связанный с ними риск, были реализованы два предшествующих проекта. Короче говоря, Рахми предложил посоветоваться с экспертом по взрывным устройствам.

Поначалу эта идея понравилась не всем. «Кому можно было довериться?» – прозвучал вопрос. Рахми назвал Эллиса Тейлера. Это был американец, который называл себя поэтом, но на самом деле жил репетиторством, давая уроки английского языка. Знаний о взрывчатых веществах он набрался во Вьетнаме, куда был призван на военную службу. Рахми знал его уже примерно год, им вместе пришлось работать в недолго просуществовавшей революционной газете «Хаос», вместе же они организовали поэтические чтения для сбора средств для Организации Освобождения Палестины (ООП). Казалось, что он разделяет непримиримость Рахми, отвергавшего такое отношение к Турции, и его ненависть к исполнителям этого варварства. Некоторые из остальных студентов тоже были немножко знакомы с Эллисом, он иногда мелькал в рядах демонстрантов и казался им то ли выпускни-

ком университета, то ли начинающим преподавателем. Тем не менее, заговорщики были против того, чтобы посвящать в свои планы нетурка. Однако Рахми настаивал, и они в конце концов согласились.

Эллис сразу же изъявил готовность помочь им в решении проблемы. Он объяснил, что бомба должна иметь металлический корпус, управляемый по радио. Рахми будет сидеть у окна в доме напротив квартиры девушки или будет наблюдать за автомобилем «Рено» из припаркованной на улице машины. В руках у него будет маленький радиопередатчик, похожий на дистанционный выключатель для автоматического открывания гаражных ворот. Если Ильмаз, как это чаще всего случалось, сядет в машину один, то Рахми нажмет на кнопку передатчика, и под влиянием радиосигнала сработает выключатель на взрывном устройстве, которое взорвется, как только Ильмаз попытается завести двигатель. Но если в машину сядет девушка, Рахми нажимать на кнопку не станет, и она спокойно уедет. Таким образом, взрывное устройство не работает.

– Нет кнопки, нет взрыва, – пояснил Эллис.

Рахми понравилась сама идея, и он поинтересовался у Эллиса, захочет ли он сотрудничать с Пепе Гоцци, которому можно заказать взрывное устройство.

– Разумеется, – ответил Эллис.

Потом появилась еще одна закавыка.

– У меня есть друг, – сказал Рахми, – который хочет по-

знакомиться с вами обоими. По правде говоря, ему надо с вами познакомиться, иначе все провалится. Дело в том, что этот друг дает нам деньги на взрывчатку, на автомашины, на взятки, оружие и все прочее.

– А почему он хочет с нами познакомиться? – поинтересовались Эллис и Пепе.

– Он хочет удостовериться, что взрывное устройство работает, кроме того, ему важно убедиться в том, что он может вам доверять, – проговорил Рахми извиняющимся тоном. – Единственное, что от вас потребуется, это принести взрывное устройство и объяснить ему, как оно работает. Потом пожать ему руку, и дать ему посмотреть вам в глаза. Такая уж это невыполнимая просьба от человека, взвалившего на себя все труды?

– Я все понимаю, – ответил Эллис.

Пепе колебался. Ему хотелось получить обещанные за операцию деньги. Его всегда притягивали деньги, как свиною притягивает корыто с кормом. Но он не любил знакомиться с новыми людьми. Эллис стал его уговаривать.

– Послушай, – сказал он, – эти студенческие группировки расцветают и увядают, как мимоза весной. Рахми наверняка скоро исчезнет с горизонта. Но если ты будешь знать его «друга», то будешь заниматься своим бизнесом и после исчезновения Рахми.

– Ты прав, – ответил Пепе, который не отличался гениальностью, но схватывал суть дела при толковом ее изложении.

Эллис сообщил Рахми, что Пепе согласен, после этого Рахми назначил на следующее воскресенье свидание с троичей заговорщиков.

* * *

В то утро Эллис пробудился в постели Джейн. Он проснулся внезапно, охваченный страхом, словно во власти кошмара. Мгновение спустя он вспомнил о причине своего душевного состояния.

Эллис посмотрел на часы. Было рано. Пробежал мысленно свои планы. Если все сложится как надо, сегодняшний день будет отмечен торжественным окончанием длившегося более года упорного кропотливого труда. И ему удастся разделить этот триумф с Джейн, если ему все еще будет суждено остаться живым в конце дня.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на Джейн, – осторожно, чтобы не разбудить ее. Его сердце напряженно билось – впрочем, так было всегда, когда он разглядывал ее лицо. Джейн лежала на спине, ее курносый носик был повернут к потолку, а темные волосы лежали на подушке, как сложенное птичье крыло. Он посмотрел на ее широкий рот и полные губы, которые целовали его так часто и ласково. Луч весеннего солнца скатился по лицу этой темной блондинки на щеки – «бороду», как он говорил, когда хотел ее подразнить.

Ему доставляло редкое удовольствие разглядывать Джейн спящей, лицо расслабленное и лишенное всякого выражения. Обычно она была оживленной – на лице можно было прочесть смех, недовольство, гримасы удивления, скепсиса или сочувствия. Самым привычным ее выражением казалась ухмылка, как у озорного мальчугана, только что позволившего себе в отношении кого-то безжалостный розыгрыш. Такой, как сейчас, она была только во сне или когда напряженно о чем-то думала, но именно такой он любил ее больше всего – при этой незащищенности и расслабленности можно было почувствовать томную чувственность, пылавшую под внешней оболочкой, как медленно тлеющий горячий подземный огонь. Когда Эллис разглядывал ее в таком состоянии, ему так и хотелось дотронуться до нее.

Это удивляло его. Когда вскоре после приезда в Париж Эллис впервые увидел Джейн, она поразила его как типично неумная представительница молодежи из радикальных столичных кругов, которые создают разные комитеты и организуют кампании против апартеида, за ядерное разоружение, возглавляют марши протеста в связи с событиями в Сальвадоре и загрязнением воды, собирают деньги для голодающего народа Чада или стараются поддержать какого-нибудь талантливую молодого кинематографиста. Людей притягивал ее неотразимый, полный доброты взгляд, пленяло ее очарование, возбуждал ее энтузиазм. Он несколько раз назначал ей свидание – просто чтобы испытать удовольствие понаблю-

дать за тем, как милая девушка поедает бифштекс, а потом – Эллис уже не мог точно вспомнить, когда это случилось – он обнаружил, что в этой легко возбуждающейся девушке живет страстная женщина, и он в нее влюбился.

Его пристальный взгляд скользил по маленькой квартире-ателье. Он с удовлетворением отметил сугубо личные вещи хозяйки, создававшие уют ее квартирки, изящная лампа, сделанная из миниатюрной китайской вазы, полка с книгами по экономике и нищете на планете, широкая мягкая софа, в которой можно утонуть, фотография отца, красивого мужчины в двубортном пальто, сделанная, по-видимому, в начале шестидесятых, небольшой серебряный кубок, который она выиграла на своем пони, по кличке Одуванчик, в 1971 году, т.е. десять лет назад. Тогда ей было тринадцать лет, – подумал Эллис, – а мне двадцать три, пока она выигрывала гонки на пони в Гемпшире, я был в Лаосе, где устанавливал противопехотные мины вдоль тропы Хо Ши Мина.

Когда Эллис впервые увидел ее квартиру, тут были в основном только стены, это было почти год назад, Джейн только что переехала сюда из пригорода. Ему запомнилась эта аттическая комната с кухней в алькове, душем в ванной и туалетом в холле. Постепенно она превратила этот загаженный чердак в веселенькое гнездышко. Она неплохо зарабатывала переводами с французского и русского на английский, но из-за высокой квартплаты – квартира находилась неподалеку от бульвара Сант-Мишель – ей приходилось постоянно считать

деньги, чтобы сэкономить на приобретение необходимого ей стола из красного дерева, античной кровати и тебризского ковра. Как сказал бы отец Эллиса: «Джейн была „классной“ дамой». «Она еще понравится тебе, папочка, – размышлял про себя Эллис. – Она еще сведет тебя с ума».

Он повернулся набок лицом к Джейн и этим движением, как и ожидал, потревожил ее сон. На какую-то долю секунды она разглядывала потолок своими большими голубыми глазами, потом перевела взгляд на него, улыбнулась и прижалась к его груди.

Эллис сразу же возбуждился. Полусонные, они прильнули на мгновение друг к другу и стали целоваться, потом она забросила ногу ему на бедра, и они, истомленные, начали молча заниматься любовью.

Когда они впервые отдались любви, а этим они занимались утром и ночью, а порой и вечерами, Эллис решил, что такая неумность продлится недолго и что спустя несколько дней или пару недель ощущение новизны притупится, и они растворятся в среднестатистическом показателе 2,5 раза в неделю или около того. Но он ошибся. И год спустя они все еще возбуждались, словно в свой медовый месяц.

Она взобралась на Эллиса, прижавшись к нему своим влажным телом. Заключив Джейн в свои крепкие объятия, он погрузился в ее маленькое тело. Почувствовав приближение его апогея, Джейн подняла голову, измерила Эллиса взглядом и, пока он погружался в нее, не закрывая рта поце-

ловала его. Сразу же раздался мягкий низкий стон, и он почувствовал, как в это воскресное утро на него накатываются широкие и нежные волны. Полусонная, она все еще сидела на нем. Он погладил ее волосы.

Мгновение спустя она пошевелилась.

– А знаешь, какой сегодня день? – пробормотала Джейн.

– Воскресенье.

– Сегодня твоя очередь готовить ленч.

– Я помню.

– Хорошо. – Наступила пауза. – И чем ты собираешься меня кормить?

– Бифштекс, картошка, бобы, козий сыр, клубника и крем «Шантильи».

Джейн подняла голову и рассмеялась:

– Это твой постоянный репертуар!

– Нет. Прошлый раз мы ели французскую фасоль.

– А еще раньше ты забыл, и нам пришлось есть вне дома.

Как насчет того, чтобы немного разнообразить нашу пищу?

– Эй, погоди-ка. Мы договаривались о том, чтобы каждый из нас готовил ленч по очереди, одно воскресенье ты, одно – я. Никто не говорил, что каждый раз на ленч будет что-то новое.

Джейн снова уступила Эллису, делая вид, что он прав. Эллис не мог отстраниться от своих каждодневных забот. Он бессознательно нуждался в ее помощи, и вот наступил момент, когда он обратился к ней за содействием.

– Сегодня утром мне надо встретиться с Рахми, – начал он.

– Хорошо, я зайду к тебе позже.

– Если ты не возражаешь, то приезжай ко мне пораньше.

Я хотел бы попросить тебя кое о чем.

– О чем же?

– Приготовь что-нибудь на ленч. Нет, нет! Я шучу. Хочу, чтобы ты помогла мне в одном небольшом заговоре.

– Продолжай, – сказала она.

– Сегодня у Рахми день рождения. Его брат Мустафа в городе, а Рахми ничего об этом не известно.

Если все это получится, – подумал Эллис, – я никогда больше не буду тебе лгать.

– Мне хотелось бы, чтобы Мустафа неожиданно появился на дне рождения у Рахми. Но мне нужен сообщник.

– Я готова, – произнесла Джейн. Она отодвинулась от него и, скрестив ноги, привстала в постели. Ее груди напоминали яблоки, гладкие, круглые и твердые. Пряди волос слегка касались сосков. – И что от меня требуется?

– Все очень просто. Я должен буду сказать Мустафе, куда ему идти, но Рахми еще не решил, где будет отмечать свой день рождения. Поэтому мне придется сообщить об этом Мустафе в последнюю минуту. И Рахми, по-видимому, окажется рядом со мной, когда раздастся телефонный звонок.

– И каково твое решение?

– Я позвоню тебе. И буду говорить всякую чепуху. Ни на

что не обращай внимания, главное – это адрес. Позвони Мустафе, сообщи ему этот адрес и объясни, как туда добратся. – Вся эта история выглядела правдоподобной, когда Эллис ее придумал, но теперь все казалось неестественным.

Тем не менее Джейн, судя по всему, ничего на заподозрила.

– Вроде бы все в пределах допустимого, – сказала она.

– Хорошо, – оживленно сказал Эллис, скрывая облегчение.

– А после твоего звонка, когда ты будешь дома?

– Раньше чем через час. Я хочу подождать и посмотреть, чем обернется этот сюрприз, но не поеду туда на ленч.

Джейн задумчиво посмотрела на него.

– Пригласили тебя без меня.

Эллис пожал плечами.

– Я думаю, приглашены в основном мужчины. – Он протянул руку к блокноту на прикроватной тумбочке и написал «Мустафа» и номер телефона.

Джейн встала с постели и направилась прямо в ванную комнату. Войдя туда, включила кран. Сейчас у нее уже сменилось настроение. Улыбка исчезла с ее лица.

– Что тебе не по душе?

– Ничто, – проговорила Джейн. – Иногда мне не нравится, как твои друзья относятся ко мне.

– Но ты же знаешь, как турки относятся к девушкам.

– Именно – к девушкам. К уважаемым женщинам –

по-другому. Но я-то девушка.

Эллис вздохнул.

– Стоит ли забивать себе голову доисторическими взглядами нескольких шовинистов? О чем ты действительно хочешь мне рассказать?

Джейн задумалась на мгновение, стоя голышом возле душа. В этот момент она показалась ему настолько привлекательной, что Эллису снова захотелось заняться с ней любовью.

– Мне кажется, меня не устраивает мой статус, – проговорила Джейн. – Я предана тебе, и это знает каждый. Я сплю только с тобой. Ни с кем больше не встречаюсь, а ты мне все не предан. Живем мы раздельно. Я не знаю, где ты бываешь и чем занимаешься. Мы так и не познакомились с родителями друг друга... Людям все это известно, вот и относятся ко мне как к уличной девке.

– По-моему, ты преувеличиваешь.

– Ты всегда так говоришь. – Джейн вошла в ванную комнату и хлопнула дверью.

Эллис достал бритву из ящика, в котором хранил свои бритвенные принадлежности, и стал бриться у раковины в кухне. Такие споры случались у них и раньше, причем даже более напряженные, он хорошо понимал, в чем причина, Джейн хотелось, чтобы они жили вместе. Ему этого, конечно, тоже хотелось. Он хотел жениться на ней и прожить вместе до самой смерти. Но вначале он должен был осуще-

ствить свой план, из-за чего не мог раскрыть ей все тайны. Поэтому шли в ход отговорки типа: «Я еще не созрел» и «единственное, что мне нужно, – это время». Эти расплывчатые отговорки приводили ее в ярость. Ей казалось, что год – это слишком большой срок, чтобы любить мужчину без каких-либо обязательств с его стороны. Конечно, она была права. Но если сегодня все пройдет, как надо, он сможет все уладить.

Кончив бриться, он завернул свою бритву в полотенце и положил в ящик. Джейн вышла из ванной комнаты, и он занял ее место. «Мы даже не разговариваем друг с другом, – подумалось ему, – это даже глупо».

Пока Эллис принимал душ, Джейн сварила кофе. Быстро натянув выцветшие хлопчатобумажные джинсы и черную тенниску, он уселся напротив нее за маленький столик из красного дерева. Она налила ему кофе и сказала: «Мне бы хотелось серьезно поговорить с тобой».

– Ладно, – мгновенно согласился он, – сделаем это за ленчем.

– Почему не сейчас?

– У меня нет времени.

– Значит, день рождения Рахми для тебя важнее, чем наши отношения?

– Конечно, нет. – Эллис уловил раздражение в ее интонации, и какой-то внутренний голос подсказывал ему: «Будь мягче, а то ты ее потеряешь!» – Но я уже обещал и должен

сдержать слово, я думаю не так уж важно, когда состоится наш разговор – сейчас или чуть позже.

Взгляд Джейн стал неподвижным и упрямым. Это было ему знакомо. Такое выражение лица возникало, когда она приняла решение и кто-то пытался столкнуть ее с намеченного пути.

– Мне надо поговорить именно сейчас.

На какой-то миг Эллис был склонен немедленно выложить ей всю правду. Но он все спланировал по-другому. Однако времени оставалось совсем мало, его мозг был нацелен совсем на другое, короче говоря, он не был готов к такому разговору. Лучше всего поговорить об этом позже, когда оба будут спокойнее. Вот тогда Эллис расскажет ей, что свое задание в Париже он выполнил. Поэтому он и ответил: «Мне кажется, это было бы неразумно. Тогда и я буду спокойней, чем сейчас. Давай поговорим об этом позже. А сейчас мне надо идти». – Эллис встал.

Когда он приблизился к двери, Джейн сказала: «Жан-Пьер предложил мне поехать с ним в Афганистан».

Это сообщение оказалось для Эллиса столь неожиданным, что ему потребовалось какое-то время, чтобы осмыслить его суть.

– Ты это на полном серьезе?

– Да.

Эллис знал, что Жан-Пьер влюблен в Джейн. Таковых насчитывалось еще не менее полдюжины. У такой женщины,

как Джейн, по-другому и быть не могло. Правда, ни одного из этих мужчин Эллис не считал своим серьезным соперником. По крайней мере, он не задумывался вплоть до этого момента. Эллис стал приходить в себя после услышанного.

– Чего ради тебе ехать туда, где идет война, да еще с каким-то фраером?

– Оставь свои шутки! – проговорила Джейн со злобой в голосе. – Речь идет о моей жизни.

Он недоверчиво покачал головой.

– Ты не можешь уехать в Афганистан.

– Почему же?

– Потому что ты любишь меня.

– Но это вовсе не значит, что ты можешь мной распоряжаться, как хочешь.

Хорошо еще, что она не сказала: а я не люблю. Он посмотрел на часы. Это было действительно смешно, через несколько часов он собирался рассказать ей все, что ей так хотелось услышать.

– Я не собираюсь этого делать, – ответил он. – Речь идет о нашем будущем, и тут нельзя торопиться.

– Я не собираюсь ждать всю жизнь, – заметила Джейн.

– Я не прошу тебя ждать всю жизнь, я прошу тебя подождать несколько часов. Он прикоснулся к ее щеке, – Давай не будем ссориться из-за нескольких часов.

Она встала с кресла и крепко поцеловала его в губы.

– Ты не поедешь в Афганистан, правда? – проговорил он.

– Не знаю, – решительно проговорила Джейн. Он попытался изобразить подобие ухмылки.

– По крайней мере, до ленча.

Кивнув, Джейн ответила улыбкой.

– До ленча уж точно нет.

Прежде чем уйти, Эллис внимательно посмотрел на нее.

* * *

Широкие бульвары Елисейских полей были запружены туристами и вышедшими на утреннюю прогулку парижанами. Они толпились под теплым весенним солнцем, как овцы в загоне. Все кафе на тротуарах были переполнены. Эллис стоял неподалеку от условленного места. За спиной у него был рюкзак, который он купил в дешевом магазине чемоданов. Эллис был похож на американца, который путешествует по Европе на попутных машинах.

Зря Джейн выбрала это утро для серьезного разговора, сейчас она, наверное, вся в раздумьях и, когда он придет, будет во взбудораженном состоянии. Ну что ж, вначале придется ее успокоить.

Эллис выбросил Джейн из головы и сосредоточился на предстоящем задании.

В отношении личности «друга» Рахми имелось две версии. Согласно одной из них, он был свободолюбивым турком, который по политическим или личным мотивам счел

оправданным применение насилия против военной диктатуры и ее сторонников. Такую постановку вопроса Эллис воспринял бы с разочарованием.

По второй версии речь шла о Борисе. «Борис» был легендарной фигурой в тех кругах, в которых вращался Эллис. Это были революционно настроенные студенты, палестинцы-эмигранты, работавшие на полставки лекторы-политологи, редакторы неряшливо издававшихся экстремистских газет, анархисты и маоисты, армяне и воинствующие вегетарианцы. Говорили, будто он русский, агент КГБ, стремящийся финансировать любой леворадикальный акт насилия на Западе. Многие выражали сомнение в его существовании, особенно те, кто пытался и не сумел получить финансовые средства от русских. Но Эллис время от времени замечал, что группа, которая месяцами только и делала, что жаловалась на отсутствие денег на копировальную машину, вдруг переставала болтать об ограниченных финансах и проникалась важностью вопроса о безопасности, а затем, чуточку позже, случались похищения людей, стрельба или взрывы бомб.

Эллис вполне допускал, что русские дают деньги таким группам, как турецкие диссиденты, едва ли они могли устоять перед тем, чтобы упустить такую простую и не связанную с большим риском возможность организации беспорядков. Кроме того, США финансировали похитителей людей и убийц в Центральной Америке, поэтому трудно было ожидать, чтобы Советский Союз проявил большую щепетиль-

ность, чем американцы. И поскольку деньги, задействованные в такого рода аферах, не снимались с банковских счетов и не переводились по телексу, требовался кто-то для получения в руки фактических банкнот, стало быть, требовался такой человек, как Борис.

Эллису не терпелось познакомиться с ним.

Рахми прошел мимо него ровно в десять тридцать. На нем была розовая рубашка фирмы «Лакост» и тщательно отглаженные рыжевато-коричневые брюки. Выглядел он как-то угловато. Окинув Эллиса пристальным взглядом, он отвернулся.

Эллис последовал за ним, держась, как и было условлено, на расстоянии 10-15 метров. На ближайшей площадке открытого кафе восседал мускулистый тяжеловес Пепе Тоцци, в костюме из черного шелка, словно после мессы, что, возможно, так и было. На коленях он держал огромный портфель. Он встал и зашагал почти вровень с Эллисом, причем таким образом, что случайному наблюдателю трудно было бы понять, вместе ли они идут или каждый сам по себе.

Рахми направился к холму в сторону Триумфальной Арки.

Эллис наблюдал за Пепе краем глаза. Корсиканец обладал животным инстинктом самосохранения. Он незаметно проверял, нет ли за ним слежки – сначала, когда переходил улицу и, естественно, мог обернуться, окинув взглядом бульвар, пока стоял в ожидании разрешающего сигнала светофора, и

потом, проходя мимо углового магазина, где мог наблюдать шедших сзади него людей по отражению в диагональной витрине.

Эллису нравился не Пепе, а Рахми, который отличался искренностью и принципиальностью. Так что люди, которых он убил, наверное, заслуживали того. Пепе был совсем другим. Он шел на это ради денег и еще потому, что был слишком грубым и тупым, чтобы выжить в мире законного бизнеса.

За три квартала восточнее Триумфальной Арки Рахми свернул в боковую улицу. За ним последовали Эллис и Пепе. Рахми перевел их через улицу, и они вошли в отель «Ланкастер». Здесь было назначено свидание. Эллис надеялся, что встреча состоится в баре или ресторане отеля, в общественном месте он чувствовал бы себя увереннее.

После уличной жары от мраморного холла повеяло прохладой. Эллис почувствовал легкий озноб. Официант в смокинге презрительно оглядел его джинсы. Рахми вошел в крохотный лифт в самом конце Г-образного вестибюля. Судя по всему, они направлялись в гостиничный номер. Так оно и есть. Эллис прошел вслед за Рахми в лифт, а Пепе протиснулся сзади. Пока лифт шел вверх, нервы у Эллиса были напряжены до предела. Они вышли на четвертом этаже. Рахми подвел их к сорок первому номеру и постучал в дверь.

Эллис старался выглядеть спокойным и безразличным. Дверь медленно открылась. Это был Борис. Эллису сразу стало ясно, как только он взглянул на этого человека. Он

ощутил возбуждение триумфа и одновременно озноб страха. Понятие «Москва» присутствовало во всем этом человеке, начиная с его дешевой короткой стрижки и кончая сугубо практичными ботинками. Безошибочно угадывался стиль КГБ в его жестком оценивающем взгляде и в зверином оскале рта. Этот человек не был похож ни на Рахми, ни на Пепе. Он не был ни пылким идеалистом, ни грязным мафиози. Борис был твердокаменным, профессиональным террористом, который без колебаний проломит голову любому или всем троим, стоявшим сейчас перед ним.

Как долго я искал тебя, – пронеслось в мыслях у Эллиса.

На какое-то мгновение Борис придержал дверь полуоткрытой, частично загоразивая ею свое тело, изучая пришедших. Потом он отступил от двери и сказал по-французски: «Входите!»

Они вошли в гостиную апартаментов. Она отличалась явной изысканностью, была обставлена креслами, столами и буфетом, скорее всего, восемнадцатого века. На изящном столике с изогнутыми ножками лежал блок сигарет «Мальборо» и стояла литровая бутылка бренди из магазина беспощинной торговли. В дальнем углу гостиной полуоткрытая дверь вела в спальню. Рахми представил гостей нервозно и небрежно:

– Пепе, Эллис, мой друг.

Борис оказался широкоплечим мужчиной в белой сорочке с засученными рукавами, которые подчеркивали его мя-

систые волосатые руки. Его синие брюки казались слишком тяжелыми для такой погоды. На задней спинке кресла висел черный пиджак в коричневую клетку, который плохо сочетался с синими брюками.

Эллис поставил на ковер свой рюкзак и опустился в кресло.

Борис указал жестом на бутылку бренди.

– Выпьете?

У Эллиса не было желания пить бренди в одиннадцать часов утра.

– Да, пожалуйста, кофе, – проговорил он.

Борис измерил его жестким враждебным взглядом и сказал:

– Мы все будем пить кофе, – и подошел к телефонному аппарату.

«Он привык, чтобы все его боялись, – подумал Эллис, – ему не нравится, что я говорю с ним на равных».

Рахми явно испытывал перед Борисом благоговейный страх, он нервно суетился и, пока русский вызывал официанта, то расстегивал, то снова застегивал верхнюю пуговицу своей розовой тенниски.

Борис повесил трубку и, обращаясь к Пепе, сказал по-французски:

– Рад с вами познакомиться. Надеюсь, мы будем полезны друг другу.

Пепе молча кивнул. Он сидел в плюшевом кресле. Его

мощные тела в черном костюме производили довольно странное впечатление на фоне роскошной мебели, словно желавшей поглотить его.

«У Пепе много общего с Борисом, – подумалось Эллису, – оба крепкие физически и жесткие, лишенные вежливости или сострадания. Если бы Пепе был русским, он оказался бы в КГБ, а если бы Борис был французом, он стал бы мафиози».

– Покажи мне бомбу, – сказал Борис.

Пепе раскрыл свой портфель. Он был набит брусками какого-то желтоватого вещества – примерно в тридцать сантиметров длиной и несколько сантиметров шириной. Борис опустился на ковер рядом с рюкзаком и ткнул указательным пальцем в один из кубов. Вещество подалось, как замазка. Борис принялся.

– Наверное, это С-3, – сказал он Пепе. Пепе кивнул.

– А где сам механизм?

– У Эллиса в рюкзаке, – ответил Рахми.

– Нет, у меня нет, – заметил Эллис.

В комнате на мгновение воцарилась тишина. На красивом юном лице Рахми появилась паника.

– Как это следует понимать? – спросил он с волнением в голосе. Его полный страха взгляд метался от Эллиса к Борису и обратно.

– Ты сказал... Я сказал, что ты...

– Заткнись, – грубо крикнул Борис. Рахми замолчал. Бо-

рис выжидающе смотрел на Эллиса.

Эллис ответил с напускным безразличием.

– Я боялся, что здесь могла быть устроена ловушка, потому и оставил сам механизм дома. Он может быть здесь уже через несколько минут. Достаточно позвонить моей девушке.

Несколько секунд Борис пристально разглядывал его. Эллис, насколько мог, холодно ответил на его взгляд. Наконец Борис проговорил:

– Почему ты решил, что здесь может быть подстроена ловушка?

Эллис прикинул, что попытка самооправдания может быть воспринята, как желание уйти в оборону. В любом случае это был глупый вопрос. Он надменно посмотрел на Бориса, потом повел плечами и промолчал.

Борис продолжал испытующе поглядывать на него. Наконец он сказал:

– Я позвоню.

Протест чуть было не сорвался с губ Эллиса, но он подавил его. Он не ожидал такого развития событий. Начиная злиться, Эллис осторожно продолжал изображать позу «а мне все равно плевать». Интересно, как Джейн среагирует на незнакомый голос? Жалко, что он использовал ее, как заложницу. Но теперь жалеть об этом поздно.

– А ты осторожный человек, – сказал он Борису.

– Ты тоже. Какой у тебя номер телефона?

Эллис назвал. Борис записал номер на блокноте около телефонного аппарата и стал набирать. Остальные застыли в ожидании.

– Хелло, – проговорил Борис. – Я звоню по поручению Эллиса.

Наверное, просто незнакомый голос не подействует на нее, подумал Эллис. В любом случае, она ожидала какого-то эксцентричного звонка. «Ни на что не обращай внимания, главное – это адрес», – говорил он ей.

– Что? – раздражительно спросил Борис, и Эллису подумалось: вот чертовщина, о чем она сейчас с ним говорит?

– Да, да. Но это не так важно, – ответил Борис. – Эллис хочет, чтобы вы привезли механизм в гостиницу «Ланкастер» на улице Берри, комната сорок один.

Наступила еще одна пауза. «Продолжай свою игру, Джейн», – подумал Эллис.

– Да, это очень приятная гостиница.

«Кончай разыгрывать его! Просто скажи ему, что привезешь все, что надо. Пожалуйста!»

– Благодарю вас, – сказал Борис и добавил не без сарказма: – Вы очень любезны. – Потом повесил трубку.

Эллис делал вид, будто все в порядке вещей.

– Она поняла, что я русский, – сказал Борис. – Как она догадалась?

Озадаченный на мгновение, Эллис ответил:

– Языки – ее специальность. Ей все стало ясно по акценту.

– Пока мы тут ждем официанта, давайте разберемся с деньгами, – впервые напомнил о себе Пепе.

– Ладно, – сказал Борис и отправился в спальню. В его отсутствие Рахми шепотом заговорил с Эллисом.

– Я не знал, что вы собирались проверить этот номер!

– Ясное дело, не знали, – ответил Эллис деланным тоном скупающего человека. – Если бы вы знали о моих планах, не было бы никакой гарантии, понятно?

Борис вернулся в гостиную с большим коричневым конвертом и передал его Пепе. Тот вскрыл его и стал пересчитывать стофранковые банкноты.

Борис распечатал пачку «Мальборо» и закурил сигарету.

Эллис подумал: «Надеюсь, Джейн не стала выжидать и сразу позвонила «Мустафе». Надо было предупредить ее, что важно передать это сообщение немедленно.

Некоторое время спустя Пепе сказал: «Все на месте». Он положил деньги обратно в конверт, смочил языком намазанный клеем край, заклеил конверт и положил его на столик.

Несколько минут все четверо сидели молча.

– Далеко отсюда до вас? – поинтересовался Борис.

– Четверть часа на скутере.

Раздался стук в дверь. Эллис напрягся.

– Быстро она добралась, – проговорил Борис, открывая дверь.

– Кофе принесли, – сказал он с отвращением и вернулся на свое место.

Два официанта в белых куртках вкатили в номер тележку. Они выпрямились и повернулись к гостям. В руках каждый из них держал пистолет "Д"МАВ, табельное оружие французских детективов.

– Не двигаться! – произнес один из них.

Эллис почувствовал, что Борис приготовился к прыжку. Если бы Рахми сделал неверный шаг и застрелился, это побавило бы желание Пепе с Борисом бросаться на вооруженных людей.

Распахнулась дверь в спальню, и появились еще двое официантов, вооруженных как и их коллеги.

Борис расслабился, на его лице была печать смирения.

Эллис почувствовал, что задерживает дыхание. Он медленно выдохнул.

Все закончилось.

В комнату вошел офицер полиции в форме.

– Западня! – взорвался Рахми. – Это западня!

– Заткнись, – вскрикнул Борис, снова заглушив Рахми своим резким голосом. Обращаясь к полицейскому чину, он произнес: – Я самым решительным образом протестую против подобного акта грубого произвола. Прошу принять к сведению, что...

Полицейский ткнул ему в лицо обтянутым перчаткой кулаком. Борис дотронулся до своих губ, потом посмотрел на пятно крови на руке. Весь его облик резко изменился, когда он осознал, что все это слишком серьезно, чтобы блефовать

относительно его роли в этой истории.

– Запомните мое лицо, – сказал он полицейскому чину голосом, полным могильного холода. – Вы еще увидите его.

– Но кто же предатель? – воскликнул Рахми. – Кто нас предал?

– Он, – проговорил Борис, указывая на Эллиса.

– Эллис? – недоверчиво спросил Рахми.

– Телефонный звонок, – сказал Борис. – И адрес.

Рахми пристально посмотрел на Эллиса. Казалось, что это его задело за живое.

Появилось еще несколько полицейских в форме. Офицер показал жестом на Пепе.

– Это Гоцци, – сказал он.

Двое полицейских надели наручники на Пепе и увели его.

Офицер посмотрел на Бориса.

– А вы кто?

Борис сделал вид, что все вокруг ему наскучило.

– Меня зовут Ян Хохт, – сказал он, – я гражданин Аргентины.

– Не обращайтесь внимания, – сказал полицейский с отвращением. – Уведите его, – повернувшись к Рахми, он проговорил. – Ну так что?

– Мне нечего сказать, – сказал Рахми, стараясь придать своим словам героическое звучание.

Офицер хлопнул Рахми по голове, и на него тоже надели наручники. Пока его не увели, он свирепо смотрел на Элли-

са.

Арестованных по одному спустили в лифте. Портфель Пепе и конверт со сто франковыми билетами положили в полиэтиленовый мешок. Появился фотограф из полиции, который принялся устанавливать штатив. Офицер сказал, обращаясь к Эллису:

– Неподалеку от гостиницы припаркован черный «Ситроен Д», – чуть помедлив, он добавил: – Сэр.

«Я возвращаюсь в лоно закона, – подумал Эллис. – Жаль, что Рахми как мужчина гораздо привлекательнее, чем этот полицейский».

Он спустился в лифте. По мере появления в холле гостиницы все большего числа полицейских, администратор в черном пиджаке и полосатых брюках застыл с обиженным выражением лица.

Эллис вышел из гостиницы на солнце. Черный «Ситроен» стоял на другой стороне улицы. За рулем сидел шофер, сзади устроился пассажир. Эллис сел сзади. Машина быстро рванула вперед.

– Хелло, Джон, – сказал пассажир, повернувшись к Эллису. В ответ Эллис улыбнулся. Более чем год спустя ему странно было услышать свое имя.

– Как дела, Билл? – спросил он в свою очередь.

– С облегчением! – заметил Билл. – За тринадцать месяцев до нас доходили от тебя разве что просьбы прислать денег. Потом раздается категорический телефонный звонок, с

требованием за двадцать четыре часа подготовить команду, чтобы кого-то арестовать. Можешь себе представить, сколько понадобилось усилий, чтобы убедить французов провести эту операцию без указания причин. Этой группе необходимо было быть наготове вблизи Елисейских Полей, но чтобы узнать точный адрес, пришлось ждать телефонного звонка от неизвестной женщины, попросившей соединить ее с Мустафой. Вот и все из того, что нам известно!

– Другой возможности просто не было, – сказал Эллис извиняющимся тоном.

– Так вот, потребовалось немало усилий, и теперь я многим людям обязан в этом городе, но мы пошли на это. Так вот, скажи мне, пожалуйста, стоило оно того? Что мы получили взамен в этом мешке?

– Борис – он русский, – произнес Эллис.

Лицо Билла вытянулось в широкой ухмылке.

– Быть мне сукиным сыном, – проговорил он, – ты зацепил Бориса! Ты не шутишь?

– Не шучу.

– Боже праведный! Я бы предпочел забрать его у французов, прежде чем они разберутся, кто он такой.

Эллис повел плечами.

– В любом случае, никто не собирается выжимать из него массу информации. Он бесконечно преданный своему делу тип. Главное, что мы вывели его из игры. Теперь им понадобится пара лет, чтобы подготовить контакты для внедрения

нового Бориса. Между тем мы существенно замедлили проведение их операций.

– Уж это точно. Это настоящая сенсация.

– Пепе Гоцци – корсиканец, торговец оружием, – продолжал Эллис. – За последние два года его оружие использовалось при совершении почти каждого террористического акта во Франции, а еще чаще в других странах. Вот ему будет что рассказать на допросах. Отправьте французского детектива в Марсель побеседовать с его отцом Меме Гоцци. Я предсказываю: окажется, что старику никогда не была по душе идея участия семьи в политических преступлениях. Предложите ему сделку: неприкосновенность Пепе, если тот даст показания против почти всех политических деятелей, которым он поставлял оружие, исключая при этом обычных преступников. Меме наверняка согласится, потому что это не будет рассматриваться, как предательство друзей. И если Меме пойдет на это, Пепе отказываться не станет. Французы могут вести судебное расследование деяний за минувшие годы.

– Потрясающе, – проговорил изумленный Билл. – За один день ты отправишь за решетку двух крупнейших организаторов терроризма в мире.

– За один день? – ухмыльнулся Эллис. – На это потребовался целый год.

– Это стоило того.

– Молодой парень – это Рахми Коскун, – сказал Эллис. Он спешил, потому что был еще кое-кто, кому он хотел все

это рассказать. – Рахми со своей группой пару месяцев назад устроили взрыв в представительстве турецких авиалиний, а до того они убили атташе посольства. Если ты взял всю группу, у тебя в руках наверняка все конкретные судебные доказательства.

– Или французская полиция заставит их расколоться.

– Да. Дайте мне карандаш, и я напишу все имена и адреса.

– Все это надо сбересть, – сказал Билл. – Я собираюсь выслушать твой полный отчет уже в посольстве.

– Я не собираюсь возвращаться в посольство.

– Джон, не нарушай программу.

– Я сообщу тебе эти имена, и тогда ты будешь располагать всей действительно существенной информацией, даже если сегодня вечером меня задавит какой-нибудь пьяный таксист. Если я выживу, мы встретимся завтра утром, и я сообщу тебе все подробности.

– А почему надо ждать?

– У меня свидание за ленчем.

Билл выкатил глаза.

– Я думаю, этим мы обязаны тебе, – проговорил он с неохотой.

– И я так думаю.

– А с кем у тебя свидание?

– С Джейн Ламберт. Ты назвал ее имя, когда в первый раз инструктировал меня.

– Припоминаю. Я сказал тебе, если ты добьешься ее

расположения, она познакомит тебя с любимым безумным леваком, арабским террористом, сторонником группы Бадер-Майнхоф и парижским поэтом-авангардистом.

– Именно так все и случилось. Кроме того, я в нее влюбился.

Билл был похож на банкира из Коннектикута, которому сообщили, что его сын решил жениться на дочери чернокожего миллионера, он не знал, как реагировать на это сообщение – затрепетать или ужаснуться.

– Ой, и что же она из себя представляет?

– Она вовсе не безумная, хотя у нее есть несколько безумных друзей. Что еще можно о ней сказать? Она прелестна, как писанная красавица, потрясающая умница, ну а в постели ей нет равных. Короче, она изумительна. Она та самая женщина, которую я искал всю жизнь.

– Ну что ж. Теперь мне понятно, почему ты предпочитаешь отпраздновать это событие с ней, а не со мной. И что же ты намерен предпринять?

Эллис улыбнулся.

– Я собираюсь открыть бутылочку вина, зажарить пару бифштексов, сказать ей, что зарабатываю на жизнь тем, что ловлю террористов, и попросить ее стать моей женой.

Глава 2

Наклонившись над столом, Жан-Пьер одарил сидевшую в столовой брюнетку сочувственным взглядом.

– Мне кажется, я знаю, что у вас на душе, – проговорил он с теплой интонацией в голосе. – Я помню, какое подавленное состояние у меня было к концу первого года учебы в медицинском институте. Казалось, что тебя напичкали большим объемом информации, чем способен переварить мозг, и ты уже просто не знаешь, как все это своевременно усвоить, чтобы сдать экзамен.

– Точно так, – проговорила она, энергично кивая. Брюнетка была близка к тому, чтобы разрыдаться.

– Это хороший знак, – с пониманием заметил он. – Это означает, что на своем курсе вы лидер. Те, кого не волнует учеба, непременно провалятся.

Ее карие глаза стали влажными от благодарности.

– Вы действительно так считаете?

– Я убежден в этом.

Она посмотрела на него восторженным взглядом. «Ты ведь, милая, с большим желанием съела бы меня, а не свой ленч», – подумал он. Она чуть-чуть пошевелилась, из-за чего опустился ворот ее свитера и показалась кружевная отделка бюстгальтера. Жан-Пьер на мгновение ощутил искушение. В восточном крыле больницы был чулан для белья, в кото-

рый примерно после полдесятого утра уже никто не заглядывал. Жан-Пьер неоднократно пользовался этим. Дверь можно было запереть на ключ изнутри и располагаться на горе мягких чистых простыней...

Брюнетка вздохнула и, подцепив вилкой, отправила кусок бифштекса в рот. Как только она принялась жевать, Жан-Пьер потерял к ней всякий интерес. Он не любил смотреть на людей, когда они едят. Так или иначе, он лишь напрягся, чтобы доказать самому себе, что он все еще может, у него действительно не было желания совращать ее. Она была очень мила, с кудрявыми волосами и средиземноморским цветом кожи. У нее было привлекательное тело, но сегодня Жан-Пьер не испытывал большого желания одерживать эпизодические победы. Взволновать его больше, чем на несколько минут, могла только Джейн Ламберт, но она даже ни разу не поцеловала его.

Он отвел глаза от брюнетки, и его взгляд беспокойно заскользил по больничной столовой. Он не заметил ни одного знакомого лица. Столовая была почти пуста. Дело в том, что он рано пришел обедать, так как работал в раннюю смену.

Исполнилось вот уже полгода с того момента, как он впервые увидел потрясающе красивое лицо Джейн через головы участников многолюдного приема, организованного по поводу выхода новой книги по феминистской гинекологии. Он тогда сказал ей, что нет такого понятия, как феминистская медицина, есть просто хорошая и плохая медицина. В от-

вет она заметила, что никогда не существовала христианская математика и тем не менее, потребовался такой еретик, как Галлилео, доказавший, что Земля вращается вокруг Солнца. Жан-Пьер в своей абсолютно обезоруживающей манере воскликнул: «Вы правы!», – после чего они подружились.

Тем не менее, Джейн не воспринимала, даже больше, отвергала его благосклонность. Хотя Жан-Пьер был ей симпатичен, складывалось впечатление, что значительно ближе ей американец, несмотря на то, что Эллис был значительно старше ее. Так или иначе, Джейн все больше нравилась Жан-Пьеру. Вот только бы Эллис исчез с горизонта – пусть его задавит автобус или пусть с ним случится что-нибудь еще... В последнее время Жан-Пьеру стало казаться, что непримиримое отношение Джейн к нему стало как будто ослабевать. Или он принимает желаемое за действительное?

– Это правда, что вы собираетесь на два года в Афганистан? – спросила брюнетка.

– Правда.

– И чего ради?

– Наверное, потому что я верю в свободу. А еще потому, что мне не довелось пройти всю эту подготовку, необходимую, как коронарная нагрузка для толстого бизнесмена – Ложь так и изливалась с его губ.

– Но почему на два года? Кто не может обойтись без этого, обычно отправляется туда на срок от трех до шести месяцев, максимум на год. Два года – это прямо вечность.

– Вы так считаете? – Жан-Пьер изобразил на лице криющую улыбку. – Видите ли, трудно добиться чего-то полноценного в сжатые сроки. Отправлять туда врачей на непродолжительное время малоэффективно. Дело в том, что мятежникам требуется нечто вроде постоянно действующей медицинской структуры, ну, скажем, госпиталь, базирующийся в одном и том же месте и располагающий до определенной степени неизменным персоналом в течение от одного до двух лет. В нынешней обстановке половина людей просто не знает, куда везти своих больных и раненых, они не подчиняются рекомендациям врачей, так как просто не знают их достаточно хорошо, чтобы им верить, к тому же у врачей нет времени для санитарного просвещения. А расходы, связанные с доставкой добровольцев в страну и обратно, делают их «бесплатное» обслуживание достаточно дорогим. – Жан-Пьер с таким пылом излагал свои аргументы, что почти уверовал в них сам. Ему пришлось вспомнить о том, что побудило его самого отправиться в Афганистан и что на самом деле заставило его провести там целых два года.

– Кто же собирается оказывать безвозмездные услуги? – раздался чей-то голос у него за спиной.

Он обернулся и увидел другую пару, державшую в руках подносы с пищей, Валери, которая, как и он, работала в больнице и жила при ней, и ее друг, рентгенолог. Они сели рядом с Жан-Пьером и брюнеткой, которая и ответила на вопрос Валери: «Жан-Пьер готов отправиться в Афганистан, чтобы

помочь мятежникам».

– Неужели? – удивилась Валери. – Я слышала, что вам предложили прекрасное место в Хьюстоне.

– Я отказался от этого предложения.

– Почему же? – спросила пораженная Валери.

– Я считаю, что важнее спасти жизни борцов за свободу, а вот некоторым техасским миллионерам до этого совсем нет дела.

Рентгенолог не испытывал такого восхищения от решения Жан-Пьера, как его подруга. Проглотив свою порцию помидоров, он сказал:

– Не стоит переживать. Когда вы вернетесь, без труда получите то же самое предложение. Вы уже будете героем и останетесь врачом.

– Вы так думаете? – холодно спросил Жан-Пьер. Ему не нравился такой поворот в разговоре.

– В прошлом году из этой больницы двое уехали в Афганистан, – продолжал рентгенолог. – По возвращении обоим предложили великолепные места.

В глазах Жан-Пьера пробежал лучик терпимости.

– Приятно сознавать, что если я выживу, трудоустройство мне будет обеспечено.

– Еще бы, – проговорила возмущенная брюнетка. – После таких-то жертв!

– А что думают об этом твои родители? – поинтересовалась Валери.

– Моя мама согласна, – сказал Жан-Пьер. Она, разумеется, одобрила, ведь она любила героя. Жан-Пьер мог представить себе, что сказал бы отец о юных врачах-идеалистах, отправляющихся помогать афганским мятежникам. «Социализм это вовсе не значит, что каждый может делать то, что ему захочется! – сказал бы отец своим жестким и грубоватым голосом с легким румянцем на щеках. – Как думаешь, что представляют собой эти мятежники? Это бандиты, которые устраивают охоту на законопослушных крестьян. До наступления социализма необходимо покончить с феодальными институтами, – он стукнул бы по столу своим огромным кулаком. – Чтобы приготовить суфле, надо разбить яйца – чтобы построить социализм, надо, чтобы полетели головы!». Не беспокойся, папа, все это мне известно.

– Мой отец умер, – сказал Жан-Пьер. – Но он сам был борцом за свободу. Во время войны он сражался в рядах Сопротивления.

– И чем он занимался? – скептически поинтересовался рентгенолог. Но Жан-Пьер не стал отвечать на этот вопрос, ибо увидел, как через всю столовую, изнывая от жары в своем воскресном костюме, к нему направлялся редактор газеты «Ля Револьте» Рауль Клерман. Какого черта этот жирный журналист слоняется по больничной столовой?

– Мне надо с тобой кое о чем поговорить, – с места в карьер выпалил запыхавшийся Рауль.

Жан-Пьер жестом показал на стул.

– Рауль...

– Это очень срочно, – начал Рауль, словно ему было все равно – расслышали сидевшие за столом его имя или нет.

– Ты не хотел бы разделить с нами ленч? Тогда можно было бы спокойно обо всем поговорить.

– Очень жаль, но я не могу.

Жан-Пьер уловил паническую нотку в голосе толстяка. Заглянув в его глаза, он почувствовал мольбу кончать с этим бездарным прожиганием времени. Удивленный Жан-Пьер поднялся со стула.

– О'кей, – бросил Жан-Пьер.

Чтобы сгладить впечатление от внезапности происшедшего, он сказал игриво сидевшим с ним рядом:

– Не дотрагивайтесь до моей еды. Я сейчас вернусь.

Он взял Рауля за руку, и они вместе вышли из столовой.

Жан-Пьер хотел остановиться и поговорить за дверью, но Рауль все шел и шел по коридору.

– Меня послал сюда господин Леблон, – пояснил он.

– Я уже думал, что он стоит за всем этим, – проговорил Жан-Пьер.

Месяц назад Рауль устроил встречу с Леблоном, предложившим ему отправиться в Афганистан, формально по примеру многих молодых врачей для оказания помощи мятежникам, а фактически для шпионажа в пользу русских. Жан-Пьер переполнялся гордостью, вместе с тем на душе его было тревожно и трепетно от представившейся возможности со-

вершить какой-нибудь действительно яркий поступок в интересах дела. Он опасался только одного, что организации, направлявшие врачей в Афганистан, откажут ему из-за его принадлежности к коммунистической партии. Им трудно будет выяснить, является ли он действительно членом партии, а он, разумеется, не скажет им об этом, но им наверняка известно, что он сочувствует коммунистам. Тем не менее, очень многие французские коммунисты выступили против вторжения в Афганистан. Между тем, теоретически существовала вероятность того, что какая-нибудь осторожная организация предложит Жан-Пьеру более надежное сотрудничество с какой-либо иной группировкой борцов за свободу – например, отправляющей людей для оказания помощи мятежникам в Сальвадоре. В итоге ничего не получилось, и Жан-Пьера немедленно привлекла к себе организация «Врачи за свободу». Он сообщил Раулю добрую весть, а тот заметил, что состоится еще одна встреча с Леблонном. Возможно, речь пойдет об этом. Только к чему паника?

– Он хочет видеть тебя сейчас.

– Сейчас? – спросил раздраженно Жан-Пьер. – У меня сейчас дежурство. У меня больные.

– Кто-нибудь наверняка о них позаботится.

– Но к чему такая спешка? В ближайшие два месяца я все равно никуда не поеду.

– Речь идет не об Афганистане.

– Тогда о чем же еще?

– Я не знаю.

– В таком случае почему в твоих глазах столько страха? – поинтересовался Жан-Пьер. – Какие-нибудь предчувствия?

– Мне известно, что арестован Рахми Коскун.

– Турецкий студент?

– Да.

– За что?

– Я не знаю.

– А какое это имеет отношение ко мне? Я с ним почти не знаком.

– Господин Леблон все разъяснит.

Жан-Пьер вскинул руки.

– Я не могу все здесь бросить и уйти.

– Что бы случилось, если бы ты заболел? – спросил Рауль.

– Я бы сказал об этом дежурной сестре, а она вызвала бы замену. Но...

– Ну, так позвони ей.

Они подошли к входу в больницу, где на стене был установлен целый ряд внутренних телефонов.

«Это может быть своего рода тест, – подумал Жан-Пьер, – тест на верность, чтобы проверить, достаточно ли я серьезен, чтобы выполнить это поручение». Он решил испытать гнев больничного начальства и снял телефонную трубку.

– Я вынужден отлучиться из-за непредвиденных семейных обстоятельств, – сказал он в трубку. – Немедленно свяжитесь с доктором Рошем.

– Слушаю, доктор, – спокойно ответила сестра. – Надеюсь, вас миновали печальные известия.

– Расскажу вам об этом позже, – проговорил он торопливо. – До свидания. О, минутку. – У него была одна послеоперационная больная, у которой ночью было обильное кровотечение. – Как чувствует себя мадам Ферье?

– Хорошо. Кровотечение прекратилось.

– Ясно. Наблюдайте за нею!

– Да, доктор.

Жан-Пьер повесил трубку.

– Все в порядке, – сказал он Раулю. – Пошли.

Они направились на автомобильную стоянку и сели в принадлежащий Раулю «Рено-5». От полуденного солнца в машине стало жарко. Рауль быстро ехал по каким-то закоулкам. Жан-Пьер нервничал, потому что точно не знал, кто такой Леблон. Он считал, что Леблон имеет отношение к КГБ. Сам Жан-Пьер размышлял о том, не сделал ли он чего-нибудь плохого для этой организации, внушавшей всеобщий страх. А если он был в чем-то виноват, то каким наказанием это для него обернется.

Ясное дело, что насчет Джейн они ничего разузнать не смогут.

То, что он предложил ей отправиться вместе с ним в Афганистан, касалось только их двоих и больше никого. В партии наверняка найдутся другие, к примеру, какая-нибудь медсестра, которая не откажется помочь Жан-Пьеру на ме-

сте, или врачи, отправляющиеся в разные районы страны. Почему бы Джейн не быть среди них? Правда, Джейн не медсестра, но она могла бы пройти курсы по укороченной программе. Ее преимущество перед другими заключалось в том, что она немного говорит на фарси, варианте персидского языка в том районе, куда собирался ехать Жан-Пьер.

Он надеялся, что Джейн поедет с ним из идеалистических соображений, а также из жажды приключений. Он надеялся, что пока будет в Афганистане, она забудет Эллиса и влюбится в ближайшего рядом с ней европейца, которым, разумеется, окажется Жан-Пьер.

Кроме того, он рассчитывал, что партия никогда не узнает, что он побудил ее поехать из личных соображений. «Незачем им это знать, да и едва ли это можно разузнать», – думал он. А может, он заблуждался или они держали зло на него.

Все это глупости, – размышлял Жан-Пьер про себя. – Я действительно ничего плохого не сделал, но даже если и сделал, никакого наказания за это не будет. Таков настоящий облик КГБ. Это вовсе не мифическая организация, внушающая страх подписчикам журнала «Ридерс дайджест».

Рауль припарковал машину около роскошного многоквартирного дома на Университетской улице. Это было то самое место, где Жан-Пьер встречался с Леблоном в последний раз. Они вышли из машины и вошли в дом.

В холле царил полумрак. Они поднялись по изогнутой

лестнице на первый этаж и позвонили в дверь. «Как много изменилось в моей жизни, – подумал Жан-Пьер, – с того момента, когда я в последний раз стоял в ожидании у этой двери».

Дверь открыл господин Леблон. Это был невысокого роста, худощавый, лысеющий мужчина в очках. В своем темно-сером костюме и серебристом галстуке он выглядел, как дворецкий. Он отвел их в комнату, расположенную в тыльной части здания, где состоялась первая беседа с Жан-Пьером. Высокие окна и утонченный дизайн свидетельствовали о том, что когда-то это была элегантная гостиная. Сейчас на нейлоновом паласе стояли дешевый письменный стол и несколько оранжевых пластмассовых кресел.

– Немного подождите здесь, – сказал Леблон. Его голос был тихий, глухой и сухой, как пыль. Легкий акцент говорил о том, что Леблон не было его настоящим именем. Он вышел через другую дверь.

Жан-Пьер опустился на одно из пластмассовых кресел. Рауль продолжал стоять. В этой комнате, – подумал Жан-Пьер, – тот самый скрипучий голос сказал мне: «Вы с детства были абсолютно лояльным членом партии. Ваш характер и ваше семейное положение позволяют рассчитывать, что вы будете полезны партии и в тайной роли».

«Надеюсь, что ничего не испортил из-за Джейн», – подумалось Жан-Пьеру.

Леблон вернулся в сопровождении какого-то мужчины.

Оба остановились в дверях, и Леблон указал жестом на Жан-Пьера. Второй уперся взглядом в Жан-Пьера, словно желая запечатлеть в памяти его лицо. Жан-Пьер ответил таким же взглядом. Мужчина был очень крупным, с широченными плечами, как у футболиста. Волосы были длинные, но редкие на макушке. Усы смотрели уныло в пол. На нем был вельветовый зеленый пиджак, с разрезом на рукаве. Мгновение спустя он кивнул и вышел из комнаты.

Леблон закрыл за ним дверь и сел за стол.

– Случилась беда, – проговорил он.

«Это не связано с Джейн, – подумал Жан-Пьер. – Слава Богу».

– В кругу наших друзей оказался агент ЦРУ, – произнес Леблон.

– Боже милостивый! – сказал Жан-Пьер.

– Но не в этом беда, – раздраженно добавил Леблон. – Едва ли стоит удивляться тому, что в круг наших друзей просочился американский шпион. Без сомнения, внедрились еще израильские, южно-африканские и французские агенты. Чем бы пришлось заниматься этим людям, если бы они не проникли в группировки юных политических активистов? У нас, разумеется, тоже есть свой агент.

– Кто это?

– Вы.

– Ого! – Жан-Пьер оторопел, откровенно говоря, он никогда не воспринимал себя как шпиона. Но что еще означа-

ла фраза: быть полезным партии в тайной роли? – И кто же этот агент ЦРУ? – спросил он, испытывая нарастающее любопытство.

– Некто по имени Эллис Тейлер.

Эти слова настолько потрясли Жан-Пьера, что он вскочил с кресла.

– Эллис?

– Вы с ним знакомы? Это хорошо.

– Эллис – агент ЦРУ?

– Сядьте, – решительно проговорил Леблон. – Нас занимает не то, кто он такой, а что он предпринял.

Жан-Пьер задумался, если Джейн все узнает, она отбросит Эллиса от себя, как горячую картофелину. Заставят ли меня все ей рассказать? Если нет, дойдет ли она до истины самостоятельно? Поверит ли в это? Станет ли Эллис это отрицать?

Леблон продолжал говорить. Жан-Пьер заставлял себя сосредоточиться на сказанном.

– Беда в том, что Эллис устроил засаду, в которую попался достаточно важный для нас человек.

Жан-Пьер вспомнил слова Рауля о том, что Рахми арестован.

– Рахми важен для нас?

– Да не Рахми.

– А кто?

– Зачем вам это знать?

– Тогда зачем вы привезли меня сюда?

– Молчите и слушайте, – резко оборвал его Леблон. Жан-Пьер впервые испытал страх перед собеседником. – Я, разумеется, никогда прежде не встречался с вашим другом Эллисом. К сожалению, Рауль тоже не знаком с ним. Поэтому ни один из нас не знает, как он выглядит. Только вам это известно. Вот почему вас привезли сюда. Кроме того, вы, наверное, знаете, где живет Эллис?

– Да. Он занимает комнату над рестораном на улице Древней комедии.

– Его комната выходит на улицу?

Жан-Пьер нахмурился. Там он был однажды, Эллис не любил приглашать людей домой.

– Думаю, что да.

– Вы в этом не уверены?

– Дайте мне подумать. – Он был там как-то поздно вечером с Джейн и компанией других людей, возвращаясь из кинотеатра в Сорбонне. Эллис угостил их кофе. Это была небольшая комната. Джейн сидела прямо на полу у окна. – Да. Окно с видом на улицу. Почему это так важно?

– Это значит, что вы сможете дать сигнал.

– Я? Зачем? Кому?

Леблон измерил его угрожающим взглядом.

– Прошу прощения, – проговорил Жан-Пьер.

Леблон сделал паузу. Когда он снова заговорил, его голос зазвучал чуточку мягче, хотя интонация оставалась такой же

невыразительной.

– Вы проходите крещение огнем. Я сожалею, что вынужден привлекать вас к... подобной операции... при том, что вы еще ничего не сделали для нас. Но вы знакомы с Эллисом, и вы здесь, а в данный момент у нас нет больше никого, кто бы знал его. То, что мы намерены осуществить, утратит свой смысл, если это не произойдет немедленно. Поэтому слушайте внимательно, ибо это важно. Вам придется зайти в его комнату. Если он там, вы войдете под каким-нибудь предлогом. Решайте сами, под каким. Подойдя к подоконнику, вам надо будет высунуться из окна – знак того, что Эллис в комнате. Поэтому, что бы вы ни сделали, не приближайтесь к окну, если его там нет. Вам все понятно?

– Мне понятно, что вы от меня хотите, – проговорил Жан-Пьер. – Мне неясно только, для чего все это?

– Чтобы удостовериться в личности Эллиса.

– А когда я удостоверю, что это он?

Леблон дал Жан-Пьеру такой ответ, на который он даже не смел надеяться и который потряс его до глубины души: «Ясное дело, мы собираемся его убить».

Глава 3

Джейн расстелила белую скатерть в пятнах на крохотном столике Эллиса, выложив два набора старых ножей. Она нашла бутылку Флёри в шкафу под раковиной и открыла ее. Ей страшно хотелось попробовать, но потом она решила дождаться Эллиса. Джейн поставила бокалы, соль и перец, горчицу и бумажные салфетки. Она уже хотела начать готовить ужин, но потом решила, пусть этим займется сам Эллис.

Ей не нравилась комната Эллиса. Она казалась голой, тесной и безликой. Джейн просто оторопела, когда впервые оказалась здесь. Она назначала свидания этому сердечному, мягкому зрелому мужчине и надеялась, что его жильё отражает его натуру, что его привлекательная удобная квартира содержит черты насыщенного опытом прошлого. Однако, глядя на его кров, никак не скажешь, что здесь живет человек, который был ранее женат, участвовал в войне, принимал ЛСД, возглавлял в своей школе футбольную команду. Холодные белые стены были украшены торопливо подобранными плакатами. Фарфор попал сюда из мелочных лавок, а кастрюли для варки пищи представляли собой дешевую оловянную утварь. На бумажных обложках стихотворных сборников, стоявших на книжной полке, отсутствовали названия. Свои джинсы и свитера он хранил в небольшом пластмассовом чемодане под скрипучей кроватью. Ку-

да подевались его старые школьные сочинения, фотографии племянников и племянниц, драгоценная копия «Гостиницы разочарования», его перочинный ножик в память о посещении Булони или Ниагарского водопада, салатница, которую каждый раньше или позже получает в подарок от своих родителей? В комнате не было ничего действительно важного, ни одной вещи, которые хранят не во имя их функционального назначения, а в память того, что они символизируют, будучи частичкой души их владельца.

Это была комната замкнутого и скрытного человека, который ни за что не поделится с кем-либо своими сокровенными мыслями. Постепенно, с ощущением жуткой печали, Джейн пришла к осознанию того, что по характеру Эллис напоминает свою комнату, холодную и замкнутую.

Просто невероятно. Какой Эллис был самонадеянный. Он ходил с высоко поднятой головой, словно никогда в своей жизни никого не боялся. В постели он чувствовал себя полностью раскрепощенным, абсолютно свободным в проявлении своей сексуальности. Он мог все, что угодно, делать, не испытывая при этом беспокойства, колебания или стыда. Джейн никогда не приходилось прежде общаться с таким человеком. Однако весьма часто – в постели, в ресторане или просто во время прогулки по улице – когда Джейн смеялась вместе с ним или слушала его рассказ, или разглядывала морщинки вокруг глаз, или в минуты его серьезных размышлений, или когда прикасалась к его теплему телу, –

она ощущала, что он вдруг как бы отключался. В такие минуты «отключки» он больше не любил ее и не развлекал, переставал быть к ней внимательным и предупредительным, забывал о джентльменстве и сострадании. В такие мгновения Джейн ощущала себя брошенной и откровенно чужой, вторгающейся в его тайный мир. Ей казалось, будто солнце скрывается за облако.

Джейн понимала, что ей неизбежно придется с ним расстаться. Она любила его до безумия, но он, судя по всему, не мог ответить ей тем же. Эллису было тридцать три года, и если он до сих пор не постиг искусства сердечности, ему уже не постичь этого никогда.

Сидя на диване, Джейн стала читать «Обсервер», который купила в международном киоске на бульваре Распай по пути сюда. На первой полосе была напечатана статья о событиях в Афганистане, изложение которых убеждало ее в том, что именно туда надо ехать, чтобы забыть Эллиса. Эта идея сразу завладела ею. Хотя Джейн любила Париж, и ее работа по крайней мере не была однообразной, ей требовалось нечто большее: опыт, приключения и возможность ощутить себя причастной к борьбе за свободу. Ей неведомо было чувство страха. Жан-Пьер сказал, что врачей слишком высоко ценят, чтобы посылать в зону военных действий. Но всегда была опасность, что тебя настигнет шальная пуля или убьют в перестрелке. И все же, наверное, риск смерти был не больше, чем в Париже, где можно было запросто попасть под маши-

ну. В Джейн все больше пробуждался интерес к образу жизни афганских мятежников.

– Чем они там питаются? – спросила она однажды Жан-Пьера. – Во что они одеваются? Они живут в палатках? У них есть туалеты?

– Туалетов у них нет, – ответил он. – Нет электричества. Нет дорог. Нет вина. Нет автомобилей. Нет центрального отопления. Нет дантистов. Нет почтальонов. Нет телефона. Нет ресторанов. Нет объявлений. Нет Кока-колы. Нет прогнозов погоды. Нет бюллетеней фондовой биржи. Нет архитекторов-декораторов. Нет моды. Нет званых обедов. Нет стоянок такси. Нет очередей в автобус...

– Стоп! – проговорила Джейн, прерывая его, он мог продолжать эти разговоры часами. – У них должны быть и автобусы, и такси.

– Да. Но не в сельской местности. Я собираюсь поехать в район, который называется Долина Пяти Львов – оплот мятежников в предгорье Гималаев. Там был первобытный строй еще до того, как русские подвергли их бомбежке.

Джейн несколько не сомневалась, что будет там счастлива без водопровода, губной помады и прогнозов погоды. У нее было предчувствие, что он недооценивает опасность даже вне зоны военных действий. Так или иначе, он не удерживал ее. У ее матери наверняка случилась бы истерика. А ее отец, если бы он был жив, сказал бы: «Желаю удачи, Джейн!» Жан-Пьер понимал важность совершения чего-то полезного

в жизни. Хотя он считался хорошим врачом, ему так и не удалось скопить денег, ибо где бы он ни жил – в Нассау, Каире, Сингапуре и главным образом в Родезии – он всегда лечил бедных бесплатно, из-за чего те приходили к нему толпами. А состоятельным клиентам Жан-Пьер неизменно отказывал.

В ее мысли ворвался шум шагов по лестнице. Джейн вспомнила, что успела прочесть лишь несколько газетных строчек. Она подняла голову и прислушалась. Шаги Эллиса звучали по-другому. Тем не менее, раздался легкий стук в дверь.

Джейн отложила газету и открыла дверь. Перед нею стоял Жан-Пьер. Он был так же поражен, как и она. Какое-то время они молча пристально смотрели друг на друга.

– У тебя такой вид, будто ты в чем-то виноват. А у меня?

– Да, – сказал он и ухмыльнулся.

– Я как раз думала о тебе. Входи.

Он переступил порог и огляделся.

– Эллиса дома нет?

– Он скоро будет. Садись.

Жан-Пьер опустил свое длинное тело на диван. Уже не в первый раз Джейн ловила себя на мысли о том, что он был, наверное, самым привлекательным мужчиной, который встретился ей в жизни. Его лицо было красивой правильной формы, с высоким лбом, крепким, ярко выраженным аристократическим носом, светлыми, подернутыми влагой, ка-

рими глазами, с чувственным ртом, который частично растворялся в окладистой темно-коричневой бороде с редкими рыжеватыми проблесками в усах. Он предпочитал дешевые, но тщательно подобранные вещи, причем носил их с небрежной элегантностью, вызывавшей зависть даже у Джейн.

Она испытывала к нему большую симпатию. Его огромная ошибка заключалась в том, что он был о себе слишком уж высокого мнения. Но при этом он был обезоруживающе наивным, как хвастливый ребенок. Ей нравился его идеализм и его преданность медицине. Жан-Пьер обладал колоссальным шармом. Кроме того, он отличался маниакальным воображением, которое иногда принимало весьма забавные формы, под влиянием некоторой абсурдности, а порой и соскользнувшего с языка словечка он мог разразиться причудливым монологом, продолжавшемся десять – пятнадцать минут. Когда кто-то напомнил ему замечание Жан-Поля Сартра о футболе, Жан-Пьер дал стихийный комментарий футбольному матчу словно устами философа-экзистенциалиста. Джейн хохотала до слез. Говорили, что его веселость иногда оборачивается своей противоположностью – наступлением мрачной депрессии. Однако Джейн никогда не была свидетельницей подобного превращения.

– Выпей вина, у Эллиса тут есть кое-что, – сказала Джейн.

– Нет, спасибо.

– Ты уже репетируешь, готовишься к жизни в мусульманской стране?

– Не очень.

В его взгляде засветилась какая-то торжественность.

– В чем дело? – спросила она.

– Мне нужно серьезно поговорить с тобой, – проговорил он.

– Ты разве не помнишь, мы уже беседовали три дня тому назад? – резко бросила Джейн. – Ты предложил мне бросить моего возлюбленного и отправиться с тобой в Афганистан. Немногие девушки устояли бы перед таким искушением.

– Прошу тебя, будь серьезней.

– Ладно. Я для себя еще не решила.

– Джейн! Я сделал страшное открытие в отношении Эллиса.

Она измерила его пристальным взглядом. Что там еще за сюрприз? Придумает какую-нибудь историю, нафантазирует, чтобы убедить ее отправиться вместе с ним? Скорее всего, ни то, ни другое.

– Ну так что же?

– Он не тот, за кого себя выдает, – проговорил Жан-Пьер, весь облик которого окрасился драматизмом. – Эллис вовсе не нищий поэт. Он работает на американское правительство.

Джейн нахмурилась.

– На американское правительство? – Прежде всего Джейн подумала, что у Жан-Пьера все смешалось в голове. – Он дает уроки английского языка французам, работающим на американское правительство.

– Я имею в виду другое. Он шпионит за группировками радикалов. Он – агент. Работает на ЦРУ.

Джейн рассмеялась.

– Ну, это уж полный абсурд! Не считаешь ли ты, что, рассказывая все это, тебе удастся заставить меня бросить его?

– Это правда, Джейн.

– Это не правда. Эллис не мог быть шпионом. Уж я-то, наверное, знала бы. Я ведь прожила с ним фактически целый год.

– Однако этого не было, не так ли?

– Какое это имеет значение? Я его знаю. – Даже говоря, Джейн не переставала думать, это многое могло объяснить. Она действительно не знала Эллиса. Но она достаточно хорошо знала его, чтобы быть уверенной в том, что он не подлый, не низкий, не коварный и не гнусный злодей.

– Об этом уже известно в городе, – сказал Жан-Пьер. – Сегодня утром арестован Рахми Коскун, и все говорят, что виноват в этом Эллис.

– Почему был арестован Рахми?

Жан-Пьер повел плечами.

– Сомнения нет. Подрывные действия. Так или иначе, Рауль Клермон носится по городу в поисках Эллиса, а кто-то требует мщения.

– О, Жан-Пьер, это смешно, – проговорила Джейн. Вдруг ей стало очень жарко. Она подошла к окну и распахнула его. Пока Джейн разглядывала улицу через окно, перед нею, в

дверях подъезда, появилась белокурая голова Эллиса. – Ну вот, – сказала она Жан-Пьеру, – сейчас он будет здесь. Теперь в его присутствии ты сможешь повторить свою смешную историю. – До ее слуха с лестницы донеслись шаги Эллиса.

– Да, конечно, – ответил Жан-Пьер. – Для чего, ты думаешь, я здесь? Я пришел предупредить, что его ищут.

Джейн стало ясно, что Жан-Пьер действительно искренен, он на самом деле верил в то, о чем рассказывал. Ну что ж, Эллис быстро снимет все сомнения.

Открылась дверь, и вошел Эллис.

Он выглядел счастливым, словно душа его сияла от добрых вестей. Когда она увидела его круглое улыбающееся лицо со сломанным носом и пронизательными голубыми глазами, ее сердце учащенно забилось, Джейн чувствовала себя виноватой, ибо могло возникнуть впечатление, что она флиртовала с Жан-Пьером.

Остановившись в дверях, Эллис с удивлением воспринял присутствие Жан-Пьера. Его улыбка чуточку поблекла.

– Хелло, оба, – проговорил он.

По привычке Эллис закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. Джейн всегда считала это эксцентризмом, но сейчас ей показалось, что так поступил бы именно шпион. Она отогнала от себя эту мысль. Первым заговорил Жан-Пьер.

– Они тебя раскусили, Эллис. Они все знают. Они идут по твоему следу.

Джейн переводила взгляд с Эллиса на Жан-Пьера, который превосходил Эллиса ростом, у Эллиса же были широкие плечи и впалая грудь. Они стояли, глядя друг на друга, как две кошки, оценивающие взаимные намерения.

Джейн положила руки на плечи Эллису, виновато поцеловала его и сказала:

– Жан-Пьеру наговорили глупостей о том, что ты шпионишь на ЦРУ.

Высунувшись из окна, Жан-Пьер стал разглядывать улицу. Потом Жан-Пьер повернулся к нему лицом:

– Ну так скажи ей, Эллис.

– Откуда ты это взял? – спросил Эллис Жан-Пьера.

– Об этом весь город говорит.

– От кого именно ты это слышал? – спросил Эллис суровым голосом.

– От Рауля Клермона.

Эллис кивнул. Перейдя на английский, он сказал:

– Джейн, сядь, пожалуйста.

– Я не хочу садиться, – бросила она с раздражением в голосе.

– Мне надо тебе кое-что сообщить, – сказал Эллис.

Этого не может быть, не может. Джейн почувствовала, что паническое состояние сжало ее горло.

– Тогда скажи мне, – воскликнула она, – и перестань просить меня сесть!

Эллис измерил Жан-Пьера взглядом.

– Может, ты оставишь нас вдвоем? – проговорил он по-французски.

В душе Джейн стал закипать гнев.

– Что ты собираешься мне рассказать? Почему бы тебе просто не сказать, что Жан-Пьер не прав? Так скажи мне, Эллис, что ты не шпион до того, как я сойду с ума!

– Все это не так просто, – ответил Эллис.

– Это просто! – Джейн не могла больше сдерживать истерику, вырывавшуюся из ее голосовых связок. – Он утверждает, что ты шпион, что ты работаешь на американское правительство и что ты лгал мне постоянно, бессовестно и подло с того самого момента, когда познакомился со мной. Это правда? Это правда или нет? Ну?

Эллис тяжело вздохнул.

– Думаю, что да.

Джейн почувствовала, что она вот-вот взорвется.

– Ты мерзавец! – пронзительно вскрикнула она. – Гнусный мерзавец!

Лицо Эллиса окаменело.

– Я как раз собирался обо всем рассказать тебе сегодня, – проговорил он.

Тут раздался стук в дверь. Оба никак не отреагировали на это.

– Ты шпионил за мной и за всеми моими друзьями! – крикнула Джейн пронзительным голосом. – Мне так стыдно!

– Моя работа здесь завершена, – ответил Эллис. – Мне

больше не придется тебе лгать.

– У тебя не будет возможности. Я не захочу больше видеть тебя.

Стук в дверь повторился, и Жан-Пьер сказал по-французски:

– За дверью кто-то стоит.

– Ты ведь не думаешь, что не хочешь больше видеть меня, – проговорил Эллис.

– Ты просто не понимаешь, как ты со мной обошелся, так ведь? – сказала она.

– Открой ты эту чертову дверь, Бога ради! – воскликнул Жан-Пьер.

– Боже милостивый! – шептала Джейн, приближаясь к двери. Она повернула ключ в замочной скважине и открыла дверь. Там стоял огромный широкоплечий мужчина в зеленом вельветовом пиджаке с разрезом на рукаве. Джейн никогда не видала его прежде.

– Что вам нужно, черт побери? – проговорила она, после чего увидела у него в руках пистолет.

Последующие несколько секунд тянулись, видимо, очень медленно. Джейн мгновенно сообразила, если Жан-Пьер прав, утверждая, что Эллис – шпион, он, наверное, прав и насчет того, что кто-то будет мстить, и что в мире, и котором тайно обитал Эллис, «мщение» действительно могло означать стук в дверь и появление человека с пистолетом в руках.

Она уже раскрыла рот, чтобы закричать.

Мужчина на мгновение заколебался. Он, видимо, никак не ожидал столкнуться с женщиной. Он переводил взгляд с Джейн на Жан-Пьера. Но его смутило то, что не видно было Эллиса, который находился за полуоткрытой дверью.

Вместо того, чтобы закричать, Джейн попробовала захлопнуть дверь. Когда Джейн толкнула дверь в сторону вооруженного бандита, тот понял, что она хочет, и просунул ногу, не давая ей захлопнуться. Дверь стукнулась о его ботинок и отскочила назад. Но, делая шаг вперед, бандит для равновесия развел руки и теперь его револьвер был направлен в угол потолка.

«Он собирается убить Эллиса, – подумала Джейн. – Он собирается убить его».

Она бросилась на бандита, пытаясь ударить его в лицо своими кулачками. Хотя она ненавидела Эллиса, ей вдруг не захотелось его смерти.

Замешательство бандита длилось доли секунды. Одной своей сильной рукой он отшвырнул Джейн в сторону. Она упала на пол, оказавшись в сидячем положении и отделавшись при этом ушибом спины. Все происшедшее потом развивалось с ужасающей однозначностью.

Рука, которая отшвырнула ее в сторону, теперь уже широко распахнула дверь. Пока бандит размахивал револьвером в другой руке, Эллис приблизился к нему с бутылкой вина и занес ее над его головой. Когда бутылка опустилась на голову бандита, раздался выстрел, совпавший со звоном раз-

битого стекла.

Джейн в страхе уставилась на обоих.

Потом бандит с револьвером рухнул на пол, а Эллис продолжал стоять, как ни в чем не бывало. Джейн стало ясно, что бандит промахнулся.

Эллис нагнулся и забрал револьвер из рук бандита.

Джейн не без труда встала на ноги.

– Все в порядке? – спросил ее Эллис.

– Жива, – ответила она.

Он повернулся к Жан-Пьеру.

– Сколько их там на улице?

– Нет никого, – сказал Жан-Пьер, высунувшись из окна.

Эллис удивился.

– Наверное, спрятались. – Он сунул револьвер в карман и подошел к книжному шкафу. – Отойди, – сказал он и швырнул револьвер на пол.

Сзади была дверь.

Эллис открыл ее. Он внимательно посмотрел на Джейн, словно собрался ей что-то сказать, но не мог подобрать нужных слов. Потом он шагнул через порог и ушел.

Мгновение спустя Джейн медленно приблизилась к потайной двери и выглянула. Там была еще одна студийная квартира, почти пустая и жутко пыльная, словно никто не появлялся в ней в течение целого года. Джейн увидела открытую дверь, а за ней лестницу.

Она вернулась в комнату Эллиса. Бандит бездыханный ле-

жал на полу в луже вина. Он пытался убить Эллиса, прямо здесь, в этой комнате, все уже казалось нереальным. Да и вообще все представлялось ей нереальным, что Эллис шпион, что Жан-Пьеру об этом известно, что Рахми арестован, да еще этот тайный путь для бегства Эллиса.

Он ушел.

– Я никогда больше не хочу тебя видеть, – сказала она ему всего несколько секунд назад. Казалось, что ее желание сбудется.

С лестницы до нее донесся стук шагов.

Джейн отвела взгляд от бандита и посмотрела на Жан-Пьера. Казалось, что и его все происшедшее потрясло. Мгновение спустя он сделал несколько шагов по комнате и обнял ее. Джейн прижалась к его плечу и разрыдалась.

Часть вторая

1982 год

Глава 4

Река сбегала от границы льда, холодная, чистая и всегда бурная. Она наполняла долину шумом, потому что неслась по оврагам, мимо полей пшеницы, в неудержимом стремлении к далеким низинам. Почти уже год этот звук стоял у Джейн в ушах, иногда оглушительно громко, когда она шла купаться или когда по извилистым скальным тропам пробиралась между горными селеньями, а иногда приглушенно, мягко, как сейчас, когда со склона горы река Пяти Львов казалась ей всего лишь отдаленно мерцающим глухим потоком. Когда Джейн уходила из долины, царившая вокруг тишина раздражала ее, как горожан, отправляющихся на отдых за город, которые не могут заснуть из-за окружающей тишины. Прислушавшись, она уловила какие-то новые звуки и поняла, они напоминают то, что она уже не раз слышала раньше. В симфонию звуков речного потока вплетался бариональный шум винтового самолета.

Джейн открыла глаза. Это был напоминавший хищника тихоходный разведывательный самолет конструкции Анто-

нова, ровное гудение которого было, как правило, предвестником появления более шумного и быстрого бомбардировщика. Джейн поднялась и с тревогой посмотрела в долину. Она устроилась в своем тайном укрытии, представлявшем собой широкий плоский выступ скалы. Сверху нависавшая скала загораживала Джейн от чужих глаз, но не препятствовала проникновению солнечных лучей. Сюда рискнул бы забраться разве что опытный альпинист. Снизу доступ к ее укрытию был крутым и каменистым, лишенным всякой растительности, никто не смог бы подползти к ней незаметно и бесшумно. Впрочем, приближаться к ней не было особой необходимости. Это местечко Джейн облюбовала после того, как однажды сбилась с пути и заблудилась. Ей важно было иметь возможность уединиться, потому что здесь она могла сбросить с себя одежду и лежать на солнце. Дело в том, что афганцы были целомудренны, как монахи, если бы ее увидели обнаженной, ее наверняка бы линчевали.

Справа от нее пыльный склон резко обрывался вниз. У подножия горы, отлого сбегавшей к реке, расположилось селение Бэнда – пятьдесят или шестьдесят домов, прилепившихся к клочку неровной каменистой земли, которая не поддавалась обработке. Дома были из серого камня и глиняного кирпича, с плоской крышей из прессованной земли, уложенной на маты. Рядом с крохотной мечетью бросалась в глаза группа разрушенных домов – это пару месяцев назад русский бомбардировщик нанес прямой удар. Селение бы-

ло видно, как на ладони, хотя, чтобы добраться до него отсюда, требовалось минут двадцать. Джейн обвела взглядом крыши, окруженные стенами внутренние двory и глиняные пешеходные дорожки, ожидая увидеть бездомных детей, но к счастью, их не оказалось. Под жарким голубым небом Бэнда выглядела покинутой.

Слева от нее долина раздавалась вширь. Маленькие каменистые площадки были испещрены воронками от бомб. На более низких склонах горы рухнули стены древних террас. Пospела пшеница, только не видно было жнецов.

В стороне от полей, у подножия скалы, образующей дальнюю границу долины, протекала река Пяти Львов, глубокая в одних местах, мелкая в других, то широкая, то узкая, но всегда бурная и каменистая. Внимательный взгляд Джейн скользил по реке. Не было видно ни купающихся женщин, ни женщин, стирающих белье, ни играющих на мелководье детей, ни мужчин, которые переходили бы брод с лошадьми и ослами.

Джейн подумывала о том, чтобы одеться и покинуть свое укрытие, чтобы забраться еще дальше в горы, спрятавшись в пещере. Именно там находились жители деревни, мужчины спали после ночной работы на полях, женщины готовили пищу, стараясь не отпускать от себя детей, коровы были в загонах, козы паслись на привязи, собаки дрались из-за каких-то объедков. Видимо, Джейн чувствовала себя здесь в полной безопасности, потому что русские бомбили селения,

а не голые склоны горы. Однако сюда в любой момент могла залететь шальная бомба, так что пещера защищала ее от всего, но только не от прямого попадания.

Она еще не решила, как ей поступить, когда до ее уха донесся рев реактивных самолетов. Прищурившись, она подняла глаза, чтобы разглядеть их. Сопровождавший их появление рев заполнил долину, пролетая над Джейн, самолеты разметали по сторонам бурно текущий поток. Устремляясь в северо-восточном направлении на большой высоте, они уже начали снижаться. Один, два, три, четыре серебристых убийцы – вершина человеческого технического гения, направленного на то, чтобы искалечить неграмотных крестьян, разрушить сложенные из глиняного кирпича дома, после чего со скоростью семисот миль в час вернуться на базу.

Через минуту их уже не было видно. Сегодня они пощадили Бэнду. Джейн медленно приходила в себя. Реактивные самолеты внушали ей ужас. Прошлым летом Бэнда полностью избежала бомбардировок, а зимой вся долина получила передышку. Но этой весной все возобновилось с новой силой. Селение несколько раз бомбили, однажды досталось его центральной части. С того раза Джейн возненавидела реактивные самолеты.

Жители селения отличались удивительным мужеством. Каждая семья устроила себе второе жилье в пещерах. Каждое утро они карабкались по склону горы, чтобы провести там весь день, возвращаясь в сумерки, так как по ночам бом-

бардировок не было.

Поскольку работать в поле днем было небезопасно, мужчины работали ночью, главным образом пожилые, потому что молодые по большей части отсутствовали, занятые тем, что сбивали русских в южной части долины или чуть в стороне. Этим летом бомбардировки были более ожесточенными, чем когда-либо за все годы повстанческих действий. Так рассказывали Жан-Пьеру партизаны. Если в других частях страны афганцы были такими же, как в этой долине, то они вполне могут ко всему приспособиться и выжить. Жители спасали свои скромные ценности из-под развалин после бомбардировок, без устали пересаживали истерзанный бомбами огород, выхаживали раненых, хоронили убитых и отправляли своих подростков в распоряжение командиров партизанских отрядов. Джейн считала, что русским никогда не удастся одолеть этих людей, даже ценой превращения всей страны в радиоактивную пустыню.

Другой вопрос – смогут ли мятежники когда-нибудь одолеть русских. Афганцам было не занимать смелости и неудержимости. Они держали под своим контролем сельские районы, однако соперничающие племена почти так же ненавидели друг друга, как и оккупантов, а их ружья были бессильны против реактивных бомбардировщиков и вооруженных вертолетов.

Джейн отгоняла от себя мысли о войне. Стоял зной, наступало время сна, когда она любила быть одна и отдыхать.

Запустив руку в бурдюк с очищенным маслом, Джейн стала втирать его в натянутую кожу своего огромного живота. Она удивлялась, как можно было допустить такую глупость и забеременеть не где-нибудь, а в Афганистане.

Она приехала сюда с двухгодичным запасом противозачаточных средств, со спиралью и целой коробкой сперматоидального желе. И тем не менее, всего через несколько недель, после месячных она забыла о своих таблетках да и о спирали.

– Как ты могла так ошибиться? – воскликнул Жан-Пьер, однако ответа не последовало.

Но сейчас, лежа под солнцем, радостная от сознания беременности и ощущения набухшей груди и постоянных болей в пояснице, Джейн убеждалась, что это была преднамеренная ошибка, своего рода профессиональный промах, бессознательно совершенный ее разумом. Джейн хотела ребенка, а Жан-Пьер, она это точно знала, не хотел. Поэтому зачатие произошло случайно.

«Почему мне так хотелось ребенка?» – спрашивала она себя, и ответ пришел ниоткуда: «Потому что я чувствовала себя одинокой».

– Это правда? – проговорила она вслух. В этом сквозила ирония. Она никогда не чувствовала одиночества в Париже, живя в свое удовольствие, покупая все необходимое для себя одной и разговаривая сама с собой перед зеркалом. Но после замужества, когда Джейн проводила с Жан-Пьером каждый вечер и каждую ночь, работая с ним рядом ежедневно боль-

шую часть дня, она ощутила свою обособленность, одиночество и страх.

Они поженились в Париже перед самым приездом сюда. Впрочем, это казалось им естественным приключением, новый вызов, новый риск, новые переживания. Все говорили, какие они счастливые, смелые и влюбленные. Все так и было на самом деле.

Джейн без сомнения ожидала от брака очень многого. Она надеялась, что ее любовь и близость с Жан-Пьером будут все больше возрастать. Она думала, что узнает о его страсти в юности, чего он действительно боялся, хотела услышать от него, действительно ли мужчины, помочившись, стряхивают несколько капель, в свою очередь она рассказала бы ему, что ее отец был алкоголиком и что ей пригрезилось, будто ее изнасиловал темнокожий и что от волнения она иногда сосала свой большой палец руки. Но Жан-Пьер, видимо, считал, что после свадьбы их отношения должны оставаться точно такими же, как и прежде. Жан-Пьер вежливо относился к ней, заставлял ее смеяться в своих маниакальных состояниях, беспомощно погружался в ее объятия, когда пребывал в унынии, затевал дискуссии о политике и о войне, умело раз в неделю занимался с ней любовью, пуская в ход свое молодое тело и свои крепкие чувствительные руки хирурга. Короче говоря, в любом отношении вел себя не столько как муж, сколько как возлюбленный. Она до сих пор ощущала себя неспособной беседовать с ним о глупых неловких вопросах,

например, не выглядит ли ее нос в шляпке еще длиннее и как она все еще злится при воспоминании о том, как ее хорошенько отшлепали за облитый чернилами ковер в гостиной, в чем была виновата не она, а ее сестра Паулина. Ей хотелось задать кому-нибудь вопрос – все складывается, как оно и должно быть, или все со временем устроится? – но ее друзья и семья были так далеко отсюда, а афганские женщины восприняли ее ожидания как нечто чудовищное. Она устояла перед искушением открыть Жан-Пьеру свое разочарование, частично из-за расплывчатости своих жалоб и частично потому, что боялась его реакции.

Оглядываясь в прошлое, она понимала, что мысль о ребенке появилась у нее еще раньше при общении с Эллисом Тейлером. В тот год Джейн отправилась на самолете из Парижа в Лондон, чтобы участвовать в крещении третьего ребенка своей сестры Паулины, чего она обычно никогда бы себе не позволила, ибо не любила официальных семейных торжеств. Джейн даже стала нянчить младенца одной пары в доме, где жила, – он был истеричный торговец антиквариатом, она – аристократка. Причем больше всего Джейн нравилось, когда ребенок плакал, а она брала его на руки и старалась успокоить.

Потом уже здесь, в долине, где ее долг заключался в том, чтобы побудить женщин регулировать появление своих младенцев ради того, чтобы иметь более здоровых детей, она обнаружила, что разделяет радость, с которой каждая новая бе-

ременность воспринимается даже в самых бедных и перенасыщенных детьми семьях. Таким образом одиночество и материнский инстинкт бросали вызов здравому смыслу.

Был ли это такой период времени – или всего лишь скоротечный миг – когда она поняла, что ее подсознание пыталось внушить ей необходимость беременности? Задумывалась ли она о беременности в тот момент, когда Жан-Пьер погружался в нее, плавно и приятно, как корабль заходит в док, в то время как она охватывала своими руками его тело. Или в минуту колебания, непосредственно перед его апогеем, когда, крепко закрыв глаза, он, казалось, отделялся от нее, погружаясь в собственную плоть. Словно космический корабль, падающий в самый центр солнца. Или потом, блаженно засыпая с его горячим семенем в собственной плоти?

– «Я осознала это?» – проговорила Джейн вслух, но мысли о занятии любовью возбуждали ее, и она принялась чувственно ласкать себя скользкими от масла ладонями, забывая произнесенный вопрос и наполняя свое сознание смутными вихревыми картинками страсти.

Вой реактивных самолетов заставил ее вернуться в мир реальности. В испуге Джейн пристально наблюдала за тем, как еще четыре бомбардировщика стремительно пронеслись над долиной и скрылись за горизонтом. Когда шум утих, Джейн снова стала гладить себя, но настроение ее было уже испорчено. Она тихо лежала на солнце и размышляла о своем ребенке.

Жан-Пьер отреагировал на ее беременность, как на что-то преднамеренное. В гневе он был готов сам сделать ей аборт немедленно. Это его желание показалось Джейн настолько зловещим, что он стал для нее чужим. Но самым тягостным было сознание того, что она отвергнута. Мысль о том, что ее мужу не нужен ее ребенок, наполнило Джейн глубочайшей грустью. Он еще более усугубил положение тем, что отказывался притронуться к ней. Еще ни разу в жизни она не чувствовала себя такой несчастной. Впервые ей стало понятно, почему люди порой стремятся убивать друг друга. Уклонение от физического контакта было для Джейн самой страшной пыткой – она искренне желала, чтобы Жан-Пьер избил ее – так пронзительно ощущала Джейн потребность в его прикосновении. Вспоминая эти дни, она продолжала злиться на него, хотя понимала, что причиной этого была она сама.

Потом в одно прекрасное утро Жан-Пьер обнял ее и извинился за свое поведение, и хотя часть ее натуры, казалось, кричала: «Одного извинения недостаточно, ты, ублюдок!», другая жаждала его любви. И она мгновенно все ему простила. Он объяснил, что уже сейчас боится ее потерять, а если она станет матерью его сына, чувство в нем еще более усилится, ибо тогда он потеряет их обоих. Это признание расстрогало ее до слез, и она поняла, что беременность еще теснее привязала ее к Жан-Пьеру. В общем, несмотря ни на что, она решила сделать все для укрепления их брака.

После этого разговора в его отношении к ней появилось

больше теплоты. Он стал проявлять интерес к подрастающему в чреве ребенку, беспокоясь о ее здоровье и безопасности, как положено будущим отцам. «Если их брак, – размышляла Джейн, – никогда не станет идеальным, то пусть хотя бы будет счастливым». В мечтах ей рисовалось благополучное будущее: Жан-Пьер в качестве министра здравоохранения в составе французского правительства социалистов, а сама она – депутат Европарламента с тремя прекрасными детьми – один ребенок в Сорбонне, другой в лондонской школе экономики и третий в Нью-йоркской высшей школе изобразительных искусств.

В ее фантазиях самым старшим и самым талантливым ребенком была девочка. Джейн дотронулась до своего живота, нежно надавила на него кончиками пальцев, словно прощупывая конфигурацию тела ребенка. Старая деревенская повитуха Рабия утверждала, что родится девочка, потому что она давала о себе знать с левой стороны, в то время как мальчики располагаются на правом боку. Соответственно Рабия рекомендовала ей овощную диету. Если бы ожидалось рождение мальчика, она посоветовала бы диету с преобладанием мясного. В Афганистане лучшая пища доставалась мужскому полу еще в чреве матери.

Мысли Джейн прервал оглушительный грохот. На мгновение Джейн оторопела, решив, что это опять реактивные самолеты, пронесшиеся над нею несколько минут назад, чтобы разбомбить какое-то селение, но потом откуда-то совсем

рядом до ее слуха донесся пронзительный и непрерывный крик ребенка, полный боли и страха.

Ей сразу все стало ясно. Воспользовавшись тактикой американцев во Вьетнаме, русские разбросали по всей местности противопехотные мины. Это якобы преследовало цель блокировать пути снабжения партизан. Но поскольку «пути снабжения партизан» лежали через горные тропы, по которым каждый день шли женщины, старики, дети и животные, подлинной целью было нагнетание откровенного террора. Долетевший до Джейн крик означал, что какой-то ребенок подорвался на mine.

Джейн резко вскочила с места. Судя по всему, крик доносился со стороны дома муллы, расположенного примерно в километре отсюда за пределами деревни у горной тропы. Джейн видела этот дом – чуточку слева от нее и немного ниже. Она надела туфли, сгребла в руки одежду и устремилась туда. Первый продолжительный крик вдруг прекратился, и за ним последовала целая серия коротких воплей ужаса. Джейн казалось, словно ребенок осознал, что сделала с ним мина, и его вопли наполнились страхом. Пробираясь сквозь высокие кусты, Джейн почувствовала, что ее тоже охватывает паника – уж больно щемили душу крики попавшего в беду ребенка. – «Успокойся», – уговаривала она себя, тяжело дыша. Если она вдруг споткнется и упадет, то в беде окажутся двое, и никто не сможет им помочь, в любом случае самое скверное для перепуганного ребенка, когда рядом

с ним перепуганный взрослый.

Джейн находилась уже совсем рядом. Ребенок должен быть где-то в кустах, но не на самой тропе. Дело в том, что после каждого минирования мужчины очищали все тропы от мин, но разминировать всю местность было просто невозможно.

Джейн остановилась и прислушалась. Она так задыхалась, что ей пришлось немного задержать дыхание. Крики долетали до нее из верблужьих колючек и кустов можжевельника. Они продралась сквозь кустарники и увидела клочок одежды голубого цвета. Ребенок оказался мальчиком, это был девятилетний сын Мохаммеда Хана, одного из партизанских командиров.

Мгновение спустя Джейн была уже около мальчика. Он упирался коленями в серовато-коричневую землю. Видимо, он хотел поднять мину, потому что ему оторвало руку, и вот теперь обезумевшими от ужаса глазами он разглядывал кровоточащую культю и пронзительно кричал.

За минувший год Джейн видела много всяких ран, но эта вызвала в ней глубочайшую боль.

– О, Боже милостивый, – проговорила она. – Бедный ребенок!

Она опустилась перед ним на колени, взяла на руки и стала говорить какие-то успокаивающие слова. Минуту спустя он перестал кричать. Джейн надеялась, что теперь ребенок начнет плакать, но шок засел в нем слишком глубоко, и он

совсем утих. Держа его на руках, Джейн нащупала под мышкой то место, откуда сочилась кровь и зажала его рукой.

Теперь ей требовалась его помощь. Надо было заставить его заговорить.

– Муса, что произошло? – спросила она мальчика на языке дари.

В ответ ни слова. Она повторила вопрос.

– Я думал... – когда он вспомнил, глаза его широко раскрылись, пронзительно вскрикнув, он проговорил: «Я думал, это мяч!»

– Тише! – прошептала Джейн. – Расскажи мне, что ты сделал.

– Я ПОДНЯЛ ЕГО! Я ПОДНЯЛ ЕГО!

Джейн тесно прижала его к себе и стала успокаивать.

– И что же произошло?

Его голос дрожал, но истерических нот больше не было слышно.

– И он как бабахнет, – воскликнул мальчик. Он быстро стал успокаиваться.

Джейн взяла его правую ладонь и положила ее под левую руку.

– Нажми там, где я нажимаю, – сказала она. Джейн приложила кончики его пальцев к этой точке, после чего отдернула руку. Из раны снова потекла кровь. – Нажми сильнее, – сказала она. Он подчинился. Кровотечение прекратилось. Джейн поцеловала его в лоб, который был влажным и

ХОЛОДНЫМ.

Джейн бросила на землю около Мусы свои вещи. Она носила то же, что и афганские женщины, мешковидное платье поверх шаровар из хлопчатобумажной ткани. Джейн взяла в руки платье и разорвала тонкую материю на несколько полос, чтобы сделать из них жгут. Муса безмолвно наблюдал за нею широко раскрытыми глазами. Наконец, Джейн отломил от куста можжевельника сухую ветку, которой закрепила жгут.

Теперь мальчику требовался перевязочный материал, успокоительное средство и какой-нибудь антибиотик, чтобы предотвратить инфекцию. Кроме того, надо было срочно разыскать его мать.

Джейн надела шаровары и подтянула резинку. Она без колебания разорвала свое платье, от которого не осталось ни клочка, чтобы прикрыть верхнюю часть тела, сейчас оставалось только надеяться на то, что по дороге к ее укрытию в скале ей не встретится никакой мужчина.

Но как туда дотащить Мусу? Ей не хотелось, чтобы он добирался вместе с ней пешком. Вместе с тем Джейн не могла посадить его к себе на спину, потому что он просто не удержался бы и упал. Джейн тяжело вздохнула. Ей ничего не оставалось, как взять мальчика на руки. Наклонившись, она одной рукой обхватила его плечи, а другой – бедра. Так Джейн подняла мальчика скорее усилием коленей, чем спины. Этот прием она освоила на занятиях по физической под-

готовке для женщин. Прижав к своей груди ребенка, спина которого оказалась на уровне выпуклости ее живота, Джейн стала медленно подниматься в гору. Ей удалось это только потому, что из-за недоедания мальчик совсем отощал – девятилетний европейский ребенок был бы ей не по силам. Вскоре Джейн вышла из зарослей прямо на тропу. Но, пройдя метров сорок – пятьдесят, почувствовала, что силы оставляют ее. За последние несколько недель она стала очень быстро уставать, что ее огорчало, но она приучила себя относиться к этому спокойно. Джейн опустила Мусу на землю и, нежно обняв его, попробовала отдышаться. Она прислонилась спиной к скале с одной стороны тропы. Муса погрузился в какое-то зловещее молчание, что волновало ее больше, чем его крики. Почувствовав себя лучше, Джейн подхватила мальчика и продолжила путь.

Четверть часа спустя, когда Джейн снова сделала остановку неподалеку от вершины, на тропе появился человек. Джейн сразу узнала его.

– О нет, – произнесла она по-английски. И надо же такому случиться, что это именно Абдулла!

Это был невысокого роста мужчина лет пятидесяти пяти, довольно упитанный, несмотря на царящий в округе дефицит продовольствия. Кроме коричневой чалмы и широких черных штанов на нем был вязаный джемпер и голубой двубортный пиджак в тонкую полоску, который, казалось, носил когда-то лондонский биржевой маклер. Его пышная борода

была покрашена в красный цвет. Это был мулла Бэнды.

Абдулла не доверял иностранцам, презирал женщин и ненавидел всех, кто практиковал иноземную медицину. Поскольку к Джейн было приложимо и первое, и второе, и третье, она не имела ни малейшего шанса рассчитывать на его расположение. Еще серьезнее было другое – многие в долине поняли, что употребление принадлежавших Джейн антибиотиков при инфекции имеет больший эффект, чем вдыхание дыма от горящего листа бумаги, на котором Абдулла что-то писал шафрановыми чернилами, вследствие чего мулла лишился своего заработка. Поэтому он называл Джейн не иначе, как «западной шлюхой», однако большего вреда он причинить ей не мог, ибо Жан-Пьер и она пользовались покровительством самого партизанского командира Ахмеда Шах Масуда. А скрестить шпаги с таким известным героем побаивался даже мулла.

Увидев Джейн, Абдулла остановился, как вкопанный. Из-за крайнего смущения его обычно торжественно-серьезное лицо превратилось в комическую маску. Встреча с ним была самым неприятным для нее происшествием. Никого из жителей деревни не смутил и, наверное, не шокировал бы ее полуголый вид, а вот Абдуллу это могло привести в ярость.

Джейн решил действовать нагло.

– Мир вам, – проговорила Джейн на языке дари. Эта фраза знаменовала официальный обмен приветствиями, который иногда мог продолжаться несколько минут. Но Абдулла не

ответил привычным «Вам тоже». Вместо этого, широко раскрыв рот, он пронзительным голосом обрушил на нее поток проклятий, включавших в себя на языке дари такие слова, как проститутка, извращенка и совратительница детей. Раскрасневшись от гнева, он приблизился к ней и замахнулся палкой.

Но это уже было слишком. Джейн указала на безмолвно стоявшего рядом Мусу, оцепеневшего от боли и совсем ослабевшего от потери крови.

– Смотри! – крикнула она Абдулле. – Ты что, не видишь...

Однако ярость ослепила его. Прежде чем Джейн успела проговорить свои слова до конца, он со всей силой ударил ее палкой по голове. Джейн закричала от боли и гнева, она поразилась, как это было больно, и возмутилась, что он посмел ее ударить.

Абдулла все еще не видел, что случилось с Мусой. Он устремил пристальный взгляд на ее грудь, и тут до нее дошло, что обнаженная грудь беременной белой женщины с Запада да еще среди бела дня представляла для него такое зрелище, вызывавшее противоречивые сексуальные страхи, что он утратил самообладание. Абдулла не собирался наказывать ее одним-двумя ударами палкой, как свою жену за непослушание. В нем горело желание забить ее насмерть.

Джейн охватил жуткий страх за себя, за Мусу и за своего еще не родившегося ребенка. Она отшатнулась от него назад, но он напирал на нее, снова замахнувшись палкой. Следуя

внезапному порыву, Джейн подскочила к нему и вцепилась в его лицо.

Абдулла взревел, как раненый бык, не столько от боли, сколько от возмущения тем, что женщина, которую он избивал, посмела дать ему отпор. Пока он пребывал в полной растерянности, Джейн обеими руками вцепилась ему в бороду и потянула к себе. Абдулла качнулся ей навстречу, споткнулся и упал. Скатившись под уклон, он застрял в кустах карликовой ивы.

– О, Боже, что же я наделала? – подумала Джейн.

Ведь глядя на этого напыщенного, злобного муллу, Джейн показалось, что он никогда не простит ей нанесенного оскорбления. Он наверняка пожалуется на нее «белобородым», деревенским старостам, и, наверняка, даже будет требовать от Масуда отправить домой врачей-иностранцев. Он даже может попытаться спровоцировать мужчин Бэнды на то, чтобы забросать ее камнями. Но почти одновременно Джейн подумала, что для жалобы на нее мулле пришлось бы сознаться всем в свалившемся на него позоре, и для жителей деревни он навсегда стал бы мишенью для насмешек. Афганцы могли быть очень жестокими. Может, ей удалось еще раз легко отделаться?

Джейн обернулась. Сейчас важнее было думать о другом. Муса продолжал стоять на том же месте, молчаливый, с ничего не выражающим видом, в состоянии слишком глубокого шока, чтобы понять происходящее. Джейн глубоко вздох-

нула и, подхватив его на руки, продолжила свой путь.

Несколько минут спустя Джейн достигла гребня горы, после чего зашагала быстрее, так как ландшафт становился более ровным. Джейн очень устала, к тому же у нее болела спина, но она почти добралась до цели, пещеры находились непосредственно под горным гребнем. Достигнув дальнего края гребня и уже начиная спускаться, она услышала детские голоса. Мгновение спустя она увидела группу играющих шестилетних детей. Игра называлась «небеса и ад», ребенок дотрагивался рукой до пальцев ноги, в то время как двое других поднимали его в «небеса» – при условии, что тот не отрывал руки от пальцев ног, ибо в таком случае он попадал уже в «ад», которым обычно оказывалась мусорная или выгребная яма. Джейн подумала, что Мусе уже не суждено будет сыграть в эту игру, и ее охватило ощущение трагедии. Дети сразу заметили Джейн, и когда она проходила мимо них, перестали играть и уставились на нее...

– Да это Муса, – прошептал один из них. Другой повторил это имя, после чего оцепенение прошло, и все дети, обгоняя Джейн, помчались вперед, неся страшную весть.

Дневное убежище жителей Бэнды напоминало кочевье в пустыне – пыльная земля, палящее полуденное солнце, погасшие костры для приготовления пищи, закрытые ото всех лица женщин, грязные дети. Джейн миновала раскинувшуюся перед пещерами небольшую ровную площадку. Женщины уже стекались к самой большой пещере, которую Жан-Пьер с

Джейн превратили в своего рода клинику. Услышав возбужденные крики, Жан-Пьер вышел навстречу. Джейн с благодарностью передала ему Мусу и сказала по-французски.

– Это была мина. Ему оторвало руку. Дай мне свою рубашку.

Жан-Пьер внес Мусу в пещеру и положил его на коврик, служивший операционным столом. Прежде чем заняться ребенком, он снял с себя выгоревшую рубашку цвета хаки и отдал ее Джейн, которая натянула ее на себя.

Джейн почувствовала легкое головокружение. Ей хотелось присесть и отдохнуть в дальней прохладной части пещеры, но сделав пару шагов в этом направлении, она передумала и тут же опустилась на землю.

– Передай мне несколько тампонов, – проговорил Жан-Пьер. Но Джейн никак не среагировала. В это время в пещеру вбежала мать Мусы Халима. Увидев своего сына, она пронзительно закричала. Наверное, надо ее успокоить, подумала Джейн, чтобы она утешила своего сына, вот только почему я не могу подняться? Я закрою глаза. Только на минуту.

С наступлением ночи Джейн стало ясно, что заявляет о себе ее ребенок.

* * *

Когда после обморока в пещере Джейн пришла в себя, она почувствовала боли в спине, вызванные, как ей казалось,

тем, что пришлось тащить на себе Мусу. Согласившись с ее диагнозом, Жан-Пьер дал ей таблетку аспирина и велел спокойно полежать. В пещере, чтобы глянуть на Мусу, появилась повитуха Рабия, которая внимательно посмотрела на Джейн. Но в тот момент Джейн не поняла значения этого взгляда. Жан-Пьер очистил и перевязал Мусе культю, ввел ему пенициллин и противостолбнячную сыворотку. Теперь ребенок не умрет от инфекции, что почти наверняка произошло бы при отсутствии западных медиков, тем не менее Джейн размышляла о смысле его жизни – выживание здесь было делом далеко не простым даже для самых крепких, а уж дети-калеки погибали, как правило, в юном возрасте.

Под вечер Жан-Пьер собрался в путь. В одной деревне, расположенной в нескольких милях отсюда, у него был запланирован на другой день амбулаторный осмотр больных. Джейн не совсем понимала, почему Жан-Пьер в таких случаях проявлял особую пунктуальность, хотя ему было известно, что ни одного афганца не удивило бы его опоздание на день или даже на целую неделю.

Когда Жан-Пьер поцеловал Джейн на прощание, она подумала, что боли в спине это, наверное, начало родовых схваток, вызванных ее переживаниями о Мусе. Но поскольку Джейн еще никогда не рожала, у нее не было в этом отношении никакого опыта, поэтому она решила, что дело тут в другом. Джейн поинтересовалась у Жан-Пьера.

– Не беспокойся, – резко ответил он. – На ожидание у тебя

еще целых шесть недель.

Она спросила, может, так, на всякий случай, ему лучше никуда не ездить, но он решил, что менять планы нет необходимости, из-за чего Джейн сама себе показалась глупой. Поэтому Джейн согласилась, и, чтобы до темноты добраться до места и прямо с утра начать прием больных, Жан-Пьер погрузил на тощую лошаденку медикаменты и прочие принадлежности и отправился в путь.

Когда солнце стало садиться и долина начала уходить в тень, Джейн вместе с женщинами и детьми спустилась в сумеречную деревню, а мужчины устремились на поля, чтобы, пока отдыхали бомбардировщики, убрать урожай.

Дом, в котором жили Джейн и Жан-Пьер, принадлежал деревенскому лавочнику, который, распроставшись с надеждой сделать деньги в военное время, потому что торговать было практически нечем, вместе со своей семьей подался в Пакистан. Переднее помещение, в котором когда-то размещался магазин, служило Жан-Пьеру клиникой до тех пор, пока интенсивные летние бомбардировки не заставили жителей деревни прятаться в течение всего дня в горных пещерах. В тыльной части имелось еще два помещения – одна комната предназначалась для мужчин и их гостей, другая – для женщин и детей. Джейн и Жан-Пьер использовали их в качестве спальни и жилой комнаты. Около дома за глиняной стеной находился двор с костром для приготовления пищи и маленьким источником для стирки одежды, мытья посуды

и детей. Лавочник оставил кое-какую самодельную деревянную мебель, а жители деревни одолжили Джейн несколько роскошных напольных ковров. Джейн с Жан-Пьером, как и афганцы, спали на тюфяке, но вместо одеяла использовали пуховый спальный мешок. Как и афганцы, утром они скатывали тюфяк в рулон, а в хорошую погоду проветривали его на плоской крыше. Летом все спали на крышах домов.

Переход Джейн из пещер к дому отозвался усилением боли в спине. Оказавшись, наконец, внизу, она чуть было не рухнула от боли и изнеможения. Ей нестерпимо хотелось в туалет, но от жуткой усталости она не могла бы добраться до него, поэтому воспользовалась горшком, спрятанным за ширмой в спальне. При этом Джейн обнаружила маленькое красноватое пятнышко на своих хлопчатобумажных штанах.

У нее не было сил, чтобы по наружной лестнице забраться на крышу и достать оттуда тюфяк, поэтому она спустилась на лежавший среди спальни ковер. Боли в спине накатывались волнами. Джейн положила руки на живот, и, когда накатилась следующая волна, она ощутила движение маленького тельца, стремившегося куда-то вниз, причем боли усиливались и только тогда отпускали, когда уменьшался нажим на нижнюю часть живота. Теперь-то уж она нисколько не сомневалась, что начались родовые схватки.

Джейн испугалась. Она вспомнила, что рассказывала после первых родов ее сестра Паулина. Тогда Джейн поехала к ней с бутылкой шампанского и крохотным пакетиком мари-

хуаны. Когда обе полностью расслабились, Джейн спросила ее, что же представляют из себя роды, и Паулина ответила: «Ну это, будто у тебя стул после арбуза». Потом обе долго хихикали.

Однако Паулина рожала в больнице университетского колледжа, в самом центре Лондона, а не в глинобитном доме, в долине Пяти Львов.

– Что же мне делать? – подумала Джейн.

Главное – не паниковать. Надо помыться теплой водой с мылом, найти острые ножницы и на четверть часа опустить их в кипящую воду, потом достать чистые простыни и лечь на них, выпить жидкости и успокоиться. Но прежде чем она успела что-либо предпринять, схватки возобновились, причем в этот раз было действительно очень больно. Джейн закрыла глаза и попыталась, как советовал ей Жан-Пьер, наладить медленное, глубокое и правильное дыхание. Но Джейн было очень трудно контролировать свои ощущения, когда ей хотелось только одного – взвыть от страха и боли.

Схватки прошли, и Джейн почувствовала себя совершенно изможденной. Она безмолвно лежала, стараясь восстановить в себе утраченные силы. До нее дошло, что она не в состоянии выполнить ни один пункт из намеченного, в одиночку ей с этим просто не справиться. Как только ей станет легче, она поднимется с пола и направится к ближайшему дому, чтобы попросить женщин разыскать повитуху.

Очередной приступ начался раньше, чем она ожидала,

всего через одну-две минуты. Когда боли стали просто невыносимыми, Джейн проговорила громким голосом: «И почему никто не скажет, как это больно?»

Когда боли отпустили, она заставила себя встать. Страх перед необходимостью рожать без посторонней помощи придал ей новые силы. Джейн проковыляла из спальни в жилую комнату, с каждым шагом чувствуя себя чуточку сильнее. Она дотащилась до внутреннего дворика, когда ощутила между бедрами теплую влажную струю, от чего мгновенно стали мокрыми ее штаны. Это отошли воды. «О, нет», – простонала Джейн. Она прижалась к дверному косяку. Штаны сползли с ее тела, и она боялась, что в таком состоянии не сможет пройти и трех метров. От этой мысли Джейн почувствовала себя униженной. «Ты должна», – проговорила она самой себе, но тут начались новые схватки, и Джейн опустилась на пол, считая, что со всем этим она обязана справиться в одиночку.

Когда Джейн снова открыла глаза, прямо перед собой она увидела лицо какого-то мужчины. Он был похож на арабского шейха: смуглая кожа, темные глаза и черные усы, аристократические черты – высокие скулы, орлиный нос, белые зубы и вытянутая нижняя челюсть. Это был отец Мусы Мохаммед Хан.

– Слава Богу, – невнятно пробормотала Джейн.

– Я пришел, чтобы поблагодарить тебя за спасение моего единственного сына, сказал Мохаммед на дари. – Ты нездо-

рова?

– Я вот-вот рожу.

– Сейчас? – спросил он озадаченно.

– Скоро. Помоги мне добраться до дома.

Он задумался – рождение ребенка, как и всё, имевшее отношение исключительно к женскому началу, считалось нечистым делом. Но его колебание длилось всего одно мгновение. Он помог Джейн встать и поддерживал ее, пока через жилую комнату она добралась до спальни. Потом Джейн снова опустилась на ковер.

– Сходи за кем-нибудь, кто бы мне помог, – сказала ему Джейн.

Он нахмурил лоб в нерешительности, ибо не знал, как поступить. В этот момент он выглядел по-мальчишески привлекательно.

– А где Жан-Пьер?

– Уехал в Кхавак. Мне нужна Рабия.

– Да, – ответил он. – Я пришлю свою жену.

– Прежде чем ты уйдешь...

– Да?

– Пожалуйста, подай мне воды.

Он был явно в шоке. Мужчина, прислуживавший женщине, даже если он подносил ей немного воды, – это было неслыханно.

– Из специального кувшина, – добавила Джейн. У нее всегда был под рукой сосуд с кипяченой отфильтрованной пи-

тьевой водой, только так можно было уберечь себя от многочисленных кишечных паразитов, от которых почти все местные жители страдали всю свою жизнь. Мохаммед решил пренебречь традицией.

– Разумеется, – проговорил он. Мохаммед прошел в соседнюю комнату и мгновение спустя вернулся с чашкой. Джейн поблагодарила его и с благодарностью отпила воды.

– Я пошлю Халиму за повитухой, – сказал он. Халима была его женой.

– Благодарю, – проговорила Джейн. – Скажи ей, чтобы поторопилась.

Мохаммед ушел. Джейн повезло, что это был Мохаммед, а не какой-нибудь другой мужчина. Другие наверняка отказались бы дотронуться до больной женщины. Мохаммед думал по-другому. Он был один из самых известных партизанских вожаков, фактически местным представителем партизанского командира Масуда. Мохаммеду было всего двадцать четыре года, но в этой стране он не считался слишком юным для того, чтобы быть партизанским вожаком или отцом девятилетнего сына. Он учился в Кабуле, говорил немного по-французски и понимал, что царящие в долине порядки не являются единственной формой допустимого поведения в мире. На него была возложена ответственность за организацию автоколонн в Пакистан и обратно для обеспечения жизненно важных поставок оружия и боеприпасов. Джейн и Жан-Пьер прибыли в долину с одной из таких колонн.

В ожидании следующих родовых схваток Джейн стала вспоминать ту ужасную экспедицию. Она считала себя вполне здоровой, спортивной и физически крепкой женщиной, способной весь день прошагать пешком. Но она не могла предвидеть нехватку пищи, крутые подъемы, суровые горные тропы и изматывающие расстройства желудка. Отдельные участки пути они преодолевали исключительно ночью в страхе перед русскими вертолетами. Порой им приходилось иметь дело также с враждебно настроенными сельскими жителями: опасаясь, что колонна спровоцирует нападение русских, местные жители отказывались продавать партизанам провиант, прятались за закрытыми дверями, или же отправляли колонну на какой-нибудь луг или в сад на расстоянии нескольких километров – вроде бы идеальное место для расположения колонны. Но потом выяснялось, что такого места в природе не существовало.

Из-за русских налетов Мохаммед постоянно менял маршрут. Жан-Пьер раздобыл в Париже американские географические карты Афганистана, которые оказались надежнее, чем те, что были у партизан. Поэтому Мохаммед часто заходил к ним домой, чтобы изучить местность по карте, прежде чем отправлять новую колонну. По правде говоря, Мохаммед заходил к ним чаще, чем требовалось. Он также чаще общался с Джейн, чем это обычно делали афганские мужчины. Он имел с ней несколько продолжительный визуальный контакт, нередко бросая тайные взгляды на ее тело. Джейн

думала, что он влюбился в нее. По крайней мере, до тех пор, пока не увидел, что она беременна. Со своей стороны, Джейн проявляла к нему интерес, особенно в пору охлаждения ее отношений с Жан-Пьером. Мохаммед был стройным, смуглым и физически крепким, причем внимание Джейн первый раз в ее жизни привлек мужчина – махровый шовинист.

Она могла бы завести с Мохаммедом роман. Хотя, как и все партизаны, он был благочестивым мусульманином, это, наверное, не имело бы особого значения. Она помнила, как повторял ее отец: «Благочестие способно держать в узде слабое желание, но ничто не может противостоять настоящей страсти». Вторая часть этого высказывания привела ее мать в ярость. Нет, в этой пуританской крестьянской общине прелюбодеяния случались часто, как и в других местах, Джейн убедилась в этом, слушая пересуды женщин, приходивших на реку за водой или чтобы искупаться. Джейн было известно и то, как это происходит. Об этом ей рассказал Мохаммед.

– С наступлением темноты под водопадом за последней водяной мельницей можно видеть, как из воды выпрыгивают рыбы, – сказал он однажды. – Иногда я отправляюсь туда в это время половить рыбу.

С наступлением темноты все женщины были заняты приготовлением пищи, а мужчины сидели во внутреннем дворе мечети, разговаривали и курили, на таком расстоянии от деревни никто не увидел бы влюбленных, и никто не стал бы искать ни Джейн, ни Мохаммеда.

Джейн показалось искушением заняться любовью у водопада с этим стройным и первобытным афганцем, но потом она забеременела и последовало признание Жан-Пьера, как он боится ее потерять; в ответ Джейн решила, несмотря ни на что, посвятить все свои усилия налаживанию супружеских отношений, поэтому она так ни разу и не пошла к водопаду, а когда проявилась ее беременность, Мохаммед перестал бросать тайные взгляды на ее тело.

Возможно, их взаимное тайное влечение побудило Мохаммеда явиться, чтобы помочь ей, в то время как другие мужчины отказались бы или просто ушли, не переступив порога. А может, причиной тому был Муса. Ведь у Мохаммеда было три дочери, но только один сын, поэтому он, наверное, чувствовал себя теперь в неоплатном долгу перед Джейн. Сегодня у меня появились друг и враг, подумала Джейн, – Мохаммед и Абдулла.

Тут вновь напомнили о себе схватки, и Джейн стало ясно, что последняя передышка оказалась более длительной, чем предшествующая. Может, схватки теперь становились беспорядочными? Почему? Жан-Пьер ничего не говорил ей об этом. Но он здорово подзабыл гинекологию, которую изучал три или четыре года тому назад.

Этот приступ оказался самым мучительным по сравнению со всеми прежними. Джейн бил озноб, ее тошнило. Куда подевалась повитуха? Мохаммед не мог забыть или передумать – он наверняка послал свою жену за повитухой. Но послу-

шается ли она своего мужа? Тут не может быть сомнения – афганские женщины всегда подчиняются своим мужьям. Однако она вполне могла идти не спеша, сплетничая по пути с другими женщинами, или даже зайти в какой-нибудь дом попить чаю. Подобно тому, как в долине Пяти Львов отмечались случаи прелюбодеяния, были тут и проявления ревности – Халима наверняка знала или предполагала, какие чувства ее муж испытывает к Джейн, что, впрочем, было характерно для всех жен. Может, она обиделась за то, что ее попросили помочь своей сопернице, этой странной белокурой образованной иностранке, которая так нравилась ее мужу? Вдруг Джейн, в свою очередь, страшно рассердилась на Мохаммеда и Халиму. Я ведь не сделала им ничего плохого, подумала Джейн. Почему они все бросили меня? Почему здесь нет моего мужа?

Когда накатила новая волна схваток, Джейн разревелась. Это было уже слишком.

«Я больше не могу, – громко проговорила она. Ее трясло. Ей хотелось умереть, прежде чем боли усилятся. – Mamochka, pomogi mne, mamochka», – рыдала Джейн.

Вдруг на ее плечи легла сильная рука, а в ее ушах зазвучал женский голос, бормотавший какие-то непонятные, но утешительные слова на языке дари. Не открывая глаз, она вцепилась в женщину, пронзительно крича и плача, по мере того как схватки становились все более невыносимыми. Затем они стали смягчаться, очень медленно, но уже с надеждой на

затухание, казалось, что это будет последний приступ или, может быть, последний мучительный.

Джейн подняла глаза и увидела серьезные карие глаза и морщинистые щеки старой повитухи Рабии.

– Господь да пребудет с тобой, Джейн Дебу.

Джейн почувствовала облегчение, словно сбросила с себя тяжелый груз.

– И с тобой, Рабия Гул, – прошептала она с благодарностью.

– Схватки накатываются друг на друга?

– Каждую одну-две минуты.

– Ребенок появляется на свет раньше времени, – раздался какой-то другой женский голос.

Повернув голову, Джейн увидела Захару Гул, сноху Рабий. Это была пышная молодая женщина в возрасте Джейн. У нее были кудрявые, почти черные волосы и широкий смеющийся рот. Изо всех женщин деревни Захара была единственной, к которой Джейн ощущала привязанность.

– Я рада, что вы сейчас здесь, – сказала Джейн.

– Мальчик рождается раньше времени, потому что ты тащила Мусу в гору.

– Только поэтому? – спросила Джейн.

– Этого хватит.

Стало быть, им ничего не известно о стычке с Абдуллой. Он решил это скрыть.

– Подготовить все необходимое для ребенка? – спросила

Рабия.

– Да, пожалуйста. – Только Богу известно, на какую примитивную гинекологию я полагаюсь, – подумала Джейн, однако одной мне ни за что не справиться, ни за что.

– Хочешь, Захара приготовит тебе чаю? – спросила Рабия.

– Да, пожалуйста. – В конце концов, это не было связано ни с каким суеверием.

Обе женщины взялись за работу. Сам факт их присутствия действовал на Джейн успокоительно. «Это ведь хорошо, – размышляла Джейн, – что Рабия попросила разрешения ей помочь. Западный доктор безо всяких вошел бы и стал бы вести себя так, словно он здесь хозяин». Как того требует ритуал, Рабия вымыла руки и призвала пророков сделать ее «краснолицей», что обещало успех, после чего еще раз очень основательно долго мыла руки с мылом. Захара принесла кувшин с дикой рутой, а Рабия подожгла несколько крошечных темных семян древесным углем. Джейн вспомнила, что, по рассказам, запах горячей руты отгоняет злых духов. Она утешилась мыслью о том, что едкий дым поможет отогнать из комнаты мух.

Рабия была не только повитухой. Акушерство являлось для нее основным занятием, вместе с тем она владела травной терапией и магией для лечения бесплодия у женщин. Кроме того, она помогала им предотвращать беременность и делать аборт, хотя особой необходимости в этом не было, как правило, афганские женщины хотели иметь много детей.

К Рабии также обращались за консультацией по любой женской болезни. Обычно ее просили также обмыть покойника, что наряду с принятием родов считалось нечистым делом.

Джейн следила за тем, как она передвигалась по комнате. Наверное, она была самой старой женщиной в деревне – где-то порядка шестидесяти лет. Как большинство живущих здесь, она была невысокого роста – не более полутора метров – и очень худой. Ее морщинистое смуглое лицо обрамляли седые волосы. Движения были неторопливые, а костлявые старые руки поражали ловкостью и надежностью.

Вначале она относилась к Джейн с недоверием и враждебностью. Когда Джейн спросила, кого призывала Рабия в случае тяжелых родов, та только фыркнула:

– Пусть дьявол не слышит, но у меня никогда не было трудных родов, и у меня еще ни разу не погибли ни мать, ни ребенок.

Но впоследствии, когда деревенские женщины обращались к Джейн с незначительными расстройствами менструации или со стандартными случаями беременности, Джейн вместо того, чтобы выписывать успокоительные лекарства, отправляла их к Рабии. С того времени и наладилось между ними сотрудничество. Рабия советовалась с Джейн насчет вагинальной инфекции только что разрешившейся от бремени женщины, а Джейн давала Рабии пенициллин да еще объясняла, как его применять. Авторитет Рабии вырос после того, как стало известно, что ей доверили западные медика-

менты, а Джейн, не желая обидеть Рабию, сказала ей, что, видимо, она сама занесла инфекцию во время родов, смазывая рукой родовые пути.

С того времени Рабия появлялась в клинике один-два раза в неделю, чтобы поговорить с Джейн и понаблюдать за тем, как та работает. Джейн использовала эти встречи, чтобы иногда объяснить, почему она так часто моет руки, почему кладет все свои использованные инструменты в кипящую воду и почему дает так много жидкости младенцам, страдающим поносом, и многое другое.

В свою очередь, Рабия делилась с Джейн некоторыми своими секретами. Джейн было интересно узнать, что содержалось в приготавливаемом ею зелье. Она строила догадки об эффективности некоторых ее снадобий, одни по стимуляции способствовали к зачатию и содержали кроличий мозг или кошачью селезенку, обеспечивая те гормоны, которых не доставало соответствующей пациентке при нарушении обмена веществ, мята, и прежде всего кошачья мята, в соответствующей комбинации, по-видимому, уничтожали инфекцию, затрудняющую зачатие. У Рабии имелось также средство, которое жены давали своим мужьям-импотентам, и не было сомнения в том, как оно срабатывало, средство содержало опиум.

Недоверие уступило место взаимному уважению, тем не менее Джейн не говорила с Рабией насчет собственной беременности. Одно дело, когда свою смесь фольклора и кол-

довства Рабия применяла на афганских женщинах, другое – стать объектом ее экспериментов. Кроме того, Джейн рассчитывала, что ее ребенка примет Жан-Пьер. Когда однажды Рабия спросила о положении ребенка в утробе, предложив, если ожидается девочка, овощную диету, Джейн дала понять, что в связи с этой беременностью уместно говорить лишь о западных методах лечения. Рабия явно обиделась, но восприняла это решение с достоинством. Но теперь Жан-Пьер был в Кхаваке, а Рабия находилась рядом. Поэтому Джейн была рада воспользоваться помощью старой женщины, которая за свою жизнь приняла не одну сотню младенцев да и сама произвела на свет одиннадцать.

На какое-то время боли утихли, но в последние несколько минут, пока Джейн наблюдала, как Рабия неторопливо занимается своими приготовлениями, в нижней части живота появились какие-то новые ощущения, явное ощущение тяжести в сочетании со все возрастающим позывом выдавить. Позыв становился все более неудержимым, и когда Джейн чуть натужилась, с ее губ сорвался стон, но не от боли, а от усилия.

Словно откуда-то на расстоянии до нее донесся голос Рабии:

– Начинается. Хорошо.

Мгновение спустя ощущение сдавливания исчезло. Захра принесла чашку зеленого чая. Джейн приподнялась и с благодарностью пригубила. Чай был теплый и очень слад-

кий. «Захара мне ровесница, но у нее уже четверо детей, не считая выкидышей и мертворожденных, – думала Джейн. – Тем не менее она относилась к категории особо живучих женщин, напоминавших здоровых молодых тигриц. Видимо, она намерена родить еще нескольких детей». Если поначалу женщины относились к Джейн с недоверием и враждой, Захара приняла ее с откровенным любопытством. Вскоре Джейн увидела, что некоторые привычки и традиции Долины Захара считает бессмысленными и стремится воспринять побольше иностранных идей о здоровье, уходе за детьми и питании. Таким образом, Захара стала не только подругой Джейн, но и до некоторой степени опорой в осуществлении ее программы санитарного просвещения.

Однако сегодня Джейн познакомилась с афганскими методами врачевания. Она наблюдала, как Рабия раскладывает на полу пластиковый коврик (интересно, что использовалось тогда, когда здесь еще не было пластика?), посыпая его слоем песка, целое ведро которого Захара принесла в дом. Рабия выложила несколько предметов на клеенку, и Джейн приятно было видеть чистую вату и новое, еще не вынутое из упаковки, бритвенное лезвие.

Джейн снова захотелось натужиться, и она закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Собственно болевого ощущения не было, казалось, что ее мучит какой-то жуткий запор. Она застонала, но не от боли, а потому, что это помогло при таком усилии, о чем ей хотелось сказать Рабии, да вот только она

не могла одновременно и говорить, и напрягаться.

Когда стало чуть-чуть легче, Рабия опустилась на колени, развязала шнур на штанах Джейн и осторожно освободила ее живот и ноги.

– Хочешь помочиться, прежде чем я тебя обмою? – спросила она.

– Да.

Она помогла Джейн встать и пройти за шторку, потом, поддерживая за плечи, усадила ее на горшок.

Захара принесла таз с теплой водой и унесла горшок. Рабия обмыла Джейн живот, бедра и половые органы, впервые действуя живее, чем прежде. Потом Джейн снова легла. Рабия вымыла свои руки и вытерла полотенцем. Она показала Джейн маленький кувшин с голубым порошком – наверное, сульфат меди, подумала Джейн – и сказала:

– Этот цвет отгоняет злых духов.

– Что ты хочешь с ним делать?

– Немного посыплю тебе на лицо.

– Ладно, – проговорила Джейн и добавила. – Спасибо.

Рабия посыпала немного порошка Джейн на лоб. «Я не имею ничего против колдовства, если оно не во вред, – подумала Джейн, – но что она будет делать, если возникнет настоящая медицинская проблема? Вот знать бы точно, на сколько недель раньше появляется этот ребенок?».

Пока Джейн озабоченно размышляла, снова начались схватки. Из-за этого она не успела сосредоточиться, чтобы

сознательно усилить этот накат. В результате боль показалась ей просто нестерпимой. «Не надо волноваться, – подумала она. – Необходимо полностью расслабиться».

После этого Джейн почувствовала себя изможденной и немного вялой. Закрыв глаза, она почувствовала, как Рабия расстегивает ее рубашку, ту самую, что она взяла у Жан-Пьера в тот послеобеденный час, от которого ее отделяла целая вечность. Рабия стала массировать ей живот, втирая какую-то мазь, скорее всего, рафинированным маслом. Рабия нажала пальцем на брюшную стенку. Джейн открыла глаза и проговорила:

– Только не пробуй сдвинуть ребенка с места.

Рабия кивнула, но тем не менее продолжала прощупывать, касаясь одной рукой верхней выпуклости живота, а другой – нижней.

– Голова вниз, – сказала она в результате своего исследования. – Все в порядке. Но ребенок пойдет очень скоро. А сейчас тебе надо подняться.

Захара и Рабия помогли Джейн встать и сделать два шага в сторону присыпанного песком листа из пластика, Пристроившись сзади Джейн, Рабия сказала:

– Встань на ступни моих ног.

Джейн сделала так, как ей было сказано, хотя и не была уверена в логичности этого. Рабия заставила Джейн сесть на корточки и сама у нее за спиной припала к полу. В таком положении здесь рожали детей.

– Сядь на меня, – сказала Рабия. – Я смогу тебя удержать.

Всем своим телом Джейн повисла на бедрах этой старой женщины. В таком положении Джейн почувствовала себя на удивление удобно и спокойно.

Потом она снова ощутила, как стали напрягаться ее мышцы. Стиснув зубы от боли, Джейн со стоном сжимала низ живота. Впереди нее на корточках сидела Захара. На какое-то мгновение Джейн воспринимала только одно ощущение – тяжесть. Наконец, оно смягчилось, и Джейн куда-то провалилась, вконец изможденная и почти в бессознательном состоянии, она повисла всем своим весом на теле Рабии.

Когда схватки возобновились, Джейн ощутила новую боль – пронзительное жжение в промежности.

– Ребенок пошел, – словно между прочим отметила Захара.

– Теперь больше не нажимай, – сказала Рабия. – Пусть ребенок сам выскользнет.

Ощущение тяжести смягчилось. Рабия и Захара поменялись местами, и теперь уже Рабия, не спуская с Джейн глаз, села на корточки у нее между ногами. Ощущение тяжести снова обострилось. От боли Джейн стиснула зубы.

– Не тужься, спокойнее, – проговорила Рабия.

Джейн попробовала расслабиться. Рабия взглянула на нее и подняла руку, чтобы дотронуться до ее лица.

– Не сжимай зубы. Не напрягай рот.

Джейн расслабила челюсть и почувствовала, что это ей

помогло сбросить напряжение.

Снова напомнило о себе ощущение жжения, причем еще более болезненно, чем прежде. Джейн сознавала, что ребенок уже почти родился, она чувствовала, как он идет головой вперед, широко растягивая ее промежность. Джейн вскрикнула от боли, потом боль вдруг пропала, и какое-то мгновение она ничего не чувствовала. Джейн посмотрела вниз. Прикасаясь к ее бедрам, Рабия взывала к пророкам. Через пелену слез Джейн увидела в руках повитухи что-то круглое и темное.

– Не тянуть, – предупредила Джейн, – за голову не тянуть.

– Нет, нет, – отвечала Рабия.

Джейн снова ощутила тяжесть. Одновременно Рабия сказала:

– Слегка поднажми, чтобы вышел правым плечом. – Джейн закрыла глаза и немного напряглась. – Теперь, чтобы левым плечом, – проговорила чуть позже Рабия.

Джейн поднатужилась еще раз, и вот наступило почти полное облегчение, ей стало ясно, что она родила ребенка. Она посмотрела вниз и увидела, как Рабия качает на руках крохотное существо. Его кожа была в складках и влажной, а на головке виднелись темные и тоже влажные волосики. Пуповина выглядела очень странно, напоминая толстый голубой канатик, который пульсировал, как вена.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

Рабия молчала. Сжав губы, она дула на сплющенное непо-

движное лицо младенца.

«О, Боже, так он же мертв», – подумалось Джейн.

Рабия дунула еще раз, ребенок раскрыл свой крохотный ротик и заорал.

– О, слава Богу, он живой, – воскликнула Джейн. Рабия взяла чистый ватный тампон и обтерла им лицо младенца.

– Он нормальный? – спросила Джейн.

Наконец Рабия нарушила молчание. Она заглянула в глаза Джейн, улыбнулась и сказала:

– Да, девочка нормальная.

«Она нормальная», – подумала про себя Джейн. «Значит, она. Я родила маленькую девочку. Девочку!» Вдруг Джейн почувствовала себя абсолютно изможденной. У нее даже не было сил выпрямиться.

– Я хочу лечь, – проговорила она.

Захара помогла Джейн подойти к матрацу и положила ей под спину подушки, чтобы она могла сидеть в постели, пока Рабия держала ребенка, все еще связанного с Джейн пуповиной. Когда Джейн уселась в постели, Рабия стала обтирать младенца ватными тампонами.

Джейн наблюдала за тем, как канатик перестал пульсировать и сморщился, становясь все белее.

– Теперь ты можешь перерезать пуповину, – сказала она Рабии.

– Мы всегда ждем плаценту, – ответила Рабия.

– Делай, как я тебе говорю, пожалуйста.

В ее взгляде мелькнуло сомнение, но она подчинилась. Рабия взяла со столика кусок белого шпагата, перевязала им пуповину в нескольких сантиметрах от пупка младенца. «Поближе было бы лучше, – подумала Джейн, – но это не столь важно».

Рабия вынула из обертки бритвенное лезвие.

– Во имя Аллаха, – проговорила Рабия и перерезала пуповину.

– Дай ее мне, – сказала Джейн.

Рабия передала девочку матери, приговаривая:

– Только не давай грудь.

Джейн знала, что здесь Рабия заблуждалась.

– Это на пользу последу, – заметила она. Рабия повела плечами.

Джейн прижала лицо ребенка к своей груди. Ее соски были увеличены и оказались чувствительными к раздражению, словно их целовал Жан-Пьер. Когда сосок ее груди коснулся щеки младенца, он автоматически повернул голову и раскрыл свой маленький ротик. Как только сосок исчез между губами, младенец начал сосать грудь. К удивлению Джейн, это вызвало в ней какое-то сексуальное ощущение. На какой-то миг она даже оторопела, но потом подумала: «Да что это со мной?»

Джейн ощущала какие-то движения в нижней части живота. Она подчинилась рекомендации еще раз поднатужиться, после чего почувствовала, как вышла плацента – нечто

такое скользкое, как бы малые роды. Рабия тщательно завершила послед в тряпку.

Младенец перестал сосать и, казалось, уснул.

Захара поднесла Джейн стакан воды. Она выпила его залпом. Вода показалась ей очень вкусной. Она попросила еще.

Джейн чувствовала себя измученной, истерзанной, но бесконечно счастливой. Она разглядывала маленькую девочку, мирно спавшую у нее на груди. И тут ее саму потянуло ко сну.

Рабия сказала:

– Надо бы спеленать ребенка.

Джейн подняла девочку – она оказалась легкой как куколка – и передала ее в руки старой женщине.

– Шанталь, – произнесла Джейн, когда Рабия приняла из ее рук малютку. – Ее имя будет Шанталь. – После этих слов Джейн закрыла глаза.

Глава 5

Эллис Тейлор рейсом «Истерн Эйрлайнз» вылетел из Вашингтона в Нью-Йорк. В аэропорту Ла Гардиа он взял такси и поехал в отель «Плаза», в Нью-Йорк-Сити. Таксист высадил его у входа в отель на Пятой авеню. Эллис вошел в отель. В холле он свернул влево и направился к лифтам со стороны 58-й улицы. Вместе с ним оказались мужчина в элегантном костюме и женщина с сумкой для покупок от Сакса. Мужчина вышел на седьмом этаже. Эллис на восьмом. Женщина поехала выше. Эллис один прошел по напоминавшему пещеру гостиничному коридору до самых лифтов со стороны 59-й улицы. Потом, спустившись на первый этаж, покинул отель через выход на 59-ю улицу.

Убедившись, что за ним никто не следит, Эллис взял такси на южной стороне Центрального парка и поехал на Пеннстейшн, откуда направился на поезде до Дугластона в Квинсе...

Пока Эллис Тейлер ехал в поезде, ему вспомнились строчки из «Колыбельной» Одена:

Время и страсти сжигают
Красоту задумчивых детей.
Лишь могильный камень сохраняет

Прошел уже год с тех пор, как в Париже он жил в роли подававшего надежды американского поэта, но он так и не потерял вкуса к поэзии.

Эллис продолжал следить, как бы не было «хвоста», ибо об этой встрече ни в коем случае не должны были узнать его враги. Он сошел с поезда во Флашинге и стал ждать на платформе следующий поезд. Других ожидающих поезд не было. Из-за всех этих мер предосторожности он прибыл в Дугластон в пять часов. От станции примерно полчаса он довольно резво шел пешком, размышляя о том, как отнестись к обсуждаемым вопросам, какие при этом выбрать слова, какие могут последовать различные реакции.

Он добрался до пригородной улицы с видом на Лонг-Айленд Саунд и остановился перед небольшим ухоженным домом в псевдотюдоровском стиле и витражом в одной из стен. У подъезда стоял небольшой японский автомобиль. Когда он приблизился ко входу, дверь ему открыла белокурая девочка тринадцати лет.

– Хэлло, Петал, – сказал Эллис.

– Привет, папочка, – ответила она.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, причем в нем, как обычно, чувство гордости сочеталось с комплексом вины.

Он измерил ее взглядом с головы до пят. Под тенниской, с

---

¹ Пер. Р. Виноградовой.

изображением Майкла Джексона, она уже носила бюстгальтер. И это совсем недавно. «А ведь из нее уже формируется женщина, – подумал Эллис. – Просто удивительно».

– Не зайдешь на минутку? – спросила она вежливо.

– Разумеется.

Он проследовал за нею в дом. Сзади она выглядела еще более женственной. Эллису невольно вспомнилась его самая первая подружка. Тогда ему было пятнадцать лет, а она – не на много старше Петал. «Хотя, постой, – подумал он. – Она была моложе, ей исполнилось двенадцать. И я все время поглаживал ее, когда она была в свитере. Господи, защити мою дочь от пятнадцатилетних мальчишек».

Они прошли в небольшую уютную жилую комнату.

– Может, присядешь? – сказала Петал.

Эллис сел.

– Можно тебе чего-нибудь предложить? – спросила она.

– Чего ради вдруг так официально? – спросил ее Эллис. –

Почему так подчеркнуто вежливо? Я ведь твой отец.

Она была озадачена и смущена, словно ее отругали за то, что по незнанию казалось ей правильным.

– Знаешь, мне надо причесаться. После этого можно будет ехать. Извини.

– Да, конечно, – ответил Эллис.

Она вышла. Ее официальный тон был для него мучительным. Это значило, что он все еще оставался для нее чужим. Он так и не стал нормальным членом ее семьи. Весь год по-

сле возвращения из Парижа он встречался с нею по меньшей мере раз в месяц. Иногда они проводили вместе целый день, но чаще всего оба отпраплялись куда-нибудь пообедать, как сегодня. Чтобы провести с нею часок, ему, соблюдая максимальную осторожность, приходилось тратить на поездку четыре-пять часов. Но ей, разумеется, ничего об этом не было известно. Не драматизируя ситуацию, он ставил перед собой более чем скромную цель: занять в жизни своей дочери небольшое, но постоянное место.

Это означало изменение характера выполняемой им работы. Он отказался от работы в разведке. Его начальству это страшно не нравилось, ведь на нескольких хороших тайных агентов приходилось сотни плохих. Ему самому это решение далось не просто, собственно говоря, долг повелевал ему распорядиться своими способностями как следует. Однако он не смог бы завоевать расположение собственной дочери, если бы каждый год был вынужден уезжать куда-нибудь за тридевять земель да еще не иметь возможности сообщить ей, куда он едет, с какой целью и даже когда вернется. К тому же он не мог рисковать своей жизнью именно теперь, когда в ней только-только начала пробуждаться любовь к отцу.

Тем не менее, ему не хватало возбуждения, опасностей, напряжения в достижении поставленной цели, а также ощущения того, что на него возложено важное дело, с которым никто не может справиться так, как он. Но слишком долго его эмоциональные привязанности оказывались скоротечны-

ми, а потеряв Джейн, он ощущал потребность иметь по крайней мере одного человека, любовь которого к нему была бы постоянной.

Пока Эллис ждал, в комнату в белом летнем платье вошла Джилл. Он встал. Его бывшая жена держалась прохладно. Он поцеловал ее в подставленную щеку.

– Как поживаешь? – спросила она.

– Как всегда. А ты?

– Знаешь, я жутко занята. – И она начала рассказывать ему в деталях, сколько у нее всяких дел, и Эллис, как всегда, отключился. Джилл нравилась ему, но с ней Эллису было до смерти скучно. Странно было даже подумать, что когда-то он был на ней женат. Но она считалась самой симпатичной девушкой в английском университете, а он – исключительно способным юношей. Это произошло в 1967 году, когда каждого могли избить и все, что угодно, могло случиться, особенно в Калифорнии. На бракосочетание, в конце первого курса, они явились в белом, а кто-то сыграл им на гитаре «Свадебный марш». Затем Эллис, провалившись на экзаменах, вылетел из университета, после чего сразу был призван в армию, вместо того, чтобы, как многие в его положении, сбежать в Канаду или Швецию, он отправился на призывной пункт, как ягненок на заклание, чем поразил всех, кроме Джилл, которая к тому времени уже поняла, что ничего путного из этого брака не получится и поэтому была готова к тому, что Эллис все равно от нее сбежит. Позже в Сайго-

не он угодил в лазарет с пулевым ранением в икру ноги – самая распространенная беда вертолетчиков, так как кабина у них бронирована, а ноги не защищены. Находясь в лазарете, Эллис получил судебное решение о разводе. Кто-то бросил извещение на кровать, пока Эллис был в туалете, а когда он вернулся, нашел эту бумагу вместе с еще одной, двадцать пятой по счету медалью – «Дубовой ветвью», тогда эти награды раздавали направо и налево.

– Ты знаешь, я только что развелся, – сказал он, на что солдат с соседней кровати заметил.

– Да плюнь ты, давай лучше сыграем в карты!

Она ничего не сказала ему о ребенке. Он узнал об этом лишь несколько лет спустя, когда, став шпионом, в учебных целях стал следить за Джилл. Тогда ему стало известно, что у Джилл есть дочь по имени Петал (такое имя в конце шестидесятых годов давали многим девочкам) и муж по имени Бернارد, который обращался к специалисту по лечению бесплодия. «Соккрытие от него информации о рождении Петал было единственной настоящей подлостью Джилл по отношению к нему, – подумал Эллис, – хотя она считала, что делает это ему на благо».

Эллис настаивал на том, чтобы время от времени видеться с Петал, добившись в итоге, что она перестала называть Бернарда «папочка». Но Эллис вовсе не стремился стать частью их семейной жизни, по крайней мере до прошлого года.

– Ты хочешь воспользоваться моей машиной? – спросила

Джилл.

– Это удобно?

– Конечно, удобно.

– Благодарю. – Ему было неприятно брать у Джилл машину, но, чтобы добраться сюда из Вашингтона, требовалось слишком много времени, а Эллису не хотелось часто брать напрокат машину в этой местности, ибо в один прекрасный день его враги разнюхали бы с помощью документации фирм по прокату или компаний кредитных карточек, а это означало бы, что они разузнали бы о Петал. Можно было бы каждый раз брать машину на чужое имя. Но для этого требовались соответствующие документы, что было недешево, к тому же ЦРУ не пошло бы на это ради простого чиновника. Поэтому Эллису приходилось брать принадлежащую Джилл «Хонду» или местное такси.

Между тем вернулась Петал, белокурые волосы рассыпались по плечам. Эллис встал.

– Ключи в машине, – проговорила Джилл.

– Садись в машину, – сказал Эллис дочери. – Я сейчас приду. – А обращаясь к Джилл, он сказал: – Мне хотелось бы пригласить ее на уик-энд в Вашингтон.

Джилл ответила любезно, но решительно:

– Если она захочет, пожалуйста, но если не захочет, заставлять я не буду.

Эллис кивнул в ответ.

– Все правильно. До встречи.

Он повез Петал в китайский ресторан в Литл Нек. Она любила китайскую пищу. Отрываясь от дома, Петал немного расслаблялась. Она поблагодарила Эллиса за то, что ко дню рождения он прислал ей стихи.

– Ни один мой знакомый не получал стихов ко дню рождения, – сказала она.

Он не знал, хорошо это или плохо.

– Мне кажется, это лучше, чем открытка с прелестным котенком.

– О, да, – засмеялась Петал. – Все мои друзья считают тебя очень романтичным. Мой учитель английского языка спросил меня, опубликовал ли ты что-нибудь.

– Я еще не написал ничего, что заслуживало бы публикации, – ответил он. – Английский все еще вызывает в тебе интерес?

– Этот предмет я люблю значительно больше, чем математику. В математике я пустое место.

– Что вы изучаете? Пьесы?

– Нет. Но иногда стихи.

– Какие-нибудь тебе нравятся?

Она на мгновение задумалась.

– Стихи о нарциссах.

Эллис кивнул.

– Мне это тоже нравится.

– Я только забыла, кто их написал.

– Уильям Уордсуорт.

– Да, верно.

– Что-нибудь еще?

– Собственно говоря, больше ничего. Меня больше увлекает музыка. Тебе нравится Майкл Джексон?

– Не знаю. Я не уверен, слышал ли я вообще его записи.

– Он действительно очарователен. – Петал захихикала. – Все мои друзья от него без ума.

Она второй раз сказала «все мои друзья». В данный момент группа сверстников представлялась ей самым главным в жизни.

– Мне хотелось бы как-нибудь познакомиться с кем-нибудь из твоих друзей, – сказал Эллис.

– О, папочка, – с укоризной проговорила она. – Тебе это едва ли понравится. Ведь это в основном девушки.

Получив легкий отпор, Эллис на какое-то время сосредоточился на еде, которую он запивал бокалом белого вина, в нем продолжали жить некоторые французские привычки.

Закончив есть, Эллис сказал:

– Послушай, я подумал: почему бы тебе как-нибудь не поехать ко мне в Вашингтон на уик-энд? Это ведь всего час лета. Мы могли бы хорошо провести время.

– А что в Вашингтоне? – с удивлением спросила Петал.

– Ну, мы могли бы посмотреть Белый дом, где живет президент. Кстати, в Вашингтоне находятся некоторые из самых лучших музеев мира. К тому же ты никогда не видела моей квартиры. У меня есть комната для гостей... – он осекся.

Петал явно не проявляла интереса.

– Ах, папочка, я, право, не знаю, – сказала она. – На уик-энд у меня столько всяких дел – уроки, вечеринки, покупки, уроки танца и всякое другое...

Эллис старался скрыть свое разочарование.

– Ладно, не беспокойся зря, – проговорил он. – Приедешь как-нибудь в другой раз, когда дел будет поменьше.

– Да, о'кей, – подхватила Петал с явным облегчением.

– Подготавливаю комнату для гостей, чтобы ты могла приехать в любое удобное для тебя время.

– О'кей.

– В какой цвет ее покрасить?

– Я даже не знаю.

– А какой твой любимый цвет?

– Думаю, что розовый.

– Ладно, значит, розовый. – Эллис выдавил из себя улыбку. – Ну, поехали.

Возвращаясь домой в машине, Петал спросила его, не будет ли он возражать, если она проколет себе уши.

– Не знаю, – произнес он осторожно. – Что думает на этот счет мама?

– Она говорит, что разрешит, если ты будешь согласен.

Интересно, Джилл сознательно подключила его к принятию этого решения или просто «подставила» его?

– Думаю, что мне это не очень по душе, – сказал Эллис. – Мне кажется, ты еще слишком молоденькая, чтобы прока-

лывать уши для украшений.

– Ты считаешь, я еще слишком юна, чтобы иметь молодого человека?

Эллис так и порывался сказать «да». Петал действительно казалась ему чересчур юной. Но он не мог остановить процесс взросления.

– Ты уже достаточно взрослая, чтобы назначать свидания с мальчиками, но тебе еще слишком мало лет, чтобы иметь постоянного друга, – проговорил Эллис. Он окинул ее взглядом, чтобы посмотреть, как она отреагирует на его замечание. «Может быть, – подумалось ему, – они теперь не говорят о постоянных дружках?»

Когда они приблизились к дому, «форд» Бернарда стоял у подъезда. Эллис припарковал «Хонду» позади него и вместе с Петал вошел в дом. Бернард находился в комнате. Это был невысокого роста мужчина с очень коротко подстриженными волосами, добродушный и начисто лишенный воображения. Петал восторженно приветствовала Бернарда, обняв и поцеловав его. Казалось, что он чувствовал себя даже несколько смущенным. Крепко пожав руку Эллиса, он спросил:

– У правительства в Вашингтоне дела в полном порядке?

– Да, в общем, как обычно, – проговорил Эллис. Они считали, что он работает в государственном департаменте и что его обязанности заключаются в том, чтобы прочитывать французские газеты и журналы, и подготавливать ежеднев-

ный обзор для французского отдела.

– Как насчет пива?

Собственно говоря, у Эллиса не было желания пить пиво, но для поддержания дружеской обстановки он согласился. Бернард отправился за пивом. Он был заведующим отделом кредитования одного универсального магазина в Нью-Йорке. Видимо, Петал относилась к нему с любовью и уважением, а он, в свою очередь, испытывал к ней нежные чувства. Других детей ни у Джилл, ни у Бернарда не было. И тот самый специалист по лечению бесплодия не смог ему ничем помочь.

Бернард вернулся из кухни с двумя стаканами пива, один из которых передал Эллису.

– А теперь иди готовь уроки, – сказал он, обращаясь к Петал. – Папочка простится с тобой перед отъездом.

Петал снова поцеловала его и убежала. Когда она была вне пределов слышимости, он сказал:

– Обычно Петал не так ласкова. Но когда вы здесь, она явно перебарщивает. Не понимаю, почему.

Эллису все было очень даже понятно, но сейчас ему не хотелось об этом думать.

– Выбросите это из головы, – сказал он. – Как идут дела?

– В общем неплохо. Высокие проценты хотя и отразились на нас, но не так, как мы опасались. Судя по всему, люди все еще готовы занимать деньги для приобретения товаров, по крайней мере в Нью-Йорке. – Он сел и стал потягивать пиво.

Эллису всегда казалось, что Бернард испытывал перед ним физический страх. Это проявлялось в его походке. Бернард напоминал домашнюю собаку, которую фактически не пускали в дом и которая держится всегда на расстоянии, чтобы вовремя ускользнуть от пинка.

Несколько минут они поговорили об экономическом положении. Эллис поторопился допить пиво и поднялся, чтобы уйти. Он подошел к лестнице и сказал:

– До свидания, Петал.

Она показалась на самой верхней ступеньке:

– А как насчет того, чтобы проколоть уши?

– Можно мне еще подумать об этом? – спросил Эллис.

– Конечно. Пока.

Джилл спустилась по лестнице.

– Я отвезу тебя в аэропорт, – сказала она.

– Ладно, спасибо, – проговорил удивленный Эллис.

В пути Джилл сказала:

– Она дала мне понять, что не хочет проводить уик-энд у тебя.

– Да, это так.

– Ты расстроился?

– Это заметно?

– Мне – да. Ведь когда-то я была твоей женой. – Она на мгновение замолчала. – Мне очень жаль, Джон.

– Это моя вина. Я не все просчитал. До моего появления у нее уже были мамочка, и папочка, и кров – все, что требу-

ется любому ребенку. Хотя в ее жизни я не совсем лишний, но все же угроза для ее счастья. По сути дела, я инородное тело, источник напряженности. Вот почему она вешается на Бернарда в моем присутствии. Она не хочет этим меня обидеть. Она поступает так, потому что боится потерять его. А источник этого, страх – во мне.

– Она это переживет, – сказала Джилл. – Америка полна детей с двумя отцами.

– Это не может служить извинением. Я тут напортачил, и должен это расхлебывать.

Он удивился, когда Джилл погладила его по колену.

– Не будь чересчур суров к себе, – сказала она. – Ты не создан для такой семейной жизни. Я поняла это в первый же месяц после свадьбы. Дом, работа, предместье, дети – все это не для тебя. Ты совсем другого склада. Поэтому я тогда влюбилась в тебя и поэтому же я так легко рассталась с тобой. Я любила тебя, потому что ты всегда был такой грязный, одержимый, оригинальный и возбуждающий. От тебя можно было ожидать чего угодно. Но ты не рожден для семейной жизни.

Он молча размышлял о сказанном Джилл, которая сейчас везла его в аэропорт. Все это было произнесено с дружеской интонацией, за что он был ей благодарен. Только вот так ли все это было на самом деле? Он считал, что нет. «Мне не нужен дом за городом, – думал Эллис, – но я хотел бы иметь дом, может быть, виллу в Марокко или чердак в Грин-

вич-Виллидж или мансарда в Риме. Мне не нужна жена-экономка, которая только готовила бы, чистила и мыла по дому, ходила бы за покупками в магазин да еще регулярно забирала бы протоколы ассоциации родителей и учителей. Мне хотелось бы найти жену-подругу, с которой можно было бы поговорить о книгах, поэзии и фильмах, и побеседовать вечером после работы. Я охотно имел бы детей и воспитал бы их так, чтобы круг их интересов не ограничивался Майклом Джексонном.»

Джилл так и не узнала об этих мыслях.

Она затормозила, и до него дошло, что они подъехали к восточному входу. Эллис посмотрел на часы, без десяти девять. Если поспешить, еще можно будет успеть на девятичасовой рейс.

– Спасибо, что подвезла, – сказал Эллис.

– Знаешь, тебе нужна женщина такая же, как ты, – заметила Джилл.

Эллис подумал о Джейн.

– Однажды я встретил такую.

– И что же?

– Она вышла замуж за миловидного врача.

– Этот врач такой же безумец, как ты?

– Не думаю.

– Тогда это все быстро развалится. Когда она вышла замуж?

– Примерно год назад.

– Ага, – Джилл, видимо, прикинула, что это совпало по времени с вторжением Эллиса в жизнь Петал. Но она снисходительно оставила эти мысли при себе. – Послушайся моего совета, – сказала Джилл. – Разыщи ее и еще раз обо всем подумай.

Эллис вышел из машины.

– Я очень скоро дам о себе знать.

– До свидания.

Он захлопнул дверь, и она уехала. Эллис поспешил в здание аэропорта. За несколько оставшихся минут он успел все оформить. Когда самолет взлетел, Эллис достал из кармана сиденья перед собой журнал новостей и поискал глазами материал о событиях в Афганистане.

Он стал внимательно следить за военными действиями в этой стране, как только узнал от Билла из Парижа, что Джейн решила отправиться туда вместе с Жан-Пьером. События в Афганистане перестали быть темой №1 в средствах массовой информации. Часто в течение недели, а то и двух, об этой войне не появлялось никаких сообщений. Но сейчас после зимней спячки в прессе кое-что стало появляться об этом, по меньшей мере, раз в неделю.

В журнале анализировалась ситуация вокруг советского присутствия в Афганистане. Эллис с недоверием стал читать попавшийся ему на глаза материал, потому что многие подобные статьи были инспирированы ЦРУ. К примеру, какой-нибудь репортер получал от секретной службы опера-

тивную сводку в отношении конкретного района, и невольно становился источником дезинформации, адресованной разведслужбе другой страны. Таким образом, опубликованный материал оказывался столь же далеким от истины, как и какая-нибудь статья из газеты «Правда».

Тем не менее, эта статья показалась Эллису правдоподобной. В ней отмечалось наращивание живой силы и вооружений накануне крупного летнего наступления. Похоже, что Москва действовала по принципу – патронов не жалеть. Русские намеревались сломить сопротивление уже в этом году, в противном случае они будут вынуждены искать основу для какого-то соглашения с повстанцами. Этот вывод показался Эллису логичным. Он решил навести справки, что думают на это счет агенты ЦРУ в Москве, но ему казалось, что это практически совпадало с содержанием статьи.

Среди наиболее опасных районов военных действий в статье упоминалась долина Панишер. Эллис вспомнил, как Жан-Пьер рассказывал о долине Пяти Львов. В статье также упоминался главарь мятежников Масуд. Жан-Пьер говорил о нем.

Эллис смотрел в иллюминатор, наблюдая заход солнца. Он со страхом подумал о том, что в это лето над Джейн нависнет серьезная угроза.

Но это его не касается. Она ведь сейчас замужем за другим. В любом случае, он бессилён ей чем-либо помочь.

Он окинул взглядом свой журнал, перевернул страницу

и углубился в чтение статьи о Сальвадоре. Самолет с ревом приближался к Вашингтону. На западе село солнце и наступила тьма.

* * *

Аллен Уиндермэн пригласил Эллиса на ленч в ресторане «Сиффорд» с видом на реку Потомак. Уиндермэн опоздал на полчаса. Это был типичный представитель столичных деловых кругов, темно-серый костюм, белая сорочка, полосатый галстук, сам скользкий, как угорь. Поскольку счет в ресторане оплачивался Белым домом, Эллис заказал омаров и бокал белого вина. Уиндермэн заказал перье и салат. Все на Уиндермэне было впритык, галстук, ботинки, план мероприятий на день и самоконтроль.

Эллис был начеку. Он не мог отказаться от приглашения советника президента, хотя не любил тайные неофициальные обеды. Но больше всего ему был несимпатичен сам Аллен Уиндермэн.

Уиндермэн приступил прямо к делу.

– Мне нужен ваш совет.

Эллис прервал его.

– Прежде всего я должен знать, в курсе ли нашей встречи ЦРУ или же нет.

Если Белый дом намеревается спланировать какую-либо тайную операцию в обход ЦРУ, Эллис не хотел иметь с этим

ничего общего.

– Разумеется, – ответил Уиндермэн. – Что вам известно об Афганистане?

Эллису вдруг стало не по себе. «Раньше или позже это коснется Джейн, – подумалось ему. – Им, несомненно, все известно о ней, да я этого и не скрывал. Я сказал Биллу в Париже, что собираюсь просить ее руки. Позже я звонил Биллу, чтобы выяснить, действительно ли она отправилась в Афганистан. Все это отражено в моем досье. И вот теперь, будучи обо всем в курсе дела, этот сукин сын не преминет воспользоваться имеющейся информацией.»

– Об этом мне известно очень немного, – сказал он осторожно. Ему пришли на память стихи Киплинга, и он процитировал несколько строк:

Если раненым будешь лежать одиноко в долине
Афганской,
И появится женщина, чтоб последний удар нанести,
Дотянись до ружья и в голову пулю пусти,
Чтобы к Богу явиться достойно на праздник солдатский.²

В голосе Уиндермэна впервые послышалось раздражение.

– Два года вы изображали из себя поэта, так что вам положено знать массу подобных вещей.

– Так и афганцы, – сказал Эллис. – Все они – поэты, как

---

² Пер. Р. Виноградовой.

все французы – гурманы, а валлийцы – певцы.

– Неужели так?

– Потому что они не умеют ни читать, ни писать. Поэзия – это устная форма художественного творчества. – Уиндермэн с трудом сдерживал свое нетерпение. В плане его мероприятий на день не было времени для поэзии. Между тем Эллис продолжал:

– Афганцы – дикие лохматые злобные племена, живущие в горах. Они только-только порывают с нравами средневековья. Говорят, что они чрезвычайно вежливы, бесстрашны, как львы, и безжалостно жестоки. Их страна сурова, пустынная и неплодородна. А что вам известно о них?

– Такого понятия как «афганцы» нет в природе, – возразил Уиндермэн. – Есть шесть миллионов пуштунов на юге, три миллиона таджиков на западе, миллион узбеков на севере и еще примерно с дюжину других национальностей численностью меньше миллиона. Современные границы не имеют для них большого смысла: есть таджики на территории Советского Союза и пуштуны в Пакистане, некоторые из них разделены на племена. Они как краснокожие индейцы, которые считают себя не американцами, а апачами, неграми или сиу. Причем они запросто, как сейчас против русских, могут сцепиться друг с другом. Наша проблема заключается в том, чтобы объединить апачей и сиу в борьбе с бледнолицыми.

– Понимаю, – кивнул Эллис, задавая самому себе вопрос, когда Джейн окажется вовлеченной во все эти события? Он

спросил: – Значит, основной вопрос: кому быть главарем?

– Это просто. Наиболее вероятным партизанским командиром является Ахмед Шах Масуд из долины Панишер.

Долина Пяти Львов. Что ты замышляешь, гнусный сукин сын? Эллис внимательно разглядывал гладко выбритое лицо Уиндермэна. Он казался абсолютно спокойным.

Эллис спросил:

– И в чем же заключаются удивительные способности Масуда?

– Большинство лидеров мятежников довольствуются тем, чтобы контролировать свои племена и собирать налоги, не допуская правительство к своей территории. Масуд делает больше, чем остальные. Он выходит из своего бастиона в горах и атакует. Он занимает благоприятное положение по отношению к трем стратегическим целям: к столице – Кабулу, к тоннелю Саланг на единственном ныне шоссе от Кабула до афгано-советской границы и, наконец, к главной военно-воздушной базе Баграм. Учитывая столь благоприятное положение, Масуд способен причинить значительный ущерб, что он и делает. Он изучал искусство партизанской войны. Читал произведения Мао. Он, без сомнения, является во всей стране самым крупным военным экспертом. К тому же, у Масуда есть деньги. В его долине добывают изумруды, которые сбывают в Пакистане, Масуд взимает десяти процентный налог с оборота, используя вырученные средства на финансирование своей армии. Ему двадцать восемь лет, он явно ав-

торитетный лидер, люди его просто боготворят. Кроме того, он таджик. По численности на первом месте пуштуны, все остальные ненавидят их, поэтому лидером не может стать пуштун. На втором месте по численности таджики. Не исключено, что они объединятся под началом таджика.

– И мы хотим содействовать этому процессу?

– Совершенно верно. Чем сильнее будут мятежники, тем больший урон они нанесут русским. Кроме того, успех в этом году разведслужбы США в Афганистане мог бы оказаться весьма полезным.

Тот факт, что афганцы борются за свою свободу против жестокого агрессора, мало волновал Уиндермэна и людей его круга, размышлял Эллис. Мораль в Вашингтоне вышла из моды. Демонстрация мощи – только это и принималось в расчет. Если бы Уиндермэн родился в Ленинграде, а не в Лос-Анджелесе, он чувствовал бы себя не менее счастливым, удачливым и всесильным и применял бы ту же самую тактику, сражаясь в противоположном лагере.

– И что же вы от меня хотите? – спросил его Эллис.

– Хотелось бы знать ваше мнение. Можно ли сделать так, чтобы какой-нибудь тайный агент способствовал союзу между разными афганскими племенами?

– Думаю, что да, – ответил Эллис. В это время принесли еду, и он невольно получил некоторое время для обдумывания. Когда официант ушел, Эллис заметил: – Думаю, что это возможно при наличии того, чего они от нас хотят. Я имею

в виду оружие.

– Верно. – Уиндермэн начал есть, неторопливо, как человек, страдающий язвой желудка. В промежутке между маленькими кусками он заметил: – В настоящее время они покупают себе оружие в Пакистане. Все, что там можно получить – это копии британских ружей викторианской эпохи или, если не копии, то подлинные адские оригиналы, которым уже по сто лет, но из которых все еще можно стрелять. Они также забирают автоматы Калашникова у убитых русских солдат. Но им нужна малая артиллерия – зенитные орудия и ручные ракеты класса «земля-воздух», что позволит им сбивать самолеты и вертолеты.

– Мы готовы предоставить им эти виды оружия?

– Да. Но не напрямую. Мы могли бы закамуфлировать нашу причастность, отправляя оружие через посредников. Тут нет никакой проблемы. Можно было бы привлечь Саудовскую Аравию.

– О'кей. – Эллис проглотил несколько кусочков омара. Он показался вкусным. – Позвольте мне сказать, каким на мой взгляд мог бы быть первый шаг. В каждой группе партизан вам нужно иметь ядро людей, которые знают, понимают и доверяют Масуду. Эти люди станут, таким образом, связными Масуда. Их роль постепенно будет расширяться, прежде всего обмен информацией, потом взаимное сотрудничество и, наконец, согласованные планы военных действий.

– Звучит солидно, – сказал Уиндермэн. – И как это можно

осуществить?

– Я предложил бы Масуду заняться программой подготовки людей в долине Пяти Львов. Каждая группа партизан на некоторое время направит несколько молодых людей для участия в военных действиях на стороне Масуда с тем, чтобы освоить методы, обеспечивающие ему успех. Они также будут учиться относиться к нему с доверием и уважением, если он действительно такой способный командир, как вы говорите.

Уиндермэн задумчиво кивнул.

– Таково предложение, которое могло бы быть приемлемым для старейшин племен, которые отвергли бы любой план, предписывающий им выполнять приказы Масуда.

– Есть какой-нибудь конкретный соперничающий командир, сотрудничество с которым имеет решающее значение для любого союза?

– Да. Таковых двое: Яхан Камиль и Амаль Азизи. Оба пуштуны.

– Тогда я бы направил тайного агента с целью побудить обоих сесть за один стол с Масудом. Если он вернется с бумагой, скрепленной подписями всех троих, можно было бы отправить первую партию ракетных пусковых приспособлений. Их последующие партии будут поставлены в зависимость от успешного осуществления программы подготовки.

Уиндермэн положил вилку и закурил сигарету. «У него наверняка язва желудка», – подумал Эллис.

– Именно так я себе это и представлял, – проговорил Уиндермэн. Видимо, он уже размышлял о том, как выдать идею Эллиса за свою собственную. Уже на завтра он заявит: «За ленчем мы разработали план», – а в его письменном рапорте будет сказано: «Специалисты по тайным операциям считают мой план выполнимым».

– С чем может быть связан риск данной операции?

Эллис задумался.

– Если русские возьмут агента в плен, это будет иметь для них пропагандистский эффект. В данный момент они имеют в Афганистане то, что Белый дом назвал бы «проблемой имиджа». Их союзники в Третьем мире не в восторге от того, как они опустошают маленькую бедную страну. Прежде всего их друзья в мусульманском мире склонны симпатизировать участникам движения Сопротивления. Нынешняя линия русских сводится к тому, что так называемые мятежники – это бандиты, получающие финансовую поддержку и оружие от ЦРУ. Они были бы просто счастливы в подтверждение этого поймать настоящего живого агента ЦРУ в этой стране, чтобы предать его суду. Думаю, что в геополитическом плане такой подход нанес бы нам огромный ущерб.

– Каковы шансы, что русские поймают нашего человека?

– Незначительные. Если уж русские не могут поймать Масуда, куда им изловить тайного агента, заброшенного для встречи с Масудом?

– Ясно. – Уиндермэн загасил сигарету. – Я хочу, чтобы

этим агентом были вы.

Такая развязка застала Эллиса врасплох. Он должен был бы мысленно готовиться к такому повороту, но пока сосредоточился главным образом на теоретическом аспекте проблемы.

– Не хочу больше иметь с этим дело, – сказал он, однако в его голосе не было убежденности, и он невольно задумался, – там я снова увидел бы Джейн, увидел бы Джейн!

– Я говорил с вашим боссом по телефону, – заметил Уиндермэн. – Он считает, что назначение в Афганистан могло бы способствовать вашему возвращению к деятельности внешней разведки.

Такой, стало быть, план. Белый дом решил провернуть нечто чрезвычайное в Афганистане, поэтому и обратился к ЦРУ с просьбой одолжить им агента. ЦРУ, желая его возвращения во внешнюю разведку, попросил Белый дом поручить Эллису выполнить это задание, зная – или подозревая, – что у него возникнет непреодолимое желание вновь увидеться с Джейн. Эллис ненавидел, когда им манипулируют. Однако он хотел побывать в долине Пяти Львов. Наступила продолжительная пауза.

– Так вы согласны? – нетерпеливо проговорил Уиндермэн.

– Надо все хорошенько обдумать, – проговорил Эллис.

Отец Эллиса тихонько рыгнул, извинился и сказал:

– Было очень вкусно.

Эллис отодвинул от себя тарелку с остатками пирога с вишнями и взбитыми сливками. Впервые в жизни ему пришлось следить за своим весом.

– Правда, очень вкусно, мама, но я больше не могу, – проговорил он извиняющимся тоном.

– Никто сейчас не ест как раньше, – сказала она и встала, чтобы убрать со стола. – Все это от того, что ездят в машине.

Отец отодвинул в сторону стул.

– Мне еще надо чуточку поколдовать над своей арифметикой.

– У тебя до сих пор нет бухгалтера? – спросил Эллис.

– Никто не разберется в собственных деньгах лучше, чем ты сам, – ответил отец. – Ты сразу убедишься в этом, если сам сумеешь чего-нибудь заработать. – Он вышел из комнаты, чтобы уединиться в своем кабинете.

Эллис помог матери убрать со стола. Семья переехала в этот дом с четырьмя спальнями в Тинеке, в штате Нью-Джерси, когда Эллису исполнилось тринадцать лет. Но он помнил переезд, словно это было вчера. Чтобы возникло их жилище, потребовались, без преувеличения, годы. Поначалу отец стоил этот дом в одиночку, подключая своих людей в про-

цессе расширения собственной строительной фирмы. Но так было только в периоды экономического спада. Когда семья въехала в этот дом, он все еще не был готов, отопление не работало, в кухне отсутствовали шкафы, стены и потолки не покрашены. Горячую воду подключили на следующий день только потому, что мать пригрозила мужу разводом. В конце концов строительство было закончено и Эллис вместе с братьями и сестрами получили дом, в котором они прожили до своего совершеннолетия. Сейчас для отца с матерью он был велик, но Эллис надеялся, что родители сохранят этот дом, который вызвал в нем такие добрые и теплые воспоминания.

Когда они заложили в машину всю грязную посуду, он сказал:

– Мама, ты помнишь чемодан, который я здесь оставил после возвращения из Азии?

– Конечно. Он в шкафу, в маленькой спальне.

– Спасибо. Я хотел бы на него взглянуть.

– Сходи, посмотри. А я сама здесь управлюсь.

Поднявшись по лестнице, Эллис прошел в маленькую спальню под самой крышей. Сюда редко кто заходил. Кроме односпальной кровати, здесь стояло несколько сломанных стульев, старый диван и четыре или пять картонных коробок с детскими книгами и игрушками. Эллис открыл шкаф и вынул маленький черный пластмассовый чемодан. Он положил его на кровать, повернул замки из комбинации цифр и поднял крышку. В лицо ему ударил спертый запах, чемо-

дан не открывали целых десять лет. Все было на месте: медали, обе пули, которые извлекли из его тела при операции, армейский полевой устав ФМ5-31 под названием «мина-ловушка», фотография Эллиса около вертолета, ухмыляющегося, совсем молоденького и (вот черт!) долговязого, записка от Фрэнки Амальфи, где было написано: «Сукину сыну, укравшему мою ногу», – лихая шутка: Эллис незаметно развязал Фрэнки шнурок, потом сдернул с ноги ботинок и оторвал ступню и полноги, прикоснувшись к колену дико вращавшимся несущим винтом, часы Джимми Джонса, навсегда остановившиеся в половине шестого. «Ты сохрани их, сынок, – сказал в крепком подпитии отец Джимми Эллису, – потому что ты был его другом, а это больше того, чем был я», и еще дневник.

Эллис перелистал дневник. Ему достаточно было прочесть несколько слов, чтобы вызвать в памяти целый день, неделю или бой. Первые записи дневника поражали оптимизмом, жадной приключений и, пожалуй, самоуверенностью, но постепенно нарастало избавление от иллюзий, сгущались мрачные нотки отчаяния, граничившие с предчувствием самоубийства. За мрачными фразами скрывались неизгладимые сцены: проклятые Арвины отказывались вылезать из вертолета, если уж им так важно избавиться от коммунизма, чего же они тогда не воюют? И рядом с этим: «Мне кажется, что капитан всегда был тот еще дурошлеп, только вот к чему такая смерть – один из его же людей забросал

его гранатами?» или, чуть дальше: «У женщин под юбкой – винтовки, а у детей под рубашкой гранаты, как же нам, черт возьми, прикажете поступать – сдаваться?» Последняя запись: «Неправильно в этой войне то, что мы по другую сторону баррикад. В общем, мы – носители зла. Поэтому многие военнообязанные „косят“ от службы в армии, поэтому вьетнамцы не желают воевать, поэтому мы убиваем женщин и детей, поэтому генералы обманывают политиков, политики обманывают журналистов, а газеты обманывают общественность».

После этого его мысли приобретали откровенно еретическую окраску, чтобы излагать их на бумаге, а чувство вины представлялось слишком значительным, чтобы сформулировать его простыми словами. Эллису казалось, что весь остаток его жизни ему придется бороться с несправедливостью, которую он натворил своим участием в той войне. По прошествии послевоенных лет в нем все еще жило это убеждение. Если бросить на чашу весов убийц, похитителей людей, угонщиков самолетов и террористов, которые с тех пор при его участии были задержаны и отправлены за решетку, – все равно это было бы ничтожно мало по сравнению с тоннами сброшенных им бомб и многими тысячами выстрелов, сделанных им по Вьетнаму, Лаосу и Камбодже.

Эллис понимал, что все прошедшее было нерационально. Когда по возвращении из Парижа он некоторое время размышлял об этом, до его сознания дошло, как эта рабо-

та разрушила его жизнь. Он решил покончить с попытками каким-либо образом искупить грехи Америки. Но это... это было нечто иное. Здесь ему представился шанс бороться за маленького человека, против изолгавшихся генералов, маклеров власти и зашоренных журналистов, это был шанс вести борьбу не в одиночку в огромной массе других, здесь налицо была иная подоплека – он мог бы, если примет сделанное ему предложение, изменить ход войны – да и судьбу всей страны, приблизив великий успех борьбы за дело свободы.

А кроме того, была еще и Джейн.

От одной мысли снова увидеть Джейн, его страсть вновь разгоралась. Всего несколько дней назад он думал о Джейн и о нависшей над ней опасности. Потом выбросил из головы эту мысль и перевернул страницу. Теперь он едва ли мог думать о чем-либо, кроме нее. Он спрашивал себя, какие у нее волосы – короткие или длинные, пополнела она или похудела, довольна ли она своей теперешней жизнью, нашла ли общий язык с афганцами и, прежде всего, любит ли она до сих пор Жан-Пьера?

«Послушай моего совета, – говорила ему Джилл, – разыщи ее».

Умница Джилл.

Наконец Эллис вспомнил о Петал. «Я старался, – думал он, – я действительно старался и не считаю, что проделал это неумело. Я думаю, что идея с самого начала была обречена на провал. Джилл и Бернارد дали ей все, что требовалось. В

ее жизни нет места для меня. Она счастлива без меня».

Он закрыл дневник и положил его обратно в чемодан. Потом достал маленькую дешевую шкатулку для драгоценностей. В ней лежала пара крошечных золотых серег, в каждой сережке в центре по жемчужине. Девушка, которой они были предназначены, с узким разрезом глаз и маленькой грудью, внушавшая, что не может быть в любви никаких «табу», умерла. Ее убил какой-то пьяный солдат в сайгонском баре. Поэтому Эллис и не успел подарить ей эти серьги. Он не любил ее, просто она нравилась ему, и он был ей благодарен. Эти серьги должны были стать прощальным подарком.

Он достал из кармана рубашки обычную почтовую карточку и ручку. Немного задумавшись, Эллис написал:

Петал

Да, ты можешь проколоть уши. С любовью,
Твой папочка.

Глава 6

Вода в реке Пяти Львов никогда не была теплой, но сейчас она казалась чуточку менее холодной в прямом вечернем воздухе на закате мглистого дня, когда женщины спустились на свой традиционный кусочек берега, чтобы искупаться. Стиснув зубы от холода, Джейн вместе с другими постепенно входила в воду, причем с нарастанием глубины она все выше поднимала платье. Когда вода дошла ей до бедер, Джейн начала мыться. В результате долгих упражнений она приноровилась поддерживать гигиену тела без раздевания.

Закончив мытье, она вышла из воды и, трясаясь от холода, подошла к Захаре, которая, расплескивая вокруг себя воду, мыла голову. Одновременно она что-то темпераментно обсуждала другими женщинами. Захара еще раз сунула голову в воду, после чего пошарила рукой то место на песке, где должно было находиться ее полотенце. Но его там не оказалось.

– Где мое полотенце? – пронзительно вскрикнула она. – Я положила его в эту ямку. Кто его украл?

Джейн подняла с земли полотенце, которое лежало у Захары за спиной, и сказала:

– Вот оно. Ты положила его не в ту ямку.

– То же самое сказала жена муллы! – вскрикнула Захара под хохот стоявших рядом женщин.

Между тем женщины деревни признали Джейн как свою. После рождения Шанталь исчезли последние признаки настороженности и недоверия к ней. Разговор на берегу получился исключительно искренним, наверное, потому, что дети остались под присмотром старших сестер и бабушек, но, скорее всего, благодаря самой Захаре. Надо всем происходящим довлели ее громкий голос, сверкающие глаза и гортанный звонкий смех. Она, без сомнения, полностью раскрывала здесь свою душу, будучи вынужденной подавлять свою настоящую натуру в остальное время дня. Она обладала простонародным чувством юмора, которое Джейн еще ни разу не встречала у мужчин и женщин в Афганистане, причем грубоватые замечания и двусмысленные шутки Захары нередко предшествовали переходу к серьезным разговорам. Таким образом, вечерние купания Джейн часто превращала в импровизированные лекции по гигиене. Наибольший интерес вызывал вопрос о контроле над рождаемостью, хотя женщин из деревни Бэнда волновало не столько предотвращение беременности, сколько ее сохранение. Тем не менее, они с некоторым интересом воспринимали идею Джейн о том, что если ребенка рожать раз в два года, а не каждые двенадцать или пятнадцать месяцев, то его легче прокормить и выходить. Накануне они беседовали о менструальном цикле, выяснилось, что по мнению афганских женщин, наиболее благоприятное время для беременности – непосредственно до и сразу после месячных. Джейн заметила, что самым под-

ходящим для этого является время с двенадцатого дня по шестнадцатый. Казалось, что женщины согласились с этим, но у Джейн в глубине души было подозрение, что они так среагировали просто из уважения к ней.

Сегодня воздух был наполнен радостным возбуждением. Ожидалось прибытие колонны из Пакистана. Мужчины привезут маленькие драгоценные подарки: косынку, несколько апельсинов и пластмассовые браслеты, но самое главное – столь необходимое огнестрельное оружие, боеприпасы и взрывчатку.

Колонну возглавлял Ахмед Гул, муж Захары и один из сыновей повитухи Рабии. Захара не скрывала своего волнения от предстоящей встречи с мужем. Когда они были вместе, то ничем не отличались от других супружеских пар, она молчаливая и услужливая, он – временами властный. Но по тому, как они смотрели друг на друга, Джейн решила, что они влюблены. Из рассказа Захары стало ясно, что их любовь была ярко выраженной телесной. Сегодня откровенная страсть переполняла ее. Она вытирала свои волосы энергичными резкими движениями рук. Джейн позавидовала Захаре, когда-то и ее переполняли те же чувства. Они, без сомнения, подружились, ибо ощутили друг в друге родство душ.

Тело Джейн почти мгновенно высохло на теплом запыленном воздухе. В разгаре лета каждый день был долгим, сухим и жарким. Прекрасная погода продержится еще месяц-другой, после чего до конца года установятся суровые холода.

Захару все еще интересовал обсуждавшийся накануне вопрос. На мгновение она оставила свои волосы в покое и сказала:

– Что бы там ни говорили, для зачатия важно заниматься этим каждый день.

С нею согласилась обычно угрюмая черноглазая Халима, жена Мохаммеда Хана:

– А чтобы не забеременеть, есть только один путь – не занимайся этим вовсе.

Она родила четверых детей, из которых только один был мальчик по имени Муса. Халима разочаровалась, когда узнала, что Джейн тоже не было известно, каким образом гарантировать рождение сына.

– А как ты обходишься, пока твой муж больше месяца проводит в колонне? – спросила Захара.

– Тогда бери пример с жены муллы, – заметила Джейн, – воспользуйся другой ямкой.

В ответ Захара громко расхохоталась. Джейн улыбнулась. В программу ее кратковременных курсов в Париже не были включены методы контроля над рождаемостью, однако не вызывало сомнения, что пройдет еще много лет, прежде чем в долине Пяти Львов станет известно о современных достижениях медицины, поэтому, как и прежде, остается уповать на традиционные методы лечения, которым, наверное, не помешают кое-какие дополнительные знания.

Разговор зашел о будущем урожае. Долина представляла

собой море золотистой пшеницы и остистого ячменя, однако большая часть урожая так и сгниет на полях, потому что молодые мужчины в своей массе отсутствовали, принимая участие в военных действиях, в то время как у пожилых, убиравших урожай при лунном свете, работа не очень спорилась. В конце лета все семьи считали и пересчитывали свои мешки с мукой и корзины с сушеными фруктами, кур и коз, а также свои сбережения. Они старались предвидеть нехватку яиц и мяса, прикидывая, какие зимой будут цены на рис и йогурт, некоторые из них, захватив с собой все самое ценное, уходили по далеким горным тропам, чтобы подобно деревенскому лавочнику устроиться в лагерях для беженцев в Пакистане, вместе с миллионами других афганцев.

Джейн опасалась, что русские воспользуются этой эвакуацией, чтобы сделать ее основой своей стратегии, что, не будучи в состоянии победить партизан, русские по примеру американцев во Вьетнаме, попытаются разрушить общины, в которых жили партизаны, применив сплошную бомбардировку целых сельских районов. Джейн боялась, что долина Пяти Львов может превратиться в необитаемую пустыню, и тогда Мохаммед, Захара и Рабия окажутся бездомными, без гражданства и какой-либо цели в жизни обитателями лагерей для беженцев. Партизанам нечего будет противопоставить такому глобальному блицкригу, ибо фактически они лишены средств противовоздушной обороны.

Наступала темнота. Женщины медленно возвращались в

деревню. Джейн шла рядом с Захарой, прислушиваясь краем уха к разговорам. Одновременно она думала о Шанталь. Ее мысли о ребенке прошли несколько стадий. Сразу после родов она ощутила облегчение и даже избавление. Ее душа переполнялась радостью и ликованием от сознания того, что она произвела на свет живое и здоровое дитя. Но потом на нее нахлынуло противоположное чувство, и она почувствовала себя удивительно несчастной. Джейн не знала, как выходить ребенка и, вопреки народной молве, она не обладала инстинктивными знаниями для этого. И вообще ей было страшно от того, что в ее жизни появился ребенок. Джейн не ощущала избытка обильной материнской любви. Вместо этого ей не давали покоя причудливые и жуткие фантазии, вызывавшие смерть ее ребенка: он то падал в бурную реку, то погибал от бомбы, то его похищал ночью снежный барс. Джейн до сих пор не поделилась с Жан-Пьером этими мыслями из опасения, что он сочтет ее сумасшедшей.

Сложности были и с повитухой Рабией. Так, она заявила, мол, в первые три дня женщины не должны кормить своих младенцев грудью, из которой выделяется совсем не молоко, а что-то другое. Джейн только рассмеялась в ответ, не может быть, чтобы женская грудь по своей природе вырабатывала что-то во вред новорожденному младенцу. В общем, Джейн проигнорировала рекомендацию старухи. Кроме того, хотя Рабия сказала, что новорожденную нельзя обмывать целых сорок дней, Джейн купала Шанталь, как это было принято на

Западе, каждый день. Потом Джейн заметила, как Рабия кормит Шанталь подслащенным маслом, которое ребенок слизывал с кончиков ее старых пальцев. Джейн страшно рассердилась. На следующий день Рабия отправилась принимать другие роды, а для помощи Джейн прислала одну из своих многочисленных внучек, тринадцатилетнюю Фару. Это была удачная замена. У Фары не было никаких предубеждений относительно ухода за младенцами. Она просто делала то, что ей говорила Джейн. И денег Фара не требовала, она работала за то, что ей давали поесть – и это было лучше, чем в доме родителей. Кроме того, для нее это был подходящий случай, чтобы набраться опыта по уходу за новорожденными. Фара уже готовилась выйти замуж, скорее всего через год или пару лет. Джейн казалось, что Рабия видит в своей внучке будущую повитуху, и помощь западной медсестре в уходе за ее ребенком несомненно способствовала бы росту авторитета Фары.

С отходом Рабии в сторону Жан-Пьер активнее стал проявлять себя. Он был нежен и предупредителен с Шанталь и вместе с тем внимательно и с любовью относился к Джейн. Именно он настоял на том, чтобы подкармливать Шанталь кипяченым козьим молоком, когда та просыпалась ночью. Для этого Жан-Пьер из своих медицинских запасов соорудил детский рожок и при необходимости сам вставал ночью. Конечно, Джейн всегда просыпалась, когда Шанталь начинала кричать, и уже не ложилась, пока Жан-Пьер кормил дочь

из рожка. Но все это было не столь утомительно, и в конце концов Джейн избавилась от ощущения крайнего изнеможения и отчаяния, которые так мучили ее.

В результате, хотя над Джейн все еще довлела озабоченность и неуверенность, она нашла в себе силы для терпения, которые, видимо, дремали в ней, но о которых прежде она даже не догадывалась. Хотя это не были глубокие инстинкты или уверенность в своих потенциальных способностях, Джейн черпала в этом силы для того, чтобы с достоинством преодолевать каждодневные испытания. Джейн ловила себя на мысли, что даже сейчас она почти на час, нисколько не тревожась, могла отлучиться от Шанталь.

Приблизившись к скоплению домов в центре деревни, женщины постепенно исчезали за глиняными стенами дворов. Чтобы попасть к себе в дом, Джейн пришлось спугнуть целую стаю кур да еще отогнать в сторону тощую корову. В доме находилась Фара, которая при свете лампы старалась убаюкать Шанталь. Ребенок еще бодрствовал и, видимо, очарованный пением девушки, разглядывал ее широко раскрытыми глазами. Это была колыбельная с простыми словами и сложной восточной мелодией. «Какой симпатичный ребенок, – подумала Джейн, – с пухлыми щечками, маленьким носиком и голубыми-преголубыми глазами».

Она велела Фаре приготовить чай. Девушка была на удивление застенчивой. Когда она стала работать на иностранку, на первых порах ей с трудом удавалось преодолевать страх.

Со временем это возбуждение прошло, и страх перед Джейн превратился в восхищение и преданность к ней.

Несколько минут спустя вошел Жан-Пьер. Его широкие штаны из хлопка и рубашка были в грязи со следами крови. На его длинных каштановых волосах и темной бороде виднелись следы пыли. Выглядел он уставшим. Жан-Пьер был в деревне Кхени, в пятнадцати километрах вниз по долине, чтобы оказать медицинскую помощь пострадавшим от воздушного налета. Джейн приподнялась, чтобы поцеловать его.

– Ну, как там было? – проговорила Джейн по-французски.

– Плохо, – он нежно прижал ее к себе, после чего наклонился над колыбелью Шанталь. – Хелло, крошка – Он улыбнулся, а Шанталь что-то пролепетала в ответ.

– А что же случилось? – спросила Джейн.

– Бомба угодила в дом, где жила семья. Дом был расположен на некотором расстоянии от деревни, и они считали, что так безопаснее. – Жан-Пьер повел плечами – Потом привезли несколько раненых повстанцев, которые южнее приняли бой. Вот почему я так задержался. – Он сел на грудь подушек. – У нас есть

– Уже поставила, – проговорила Джейн. – И что, это была засада?

Жан-Пьер закрыл глаза.

– Да, ничего особенного. Доставили на вертолетах солдат, которые по причинам, понятным только им одним, заняли

селение. Жители бежали. Мужчины, получив подкрепление, начали обстреливать русских с холмов. Потери с обеих сторон. Потом у повстанцев кончились боеприпасы и они отошли в горы.

Джейн понимающе кивнула. Она с сочувствием относилась к Жан-Пьеру. Это было тягостным делом – оказывать медицинскую помощь жертвам бессмысленной битвы. Бэнда еще никогда не подвергалась оккупации, но Джейн жила в постоянном страхе, что это может произойти. В кошмарном сне она куда-то все бежала, прижав к груди Шанталь, а над нею кружили вертолеты, с которых пулеметные очереди вонзались рядом с нею в каменистую почву.

Вошла Фара с горячим зеленым чаем, плоскими хлебными лепешками, которые назывались нан, и глиняным кувшином со свежим маслом. Джейн и Жан-Пьер начали ужинать. Масло было редкостью. Свой вечерний нан они обычно макали в йогурт, свернувшееся молоко или масло. В полдень они обычно ели рис с соусом, отдававшим мясом, а это вовсе не означало, что в нем действительно было мясо. Раз в неделю они лакомились курятиной или козлятиной. Джейн, которая все еще ела за двоих, каждый день могла позволить себе яйцо. В это время года на десерт было много всяких фруктов – абрикосы, сливы, яблоки и шелковица. Джейн очень хорошо чувствовала себя на такой диете, большинство англосаксов наверняка назвали бы ее голодным рационом, а вот кое-кто из французов увидел бы в этом основание для самоубий-

ства. Глядя на своего мужа, Джейн не смогла сдержать шутку:

– Может, к твоему стейку немного беарнского соуса?

– Нет, спасибо. – Жан-Пьер протянул ей свою чашку. – Но может быть, еще капельку белого Шато Шаваль? – Джейн подлила ему чая, и он пригубил, словно смакуя утонченный букет редкого вина. – Вино урожая 1962 года иногда недооценивают из-за того, что он шел следом за незабываемым 1961 годом, но я с самого начала был убежден, что его относительная неординарность и безупречная утонченность почти ни в чем не уступают абсолютному совершенству и изысканности его несравненного предшественника.

Джейн ухмыльнулась. Постепенно Жан-Пьер становился самым собой.

Шанталь заплакала, и этот крик мгновенно отозвался в груди Джейн. Она подхватила ребенка на руки и стала его кормить. Между тем Жан-Пьер продолжал есть.

– Оставь немного масла для Фары, – сказала Джейн.

– О'кей, – сказал Жан-Пьер. Собрав остатки ужина, он вынес их наружу, вернулся он с вазой шелковицы. Пока Джейн ела, Шанталь сосала грудь. Вскоре ребенок уснул, но Джейн знала, что через несколько минут Шанталь снова проснется и захочет еще.

Жан-Пьер отставил вазу и сказал:

– Сегодня снова кое-кто жаловался на тебя.

– Кто же? – резко спросила Джейн.

Жан-Пьер бросил на нее взгляд, полный смущения и упорства.

– Мохаммед Хан.

– Но он говорил не за себя.

– Может быть.

– И что же он сказал?

– Что ты учишь деревенских женщин, как стать бесплодными.

Джейн вздохнула. Ее раздражала не только ограниченность мужчин в этом селении, но и то, с каким «пониманием» относился к этим жалобам Жан-Пьер. Ей хотелось, чтобы он взял ее сторону, а не защищал ее обидчиков.

– За всем этим, конечно, Абдулла Карим, – проговорила Джейн. Жена муллы часто появлялась на берегу и наверняка рассказывала своему мужу все, что там слышала.

– Может, ты это прекратишь? – произнес Жан-Пьер.

– Ты о чем? – Джейн почувствовала жесткую интонацию в собственном голосе.

– Прекратишь рассказывать им, как избежать беременности?

В таком изложении это было неточное и нечестное воспроизведение того, чему Джейн учила женщин деревни. Тем не менее, она и не думала защищаться или оправдываться.

– А почему, собственно говоря, надо прекращать?

– Потому что это создает трудности, – проговорил Жан-Пьер с нетерпеливым видом, который всегда раздражал

Джейн. – Если мы глубоко оскорбим муллу, нам, может быть, придется покинуть Афганистан. Что еще важнее, это может подорвать авторитет организации «Врачи за свободу», и тогда повстанцы могут отказаться принимать врачей. Для них это священная война, и, знаешь, духовное здоровье важнее физического. Они могли бы обойтись и без нас.

Были еще и другие организации, которые направляли из Франции в Афганистан молодых врачей-идеалистов. Но Джейн промолчала. Она лишь заметила: «Ну что ж, придется пойти на этот риск».

– Придется? – проговорил Жан-Пьер, и она увидела гнев на его лице. – А почему придется?

– Потому что с этими людьми мы можем поделиться фактически единственной непреходящей ценностью – информацией. Конечно, очень важно смягчать страдания раненых и давать людям медикаменты против бактерий, но все дело в том, что у них никогда не будет достаточного количества хирургов и лекарств. Но в перспективе можно улучшить их здоровье путем распространения основных знаний в области питания, гигиены и профилактики. Поэтому следует продолжать начатое дело, даже если, это вызовет недовольство Абдуллы.

– И все же я против того, чтобы этот человек превратился в нашего врага.

– Он ударил меня палкой, – в гневе вскрикнула Джейн.

В этот момент заплакала Шанталь. Джейн с трудом сдер-

жалась. Немного убаюкав дочь, она дала ей грудь. Почему Жан-Пьер не понимает, сколько трусости в его позиции? Почему его так пугает угроза высылки из этой проклятой Богом страны? Джейн тяжело вздохнула. Шанталь повернула свое личико от груди матери и произнесла какие-то недовольные звуки. Прежде чем возобновился спор, снаружи донеслись какие-то крики.

Жан-Пьер прислушался, потом, нахмурившись, поднялся с места.

Со двора до них долетел чей-то мужской голос. Жан-Пьер взял платок и положил его на плечи Джейн. Она соединила спереди его концы. Это означало компромисс. По афганской традиции это не был настоящий платок, но Джейн категорически отказалась выходить из комнаты, как неполноценный человек, в момент появления в доме мужчины, даже когда она кормила грудью ребенка. Она заметила, что тому, кого это смущает, незачем приходить на прием к врачу.

– Войдите, – произнес Жан-Пьер на дари.

Это был Мохаммед Хан. У Джейн было такое настроение, что ее так и подмывало сказать гостю, что она думает о нем и об остальных мужчинах селения, но она сдержалась, когда заметила напряжение на его приятном лице. Он почти не смотрел на нее.

– Колонна попала в засаду, – проговорил Мохаммед Хан с места в карьер. – Мы потеряли двадцать семь человек и весь груз.

От боли воспоминаний Джейн зажмурила глаза. В свое время, направляясь в долину Пяти Львов, она уже прошла с такой колонной, и теперь невольно представила себе картину засады: освещенная лунным светом тропа в узкой тенистой долине, неравномерно растянувшийся ряд темнокожих мужчин и чахлах лошадемок. Нарастающий грохот несущих винтов, вспышки света, гранаты, пулеметный огонь, паника, возникавшая при попытке спрятаться на голом косогоре, бесполезные выстрелы по неуязвимым вертолетам, а потом, наконец, стоны раненых и крики умирающих.

Неожиданно ей пришла мысль о Захаре, ведь ее муж находился в составе колонны.

– А что с Ахмедом Гулом?

– Он вернулся.

– О, слава Богу, – пробормотала Джейн.

– Но он ранен.

– Кто из этой деревни погиб?

– Никто. Бэнде повезло. С моим братом Матуллой все в порядке, так же точно, как и с Алисханом Каримом, братом муллы. В живых осталось еще трое, двое из которых ранены.

– Я сейчас приду, – сказал Жан-Пьер.

Он открыл дверь в переднюю комнату, в которой когда-то размещалась лавка, потом принимали больных, а теперь хранились медикаменты.

Джейн уложила Шанталь в грубоватую колыбельку в углу и торопливо привела свое платье в порядок. Жан-Пьеру,

наверное, потребуется ее помощь, или же придется утешать Захару.

– У нас кончились почти все боеприпасы, – проговорил Мохаммед.

Джейн не ощущала почти никакого сожаления по поводу сказанного. Она ненавидела войну и не стала бы проливать слез, если бы повстанцы на какое-то время были вынуждены прекратить убивать бедных и жалких истосковавшихся по дому семнадцатилетних русских солдат.

– За год мы потеряли целых четыре колонны. Прорвались только три, – продолжал Мохаммед.

– И как русским удастся напасть на их след? – поинтересовалась Джейн.

Жан-Пьер, который слышал их разговор из соседней комнаты, проговорил сквозь открытую дверь:

– Они, видимо, усилили контроль за перевалами с помощью низко летящих вертолетов, а может быть, они используют также фотографии из космоса.

– Нас предают пуштуны, – покачал головой Мохаммед.

Джейн вполне это допускала. В селениях, через которые проходил маршрут колонн, они иногда, как магнит, притягивали к себе русских, поэтому вполне возможно, что некоторые сельские жители в обмен на собственную безопасность сообщали русским местонахождение колонн. Впрочем, Джейн не могла взять в толк, как им удавалось передавать эту информацию русским.

Она размышляла о том, что могло бы быть доставлено попавшей в засаду колонной. Она просила привезти побольше антибиотиков, игл для подкожных инъекций и массу всякого стерильного перевязочного материала. Жан-Пьер составил длинный список препаратов. Организация «Врачи за свободу» имела своего представителя в Пешаваре, городе на северо-западе Пакистана, где повстанцы покупали себе оружие. Самое необходимое у этого человека наверняка имеется на складе, но препараты ему приходится заказывать в Западной Европе. Страшное дело. На выполнение заказа уходили месяцы. По мнению Джейн, это было несравненно большей потерей, чем утрата боеприпасов.

В комнату снова вошел Жан-Пьер со своей сумкой в руках. Втроем они вышли во двор. Темнело. Джейн на мгновение остановилась, чтобы сказать Фаре о том, что надо поменять пленки Шанталь, после чего она поспешила следом за обоими мужчинами.

Она догнала их, когда те приблизились к мечети. Это здание не поражало особым своеобразием. Оно не отличалось яркими красками или неповторимым декором, известным по роскошным альбомам об искусстве ислама. Мечеть представляла собой открытое со всех сторон строение, на каменных колоннах которого покоилась крыша из соломы и тростника. Джейн подумала, что мечеть напоминает ей разукрашенную автобусную остановку или же веранду развалившегося господского дома колониальной поры. Аркада прямо

через здание вела к огороженному двору. Жители селения относились к своей мечети без особого почтения. Они здесь молились, но вместе с тем использовали мечеть в качестве места для собрания, рыночной площади, школы и гостиницы. А сегодня вечером здесь будет развернут медицинский пункт.

Сейчас лампы на крючьях, вбитых в каменные колонны, освещали мечеть, напоминавшую веранду. Жители селения сгруппировались слева от аркады. Они выглядели подавленными. Некоторые женщины рыдали, были слышны два мужских голоса: один задавал вопросы, другой на них отвечал. Толпа расступилась, чтобы пропустить Жан-Пьера, Мохаммеда и Джейн.

Четверо оставшихся в живых присели на утоптанной земле в окружении толпы. Трое избежавших ранения сидели на корточках. Они были в своих неизменных шапочках, выглядели грязными, изнуренными и обескураженными. Джейн узнала Матуллу Хана, копию своего брата Мохаммеда, только помоложе, и еще Алисахана Карима, который был потоньше своего брата муллы, но тоже выглядел озлобленным. Двое раненных сидели на полу спиной к стене, один из них с грязной, пропитанной кровью повязкой на голове, у другого рука висела на импровизированной повязке. Джейн не знала ни одного из них. Она автоматически оценила серьезность полученных ран, на первый взгляд они не внушали опасений.

Третий раненый Ахмед Гул лежал на простеньких носил-

ках, сколоченных из двух палок и одеяла. Его глаза были закрыты, кожа поражала своим землисто-серым цветом. Захара сидела на корточках позади него, держа его голову на своих коленях. Она поглаживала его волосы и тихо всхлипывала.

Джейн казалось, что полученные раны были очень даже серьезными.

Жан-Пьер сказал, чтобы принесли столик, горячей воды и полотенце, после этого он опустился на колени возле Ахмеда. Через несколько секунд он окинул взглядом других повстанцев и спросил на дари:

– Он оказался в зоне взрыва?

– У вертолетов были ракеты, – ответил один из избежавших ранения. – Одна из них взорвалась рядом с ним.

Обращаясь к Джейн, Жан-Пьер сказал ей по-французски:

– Тяжелый случай. Он чудом добрался домой живым.

Джейн увидела пятна крови на подбородке у Ахмеда: он харкал кровью, значит внутренние ранения. Захара с мольбой посмотрела на Джейн.

– Ну как он? – спросила она.

– Мне очень жаль, подруга, – проговорила Джейн, по возможности стараясь смягчить тревогу Захары.

Та смиренно кивнула: она все понимала, но подтверждение этого вызвало новый поток слез на ее миловидном лице.

– Займись пока другими, здесь нельзя терять ни одной минуты.

Джейн осмотрела двух других раненых.

– Ранение в голову – просто царапина, – проговорила она мгновение спустя.

– Не отвлекайся, – сказал Жан-Пьер, наблюдая, как укладывают Ахмеда на стол.

Джейн осмотрела мужчину с подвязанной рукой. У него более серьезное ранение, казалось, что пуля разможила кость.

– Видимо, это было очень больно, – проговорила Джейн на дари.

Он улыбнулся и кивнул. Эти мужчины были словно из стали.

– Пуля попала в кость, – сказала она Жан-Пьеру.

Жан-Пьер не отводил взгляд от Ахмеда.

– Дай ему местный наркоз, прочисти рану, удали косточки и сделай повязку. Костью займемся потом.

Джейн стала готовить укол. Если ее помощь потребуется Жан-Пьеру, он ее позовет. Судя по всему, эта ночь выдаться долгой.

Ахмед умер через несколько минут после полуночи. Жан-Пьеру хотелось выть, но не от печали, ибо Ахмеда он практически не знал, а от глубокого разочарования, так как понимал, что этого человека можно было бы спасти, если бы он, как врач, имел в своем распоряжении самое необходимое: анестезиолога, операционную комнату и электричество.

Он прикрыл лицо покойного, затем посмотрел на жену,

которая несколько часов подряд неподвижно стояла рядом, наблюдая за происходящим.

– Мне очень жаль, – сказал он ей.

Она кивнула в ответ. Ему было легче от того, что он видел ее спокойствие. Иногда его обвиняли в том, что он не испробовал всего, что было в его силах. Им казалось, знания его так обширны, что он может практически все. А его так и подмывало закричать: «Я же не Бог!». Но эта женщина, видимо, все понимала.

Жан-Пьер отвел взгляд в сторону. Он ощутил, что страшно устал. Он целый день возился с ранеными, но это был первый, которого спасти не удалось. Несколько человек, в основном родственники, которые вначале только наблюдали за ним, теперь подошли ближе, чтобы унести тело. Вдова запричитала, и Джейн отвела ее в сторону.

Жан-Пьер почувствовал чью-то руку на своем плече. Он обернулся и увидел перед собой Мохаммеда, повстанца, который организовывал колонны. Вдруг он ощутил в себе чувство вины.

– Такова воля Аллаха, – проговорил Мохаммед.

Жан-Пьер кивнул. Мохаммед достал пачку пакистанских сигарет и закурил. Жан-Пьер стал укладывать свои инструменты в сумку. Не глядя на Мохаммеда, он спросил:

– Что теперь ты будешь делать?

– Немедленно отправлю другую колонну, – проговорил Мохаммед. – Нам нужны боеприпасы.

Несмотря на усталость, Жан-Пьер вдруг почувствовал ясность мысли.

– Хочешь посмотреть на карты?

– Да.

Жан-Пьер закрыл сумку, и оба вышли из мечети. Звезды освещали их путь через селение к дому лавочника. В жилой комнате на коврике рядом с колыбелью Шанталь спала Фара. Она мгновенно проснулась и встала.

– Теперь ты можешь идти домой, – сказал ей Жан-Пьер.

Не говоря ни слова, Фара удалилась.

Жан-Пьер опустил свою сумку на пол, осторожно поднял колыбель и отнес ее в спальню. Когда он поставил ее на пол, Шанталь проснулась и заплакала.

– Ну что это такое? – едва слышно проговорил он. Посмотрев на часы, он понял, что ребенка, наверное, пора кормить. – Мама скоро придет, – сказал Жан-Пьер. Но на Шанталь это никак не подействовало. Тогда он вынул ее из колыбели и стал качать. Шанталь успокоилась. Он отнес ее обратно в жилую комнату. Мохаммед стоял и терпеливо ждал.

– Ты ведь знаешь, где они? – спросил Жан-Пьер.

Мохаммед кивнул и открыл деревянный сундук. Он извлек оттуда толстую кипу сложенных карт, выбрал некоторые из них и разложил на полу. Укачивая Шанталь, Жан-Пьер посматривал через плечо Мохаммеда.

– Где же была устроена засада? – спросил он.

Мохаммед указал на точку вблизи города Джелалабад.

Маршруты, которыми двигались колонны Мохаммеда, не были обозначены ни на этих, ни на каких-либо других картах. Тем не менее, на картах Жан-Пьера были видны некоторые долины, плато и, в зависимости от времени года, реки, через которые могли быть проложены эти маршруты. Иногда Мохаммед знал рельеф по памяти, иногда строил предположения, обсуждая с Жан-Пьером точную интерпретацию контурных линий или столь явных обозначений характеристик рельефа, как скажем, ледниковых отложений.

– Ты мог бы сместиться дальше на север, обходя Джелалабад стороной, – предложил Жан-Пьер.

Над равниной, на которой расположен город, была разбросана масса мелких долин, которые, как паутина, опоясали пространство между двумя реками – Конар и Нуристан.

Мохаммед закурил еще одну сигарету – как и большинство повстанцев, он был заядлым курильщиком – и, отгоняя от себя дым, с сомнением покачал головой.

– В этом районе случилось слишком много засад, – заметил он. – Если они уже сейчас не предадут нас, жди этого в скором времени. Нет, следующая колонна пройдет к югу от Джелалабада.

Жан-Пьер нахмурился.

– Не вижу, как это осуществить. К югу – там нет ничего, кроме голой равнины на всем пути от Киберского перевала. Вас там сразу же засекут.

– Мы не пойдем по Киберскому перевалу, – сказал Мо-

хаммед. Он прикоснулся к карте, потом провел пальцем по линии афгано-пакистанской границы в южном направлении. – Мы перейдем границу в Теременгале. – Он коснулся пальцем названного города и очертил маршрут оттуда до долины Пяти Львов.

Жан-Пьер кивнул, ничем не выдавая охватившую его радость.

– Это другое дело. Когда отсюда выйдет в путь следующая колонна?

Мохаммед начал складывать карты.

– Послезавтра. Раскачиваться некогда. – Он снова положил карты в сундучок и направился к двери.

Именно в этот момент вошла Джейн. В своей рассеянной манере он пробормотал: «Доброй ночи». Жан-Пьер был рад тому, что благообразного вида партизан вроде бы утратил интерес к Джейн с момента ее беременности. Джейн отличалась повышенной сексуальностью и, по мнению Жан-Пьера, вполне могла бы уступить мужским вожделениям. Но роман с афганцем обернулся бы для нее колоссальными страданиями.

Сумка Жан-Пьера с медицинскими принадлежностями так и стояла на полу, и Джейн наклонилась, чтобы ее поднять. У него екнуло сердце, и он мгновенно вырвал сумку из ее рук. Джейн взглянула на него немного удивленным взглядом.

– Я уберу ее сам, – проговорил он. – А ты посмотри за

Шанталь. Ее пора кормить. – И Жан-Пьер передал ребенка ей прямо в руки.

Когда Джейн присела, чтобы покормить Шанталь, Жан-Пьер оттащил сумку вместе с лампой в переднюю комнату. Коробки с медицинскими принадлежностями громоздились на грязном полу. Уже раскрытые коробки были разложены на грубых деревянных полках лавочника. Жан-Пьер поставил свою сумку на выложенную грубым кафелем стойку и вытащил черный пластмассовый предмет, размером и формой напоминающий портативный телефон. Он засунул его себе в карман.

Потом Жан-Пьер вывалил все из сумки. Подлежащие стерилизации инструменты он сложил на одну сторону, а все, что не понадобится в ближайшее время, расставил на полках. Затем Жан-Пьер вернулся в жилую комнату.

– Схожу-ка я к реке искупаться, – сказал он, обращаясь к Джейн. – Я слишком грязный, чтобы в таком виде ложиться в постель.

Джейн посмотрела на него с той самой задумчивой и довольной улыбкой, которая часто играла на ее лице в момент кормления ребенка.

– Только поскорей, – проговорила она.

Жан-Пьер ушел. Селение, наконец-то, погрузилось в сон. Правда, в некоторых домах все еще горели лампадки, а из одного окна доносился горький женский плач. Но в большинстве домов было темно и тихо. Проходя мимо последние

го дома, Жан-Пьер снова услышал высокий женский голос – скорбное причитание. На мгновение он ощутил почти невыносимую тяжесть гибели людей, в которой сам был повинен. Но потом Жан-Пьер отогнал от себя эту мысль.

Постоянно оглядываясь и прислушиваясь, он прошел каменистым путем между двумя полями, засеянными ячменем. Крестьяне в это время обычно выходили на работу. На одном поле он услышал отзвуки серпов, а на узкой террасе увидел двоих, которые пололи траву при свете лампы. Жан-Пьер не стал вступать с ними в разговор.

Добравшись до берега реки, он перешел ее вброд и поднялся по извилистой скалистой тропе. Хотя он чувствовал себя в полной безопасности, тем не менее его не покидало ощущение тревоги, пока он поднимался наверх в мглистом свете.

Десять минут спустя Жан-Пьер достиг необходимой ему вершины. Он достал из кармана штанов радиопередатчик и вытянул телескопическую антенну. Это был самый последний и современный передатчик, который имелся в КГБ, тем не менее местность была настолько не подходящей для радиосвязи, что для приема и передачи сигналов русские на вершине горы в центре контролируемой ими территории построили специальную радиорелейную станцию.

Жан-Пьер нажал на кнопку «эфир» и произнес по коду: «Это – Симплекс. Отвечайте».

Он подождал, затем повторил свой выход в эфир. После

третьей попытки раздался треск и до его слуха донесся голос с ярко выраженным акцентом: «Это Батлер. Говорите, Симплекс».

– Ваша операция оказалась весьма успешной. – Повторяю: операция оказалась весьма успешной. – Число участников составило двадцать семь человек, к ним позже присоединился еще один.

– Повторяю: двадцать семь участников, позже присоединился еще один.

– Готовясь к следующему, мне потребуются три верблюда. – На коде означало: «Ждите меня через три дня».

– Повторяю: вам потребуются три верблюда. – До встречи около мечети. – Это тоже была закодированная информация. «Мечеть» означала конкретное место в нескольких километрах на пересечении трех долин.

– Повторяю: около мечети.

– Сегодня воскресенье. – Это уже не было кодом. Это являлось предостережением, чтобы записывающий всю эту информацию по ошибке не перепутал, что сеанс связи состоялся уже после полуночи с тем, чтобы связной Жан-Пьера не явился в условленное место на день раньше.

– Повторяю: сегодня воскресенье. Конец связи.

Жан-Пьер сложил выдвижную антенну и убрал радиопередатчик в карман штанов. Потом спустился по скале на берег реки. Он быстро сбросил одежду. Из кармана рубашки достал щетку для ногтей и маленький кусочек мыла. Мыло

здесь было редкостью, но, как врач, он пользовался определенными привилегиями.

Жан-Пьер осторожно вошел в реку Пяти Львов, присел и окатил себя ледяной водой. Он намылил тело и голову, потом взял щетку и стал тереть ею ноги, живот, грудь, лицо и руки. Особенно тщательно он скреб ладони, снова и снова натирая их мылом. Стоя по колено на мелком месте, он, поживаясь от холода, все тер и тер, и казалось, что этому не будет конца.

Глава 7

– У ребенка корь, гастроэнтерит и стригущий лишай, – сказал Жан-Пьер. – Кроме того, он весь пропитан грязью и страдает от недоедания.

– А разве не все они такие, – проговорила Джейн.

Они, как обычно, разговаривали друг с другом по-французски, в то время как мать ребенка переводила взгляд с одного на другого, стараясь понять, что же они обсуждали. Жан-Пьер заметил ее озабоченность и обратился к ней на дари, бросив простую фразу:

– Ваш сын поправится.

Он перешел на другую сторону пещеры и раскрыл свою сумку с медикаментами. Всем детям, оказавшимся в клинике, автоматически делалась прививка от туберкулеза.

Готовя вакцину БЦЖ, Жан-Пьер краем глаза наблюдал за Джейн. Она давала мальчику глотать дегидратационный раствор – микстуру из глюкозы, соли, питьевой соды и хлористого калия, растворенного в стерильной воде, а между глотками еще успевала нежно вытирать его чумазое лицо. Ее движения были ловкими и грациозными, как у искусного ремесленника, например, гончара, что-нибудь вылепливающего из глины, или, скажем, каменщика, лихо орудующего мастерком. Он наблюдал за ее маленькими ладонями, которые своими нежными прикосновениями успокаивающе действо-

вали на перепуганного ребенка. Он любил ее руки.

Незаметно для мальчика Жан-Пьер достал иглу и, спрятав ее в свой рукав, стал дожидаться Джейн. Он внимательно рассматривал ее лицо, пока она протираала спиртом кожу на правом плече мальчика. У нее было озорное лицо с крупными глазами, вздернутым носом и широким улыбчивым ртом. Сейчас Джейн выглядела серьезной. Она водила по сторонам своей нижней челюстью, словно скрежеща зубами, что было признаком ее сосредоточенности. Жан-Пьер знал каждое ее выражение и никогда не знал, что у нее в мыслях.

Он часто и, можно сказать, постоянно размышлял, о чем же она думает. Но всегда боялся ее об этом спросить, ибо такие разговоры легко могли увести в запретные сферы. Ему всегда надо было быть начеку, как неверному супругу, чтобы не выдать себя неосторожно брошенным словом или даже каким-то случайным выражением лица. Любой разговор об истине и нечестности, верности и предательстве, свободе и тирании был для них табу. Сюда же относились сопредельные понятия – любовь, война и политика. Жан-Пьер проявлял осторожность, обсуждая даже самые безобидные вещи. В результате их браку недоставало полной близости. Занятие любовью казалось чем-то причудливым. Он обнаружил, что не может достичь апогея, если не закроет глаза и не перенесется мысленно куда-нибудь в другое место. Облегчением для него служило то, что в последние несколько недель ему не приходилось выполнять супружеские обязанности из-за

рождения Шанталь.

– Я готова, – проговорила Джейн, улыбаясь ему.

Жан-Пьер взял ребенка за руку и спросил на дари:

– Сколько тебе лет?

– Пять.

Пока ребенок что-то рассказывал, Жан-Пьер воткнул ему иглу. В ответ ребенок разревелся. Под впечатлением этого плача Жан-Пьер вспомнил, как он сам был в пятилетнем возрасте, как гонял на своем первом в жизни велосипеде, упал с него и плакал, как этот вот мальчуган, протестуя громким плачем против неожиданной боли. Он пристально смотрел на искаженное от плача лицо своего пятилетнего пациента, вспоминая, как страшно больно ему было и какую злость он при этом испытывал. И он невольно задумался: «Как я перебежусь оттуда сюда?»

Он спустил на пол мальчика, который немедленно побежал к своей матери. Жан-Пьер отсчитал тридцать 250-граммовых капсул гризеофульвина и передал их матери.

– Проследи, чтобы он принимал их по одной каждый день, пока не кончится весь запас, – произнес Жан-Пьер на элементарном дари. – Никому больше эти капсулы не давай – все это нужно ему. От стригущего лишая. Насчет кори и гастроэнтерита разговор особый. Пусть не встает с постели, пока не пройдет сыпь. И проследи, чтобы побольше пил.

Женщина кивнула в ответ.

– У него есть братья и сестры? – поинтересовался Жан-

Пьер.

– Пять братьев и две сестры, – с гордостью ответила женщина.

– Он должен спать один, а то они тоже заболеют. – Женщина как-то неуверенно посмотрела на доктора, у нее, наверное, была одна кровать для всех ее детей. Тут уж Жан-Пьер ничем не мог ей помочь. Он продолжал: – Если ему не станет лучше, когда таблетки кончатся, приведи его снова ко мне.

Ребенок нуждался прежде всего в том, чего не мог дать ему ни Жан-Пьер, ни его мать – в достаточном количестве полноценного калорийного питания.

Оба вышли из пещеры – худенький больной ребенок и его сухая истощенная мать. Чтобы добраться сюда, они прошли, наверное, несколько километров, причем большую часть пути она, видимо, тащила мальчика на руках, и вот теперь им предстоял обратный путь. Тем не менее мальчуган, скорее всего, умрет. Однако не от туберкулеза.

Был еще один пациент: маланг. Он был святым в Бэнде. Полубезумный и чаще всего более чем наполовину обнаженный, он пересек долину Пяти Львов от Комара, примерно сорок километров вверх по течению от Бэнды до Харикара по контролируемой русскими территории, а потом еще около ста километров в юго-западном направлении. Он производил лишь какие-то невнятные звуки и страдал видениями. Афганцы считали малангов удачливыми людьми и не только

проявляли терпимость к их поведению, но и дарили им пищу, воду и одежду.

Вот он и предстал перед ними, обмотанный несколькими тряпками вокруг бедер, в русской офицерской шапке. Поддерживая руками живот, он изображал мучащие его боли. Жан-Пьер дал ему целую пригоршню таблеток диаморфина. Безумный бросился прочь, держа в кулаке свои таблетки с синтетическим героином.

– А он все-таки наркоман, – проговорила Джейн. В ее голосе явно послышалось неодобрение.

– Видимо, да, – согласился Жан-Пьер.

– Зачем же тогда ты даешь ему этот препарат?

– У него язва. Что еще ты мне посоветуешь делать? Может, оперировать его?

– Ты доктор. Тебе и решать.

Жан-Пьер стал паковать свою сумку. На следующее утро ему предстояло вести прием в Кобаке, что примерно в десяти километрах от Бэнды, по ту сторону горного хребта. А по пути у него была назначена встреча.

Плач пятилетнего ребенка наполнил пещеру дыханием прошлого, словно воспоминанием о старой игрушке, или странным светом, от которого начинаешь тереть глаза. Жан-Пьеру полезли в голову какие-то путанные мысли. Ему прикинулись люди из его детства, лица которых накладывались на реальные вещи вокруг него, подобно сценам из кинофильма, которые неправильно настроенный проектор отбрасыва-

ет не на экран, а на спины зрителей. Он увидел свою первую учительницу, в очках с металлической оправой, мадемуазель Медсэ, Жака Лафонтена, который разбил ему нос, да так, что потекла кровь, только за то, что он дразнил его «зубрила». Жан-Пьеру привиделась мать, изящная, плохо одетая и всегда взвинченная, но больше всего отец, массивный, могучий и вечно разгневанный мужчина.

Жан-Пьеру стоило усилия сосредоточиться на том, какие инструменты и лекарства ему могут потребоваться в Кобаке. Он налил бутылку очищенной питьевой воды, чтобы утолить жажду в дороге. Поесть ему дадут жители на месте.

Наконец, он вынес из пещеры свои сумки и погрузил их на строптивную старую кобылу, на которой он отправлялся в такие поездки. Это животное могло идти весь день по прямой, но весьма неохотно сворачивало в сторону. Именно поэтому Джейн прозвала лошадь Мэгги по ассоциации с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер.

Жан-Пьер был готов. Вернувшись в пещеру, он поцеловал нежные губы Джейн. Когда он собирался уезжать, вошла Фара с Шанталь. Ребенок плакал. Джейн расстегнула свою блузку и сразу же подставила ребенку грудь. Жан-Пьер дотронулся до розовой щечки своей дочери и сказал:

– Приятного аппетита, – и вышел из пещеры.

Он повел Мэгги вниз через опустевшее селение и направился вдоль реки на юго-запад. Он шагал быстро и без остановки, несмотря на жару, он уже к этому привык.

Сейчас, когда он на время забыл о своей принадлежности к медицине и мысленно переключился на предстоящую встречу, его охватила нервозность. Придет ли Анатолий на встречу с ним? Или где-нибудь застрянет? А может, его уже взяли в плен? И если это так, то не раскололся ли он? Не предал ли Жан-Пьера под пытками? А если Жан-Пьера уже поджидает группа повстанцев, безжалостная и садистская, помышляющая только о мщении? При всей их поэтичности и благочестивости они ведь оставались варварами, эти афганцы. Их национальным видом спорта был бузкаши, жестокая и кровавая игра, теленка с отрубленной головой клали посреди площадки, друг против друга выстраивались две команды на лошадях и после выстрела из винтовки все устремлялись на труп животного. Цель игры заключалась в том, чтобы подхватить мертвого теленка, доставить его в заранее намеченную точку на расстоянии примерно полутора километров и потом привезти его обратно в круг, не позволив игроку противника отнять добычу. Если эта кровавая игрушка, как часто случалось, оказывалась разодранной на куски, то уже специальный судья решал, какой из команд достанется большая часть добычи. Прошлой зимой Жан-Пьер присутствовал на таком же зрелище неподалеку от города Рокха в нижней части долины. Он наблюдал всего несколько минут, но и этого мига ему хватило для того, чтобы убедиться, что добычей был избран не теленок, а человек, причем живой. Возмущенный Жан-Пьер хотел прекратить это игри-

ще, но кто-то сказал ему, что человек на площадке был русский офицер, словно это объясняло суть происходящего. Тогда играющие просто проигнорировали Жан-Пьера, и ему не удалось остановить полсотни крайне возбужденных всадников, увлеченных этим жестоким игрищем. Жан-Пьер не остался, чтобы не быть свидетелем смерти человека, но, наверное, зря, потому что впоследствии он представлял себе, как разрывали на куски окровавленное тело беззащитного русского, причем эта картина неизменно возвращалась в его сознании, как только его охватывал страх разоблачения.

Прошлое никак не выпускало его из своих объятий. Пока Жан-Пьер шел по лощине с коричневатыми скалами, в его памяти возникали сцены детства, перемежавшиеся с кошмарными страхами оказаться в руках повстанцев. Его самое старое воспоминание было связано с процессом над отцом, с безграничной озлобленностью из-за несправедливости, выразившейся тюремном заключении его отца. Хотя Жан-Пьер тогда еще почти не умел читать, он уже научился разбирать имя своего отца в заголовках газет. В его возрасте – ему было примерно четыре года – он еще не понимал, что значит быть героем Сопротивления. Он знал, что его отец был коммунистом, также, как и друзья отца: священник, сапожник и человек, сидевший за окошком деревенской почты. Тем не менее он считал, что отца прозвали Красным Роландом из-за красноватого цвета кожи лица. Когда отца обвинили в предательстве и приговорили к пяти годам тюремного за-

ключения, Жан-Пьеру сказали, что к этому причастен дядя Абдул, запуганный темнокожий мужчина, который несколько недель прожил в их доме и который был членом ФНО. Но Жан-Пьер не знал, что такое ФНО. Он считал, что имеется в виду слон в зоопарке. Единственное, что он четко понимал и во что всегда верил, было то, что полиция жестока, судьи нечестные, ну а людей дурачат газетчики.

Шли годы. Жан-Пьер стал все лучше понимать, но и больше страдать, из-за чего росла его озабоченность. Когда он пошел в школу, в классе говорили, что его отец – предатель. Он сказал им, что наоборот, отец бесстрашно сражался, рискуя жизнью на войне, но они ему не поверили. Они с матерью временно переехали жить в другую деревню, но соседи узнали, кто они такие, и запретили своим детям играть с Жан-Пьером. Однако самым неприятным были посещения тюрьмы. Отец внешне изменился. Он похудел, выглядел бледным и болезненным, но еще хуже было то, что отец предстал перед ними, как заключенный: в тюремной робе, запуганный и обескураженный, вынужденный унижаться перед надменными тюремщиками с дубинками. Через некоторое время тюремные запахи стали вызывать у Жан-Пьера тошноту, и как только они переступали порог тюрьмы, его рвало. После этого мать перестала брать его с собой. Только после выхода отца из тюрьмы он обстоятельно поговорил с ним и наконец-то разобрался в том, что несправедливость всего происшедшего была еще больше, чем это ему ка-

залось. После вторжения немцев во Францию французские коммунисты, еще раньше организованные в ячейки, играли ведущую роль в движении Сопротивления. После окончания войны его отец продолжил борьбу с тиранией правых сил. В то время Алжир являлся французской колонией. Люди там подвергались угнетению и эксплуатации, но они мужественно боролись за свободу. Призванные в армию молодые французы были вынуждены воевать против алжирцев, принимая участие в суровой войне, в которой зверства французской армии напомнили многим о жестокости нацистов.

ФНО, который для Жан-Пьера всегда ассоциировался с одряхлевшим слоном из провинциального зоопарка, означал Фронт Национального Освобождения алжирского народа.

Отец Жан-Пьера был одним из 121 известных деятелей, подписавших петицию в защиту свободы для алжирцев. Франция была в состоянии войны и призыв был воспринят как подстрекательский, ибо он мог подталкивать французских солдат к дезертирству. Но отец взял на душу еще больший грех, он перевез через границу в Швейцарию и там положил на счет в банке целый чемодан денег, собранных французами для ФНО. Кроме того, отец укрывал дядю Абдула, который был никаким не дядей, а оказался алжирцем, которого разыскивала тайная полиция.

Отец объяснил Жан-Пьеру, что похожие дела он провоцировал и во время войны с нацистами. Он продолжал всё ту же борьбу. Врагами никогда не были немцы, точно так

же, как сейчас не стал таковым французский народ. Врагами были капиталисты, владельцы собственности, привилегированные богачи, правящий класс, для которого без зазрения совести все средства были хороши для того, чтобы отстоять свое положение. Они были настолько могущественны, что владели половиной мира. Тем не менее, для бедных, бесправных и угнетенных оставалась надежда, ибо в Москве у власти был народ, поэтому рабочий класс в остальной части земного шара ждал от Советского Союза помощи, вдохновения и директив в борьбе за свободу.

Когда Жан-Пьер подрос, на глянцевої картине обнаружили некоторые темные пятна. Так, он понял, что Советский Союз не был раем для рабочих. Тем не менее, ничто не могло поколебать его убежденность в том, что коммунистическое движение, руководимое из Москвы, остается единственной надеждой для угнетенных людей в мире и единственным средством, чтобы покончить с судьями, полицейскими и газетчиками, которые так жестоко обошлись с его отцом.

Отец преуспел в том, чтобы передать сыну факел борьбы. И словно сознавая это, отец стал внутренне как-то затухать. На его лице так и не заиграл снова здоровый красноватый цвет. Он не участвовал в демонстрациях, не организовывал танцевальных вечеров для пополнения партийной кассы, перестал писать письма в местные газеты, ограничившись мелкими делами по линии церкви. Конечно, он продолжал быть

членом партии и профсоюзов, но уже не председательствовал в комитетах, отказываясь вести протокол или составлять повестку дня собраний. Он все еще играл в шахматы, продолжал пить анисовую со священником, сапожником и начальником почтового отделения, но его некогда столь страстные политические дискуссии теперь поблекли, словно революция, во имя которой они так упорно трудились, откладывалась на неопределенный срок. Через несколько лет отца не стало. Только тогда Жан-Пьер узнал, что отец подхватил в тюрьме туберкулез, от которого так и не излечился. Они отняли у него свободу, сломали его дух и разрушили его здоровье.

Но самое гнусное было то, что на него навесили ярлык предателя. А ведь он был героем, рисковавшим своей жизнью во имя сограждан, а умер как осужденный за предательство.

Теперь, Папа, они пожалели бы, если бы узнали, какое я избрал мщение, – размышлял Жан-Пьер, направляя низкорослую лошадь вверх по горной афганской тропе. – На основе добытой мной информации местные коммунисты смогли дезорганизовать пути подвоза для Масуда, да так, что прошлую зиму им не удалось создать запаса оружия и боеприпасов. А этим летом вместо того, чтобы атаковать военно-воздушную базу и электростанции, а также идущие по шоссе автомашины с грузами для снабжения, Масуд вынужден отбиваться от правительственных войск на своей территории. В

одиначку, папа, я почти полностью ликвидировал опасность, исходящую от этого варвара, который желает вернуть страну в темные времена жестокости, отсталости и исламских предрассудков.

Разумеется, дезорганизации линий подвоза для Масуда недостаточно. Этот человек давно уже стал фигурой общенационального масштаба. Кроме того, он отличается умственными способностями и руководительскими данными, чтобы превратиться из лидера повстанцев в законного президента страны. Масуд уже был и Тито, и Де Голлем, и Мугабе. Его необходимо не просто нейтрализовать, но и уничтожить, позаботившись о том, чтобы он попался в руки к русским живым или мертвым.

Трудность заключалась в том, что Масуд передвигался быстро и бесшумно, ну, прямо, как олень, который внезапно появлялся в лесу и так же неожиданно исчезал. Но Жан-Пьер, как и русские, был терпелив. Все равно раньше или позже пробьет час, когда Жан-Пьер точно будет знать местонахождение Масуда в ближайшие двадцать четыре часа, может, из-за ранения или из желания присутствовать на чьих-нибудь похоронах, – и тогда Жан-Пьер воспользуется своим передатчиком и выйдет в эфир по особому коду, чтобы сокол нанес удар.

Жан-Пьер хотел бы рассказать Джейн, чем он здесь фактически занимается. Может, ему даже удалось бы убедить ее в своей правоте. Потому что, по сути дела, все их усилия в

медицинской области бесполезны, ибо оказание помощи повстанцам служило только тому, чтобы увековечить бедность, нищету и безграмотность, в которой пребывают эти люди, а также оттянуть момент, когда Советский Союз сможет взять эту страну за горло и, несмотря на вопли и визги, втащить ее в XX век. Джейн могла бы все это понять. Однако Жан-Пьер инстинктивно понимал: она ни за что бы не простила ему то, что он ее обманывал. Да, она была бы возмущена. Он мог бы представить себе ее в этом состоянии – безжалостной, непримиримой, гордой. Она немедленно бросила бы его, как сделала это с Эллисом Тейлером. На этот раз она взорвалась бы вдвойне, потому что оказалась дважды обманутой двумя мужчинами одинаковым образом.

Стало быть, боясь потерять ее, он продолжал ее обманывать, уподобляясь человеку, парализованному страхом на краю пропасти.

Она, разумеется, чувствовала, что здесь что-то не так. Жан-Пьер ощущал это по тому, как она иногда на него смотрела. Но Джейн сознавала, что в этом скрывалась проблема их взаимоотношений. Ему было ясно, что вся его жизнь представляла собой сплошной обман.

Об абсолютной безопасности для него не могло быть и речи, однако он постарался подстраховаться на случай разоблачения ею или кем-нибудь еще. Выходя в эфир, Жан-Пьер использовал код, не потому что его могли подслушать повстанцы – у них просто не было радиоприемников, а потому,

что это могли сделать в афганской армии, которая кишела предателями, из-за чего для Масуда не было никаких секретов. Радиопередатчик Жан-Пьера был достаточно маленьким, чтобы его можно было спрятать в двойном дне сумки с медикаментами или, если он не брал ее с собой, в кармане рубашки или своих широченных афганских штанов. Недостатком радиоприемника было то, что запаса его мощности хватало лишь для очень непродолжительных сеансов связи. Чтобы передать все детали дорог и графиков продвижения колонн, даже в закодированном виде потребовалось бы значительно больше времени, т.е. понадобился бы несравненно больший по размерам аппарат с батареями. Жан-Пьер и мосье Леблон высказались против этого. И вот теперь Жан-Пьер был вынужден встречаться со своим связным, чтобы передавать ему полученную информацию.

С какой-то горной вершины Жан-Пьер посмотрел вниз на небольшую долину. Тропа, по которой он шел, вела вниз, к другой долине, расположенной под прямым углом к этой. Ее пересекал надвое бурный горный ручей, блестящий под лучами полуденного солнца. По другую сторону ручья его взору предстала еще одна долина, уходившая вверх в горы по направлению к Кобаку – главной цели его маршрута. Там, где пересекались три долины, на ближайшем к нему берегу реки стоял небольшой каменный домик. В этом районе было полно таких примитивных строений. Жан-Пьер подумал, что их построили кочевники и кочующие торговцы, а служили они

главным образом для постоя на ночь.

Держа Мэгги под уздцы, Жан-Пьер стал спускаться с горы. Анатолий, наверное, был уже на месте. Жан-Пьер не знал его настоящего имени и чина, но предполагал, что он служит в КГБ. Из его слов, сказанных однажды о генералах, Жан-Пьер решил, что по чину Анатолий – полковник. В любом случае, он не был штабным офицером.

Эту точку и Баграм разделяли примерно восемьдесят километров гористой местности, и Анатолий преодолел ее пешком в одиночку за полтора дня. Он был русским восточного происхождения с высокими скулами и желтоватой кожей, а в афганской одежде он мог бы сойти за узбека из монголоидной этнической группы на севере Афганистана. Этим объяснялось, почему он несколько замедленно говорил на дари, ведь у узбеков был свой собственный язык. Анатолию трудно было отказать в мужестве, он, разумеется, не говорил по-узбекски, поэтому над ним постоянно висела опасность разоблачения, он также знал, что с взятыми в плен русскими офицерами повстанцы играют в бузкаши. Риск, связанный для Жан-Пьера с такими встречами, был чуточку меньше. Его постоянные путешествия по отдаленным селениям с целью лечения больных не очень-то бросались в глаза. Тем не менее, если бы кто-нибудь заметил, что Жан-Пьер по «случайности» контактирует чаще одного или двух раз с одним и тем же странствующим узбеком, могло возникнуть подозрение. И разумеется, если бы какой-нибудь владеющий фран-

цузским афганец подслушал его разговор с тем странствующим узбеком, Жан-Пьер мог бы рассчитывать только на мгновенную смерть.

Его сандалии совершенно бесшумно скользили по тропе, а подковы Мэгги беззвучно ступали по пыльной земле, поэтому, когда они приблизились к дому, он стал насвистывать какую-то мелодию на случай, если там окажется не Анатолий, а кто-нибудь другой. Жан-Пьер был достаточно осторожен, чтобы не спугнуть афганцев, которые все были вооружены и были готовы в любой момент выстрелить. Он пригнулся и вошел. К его удивлению, в холодном доме никого не было. Он сел, прислонившись спиной к каменной стене, и стал ждать. Несколько минут спустя у него закрылись глаза. Он устал, но из-за внутреннего напряжения не смог бы заснуть. Это было самым неприятным моментом во всех таких встречах, сочетание страха и скуки, которые овладевали им, если ему приходилось долго ждать. В этой стране, где нет ручных часов, он научился смиряться с опозданиями, но так и не воспринял от афганцев их несокрушимую терпеливость. Он при всем желании не мог представить себе, что за неприятности могли приключиться с Анатолием. А вдруг по иронии судьбы он подорвался на русской mine, которой оторвало ему ступню. От этих мин страдал в основном скот, а не люди. Но наносимый ущерб оказывался ничуть не меньше, потеря коровы запросто могла погубить афганскую семью, как если бы в их жилище попала бомба в тот момент, когда

все были дома. Жан-Пьер перестал улыбаться при виде козы или коровы с деревянной ногой.

Вдруг Жан-Пьер почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Он открыл глаза и в нескольких сантиметрах от себя увидел восточное лицо Анатолия.

– Я мог бы тебя ограбить, – скороговоркой заметил Анатолий по-французски.

– Я не спал.

Анатолий сел, скрестив ноги, на грязный пол. Он отличался приземистым и мускулистым телом. На нем была широкая рубаха из хлопка, штаны, тюрбан, клетчатый шарф, а на плечах грязного цвета шерстяное одеяло, которое называется патту. Он сбросил шарф, прикрывавший нижнюю часть его лица, и улыбнулся, обнажив пожелтевшие от табака зубы.

– Как поживаешь, мой друг?

– Хорошо.

– А как жена?

Когда Анатолий расспрашивал о Джейн, в его словах всегда прослушивалась какая-то зловещая интонация. Русские были решительно против того, чтобы Жан-Пьер взял Джейн с собой в Афганистан, ибо она могла помешать его работе. Жан-Пьер подчеркивал, что в любом случае ему была нужна медсестра, а организация «Врачи за свободу» придерживалась практики посылать всегда именно пары, и что он, наверное, стал бы спать с кем угодно, только чтобы она не была похожа на Кинг-Конга. В конце концов русские уступили, но

с неохотой.

– У Джейн все в порядке, – проговорил Жан-Пьер. – Полтора месяца назад у нее родился ребенок – девочка.

– Поздравляю! – сказал Анатолий с откровенной радостью в голосе. – Но не слишком ли рано это произошло?

– Да. К счастью, без осложнений. Между прочим, роды принимала деревенская повитуха.

– А почему не ты?

– Меня не оказалось на месте. Я был с тобой.

– Боже праведный, – ужаснулся Анатолий. – В такой важный день ты из-за меня не смог быть дома.

Жан-Пьер был польщен сочувствием Анатолия, но эту реакцию оставил при себе.

– Это трудно было предусмотреть, – заметил Жан-Пьер. – Впрочем, это пошло на пользу дела, вы разгромили колонну, о которой я вам сообщил.

– Да, это верно. Твоя информация оказалась очень ценной. Еще раз поздравляю.

Жан-Пьер ощутил прилив гордости, но постарался выглядеть невозмутимо строгим.

– Судя по всему, наша система действует безупречно, – скромно заметил Жан-Пьер.

Анатолий кивнул в ответ.

– Как они среагировали на засаду?

– С нарастающим отчаянием.

Жан-Пьер подумал: еще одно преимущество очного кон-

такта со связным заключается в том, что он получает возможность рассказать об основополагающей информации, чувствах и впечатлениях, короче, о вещах, которые представлялись ему недостаточно конкретными для того, чтобы передать их в закодированном виде по радио.

– У них боеприпасы на исходе.

– А следующая колонна, когда она отправляется в путь?

– Уже вышла вчера.

– Тогда они в отчаянии. Хорошо. – Анатолий пошарил под рубашкой и достал карту. Развернув ее на полу, он показал район, расположенный между долиной Пяти Львов и пакистанской границей.

Жан-Пьер сосредоточился на деталях, о которых ему рассказал Мохаммед. Потом он показал Анатолию маршрут колонны при возвращении из Пакистана. Он не знал точно, когда они будут возвращаться, потому что Мохаммед не знал, сколько времени им потребуется в Пешаваре на закупки всего необходимого. Тем не менее, у Анатолия были свои люди в Пешаваре, которые поставят его в известность о сроках выхода колонны из долины Пяти Львов, на основе чего он высчитает график продвижения колонны.

Анатолий не делал никаких записей, но тщательно запоминал каждое слово, сказанное Жан-Пьером. Закончив, они еще раз прошлись по всей информации с той лишь разницей, что теперь говорил Анатолий, а Жан-Пьер поправлял встречавшиеся неточности. Русский свернул карту и засунул ее в

рубашку.

– А что насчет Масуда? – тихо спросил он.

– Мы не видели его после нашего последнего разговора, – ответил Жан-Пьер. – Я видел только Мохаммеда, который никогда не знает точно, где Масуд или когда он появится.

– Масуд – хитрый лис, – проговорил Анатолий, который редко скрывал свои эмоции.

– Мы его поймаем, – сказал Жан-Пьер.

– О, мы его поймаем. Он знает, что охота за ним уже идет всюду. Поэтому он замечает следы. Но собаки унюхали его след, ему не удастся вечно уходить в сторону. Нас ведь так много, мы сильны и нацелены на него. – Вдруг он поймал себя на том, что чересчур распахнул свои эмоции. Вспомнив о своем практицизме, он улыбнулся.

– Батарейки, – проговорил он и достал целую упаковку из рубашки.

Жан-Пьер достал маленький радиопередатчик из закамуфлированного отделения на дне своей медицинской сумки, вынул старые батарейки и заменил их на новые. Они это проделывали каждый раз при встрече, чтобы исключить утрату контакта с Жан-Пьером из-за отработанных батареек. Анатолий увозил старые батарейки в Баграм, ибо было бы легкомысленно выбрасывать батарейки русского производства здесь, в долине Пяти Львов, где не было никаких электротоваров.

Пока Жан-Пьер укладывал свой радиопередатчик в сумку

с медикаментами, Анатолий заметил:

– У тебя здесь что-нибудь есть от мозолей? А то вот ноги. Он осекся и, нахмутив лоб, прислушался.

Жан-Пьер внутренне напрягся. До сих пор их никто не видел вместе. Они понимали, что рано или поздно это неизбежно должно случиться. Поэтому они обсудили, как вести себя в таком случае, как чужие, случайно оказавшиеся на одном и том же месте для отдыха, с продолжением разговора после ухода постороннего. Или, если посторонний дает понять, что намерен пробыть долгое время, то оба уходят вместе, словно они по чистой случайности шли в одном направлении. Все это они уже обговорили раньше. И тем не менее у Жан-Пьера было такое чувство, что провокационное намерение должно быть написано у него на лице.

Тут снаружи послышалось шуршание шагов, потом до него донеслось чье-то учащенное дыхание. Потом от чьей-то тени стало темно в залитом солнцем входе и через него в дом вошла Джейн.

– Джейн! – от неожиданности вскрикнул Жан-Пьер. Оба мужчины вскочили с мест. – Что случилось? Почему ты здесь? – спросил Жан-Пьер.

– Слава Богу, что я тебя догнала, – сказала Джейн, тяжело дыша.

Краем глаза Жан-Пьер увидел, что Анатолий отвернулся, как это сделал бы афганец по отношению к бесстыдной женщине. Этот жест помог Жан-Пьеру оправиться от шока, вы-

званного появлением Джейн. Она быстро осмотрелась. Анатолий, к счастью, несколькими минутами раньше успел уложить свои карты. А вот радиопередатчик – он торчал на два или три сантиметра из сумки с медикаментами.

Видимо, Джейн это еще не заметила.

– Присядь, – предложил ей Жан-Пьер. – Вначале отдышись. – Он сел одновременно с нею и, воспользовавшись этим движением, передвинул свою сумку, чтобы торчавший радиопередатчик смотрел в его сторону, невидимую для Джейн.

– Так что случилось? – спросил Жан-Пьер.

– Медицинская проблема, с которой мне одной не справиться.

Охватившее Жан-Пьера напряжение чуточку смягчилось, он опасался, что Джейн устремилась за ним, в чем-то заподозрив его.

– Выпей немного воды, – сказал Жан-Пьер.

Одной рукой он дотронулся до сумки, а другой засунул радиопередатчик поглубже. Спрятав радиопередатчик, Жан-Пьер вынул свою бутылку с очищенной водой и передал ее Джейн. Его пульс стал понемногу успокаиваться. К нему стало возвращаться душевное равновесие. Никакого криминала Жан-Пьер не ощущал. Что же еще могло вызвать подозрение Джейн? Если она услышала, как Анатолий говорит по-французски, что в этом особенного? Если афганец владел вторым языком, чаще всего это оказывался французский, а узбек мог

говорить по-французски лучше, чем на дари. Что говорил Анатолий, когда Джейн вошла? Жан-Пьер вспомнил, Анатолий поинтересовался, есть ли у него мазь от мозолей. Бесхитростный вопрос. Встречая доктора, афганцы всегда просят его дать им лекарств, даже если они в полном здравии.

Джейн отпила из бутылки и заговорила:

– Через несколько минут после твоего ухода они притащили восемнадцатилетнего парня с глубокой раной бедра.

Джейн еще отхлебнула воды. Она игнорировала Анатолия, и Жан-Пьер понял, что ее настолько захватил этот чрезвычайный случай, что она почти не замечала присутствия в комнате другого человека.

– Он был ранен в бою близ Рокхи, и его отец тащил сына до самой долины, что продолжалось целых два дня. Когда они добрались до места, началась гангрена. Я ввела ему 600 миллиграммов пенициллина в ягодицу, после чего прочистила рану.

– Все правильно, – сказал Жан-Пьер.

– Несколько минут спустя его пробил холодный пот, и мне показалось, что у него спутанное сознание. Я проверила пульс, он был ускоренным, но слабым.

– Кожа у него была бледная или серая? Была одышка?

– Да.

– И что ты сделала?

– Старалась лечить его, как от шока. Подняла повыше ноги, закутала его одеялом и дала чай. Потом бросилась следом

за тобой. – Джейн была готова разрыдаться. – Его отец тащил сына на себе целых два дня. Я не могу допустить, чтобы он умер.

– Совсем не обязательно, – проговорил Жан-Пьер. – Аллергический шок – это редкая, но достаточно известная реакция на пенициллиновую инъекцию. В таких случаях делают внутримышечные инъекции, сначала полмиллилитра адреналина, а затем антигистаминные, скажем, шесть миллилитров дифенгидрамина. Мне вернуться с тобой? – задавая этот вопрос, он бросил взгляд на Анатолия, но русский никак не среагировал. Джейн тяжело вздохнула.

– Нет, – сказала она. – На дальней стороне холма, наверное, кто-нибудь еще умирает. Тебе надо идти в Кобак.

– Ты уверена?

– Да.

Вспыхнула спичка, это Анатолий закурил сигарету. Джейн посмотрела на него, потом снова перевела взгляд на Жан-Пьера.

– Полмиллилитра адреналина, а потом шесть миллилитров дифенгидрамина.

Джейн встала.

– Да.

Жан-Пьер поднялся вместе с Джейн и поцеловал ее.

– Ты уверена, что справишься сама?

– Разумеется.

– Тебе надо спешить.

– Да.

– Ты хочешь взять с собой Мэгги?

Джейн задумалась.

– Думаю, что нет. По той тропе пешком быстрее.

– Как скажешь.

– До свидания.

– До свидания, Джейн.

Жан-Пьер проводил ее взглядом, пока она выходила из дома. Он еще немного постоял. Ни он, ни Анатолий не произнесли ни слова. Через пару минут он подошел к двери и выглянул. На расстоянии двух или трех километров он увидел маленькую изящную фигурку Джейн в тоненьком платьице из хлопка. Она решительным шагом поднималась в гору по тропе, которая вела к долине, совсем одинокая на фоне мглистого коричневатого пейзажа. Он наблюдал за ней, пока она не растворилась в набегавших волнами холмах. Он вернулся в дом и уселся, прислонившись спиной к стене. Они с Анатолием посмотрели друг на друга.

– Бог Всемогущий, – произнес Жан-Пьер. – Совсем рядом.

Глава 8

Мальчик умер.

Когда появилась Джейн, разгоряченная и вся в пыли, ваясь с ног от усталости, он был мертв уже почти час. Его отец дожидался у входа в пещеру с застывшим на лице выражением укора. По его безнадежной позе и остановившемуся взгляду карих глаз Джейн поняла, что все кончено. Он ничего ей не сказал. Она вошла в пещеру и взглянула на мальчика. Слишком утомленная, она не в силах была ощущать гнев – лишь тупое разочарование. Жан-Пьер ушел, а Захара пребывала в глубоком горе, поэтому Джейн не с кем было поделиться своей печалью.

Позднее она плакала – когда устроилась на ночь на крыше дома лавочника, рядом с Шанталь, которая лежала на крохотном матрасике и иногда издавала во сне какие-то нечленораздельные звуки, довольная, ничего не ведающая. Джейн плакала не только о мертвом мальчике, но и об его отце. Подобно ей, он довел себя до изнеможения, пытаясь спасти сына. Но насколько острее, должно быть, его горе! От слез в ее глазах сливались звезды, пока она не заснула.

Джейн снилось, что к ней в постель пришел Мохаммед, чтобы на виду у всей деревни заниматься с ней любовью. Потом он рассказал ей, что у Жан-Пьера роман с Симоной, женой того толстого журналиста Рауля Клермона, и что лю-

бовники встречаются в Кобаке, где Жан-Пьер появлялся под предлогом лечения больных.

На другой день у нее ломило все тело из-за того, что почти весь путь до сложенного из камней домика она проделала бегом. «Мне повезло, – думала она, выполняя свои обычные дела, – что Жан-Пьер, предположительно, сделал привал в маленькой хибарке, тем самым давая ей возможность догнать его.» Она почувствовала такое облегчение, когда увидела перед домом привязанную Мэгги, а в самом доме встретила Жан-Пьера с тем смешным маленьким узбеком. Когда Джейн вошла, оба вскочили с места. Это было так комично! Прежде она ни разу не видала, чтобы афганец вставал при виде входящей женщины.

Джейн вошла на гору с набором медицинских принадлежностей и приступила к приему больных в пещере. Занимаясь привычными здесь случаями недоедания, малярии, инфицированных ран и кишечных паразитов, она размышляла о случившемся накануне. До этого ей никогда не приходилось слышать об аллергическом шоке. Несомненно, медицинскому персоналу, в обязанности которого входило делать инъекции пенициллина, обычно объясняли, как все это осуществляется, но Джейн прослушала ускоренный курс, где многое было опущено. Собственно говоря, вся медицинская часть была изложена очень кратко, так как предполагалось, что Жан-Пьер, как дипломированный врач, будет всегда рядом и сможет ей все объяснить.

Какое беспокойное это было время, проведенное в учебных классах, то вместе с другими будущими медсестрами, то совсем одна, впитывая как губка сущность медицинских наставлений и процедур, а также принципы санитарного просвещения, при этом стараясь представить себе, что ждет ее в Афганистане. Кое-какие из полученных наставлений оказывались полезными, другие, наоборот, лишали уверенности в себе. Ей говорили, что первым делом надо будет устроить для себя уборную с выгребной ямой. К чему бы это? Дело в том, что самый надежный путь к снижению заболеваемости в слаборазвитых странах связан с тем, чтобы побудить их прекратить использовать для канализации ручьи и реки, а внушить им это можно лучше всего личным примером. Одна ее наставница в очках, по имени Стефани, практичная сорокалетняя женщина, в неизменных рабочих брюках из хлопчатобумажной ткани и сандалиях, говорила об опасности слишком щедрого назначения лекарств. Большинство болезней и незначительные травмы излечиваются сами по себе без медицинского вмешательства, но отставшим в своем развитии народам да и не только им, всегда хочется побольше разных таблеток и снадобий. Джейн вспоминала, как тот маленького роста узбек просил у Жан-Пьера мазь от мозолей. Ведь он, несомненно, с детства привык к долгим пешим переходам, но, раз уж встретил доктора, не мог не пожаловаться ему на больные ноги. Помимо расточительного расходования лекарств, загвоздка заключалась еще в том, что

сильнодействующий препарат, назначенный по поводу легкого недомогания, мог вызвать у больного привыкание и затем, в случае более серьезного заболевания, оказаться бесполезным. Кроме того, Стефани посоветовала Джейн воздержаться от борьбы с местными знахарями и целителями и постараться найти с ними общий язык. И ей это удалось с повитухой Рабией, чего нельзя сказать о мулле Абдулле.

Самым легким для Джейн было выучить язык. В Париже, еще до того, как Джейн впервые пришла в голову мысль о поездке в Афганистан, она как переводчица изучала персидский язык фарси, чтобы расширить свои профессиональные возможности. Другим основным языком в Афганистане считался пушту, язык народности с тем же названием, на языке дари говорили таджики, а долина Пяти Львов находилась на таджикской территории. Нечасто встречающиеся афганцы, например, кочевники, обычно владели и пушту и дари. Если кто-то из них и был знаком с европейскими языками, то главным образом с английским или французским. Тот узбек в сложенном из камня домике объяснялся с Жан-Пьером по-французски. Джейн впервые слышала французскую речь с узбекским акцентом. Он очень напоминал русский акцент. В течение дня ее мысли то и дело возвращались к этой встрече с узбеком. Воспоминание о нем просто не давало ей покоя. Такое же чувство возникало у нее, когда ей надо было сделать что-то важное, но она не могла для себя решить, что именно. Все-таки в этом человеке таилось что-то необычное.

В полдень она окончила прием, покормила Шанталь, сменила ей пеленки, затем приготовила ленч – рис с мясным соусом – и поделилась им с Фарой. За время их знакомства девушка очень привязалась к Джейн и была готова делать что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие, с большой неохотой уходя вечером домой. Джейн старалась держать себя с ней на равных, и это, казалось, еще больше усиливало ее обожание.

В полуденный зной Джейн, оставив Шанталь под присмотром Фары, скрывалась в своей потайной обмели – расщелине за выступом скалы на залитом солнцем южном склоне. Там она занималась послеродовой гимнастикой, чтобы вернуть свою прежнюю стройность. Сжимая и расслабляя мышцы брюшного пресса, Джейн снова и снова вспоминала того узбека, который вскочил с места в том сложенном из камня доме, выражение удивления на его восточном лице. Ее почему-то преследовало ощущение надвигающейся трагедии.

Джейн поняла, в чем тут дело, и миг познания не был мгновенным. Он напоминал скорее лавину, которая неудержимо росла и росла, пока не сокрушила все на своем пути.

Ни один афганец не стал бы жаловаться на мозоли, даже для профформы. Это было столь же невероятно, как если бы глостерширский фермер пожаловался на то, что страдает болезнью бери-бери. Точно так же ни один афганец, как бы его ни поразила женщина, никогда не поднялся бы с места при ее появлении. А если это был не афганец, то кто? Акцент

явно выдавал его, хотя немногим по силам было бы в этом разобраться. Дело в том, что по образованию Джейн была лингвистом. Она говорила как по-русски, так и по-французски, поэтому от ее слуха не ускользнуло то, что он говорит по-французски с русским акцентом.

Стало быть, в покинутой Богом местности Жан-Пьер встретился в сложенном из камня домике с русским, переодетым в узбека.

Была ли это случайность? Такое вполне можно было бы предположить, хотя и с натяжкой, но она вспомнила лицо мужа при своем появлении и теперь, наконец, Джейн поняла выражение, на которое тогда не обратила внимания, выражение вины.

Нет, эта встреча не была случайной. Это было специально подготовленное свидание. Даже, может быть, не первое. Жан-Пьер постоянно разъезжал по отдаленным селениям с целью осмотра больных. Более того, он был порой излишне пунктуален в соблюдении графика таких посещений, что было, пожалуй, глупо в стране, где не было ни календарей, ни дневников. Но такая манера поведения не казалась уж такой глупой, если у него был другой график – график тайных встреч.

Для чего же он встречался с этим русским? Это тоже было очевидно, и глаза Джейн наполнились горячими слезами, когда ей стало ясно, что это предательство. Конечно, он передавал им разведывательные данные. Он сообщал им о ко-

лоннах. Маршруты колонн всегда были ему известны, потому что Мохаммед пользовался его картами. Он знал примерные сроки прохождения колонн, потому что видел отправлявшихся в путь людей – из Бэнды или какого-нибудь другого селения в долине Пяти Львов. Жан-Пьер несомненно передавал эти сведения русским, вот почему русским за последний год удавалось устраивать столь успешные засады на пути колонн, вот почему в долине появилось так много безутешных вдов и обездоленных сирот. Что это со мной? – подумала Джейн во внезапном приливе жалости к самой себе, и слезы снова покатались по ее щекам. Сначала Эллис, теперь Жан-Пьер. Ну почему я все время натываюсь на таких вот подлецов? Почему меня так и тянет к мужчинам, делающим из всего тайну? Почему для меня это своего рода вызов – заниматься их разоблачением? Неужели я настолько ненормальная?

Джейн вспомнила, что говорил Жан-Пьер, оправдывая советскую интервенцию в Афганистане. Впоследствии он изменил свою точку зрения, и Джейн считала, что это произошло не без ее влияния. Скорее всего, это была только видимость. Приняв решение отправиться в Афганистан, чтобы работать на русских, он стал высказывать антисоветские взгляды, тем самым маскируя свое истинное лицо.

Неужели и его любовь к ней – сплошное притворство?

Одна эта мысль иссушала ее душу. Джейн закрыла лицо руками. Это было просто уму непостижимо. Она люби-

ла Жан-Пьера, вышла за него замуж, целовала его брюзгливую мать, приспособилась к его сексуальным привычкам, пережила первую размолвку, старалась наладить совместную жизнь и работу, в страхе и боли родила ему ребенка – неужели все это ради иллюзии, ради мнимого мужа, которому на нее вообще было наплевать? Это все равно, что пробежать до изнеможения много километров, чтобы узнать, как лечить восемнадцатилетнего юношу, а затем, вернувшись, застать его уже мертвым. Нет, это было еще хуже. Это напоминало ощущения отца, который два дня нес на руках сына лишь затем, чтобы увидеть, как он умрет.

Джейн почувствовала, как наполнились ее груди. Значит, настало время кормить Шанталь. Она оделась, вытерла рукавом слезы и пошла обратно – вверх по склону. Когда острота потрясения немного спала, в ее мыслях появилась большая четкость и она поняла, что ощущала смутную неудовлетворенность в течение всего года их брака, но осознала это только теперь. Где-то в глубине души Джейн чувствовала, что Жан-Пьер обманывает ее, и это было той преградой, из-за которой им так и не удалось достичь настоящей близости.

Когда Джейн приблизилась к пещере, Шанталь громко выражала свое недовольство чем-то, а Фара ее укачивала. Джейн взяла ребенка и поднесла к груди. Вначале от прикосновения ребенка Джейн почувствовала известный дискомфорт, вызвавший спазм мышц живота, за которым последовало иное, приятное и весьма эротичное ощущение.

Ей хотелось побыть в одиночестве, поэтому она отправила Фару для послеполуденного отдыха у ее матери в пещере.

Кормление Шанталь действовало на Джейн успокоительно. Предательство Жан-Пьера больше не казалось ей чудовищной катастрофой. Она уже не сомневалась в искренности его любви к ней. Иначе зачем бы ему все это было нужно? Чего ради он взял ее сюда с собой? По сути дела, она была бесполезной для его разведывательной деятельности. Видимо, он все же любит ее.

А если любит, все остальные проблемы вполне разрешимы. Ему, разумеется, придется прекратить работать на русских. Сейчас она не могла себе представить, как заведет с ним разговор. Можно, например, сказать: «Я все знаю!» Пожалуй, нет. Но нужные слова сами придут, когда будет нужно. И тогда ему придется забрать ее и Шанталь обратно в Европу.

Обратно в Европу... Когда Джейн осознала, что им действительно предстоит возвращение домой, ее охватило чувство облегчения. Эта мысль застала ее врасплох. Если бы кто-то ее спросил, нравится ли ей в Афганистане, Джейн ответила бы, что работа захватывает ее целиком, что она нужна людям. Она действительно работала весьма успешно и даже получала от этого удовольствие. Но теперь, когда перед ней реально встала перспектива возвращения в цивилизованный мир, бывшая решимость ослабела, и она могла себе признаться в том, что суровая природа, холодные зимы, чуждый ей

народ, бомбардировки и бесконечный поток раненых и искалеченных юношей и мужчин довели ее нервное напряжение до крайнего предела.

«Надо признаться самой себе, – подумала Джейн, – что жизнь здесь – просто ужас».

Перестав сосать грудь, Шанталь погрузилась в сон. Джейн сняла ее с колен, поменяла пеленки и перенесла на матрасик, умудрившись при этом не разбудить. Непоколебимое спокойствие ее ребенка было настоящим подарком судьбы. Шанталь могла крепко спать, несмотря на любые тревоги вокруг нее – никакой шум или суета не могли ее разбудить, если она была сыта и ей было удобно. Однако она чутко реагировала на перемены настроения Джейн и часто просыпалась, если мать была чем-то расстроена, даже при отсутствии шума вокруг.

Джейн села, скрестив ноги, на своем матрасе. Она разглядывала своего ребенка и думала о Жан-Пьере. Жаль, что его сейчас здесь нет, а то она сразу же с ним обо всем поговорила. Ее удивило, почему она так спокойно восприняла и не возмутилась, что Жан-Пьер выдавал партизан русским. Может, потому, что все мужчины – лжецы? Или теперь она осознала, что ни в чем не повинны на этой войне только матери, жены и дочери с обеих сторон? Или, сама став женой и матерью, она как-то внутренне изменилась, в результате чего предательство перестало вызывать в ней возмущение? Или все дело в том, что она любила Жан-Пьера? Джейн просто

не знала, в чем причина.

Но, несмотря ни на что, надо было думать о будущем, а не о прошлом. Они ведь снова вернутся в Париж, где есть почта, книжные магазины и водопровод. У Шанталь появится красивая одежда, коляска, одноразовые пеленки. Они будут жить в маленькой квартирке, вокруг будет кипеть интересная жизнь, и единственная серьезная опасность для жизни будет связана с неосторожными таксистами. Джейн и Жан-Пьер начнут все сначала, и тогда по-настоящему узнают друг друга. Они будут трудиться во имя того, чтобы изменить мир к лучшему путем неторопливых, но законных усилий, без интриг и предательства. Опыт, приобретенный в Афганистане, поможет им получить работу для осуществления проектов развития стран Третьего мира, например, во Всемирной Организации Здравоохранения. Семейная жизнь будет такой, о какой она мечтала, они втроем будут трудиться во имя добра, счастья и уверенности в завтрашнем дне.

В пещеру вошла Фара – сиеста закончилась. Она почтительно приветствовала Джейн, взглянула на Шанталь и, увидев, что ребенок крепко спит, уселась на землю, скрестив ноги, в ожидании новых поручений. Она была дочерью Исмаил-Гуля, старшего сына Рабии. Его сейчас не было дома, он ушел с колонной.

У Джейн вдруг перехватило дыхание. Фара вопросительно посмотрела на нее. Джейн сделала успокоительное движение, и Фара отвела взгляд.

«Ее отец ушел с колонной», – подумала Джейн.

Жан-Пьер выдал эту колонну русским. Отец Фары погибнет, попав в засаду, если Джейн не придумает, как это предотвратить. Но что можно придумать? Может, послать гонца, чтобы встретить колонну у Хейберского перевала и направить ее по другому маршруту? Мохаммед может это устроить. Но тогда Джейн придется рассказать, откуда она узнала о засаде, поджидающей колонну. И тогда Мохаммед, уж в этом можно не сомневаться, прикончит Жан-Пьера. Если уж кому-то суждено погибнуть, – подумала Джейн, – пусть это будет Исмаил, а не Жан-Пьер.

Потом она вспомнила об остальных жителях деревни, ушедших с колонной, – их было человек тридцать – и ей сразу же пришла в голову мысль. «Неужели им всем суждено погибнуть во имя спасения моего мужа? Камир-Хан с всклокоченной бородкой, старик со шрамами Шахазай-Гул, Юсеф Гул, у которого такой красивый голос, совсем молодой пастух Шер Кадор, Абдул Мохаммед с выбитыми передними зубами, Али Ханим, отец четырнадцати детей».

Ведь должен же быть какой-нибудь другой выход.

Джейн приблизилась к выходу из пещеры и остановилась, выглянув наружу. Теперь, когда сиеста закончилась, дети выбежали из пещер и снова принялись играть среди камней и колючих кустарников. Джейн попался на глаза девятилетний Муса, единственный сын Мохаммеда. Его, однорукого, ребята стали баловать еще больше. Он важно расхаживал, ще-

голяя новеньким кинжалом, который подарил ему любящий отец. Джейн увидела мать Фары, с трудом бредущую в гору со связкой дров на голове, жену муллы, стиравшую рубаху своего мужа Абдуллы. Не было заметно ни Мохаммеда, ни его жены Халимы. Джейн знала, что он здесь, в Бэнде – она видела его утром. Он, наверное, уже пообедал с женой и детьми в своей пещере – почти у каждой семьи была такая собственная обитель в горах. Сейчас они наверняка были там, в пещере, но Джейн не хотелось открыто искать встречи с ним, потому что это шокировало бы окружающих, а ей надо было соблюдать правила приличия.

– Только как ему это сказать? – подумала Джейн.

А что, если прямо попросту? «Сделай это для меня, потому что я прошу». Это подействовало бы на любого влюбленного в нее западного мужчину, но мусульманам, судя по всему, было чуждо романтическое представление о любви. Чувства Мохаммеда к ней походили на смягченную форму животного влечения. Это чувство не давало ей никакой власти над ним и, кроме того, она вовсе не была уверена, что он вообще испытывает это чувство. Тогда как? Он ничем не был ей обязан. Ей никогда не приходилось лечить ни его самого, ни его жену. Но она вылечила Мусу – она спасла жизнь мальчику! По отношению к ней Мохаммед испытывает чувство долга.

«Сделайте это для меня, потому что я спасла вашего сына». Пожалуй, такая постановка может подействовать.

Но Мохаммед может спросить, зачем это нужно.

Между тем все больше женщин выходило из укрытий. Они шли за водой, выметали сор из пещер, кормили животных, готовили ужин. Джейн точно знала, что вскоре появится и Мохаммед.

Что же я ему скажу?

– *Русским известен маршрут колонны.*

– *Как они об этом узнали?*

– *Не знаю, Мохаммед.*

– *Тогда почему вы так в этом уверены?*

– *Не могу вам об этом сказать. Я подслушала чужой разговор. Получила сообщение от британской разведки. У меня предчувствие. Так сказали карты. Я видела сон.*

Вот что, я видела сон.

И тут появился Мохаммед. Он вышел из своей пещеры – высокий, красивый, словно отправляясь в путешествие. На голове у него была круглая хитралская шапочка, точно такая же, как у Масуда, в таком головном уборе щеголяли большинство партизан. Затем патту буро-земляного цвета, которое могло служить плащом, полотенцем и маскхалатом. Кроме того, бросались в глаза высокие кожаные сапоги, снятые с убитого русского солдата. Мохаммед продефилировал мимо пещеры походкой человека, которому до захода солнца предстоит пройти долгий путь. Он направился по тропинке вниз, в сторону покинутого жителями селения.

Джейн наблюдала за тем, как тает на горизонте его высо-

кая фигура. «Теперь или никогда», – подумала Джейн, отправляясь следом за ним. Поначалу она шла медленно, в прогулочном темпе, чтобы не сложилось впечатление, что она хочет догнать Мохаммеда. Но потом, отойдя достаточно далеко, чтобы не было видно из пещер, Джейн перешла на бег. Она скользила и спотыкалась на пыльной тропинке, размышляя о том, как эта гонка скажется на ее внутренностях. Увидев впереди себя Мохаммеда, Джейн окликнула его. Он обернулся, остановился, поджидая ее.

– Да хранит вас Бог, Мохаммед-Хан! – проговорила Джейн, поравнявшись с ним.

– И вас тоже, Джейн Дебу, – вежливо ответил Мохаммед. Она помолчала, чтобы отдышаться. Он посмотрел на нее с выражением насмешливого снисхождения.

– Как чувствует себя Муса? – спросила Джейн.

– С ним все в порядке. Он счастлив и учится действовать левой рукой. Когда-нибудь этой рукой он будет убивать русских.

Это была шутка: левой рукой по традиции выполняли «грязную» работу, правой брали пищу. Джейн улыбнулась, давая понять, что по достоинству оценила его остроумие, и сказала: «Я так рада, что нам удалось спасти ему жизнь».

Если это замечание Мохаммед посчитал неуместным, тем не менее он ни в малейшей мере не подал вида.

– Я ваш вечный должник, – заметил Мохаммед. Именно это ей и хотелось услышать.

– Вы могли бы кое-что сделать для меня, – проговорила Джейн.

Его лицо оставалось непроницаемым.

– Если только это в моей власти.

Джейн поискала глазами, где бы присесть. Они стояли около дома, пострадавшего от бомбардировки. Кучи камня и глины, когда-то составлявшие переднюю стену, были разбросаны по тропинке, в результате чего от интерьера дома остался разбитый горшок да нелепая прищипленная к стене цветная фотография «Кадиллака». Джейн уселась на обломки камней, а после недолгого колебания рядом с нею оказался Мохаммед.

– Это вполне в вашей власти, – сказала Джейн. – Правда, это причинит вам некоторые неудобства.

– О чем же идет речь?

– Не считите это за каприз глупой женщины.

– Вполне допускаю.

– Для вас будет искушением обмануть меня, согласившись выполнить мою просьбу, а потом «забыть» о ней.

– Ну, нет.

– Я прошу вас искренне сказать мне, независимо от того, откажете вы мне в этой просьбе, или нет.

– Я выполню вашу просьбу.

Пора переходить к делу, – подумала Джейн.

– Я хочу, чтобы вы послали гонца навстречу колонне и приказали изменить маршрут возвращения домой.

Эта просьба явно застала его врасплох. Скорее всего Мохаммед ожидал услышать какую-нибудь тривиальную просьбу.

– Но почему? – проговорил Мохаммед.

– Вы верите в сны, Мохаммед-Хан?

В ответ он только пожал плечами и уклончиво заметил:

– Сны – это сны.

Может, это неверный подход, – подумала Джейн, – пусть это будет лучше не сон, а видение.

– Когда в самую знойную пору дня я лежала одна в своей пещере, мне привиделся белый голубь.

Мохаммед внезапно насторожился, и Джейн поняла, что ее расчет оказался точным: афганцы верили, что в белых голубей иногда вселяются духи.

– Но мне, наверное, пригрезилось, – продолжала Джейн, – ибо птица попыталась заговорить со мной.

– Ага.

«Мохаммед воспринял это как доказательство, что у меня было видение, а не сон», – подумала Джейн и продолжала.

– Я не могла разобрать слов, хотя прислушивалась очень внимательно. Наверное, голубь говорил на пушту.

Глаза Мохаммеда расширились.

– Стало быть, посланец с пуштунской территории.

– Потом я увидела Исмаил-Гуля, отца Фары, который стоял позади голубя, – Тут Джейн положила руку на рукав Мохаммеда и посмотрела ему прямо в глаза, размышляя про

себя: «А ведь я могу манипулировать вами, как электрическим выключателем, тщеславный глупец!»

– В его груди торчал кинжал, и он плакал кровавыми слезами. Он указал на рукоятку кинжала, словно умоляя меня вытащить его из своей груди. Рукоятка была инкрустирована драгоценными камнями.

Про себя Джейн подумала: «И откуда только я все это взяла?»

– Я встала и пошла к нему. Я боялась, но надо было спасти ему жизнь. И тогда, едва я протянула руку, чтобы ухватить кинжал...

– И что же?

– Он пропал. Наверное, я проснулась.

Мохаммед сомкнул свой широко раскрытый рот, восстановил свое душевное равновесие и важно сдвинул брови, словно переваривая смысл сновидения. «Теперь, – подумала Джейн, – пора с ним немного пококотничать».

– Может, все это глупости? – произнесла Джейн, придавая лицу детское выражение и как бы отдавая себя на суд более совершенного мужского ума. – Вот почему я прошу вас сделать это ради меня, той, которая спасла жизнь вашему сыну. Верните мне душевное спокойствие.

Его лицо сразу же приняло слегка надменное выражение.

– Вам нет необходимости напоминать мне о долге чести.

– Значит ли это, что вы согласны?

Мохаммед ответил вопросом на вопрос.

– Какие камни были на рукоятке кинжала?

«О, Господи, – подумала Джейн, – каким же должен быть правильный ответ?» Ее уже подмывало сказать – изумруды, но этот камень ассоциировался с долиной Пяти Львов, поэтому сон мог означать, что Исмаил убит предателем из долины.

– Рубины, – произнесла Джейн.

Мохаммед неспешно кивнул.

– А Исмаил вам ничего не сказал?

– Он вроде бы попытался заговорить, но не смог.

Мохаммед опять кивнул, а Джейн все твердила про себя – ну, решайтесь же, наконец. Преодолейте же самого себя!

– Смысл предзнаменования ясен. Колонну надо отправить по другому маршруту.

Слава Богу, – подумала Джейн.

– У меня просто камень с души свалился, – искренне призналась она. – Я не знала, что мне делать. Теперь я могу быть уверена, что Ахмед не погибнет.

Она подумала: что еще можно сделать, чтобы поймать Мохаммеда на слове и не дать ему изменить свое намерение? Джейн не могла заставить его поклясться. А может, пожать ему руку? Наконец она решила скрепить обещание еще более древним жестом, подавшись вперед, она поцеловала его в губы, да так мгновенно и ловко, что он не успел ни отпрянуть, ни ответить ей тем же.

– Спасибо – проговорила Джейн. – Я знаю, вы – человек

слова.

Джейн поднялась с места, оставив Мохаммеда сидящим в легкой растерянности, повернулась и побежала по тропинке к пещерам. На вершине подъема Джейн остановилась и оглянулась назад. Мохаммед уже успел отдалиться на некоторое расстояние от разрушенного дома. Он шел вниз по склону с высоко поднятой головой, размахивая на ходу руками. Этот поцелуй здорово его раскрутил, – подумалось Джейн. Мне должно быть стыдно. Я сыграла на его суеверии, тщеславии и сексуальности. Мне, как убежденной феминистке, не следовало так откровенно манипулировать мужчиной, пользуясь стереотипными образами ясновидящей, дурочки и кокетки. Но это сработало. Своего я добилась!

Теперь следовало продолжение. Ей предстоял разговор с Жан-Пьером. Он должен быть дома с наступлением сумерек, ему как и Мохаммеду, прежде чем отправиться в путь, пришлось переждать жару. Она чувствовала, что с Жан-Пьером будет управиться проще, чем с Мохаммедом. Во-первых, Жан-Пьеру можно сказать всю правду. А во-вторых, он был виноват.

Джейн добралась до пещер. Среди обитателей маленького лагеря царило оживление. В небе слышался гул русских реактивных самолетов. Все побросали свои занятия и устремили взоры в небо, хотя самолеты находились слишком высоко и далеко, чтобы бомбить эту местность. Когда они улетели, мальчишки, расставив руки в стороны, как крылья, под-

ражали гудению реактивных двигателей. «Кого только они бомбят в своем воображаемом полете?» – подумала Джейн.

Она вошла в пещеру, окинула взглядом Шанталь, улыбнулась Фаре и достала журнал для записей. Они с Жан-Пьером почти каждый день делали записи в журнале. В основном они посвящались больным. Журнал предполагалось взять с собой в Европу, чтобы помочь познакомиться с будущей работой тем, кто приедет в Афганистан им на смену. Кроме того, их просили записывать в журнале личные переживания и проблемы, чтобы и другие были морально готовы ко всему. Джейн делала довольно подробные записи о собственной беременности и рождении Шанталь, но все сугубо личное подвергалось ею строжайшей цензуре. Джейн села, прислонившись к стене пещеры, положила журнал себе на колени и стала описывать случай с восемнадцатилетним юношей, умершим от аллергического шока. Эта трагедия вызвала горечь, но не депрессию. «В общем, вполне здравая реакция», – оценила ее Джейн про себя.

Она кратко упомянула недавние относительно тяжелые случаи, затем от нечего делать стала листать журнал назад. Это были начальные записи, сделанные угловатым, как паутина, почерком Жан-Пьера. Они оказались весьма краткими и состояли почти сплошь из описания симптомов и диагнозов, назначенного лечения и его результатов. «Глисты» – фиксировал Жан-Пьер, или «малярия», затем: «вылечен», «стабильное состояние» или, иногда – «летальный исход».

Джейн больше склонялась к развернутым предложениям, вроде «Утром она чувствовала себя лучше» или «Мать больна туберкулезом». Она перечитала записи о начальной стадии своей беременности, о болевых ощущениях в груди, о раздавшихся в ширину бедрах и утренней тошноте. Ей было интересно отметить, что почти год назад она написала: «Я боюсь Абдуллы». Она уже успела об этом забыть.

Джейн убрала журнал, после чего целых два часа вместе с Фарой наводила чистоту и порядок в лазарете, затем подошло время спускаться в селение и готовиться ко сну. Спускаясь по горной тропинке и потом, дома, занимаясь обычными делами, Джейн размышляла о том, как лучше построить разговор с Жан-Пьером. Она знала, что делать – надо вытянуть его на прогулку, но она не была уверена, что именно ему сказать. Джейн так и не приняла для себя окончательного решения, когда несколько минут спустя появился Жан-Пьер. Она влажным полотенцем стерла пыль с его лица и подала зеленый чай в фарфоровой чашке. Джейн знала, что Жан-Пьер не очень-то утомлен, просто ощущал приятную усталость, он был способен преодолеть куда большее расстояние. Пока он пил чай, она сидела рядом, стараясь не очень пристально его разглядывать и размышляя про себя: «А ведь ты мне лгал». Когда Жан-Пьер немного отдохнул, Джейн проговорила: «Давай пройдемся, как раньше». Жан-Пьер слегка удивился.

– Куда ты хочешь пойти?

– Да куда угодно. Разве ты не помнишь, как прошлым летом мы просто бродили, наслаждаясь вечерней прохладой?

Он улыбнулся.

– Ну как же, помню.

Джейн любила, когда он так улыбался.

– А Шанталь возьмем с собой? – спросил он.

– Нет. – Джейн не хотела, чтобы ее что-нибудь отвлекало. – Ее вполне можно оставить под присмотром Фары.

– Ладно, – проговорил он с легким недоумением.

Джейн сказала Фаре, чтобы та приготовила вечернюю трапезу: чай, хлеб и простоквашу – и вместе с Жан-Пьером вышла из дома. Наступали сумерки, прохладный воздух был напоен вечерними ароматами. Летом это было самое лучшее время суток. Пока они шли через поля к реке, Джейн вспоминала свои переживания прошлым летом на этой самой тропинке: тревогу, растерянность, волнение, решимость добиться успеха. Она гордилась тем, что превозмогла себя и вместе с тем радовалась, что это приключение подходит к концу.

По мере приближения разговора в ней нарастало внутреннее напряжение, хотя она и твердила про себя, что ей нечего скрывать, не в чем себя корить и ей нечего страшиться. Они перешли реку вброд в том месте, где она широко разливалась и мелела. Затем по крутой извилистой тропинке они перебрались на другой берег, Свесив ноги над пропастью, они устроились на краю высокой скалы. В тридцать

ти-сорока метрах под ними торопливо несла свои воды река Пяти Львов, подхватывая камни и сердито пенясь возле порогов. Джейн окинула взглядом долину, Возделанные земли были крест-накрест пересечены оросительными каналами и каменными стенами в форме террас. Сочная зелень и золото созревающего урожая делали поля похожими на осколки цветного стекла от разбитой детской игрушки. То тут, то там в эту картину вторгались следы бомбардировок: рухнувшие стены, заваленные арыки, воронки от снарядов в море накачивающихся волн пшеницы. Изредка мелькавшие круглые шапочки или тюрбаны свидетельствовали о том, что кое-кто торопился убрать урожай за ночь, пока русские давали передышку своим реактивным самолетам с их смертоносным грузом. Видневшиеся кое-где обмотанные шарфами головы и невысокого роста фигуры – это были женщины и подростки, которые помогали убирать урожай до наступления темноты. На дальнем краю долины возделанные участки земли кое-где виднелись на склонах примыкавших гор, но с повышением рельефа уступали место голым скалам. Из сбившихся в кучу домиков слева поднимались прямые, как свеча, струйки дыма – это хозяйки готовили ужин, – которые начинали извиваться только под воздействием набегавшего легкого ветерка. Этот же ветерок доносил неразличимые обрывки разговоров между женщинами, которые купались где-то за изгибом реки, выше по течению. Голоса звучали приглушенно, но среди них уже не было слышно залихватого

смеха Захары. Она носила траур. И все из-за Жан-Пьера.

Эта мысль придала Джейн смелости.

– Я хочу домой, – резко бросила она.

Сначала он не понял ее и проговорил раздраженно:

– Но ведь мы только что пришли сюда.

Затем Жан-Пьер посмотрел ей в лицо и сразу все понял:

– А-а, – протянул он.

Его голос звучал невозмутимо, и это показалось Джейн недобрый знаком. Ей стало ясно, что, наверное, она не добьется своей цели малой кровью.

– Да, – твердо повторила Джейн, – я хочу домой.

Жан-Пьер обнял ее одной рукой.

– Эта страна действительно может добить человека, – проговорил Жан-Пьер. Он смотрел не на нее, а на бурно несущуюся под ними реку. – Сейчас, в послеродовой период, ты особенно подвержена депрессии. Пройдет несколько недель, и вот увидишь...

– Не говори со мной, как с ребенком! – выпалила Джейн.

Она не собиралась слушать подобную ерунду. – Оставь эту манеру для своих пациентов.

– Ну, да ладно. – Жан-Пьер убрал руку с ее плеча. – До поездки сюда мы приняли решение пробыть здесь два года. Мы согласились с тем, что от кратковременных поездок мало пользы. Это связано со слишком большими затратами на обучение, проезд и обустройство на месте. Мы намеревались принести реальную пользу, поэтому приняли на себя обяза-

тельство остаться здесь на двухлетний срок.

– Но потом у нас появился ребенок.

– Это уже была твоя инициатива!

– Во всяком случае сейчас я передумала.

– Ты не вправе отказываться от первоначального решения.

– А ты не вправе распоряжаться мною, как своей собственностью, – сердито проговорила Джейн.

– Это исключено. И давай закончим этот разговор.

– Разговор наш только начинается, – возразила Джейн.

Его отношение привело ее в бешенство. Разговор перешел в дискуссию о ее собственных правах как личности. Джейн как-то не хотелось пускать в ход такой серьезный аргумент, как его вовлеченность в шпионаж. Во всяком случае, пока. Джейн хотелось, чтобы он сам без ее подталкивания признал, что она свободна принимать собственные решения. – Ты не имеешь права игнорировать меня и мои желания, проговорила она. – Я намерена уехать отсюда в это лето.

– Это невозможно.

Джейн решила все-таки его уговорить.

– Мы прожили здесь целый год. Сделали уже много полезного. А еще мы принесли определенные жертвы – большие, чем предполагали. Разве этого недостаточно?

– Мы согласились на два года, – упорствовал Жан-Пьер.

– Это было давно, еще до того, как на свет появилась Шанталь.

– Значит, ты с ней уедешь, а я останусь.

Джейн задумалась. Отправиться с колонной вместе с грудным ребенком – это было бы тяжким и опасным делом. А без мужа это обернулось бы настоящим кошмаром. Но в жизни нет ничего невозможного. Это означало бы, что придется оставить Жан-Пьера одного, позволив ему продолжить его предательство, выдавать колонны, что раз в две-три недели обернется гибелью чьих-то мужей и сыновей из этой долины. Но была еще одна причина, по которой Джейн не могла оставить его здесь одного – это разрушило бы их брак.

– Нет, – сказала Джейн. – Я не могу уехать отсюда одна. Тебе придется уехать вместе со мной.

– Я останусь, – сердито проговорил он. – Останусь.

Теперь у Джейн не оставалось ничего другого, кроме как выложить все, что она о нем знала. Она сделала глубокий вдох и начала:

– Все же тебе придется это сделать.

– Ничего мне не придется, – перебил ее Жан-Пьер. Он поднял вверх указательный палец, и она заметила в его глазах выражение, вселившее в нее страх. – Ты не сможешь меня заставить, даже не пытайся.

– Но я могу.

– А я тебе не советую, – проговорил Жан-Пьер ледяным тоном.

Внезапно он показался ей совершенно чужим человеком. Джейн осеклась, погрузившись в раздумья. Она увидела, как

из селения к их скале стал приближаться голубь. Видимо, у него было гнездо прямо где-то у Джейн под ногами. «Я совсем не знаю этого человека! – подумала Джейн в смятении. – После целого года совместной жизни я все еще не имею понятия, кто он такой на самом деле!».

– Скажи, ты любишь меня? – спросила Джейн.

– Если и люблю, это вовсе не означает, что я должен исполнять любое твое желание.

– Стало быть, да?

Жан-Пьер посмотрел на нее в упор. Джейн бестрепетно выдержала этот напряженный взгляд. Постепенно жесткий маниакальный свет испарился из его глаз, а черты лица смягчились. Наконец, Жан-Пьер улыбнулся.

– Да, – ответил он.

Джейн прильнула к нему, и он снова обнял ее.

– Да, я люблю тебя, – негромко произнес он и поцеловал ее в макушку.

Джейн прижалась щекой к его груди. Голубь, за которым они наблюдали, снова взлетел со скалы. Это был белый голубь, такой же, как в ее выдуманном сне. Он неторопливо полетел прочь в направлении дальнего от них берега реки. «О Господи, что же мне теперь делать?» – подумала Джейн.

* * *

Сын Мохаммеда Муса – теперь у него появилась кличка

Леворукий – первым заметил приближение возвращающейся колонны. Он опрометью бросила к пещерам, крича во все горло:

– Они вернулись! Они вернулись.

Никто и не спрашивал его, кто такие «они».

Время уже приближалось к обеду, а Джейн с Жан-Пьером вели прием больных. Джейн взглянула на Жан-Пьера. По его лицу скользнуло едва заметное недоумение. Он не понимал, почему русские не воспользовались его данными, чтобы устроить засаду на пути следования колонны? Джейн отвернулась, чтобы он не заметил переполнявшего ее чувства ликования. Ведь она спасла жизнь людям. Сегодня вечером Юсеф будет петь, Шер-Кадор – пересчитывать своих коз, а Али-Ганим поцелует всех своих четырнадцать детей. Юсеф был один из сыновей Рабии: сохранив ему жизнь, Джейн оплатила Рабии за то, что она помогла Шанталь появиться на свет. Матери и дочери, которые могли бы надеть траур, сегодня будут радоваться.

Она спросила себя «Что чувствует сейчас Жан-Пьер? Злобу, поражение, разочарование?» Трудно было вообразить чье-то разочарование тем, что люди не погибли. Джейн украдкой бросила на него взгляд, но лицо Жан-Пьера было бесстрастным. «Хотела бы я знать, что у него на душе», – подумала Джейн.

Очередь из больных рассосалась за несколько минут: все бросились в селение встречать участников колонны.

– Ну что, пойдём вниз? – спросила Джейн.

– Ты иди, – ответил Жан-Пьер – Как только разберусь здесь с делами, я тоже приду.

– Хорошо, – проговорила Джейн. Ему хотелось побыть одному, чтобы прийти в себя, догадалась она. – Ему ведь придется делать вид, что он тоже радуется благополучному возвращению колонны.

Взяв на руки Шанталь, Джейн направилась по крутой тропинке к селению. Сквозь тонкие подошвы сандалий она ощущала раскаленную солнцем поверхность каменистой почвы.

Джейн так и не решилась на разговор с Жан-Пьером. Впрочем, это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно, он все равно узнает, что Мохаммед послал гонца и направил колонну по другому маршруту. Жан-Пьер, разумеется, спросит, почему так произошло, и Мохаммед расскажет о «видении» Джейн. Только вот Жан-Пьеру было известно, что Джейн не верит ни в какие видения.

Чего я боюсь? – спросила она себя. Виновата не я, а он. Но все равно я чувствую себя так, будто его тайна – это что-то постыдное для меня. Мне надо было все выложить ему безотлагательно, еще в тот вечер, когда мы сидели вместе на скале. Так долго скрывая это, я тоже невольно стала не причастна к обману. Возможно, все дело именно в этом. Или причина в том странном выражении, которое иногда проскальзывает в его взгляде.

Джейн не отказалась от своего решения вернуться домой,

но пока ей не удалось придумать способ убедить Жан-Пьера уехать вместе с ней. Она перебрала в голове уйму безумных идей, например, подделать письмо с сообщением о том, что его мать при смерти, или подсыпать ему в йогурт что-нибудь, вызывающее симптом непонятной болезни, которая заставила бы его вернуться в Европу для обследования и лечения. Самым простым и верным способом была бы угроза рассказать Мохаммеду, что Жан-Пьер – шпион. Конечно, она никогда не пойдет на это, потому что поступить таким образом – это все равно что убить Жан-Пьера своей рукой. Но поверит ли Жан-Пьер, что она готова выполнить эту угрозу? Наверное, нет. Чтобы поверить, что она способна погубить собственного мужа, надо быть жестоким и безжалостным человеком с каменным сердцем. Между тем, Жан-Пьер такой и есть, он может сам убить Джейн.

Она поежилась, несмотря на жару. Этот разговор об убийстве показался ей просто несерьезным. «Если двое испытывают такую, как мы, радость от телесного общения друг с другом, – подумала Джейн, – как они могут совершить насилие в отношении друг друга?» Приближаясь к селению, Джейн услышала беспорядочную стрельбу и даже настоящую пальбу – это был праздник афганцев. Джейн направилась к мечети – центру всех событий. Колонна располагалась во дворе мечети – мужчины, лошади и грузы в окружении улыбающихся женщин и вопящих детей. Джейн остановилась с краю и стала наблюдать за происходящим. Да, оно стоило

того, подумала Джейн. Стоило тревог и страха, стоило того, чтобы манипулировать Мохаммедом столь недостойным способом, чтобы пережить все это, чтобы видеть мужчин, благополучно вернувшихся к своим женам и матерям, сыновьям и дочерям.

Случившееся потом стало, наверное, самым большим потрясением в ее жизни.

В толпе среди многочисленных шапочек и тюрбанов оказалась кудрявая белокурая шевелюра. Поначалу Джейн не поняла, кто это, хотя человек показался ей очень знакомым, отчего защемило сердце. Затем человек вышел из толпы, и под невероятно пышной светловолосой бородой она узнала лицо Эллиса Тейлера.

От неожиданности у Джейн подкосились колени. Эллис? Здесь? Невозможно!

Он направился прямо к ней. На нем было похожее на пижаму свободное, легкое одеяние из хлопка, которое носили все афганцы, на широкие плечи было накинуто грязное одеяло. Небольшая часть лица, видневшаяся над бородой, была покрыта густым загаром, поэтому его небесно-голубые глаза еще больше выделялись, как васильки на поле спелой ржи.

Джейн онемела от удивления.

Эллис с торжественным видом застыл перед ней.

– Здравствуй, Джейн.

Она вдруг поняла, что ее ненависть к нему прошла. Еще месяц назад она обрушила бы на него проклятия за то, что он

обманывал ее и шпионил за ее друзьями, но теперь от бывшего озлобления не осталось и следа. Она уже никогда не сможет испытывать к нему симпатии, но вполне может относиться к нему с терпимостью. И еще было приятно услышать впервые более чем за год настоящую английскую речь.

– Эллис, – растерянно произнесла она. – И чем это ты здесь занимаешься?

– Тем же, чем и ты, – ответил он.

Что бы это означало? Надо понимать, шпионажем? Но нет. Эллис не знал, зачем приехал сюда Жан-Пьер. Эллис уловил недоумение на лице Джейн и сказал.

– Понимай так, что я здесь для того, чтобы помогать восставшим.

А что, если он узнает правду о Жан-Пьере? Джейн вдруг испугалась за жизнь своего мужа. Эллис запросто может прикончить его.

– Чей это ребенок? – спросил Эллис.

– Мой и Жан-Пьера. Ее зовут Шанталь. – Джейн увидела, как Эллис вдруг ужасно погрузнел. Джейн поняла – Эллис надеялся, что она несчастлива со своим мужем. «О Господи, наверное, он все еще влюблен в меня», – подумалось ей. Джейн попробовала сменить тему разговора: – И как ты собираешься помогать повстанцам?

Он оторвал от земли свою сумку. Это был емкий, по форме напоминавший колбасу мешок из парусины цвета хаки, похожий на старомодный солдатский вещевой мешок.

– Я собираюсь научить их взрывать дороги и мосты, – сказал Эллис. – Итак, тебе понятно, что в этой войне я на той же стороне, что и ты.

«Но не на той стороне, где Жан-Пьер», – подумала Джейн. Что-то теперь будет? Афганцы ни на миг не подозревали Жан-Пьера, но Эллис поднаторел в разного рода камуфляжах. Рано или поздно, он обязательно догадается, что к чему.

– И долго здесь пробудешь? – спросила она. Если он заглянул сюда ненадолго, у него, скорее всего, не найдется времени, чтобы утвердиться в своих подозрениях.

– В течение лета, – уклончиво ответил Эллис.

Возможно, ему не придется часто общаться с Жан-Пьером.

– А где собираешься жить? – поинтересовалась Джейн.

– В этом вот селении.

– О-о.

Уловив разочарование в ее голосе, Эллис криво ухмыльнулся.

– Видимо, я напрасно надеялся, что обрадую тебя своим появлением.

У Джейн в голове пронеслись лихорадочные мысли. Если ей удастся заставить Жан-Пьера бросить все и уехать, он будет вне опасности. Внезапно она почувствовала, что теперь сможет противостоять ему. «Почему? – размышляла она про себя. – Потому, что больше его не боюсь. А почему не боюсь? Да потому, что теперь здесь Эллис. Я не понимала раньше,

что боюсь собственного мужа».

– Наоборот, – сказала она Эллису, думая про себя: «Как я спокойна!» – Я просто счастлива, что ты здесь.

Воцарилось молчание. Эллис явно не понимал, что Джейн имела в виду. Мгновение спустя он сказал:

– Ну, у меня в этом зверинце много всякой взрывчатки и тому подобного. Займусь-ка я лучше этим.

– О'кей, – кивнула Джейн.

Эллис повернулся и растворился в толпе. Джейн, все еще до конца не преодолев оцепенение, медленно вышла со двора. Итак, Эллис здесь, в долине Пяти Львов, и явно все еще в нее влюблен.

Когда Джейн добралась до дома лавочника, оттуда вышел Жан-Пьер. Он остановился там по дороге в мечеть, видимо, чтобы не тащить свою сумку с медицинскими принадлежностями, Джейн просто не знала, что ему сказать.

– С колонной прибыл один твой знакомый, – завела разговор Джейн.

– Европейец?

– Да.

– И кто же?

– Сходи и посмотри. Ты удивишься.

Жан-Пьер поспешил прочь. Джейн вошла в дом. Как поведет себя Жан-Пьер теперь, когда появился Эллис? – размышляла про себя Джейн. Да, он захочет сообщить об этом русским. А русские захотят убрать Эллиса.

Эта мысль разозлила ее.

– Больше никаких убийств не будет! – громко проговорила Джейн. – Я не позволю! – от ее голоса, проснувшись, заплакала Шанталь. Джейн стала ее укачивать, и девочка затихла.

Что же мне теперь делать? – размышляла Джейн.

Надо помешать ему поддерживать связь с русскими.

А как?

Его связной не может встречаться с ним здесь, в селении. Если ты не подчинишься, я скажу Эллису, что ты шпион, и тогда уже он позаботится о том, чтобы ты отсюда никогда не уезжал.

Предположим, Жан-Пьер пообещает, а потом нарушит обещание?

Ну, тогда мне будет точно известно, что его здесь нет и, стало быть, он отправился на встречу со связным, и тогда я смогу предупредить обо всем Эллиса.

А есть ли у него другие способы связаться с русскими?

У него наверняка должен быть какой-нибудь способ связи на случай непредвиденных обстоятельств.

Но ведь здесь нет ни телефона, ни почты, ни курьерской службы, ни почтовых голубей.

У него, без сомнения, есть радиопередатчик, а если есть радиопередатчик, мне не удастся воспрепятствовать ему.

Чем больше Джейн размышляла об этом, тем больше утверждалась в мысли о том, что у Жан-Пьера должен быть

радиопередатчик.

Ему ведь необходимо было организовывать встречи в каменных домиках. Теоретически можно предположить, что сроки всех встреч были намечены еще до его отъезда из Парижа, но на практике это было почти невозможно: что случилось бы, если бы по какой-то причине встреча не могла состояться, или он опоздал на свидание, или если бы ему надо было срочно повидать связного? У Жан-Пьера наверняка должен быть радиопередатчик. Как же поступить, если у Жан-Пьера радиопередатчик имеется? Ведь можно его у Жан-Пьера забрать.

Она положила Шанталь обратно в колыбельку и огляделась. Затем вышла в переднюю комнату. Там, на выложенном кафелем прилавке посреди бывшей лавки лежала сумка с медицинскими принадлежностями Жан-Пьера.

Это был наиболее вероятный тайник. Никому не разрешалось открывать эту сумку, за исключением Джейн, а у нее для этого никогда не было повода.

Джейн расстегнула замок и перебрала содержимое сумки, вынимая предметы один за другим.

Радиопередатчика там не оказалось.

Значит, все это сложится не так просто.

У него наверняка должен быть радиопередатчик, и во что бы то ни стало, надо его найти – если я его не найду, либо Эллис убьет его, либо он убьет Эллиса.

Джейн решила обыскать весь дом.

Она проверила медицинские запасы на полках, заглянула во все распечатанные коробки и мешки, торопясь из страха, что Жан-Пьер может вернуться прежде, чем она закончит поиски. Джейн так ничего и не нашла.

Потом она перешла в спальню и стала рыться в его одежде, затем в зимних одеялах, сложенных в углу. Ничего. Подгоняя себя, Джейн переместилась в жилую комнату, продолжая лихорадочный поиск возможных тайников. Сундук с картами! Она открыла его. Там были лишь карты, Джейн с грохотом захлопнула крышку. От шума Шанталь заворочалась, но не заплакала, хотя уже почти наступило время ее кормления. «Хорошая девочка, – подумала Джейн, – молодчина, слава Богу!». Она заглянула за буфет и подняла ковер на случай, если имелся тайник в полу.

Ничего.

Но где-то же он должен быть! Джейн трудно был себе представить, что Жан-Пьер осмелился спрятать радиопередатчик вне дома, идя на такой чудовищный риск, ведь кто-нибудь случайно мог его найти.

Джейн вернулась в лавку. Если только ей удастся найти радиопередатчик, все будет в порядке – у Жан-Пьера не останется иного выхода, кроме как во всем признаться.

Его врачебная сумка, без сомнения, была самым подходящим тайником, потому что он никогда с нею не расставался во всех своих поездках. Джейн взяла ее в руки. Она показала ей тяжелой. Джейн снова ощупала ее внутри. У сумки

было толстое основание.

Вдруг ее осенило.

У сумки могло быть двойное дно.

Джейн ощупала пальцами. Радиопередатчик должен быть здесь, подумала Джейн. Просто должен.

Джейн просунула пальцы вниз, к самому краю дна, и дернула.

Двойное дно легко отошло.

Ее сердце учащенно забилось, когда она заглянула внутрь.

Там в потайном отделении лежала черная пластмассовая коробка. Джейн извлекла ее наружу.

Вот он, подумала она, значит, Жан-Пьер связывается с ними при помощи этого миниатюрного радиопередатчика.

Зачем же тогда он еще и встречается с ними?

Наверное, он не может передавать им секретные сведения по радио, из опасения, что кто-нибудь сможет подслушать. Видимо, радиопередатчик используется только для того, чтобы назначать встречи и в случае чрезвычайных обстоятельств.

Например, когда он не может покинуть селения.

Джейн услышала, как открылась задняя дверь. В ужасе она уронила радиопередатчик на пол и обернулась, окинув взглядом жилую комнату. Это была Фара с метлой.

– О, Господи, – громко вскрикнула Джейн. Она снова повернулась. Сердце прямо выпрыгивало у нее из груди.

Ей надо было избавиться от радиопередатчика до возвра-

щения Жан-Пьера.

Но как? Она ведь не могла его просто так выбросить – тогда его найдут. Надо его уничтожить.

Но чем? У нее ведь не было молотка. Стало быть, камнем. Джейн выбежала через жилую комнату во двор. Окружавшая двор стена была сложена из грубых камней, скрепленных строительным раствором. Протянув руку, Джейн попробовала раскачать один из них в верхнем ряду. Ей показалось, что камень сидит слишком крепко. Тогда она попыталась оторвать соседний, потом еще один. Четвертый камень подался, и Джейн стала его раскачивать, пока он не сдвинулся с места.

– Ну, давай же, – приговаривала Джейн. Потом она резко дернула. Острый край камня больно врезался ей в руку. Она рванула изо всех сил, и камень отвалился. Джейн отскочила, когда он упал на землю. Камень был размером примерно с банку консервированных бобов, как раз то, что нужно. Схватив его обеими руками, она поспешила обратно в дом.

Джейн прошла в переднюю комнату. Подняв с пола черный радиопередатчик в пластмассовом корпусе, она положила его на выложенный кафелем прилавок. Подняв камень над головой, Джейн что было силы швырнула его на радиопередатчик.

Пластмассовый корпус треснул.

Ей придется повторить, но только посильнее.

Джейн снова подняла камень и ударила им еще раз. Кор-

пус разлетелся вдребезги, обнажив все внутренности радиопередатчика, печатную схему, конус динамика и пару батареек питания с русскими обозначениями. Вынув батарейки, она швырнула их на пол, после чего стала крушить сам механизм.

В этот момент кто-то схватил ее сзади, и раздался голос Жан-Пьера:

– Что ты здесь делаешь?

Джейн стала вырываться и, на мгновение освободившись, снова ударила по маленькому радиопередатчику.

Схватив Джейн за плечи, Жан-Пьер оттолкнул ее в сторону. Она потеряла равновесие и повалилась на пол. Причем упала неудачно, подвернув запястье.

Жан-Пьер, не отрываясь, смотрел на радиопередатчик.

– Ты его сломала, – проговорил он. – Его уже нельзя будет починить!

Схватив Джейн за рубашку, Жан-Пьер поднял ее с пола на ноги.

– Ты не представляешь себе, что наделала! – закричал он. Его глаза светились отчаянием и неистовым гневом.

– Пусти меня! – закричала она в ответ. Жан-Пьер не имел права так себя вести, ведь это он лгал, а не наоборот. – Как ты смеешь давать волю рукам?

– Как я смею?! – Жан-Пьер отпустил ее рубашку, размахнулся и со всей силой ударил ее в живот. На какое-то мгновение Джейн потеряла сознание, затем где-то внутри, где у

нее еще оставалась незажившая рана после рождения Шанталь, появилась боль. Джейн вскрикнула и, обхватив обеими руками живот, качнулась вперед.

Ее глаза были плотно закрыты, поэтому она не видела приближения следующего удара.

Он пришелся ей прямо по губам. Джейн вскрикнула. Она не могла поверить, что Жан-Пьер может так обращаться с нею. Открыв глаза, она смотрела на него в страхе от того, что он ударит ее еще раз.

– Как я смею? – кричал он. – Как я смею?

Джейн упала коленями на грязный пол, и стала рыдать от потрясения и отчаяния. От боли в губах ей было трудно говорить.

– Пожалуйста, не бей, – едва произнесла она. – Больше не надо. Не бей.

Защищаясь, она прикрыла лицо рукой. Жан-Пьер опустился на колени. Он отвел ее руку в сторону и приблизился к ней своим лицом.

– И давно ты знаешь? – прошипел он.

Джейн облизнула опухшие губы. Вытерев рот рукавом, она заметила следы крови.

– Когда я увидела тебя в каменной хижине, по дороге в Кобак, – проговорила Джейн.

– Но ты же ничего не видела!

– Он говорил тогда с русским акцентом и сказал тогда, что у него на ноге мозоли. Потому я и догадалась.

Жан-Пьер помолчал, переваривая ее слова.

– Так почему только теперь? – спросил он. – Почему ты раньше не разбила радиопередатчик?

– Я боялась.

– А теперь?

– Теперь здесь Эллис.

– Ах, вот как!

Огромным усилием воли Джейн собрала в кулак остатки своей решимости.

– Если ты не прекратишь этот свой шпионаж, я расскажу Эллису, и тогда за дело возьмется он.

Жан-Пьер схватил ее за горло.

– А что, если я задушу тебя, сука?

– Если со мной что-нибудь случится, Эллис захочет во всем разобраться. Он все еще любит меня.

Джейн в упор смотрела на него. Его глаза горели ненавистью.

– Теперь мне его уже никогда не поймать – сказал Жан-Пьер.

Она не поняла, о ком идет речь. Об Эллисе? Нет. О Масуде? Неужели конечной целью Жан-Пьера было покончить с Масудом? Джейн почувствовала, что его пальцы все сильнее сжимают ее горло. Она испуганно смотрела ему в лицо. В этот момент заплакала Шанталь.

Выражение лица Жан-Пьера резко изменилось. Ненависть ушла из его глаз, и застывший, напряженный гнев уле-

тучился. И наконец, к изумлению Джейн, он закрыл глаза руками и заплакал.

Джейн недоверчиво смотрела на него. Она почувствовала жалость к нему и подумала: «Не будь дурой, этот негодяй только что избил тебя». Но больше всего тронули Джейн его слезы.

– Не плачь, – едва слышно проговорила она. Ее голос звучал на удивление нежно. Джейн коснулась его щеки.

– Прости меня, – проговорил он. – Прости за то, как я с тобой обошелся. Дело всей моей жизни, и все впустую.

С удивлением и с некоторой долей отвращения к самой себе Джейн почувствовала, что больше не сердится на него, несмотря на опухшие губы и непроходящую боль в животе. В плену этого чувства Джейн обняла его и, похлопывая по спине, стала утешать, как ребенка.

– И все из-за акцента Анатолия, – пробормотал он – Все из-за этого!

– Забудь о нем, – сказала Джейн. – Мы вернемся из Афганистана в Европу. Уйдем со следующей же колонной.

Жан-Пьер отвел руки от лица и посмотрел на Джейн.

– Когда мы вернемся в Париж...

– Да?

– Когда мы снова будем дома, мне хотелось бы, чтобы мы были вместе. Ты сможешь меня простить? Я люблю тебя, это на самом деле так. Я всегда любил тебя. К тому же, мы с тобой муж и жена. И у нас есть Шанталь. Пожалуйста, Джейн,

не бросай меня. Я тебя прошу.

К своему удивлению, она не ощутила у себя в душе ни малейшего колебания. Он был тем, кого она любила, ее мужем, отцом ее ребенка, он попал в беду и просил у нее помощи.

– Я никуда не уйду, – ответила Джейн.

– Обещай мне это, – сказал Жан-Пьер. – Обещай, что не бросишь меня.

Джейн улыбнулась ему своими кровоточащими губами.

– Я люблю тебя, – проговорила Джейн. – Обещаю, что не брошу тебя.

Глава 9

Эллис чувствовал бессилие, нетерпение и злобу. Он чувствовал бессилие, потому что провел в долине Пяти Львов уже семь дней, но до сих пор не встретился с Масудом. Он чувствовал нетерпение, потому что на него действовал, как горькая микстура, вид Джейн и Жан-Пьера, их совместная жизнь и совместная работа, и общая радость по новорожденной малышке. И он был зол, потому что только он сам, и никто другой, вовлек себя в эту неприятную ситуацию.

Ему говорили, что он встретится с Масудом сегодня, но пока этот великий человек не появлялся. Эллис весь вчерашний день провел в пути, шел вчера весь день, чтобы попасть сюда. Он находился теперь в юго-западном конце долины Пяти Львов, на территории русских. Он вышел из Бэнды в сопровождении трех партизан – Аш-Ганима, Матуллы-Хана и Юсеф-Гуля, но к ним присоединялись в каждом селении еще по двое-трое, и теперь всех вместе их было тридцать человек. Они уселись в кружок под большим фиговым деревом возле вершины холма, ели плоды дерева и ждали.

У подножия холма, на котором они расположились, началась плоская равнина, простиравшаяся дальше к югу – до самого Кабула, хотя до него было отсюда пятьдесят миль, и они не могли его видеть. В этом же направлении, только намного ближе, находилась Баграмская авиабаза, до которой

было всего десять миль, сооружения ее видны не были, но время от времени взлетал реактивный самолет. Плодородная земля равнины представляла собой мозаику из полей и садов, пересеченных крест-накрест ручьями, питавшими водой реку Пяти Львов, которая текла к столице, становясь все шире и глубже, но все так же быстро. Ухабистая дорога шла вдоль подножия холма и поднималась вверх по долине до города Роха, которым здесь была отмечена самая северная точка территории, занятой русскими. Движение на дороге было небольшим, несколько крестьянских повозок, изредка – бронированная военная машина. Там, где дорога пересекала реку, стоял новый мост, выстроенный русскими.

Эллис собирался взорвать этот мост.

Его занятия, посвященные взрывному делу, которые он проводил, чтобы как можно дольше маскировать свою истинную цель, приобрели огромную популярность, и ему приходилось ограничивать число желающих их слушать. И это несмотря на его неуверенное владение дари. С Тегерана он помнил немного фарси, а по пути сюда вместе с караваном нахватался много слов на дари, поэтому мог говорить о пейзаже, пище, лошадях и оружии, но он все еще не умел произносить фразу вроде: «Углубления на взрывчатом материале создают эффект фокусировки взрыва». Тем не менее, сама мысль о том, чтобы что-то взорвать, настолько нравилась мужскому самосознанию афганцев, что у него всегда была очень внимательная аудитория. Он не мог обучить их фор-

мулам для расчета количества ТНТ, необходимого для выполнения конкретных заданий, или даже показать им, как пользоваться американской вычислительной лентой, страхующей «от дурака», потому что никто из них не знал даже начальной арифметики, а большинство не умело читать. Тем не менее, он умел показать им, как можно более эффективно уничтожать различные объекты, используя меньшее количество взрывчатки – что имело для них особенно важное значение из-за нехватки любых материалов. Он также попытался привить им основные меры техники безопасности, но это ему не удалось, для них осторожность отождествлялась с трусостью. И в то же время он мучился из-за Джейн.

Он ревновал, когда она касалась Жан-Пьера, завидовал, когда увидел, как умело и гармонично они вдвоем работали в пещере, где была развернута клиника; когда он поймал взглядом налитую молоком грудь Джейн, когда она кормила ребенка, его охватило желание. Он обычно лежал ночью без сна, укрытый спальным мешком, в доме Исмаил-Гуля, где обосновался, и не переставая ворочался, то обливаясь потом, то дрожа от озноба, не в состоянии найти удобное положение на полу из утрамбованной земли, стараясь не слышать приглушенные звуки любовных утех Исмаила и его жены в соседней комнате в нескольких ярдах от него, а ладони его, казалось, горели желанием прикоснуться к Джейн.

Во всем этом некого было винить, кроме себя. Он сам вызвался на это задание, глупо надеясь, что сможет вдруг вер-

нуть Джейн. Это было недостойно профессионала, а также показывало его незрелость. Единственное, что ему оставалось – выбраться отсюда как можно скорее.

Но он ничего не мог сделать до встречи с Масудом.

Он встал и заходил безостановочно вокруг, все же тщательно оставаясь в тени дерева, чтобы его не было видно с дороги. В нескольких ярдах была груда покореженного металла, где разбился вертолет. Он увидел тонкий кусок стали, размером и формой напоминающий большую тарелку, и это навело его на мысль, как ему продемонстрировать действие формованных зарядов.

Он достал из своей сумки небольшую пластинку ТНТ и карманный нож. Партизаны теснее сгрудились вокруг него. Среди них был Али-Ганим, невысокий, обезображенный – сломанный нос, деформированные зубы, слегка сторбленная спина – у которого, как говорили, четырнадцать детей. Эллис вырезал на пластинке ТНТ имя «Али» персидским шрифтом. Он показал надпись афганцам. Али узнал собственное имя.

– Али, – сказал он, усмехаясь и показывая свои уродливые зубы.

Эллис уложил пластинку надписью вниз на лист стали.

– Надеюсь, это сработает, – сказал он с улыбкой, и они все улыбнулись в ответ, хотя никто из них не говорил по-английски. Он взял моток детонирующего шнура из своей объемной сумки и отрезал кусок длиной в четыре фута, до-

стал коробочку с подрывными капсюлями и вставил конец шнура в цилиндрический капсюль, затем присоединил капсюль к пластинке ТНТ.

Он посмотрел вниз, на дорогу. Насколько было видно, дорога была пуста. Он отнес изготовленную маленькую бомбу в сторону по склону холма на пятьдесят ярдов и положил ее на землю. Затем спичкой зажег шнур и вернулся назад к фиговому дереву.

Эта взрывчатка была замедленного действия. Ожидая взрыва, Эллис размышлял о том, не приказал ли Масуд другим партизанам понаблюдать за ним и выяснить, что он из себя представляет. Может быть, командир ждал подтверждения, что Эллис – серьезный человек, достойный уважения партизан? Соблюдение субординации всегда важно в армии, даже в революционной. Но Эллис больше не мог тратить время даром. Если Масуд не появится сегодня, Эллису придется оставить всю эту ерунду с взрывчаткой, признаться, что он посланник от Белого дома, и потребовать немедленной встречи с предводителем восставших.

Раздался слабый грохот, и поднялось небольшое облачко пыли. Партизан, видимо, разочаровал такой слабый взрыв. Эллис вытащил кусок стали, прихватив его шарфом на случай, если он горячий. На нем было пробито насквозь имя «Али», витиеватыми буквами – знаками персидского шрифта. Он показал его партизанам, и они возбужденно заговорили разом. Эллис был доволен, это была наглядная демон-

страция утверждения, что взрывчатка действительно обладает более мощной силой в тех местах, где в ней сделаны углубления, хотя с позиций здравого смысла можно было ожидать обратного.

Партизаны внезапно замолчали. Эллис огляделся и увидел еще одну группу из семи или восьми человек, которая приближалась к ним по холму. Их винтовки и круглые читралские шапочки указывали на то, что они – партизаны. Когда они подошли ближе, Али напрягся, как будто был готов отдать по-военному честь. Эллис спросил:

– Кто это?

– Масуд, – ответил Али.

– Который?

– Тот, который в середине.

Эллис изучающе посмотрел на того, кто был центром группы. На первый взгляд Масуд ничем не отличался от остальных: худощавый человек среднего роста, в одежде защитного цвета и русских сапогах. Эллис внимательно рассмотрел его лицо. Кожа его была светлая, с редкими усами и клочковатой бородкой юноши. У него был длинный нос с загнутым вниз кончиком. Его настороженные темные глаза были окружены глубокими морщинами, которые делали его на вид по меньшей мере лет на пять старше его двадцативосьмилетнего возраста. Это лицо не было красивым, но в нем было выражение живого ума и спокойной властности, которые отличали его от окружавших мужчин.

Он подошел прямо к Эллису и протянул руку.

– Я – Масуд.

– Эллис Тейлер, – Эллис пожал его руку.

– Мы собрались взорвать этот мост, – сказал Масуд по-французски.

– Вы хотите начать?

– Да.

Эллис стал укладывать свои принадлежности в сумку, в то время как Масуд обошел группу партизан, кому-то пожимая руку, другим кивая, обнял одного-двух и каждому сказал несколько слов.

Когда все были готовы, отправились вниз по склону вразброд, надеясь, как предполагал Эллис, что случайный наблюдатель примет их за толпу крестьян, а не за отряд армии оставших. Когда они оказались у подножия горы, их перестало быть видно с дороги, хотя из какого-нибудь вертолета, оказавшегося непосредственно над их головами, их можно было заметить. Эллис решил, что они спрячутся, если услышат мотор. Они направились к реке по тропинке, проложенной среди возделанного поля, прошли мимо нескольких маленьких мазанок, и их видели люди, работающие в полях, причем кто-то демонстративно тщательно не обращал на них внимание, а кто-то махал рукой и кричал приветствия. Партизаны дошли до реки и направились вдоль ее берега, стараясь быть незаметными среди камней и редкой растительности у воды. Когда они были на расстоянии около трехсот

ярдов от моста, по нему стал проезжать караван армейских грузовиков, и все они спрятались, пока машины грохотали мимо, направляясь в Роху. Эллис лег под ивой и обнаружил рядом с собой Масуда.

– Если мы уничтожим мост, – сказал Масуд, – мы перережем линию снабжения Рохи.

Когда грузовики проехали, они подождали еще несколько минут, затем прошли остаток пути до моста и спрятались под ним, невидимые с дороги.

В середине мост возвышался на двадцать футов над водой, а река была здесь глубиной около десяти футов. Эллис увидел, что это простой балочный мост – между двумя берегами были перекинута две длинные стальные балочные фермы, или прогоны, без промежуточных подпорок, а на них сверху была положена бетонная плита, которой мостили дорогу. Бетон был мертвым грузом – основная нагрузка приходилась на фермы. Разрушь их и мост погибнет.

Эллис начал готовиться к взрыву. Его запас ТНТ был в виде желтых брусков весом в один фунт.

Сложив вместе десять блоков, он связал их. Затем приготовил еще три таких же пачки, используя весь свой запас. Он пользовался ТНТ потому, что этот вид взрывчатого вещества наиболее часто встречался в бомбах, снарядах, минах и ручных гранатах, а партизаны в основном пользовались невзорвавшимися боеприпасами русских. Конечно, им больше подошла бы пластиковая взрывчатка, потому что ее

можно закладывать в отверстия, обматывать вокруг балок и вообще придавать ей любую форму – но им приходилось работать лишь с теми материалами, которые они могли подобрать или украсть. Иногда удавалось достать немного пластикового материала у русских инженерной службы, обменяв их на марихуану, которую выращивали в долине, но эта сделка, требовавшая участия посредников из числа солдат афганской регулярной армии, была рискованной, а количество боеприпасов – ограниченным. Все это рассказал Эллису агент ЦРУ в Пешаваре, что и подтвердилось.

Фермы моста, протянутые над его головой, представляли собой прямые балки, расположенные на расстоянии около восьми футов друг от друга. Эллис сказал на дари:

– Пусть кто-нибудь найдет мне палку вот такой длины, – указывая на пространство между фермами.

Один из партизан пошел вдоль берега реки и выдернул молодое деревце.

– Мне нужно еще одно такое же, – сказал Эллис. Он положил связку ТНТ на нижний выступ одной из прямых ферм и попросил одного из партизан придержать ее. Другую связку он поместил на второй ферме точно в таком же положении, затем он упер концы молодой деревца в обе связки, прижимая их, чтобы они не упали. Перейдя реку вброд, он проделал то же самое на другом конце моста.

Все свои действия Эллис объяснял на смеси дари, французского и английского. Самое важное было показать, как

это делается, а затем результат. Он присоединил к зарядам примакорд, высоковзрывчатый детонирующий шнур, который сгорал со скоростью двадцать одна тысяча футов в секунду, и соединил четыре связки так, чтобы они взорвались одновременно. Затем он сделал кольцо, загибая примакорд петель и соединяя его еще раз. В результате этого, объяснил он Масуду по-французски, шнур сгорит к ТНТ с обоих концов, так что, если целостность шнура нарушится в одном месте, заряд все равно взорвется. Он порекомендовал это, как обычную меру предосторожности.

Работая, он, как ни странно, был счастлив. Было что-то успокаивающее в механических операциях и бесстрастных расчетах необходимого количества взрывчатки по весу. И теперь, когда Масуд, наконец, появился, он сможет выполнить свою главную миссию.

Он погрузил шнур-примакорд в воду, чтобы он был меньше заметен – он будет гореть прекрасно и под водой – и вытащил конец его на берег. Затем присоединил подрывной капсюль к концу примакорда, затем присоединил обычный медленно горящий детонирующий шнур такой длины, чтобы хватило на четыре минуты.

– Готово? – спросил он у Масуда.

Масуд ответил:

– Да.

Эллис зажег конец шнура.

Они все быстро пошли прочь, направляясь вверх по тече-

нию вдоль берега реки. Эллис чувствовал тайную мальчишескую радость от созданного им громадного взрыва. Другие тоже, казалось, были возбуждены, и он задал себе вопрос, так же ли плохо ему удавалось скрывать свое волнение, как им. Как раз, когда, думая об этом, он смотрел на них, выражения их лиц резко изменились, и они мгновенно насторожились, как птицы, которые прислушиваются к движению червей под землей, и тогда Эллис тоже услышал отдаленный гул танков.

С того места, где они находились, дорога была не видна, и один из партизан быстро взобрался на дерево.

– Два, – сообщил он.

Масуд взял Эллиса за руку.

– Вы можете уничтожить мост, когда на нем будут танки? – спросил он.

О черт, подумал Эллис, это проверка.

– Да, – лихорадочно ответил он.

Масуд кивнул с легкой улыбкой.

– Хорошо.

Эллис вскарабкался на дерево рядом с партизаном, который уже был на нем, и посмотрел через поля. Он увидел два черных танка, которые тяжело катились по узкой каменистой дороге со стороны Кабула. Он почувствовал, как напрягся, это была его первая встреча с врагом. Благодаря своей тяжелой броне и огромным орудиям они казались неуязвимыми, особенно в сравнении с одетыми в лохмотья партизанами, вооруженными винтовками и все же долина была усе-

яна остатками танков, уничтоженных партизанами с помощью самодельных мин, удачно попавших гранат и краденых ракет.

Танки не сопровождали никакие другие машины. Значит, это не патруль и не отряд нападения, танки, вероятно, перегоняют в Роху после ремонта в Баграме, или, может быть, они только что прибыли из Советского Союза.

Он начал рассчитывать.

Танки двигались со скоростью около десяти миль в час, значит, они достигнут моста через полторы минуты. Шнур горел меньше минуты, ему оставалось еще по меньшей мере три минуты до взрыва. Поэтому танки успеют переехать через мост и удалиться на безопасное расстояние до взрыва. Надо было укоротить шнур.

Он спрыгнул с дерева и побежал, думая, черт возьми, сколько же лет прошло с тех пор, как я в последний раз был в зоне боя?

Он услышал позади себя шаги и бросил взгляд назад. Али бежал прямо следом за ним с ужасной усмешкой на лице, а за ним по пятам – еще двое. Остальные прятались вдоль берега.

Через секунду он добежал до моста и бросился на одно колено возле медленно горящего шнура, на ходу сбрасывая с плеча сумку. Он продолжал рассчитывать время, одновременно раскрывая сумку и нащупывая свой карманный нож. Танки были теперь в минуте пути от моста, подумал он. Шнур горел, сгорая со скоростью фута в каждые

тридцать-тридцать пять секунд. А этот моток был медленный, средний или быстрый? Ему показалось, что быстрый. Скажем, около фута для тридцати секунд замедленного действия. За тридцать секунд он едва успеет пробежать около ста пятидесяти ярдов на достаточно безопасное расстояние.

Открыв ножик, он протянул его Али, который опустился на колени рядом с ним. Эллис ухватил провод шнура в точке на расстоянии около фута и стал держать его обеими руками, чтобы Али было удобно его перерезать. Затем он взял отрезанный конец в левую руку, а горящий шнур – в правую. Он не был уверен, настало ли время зажечь отрезанный конец. Ему надо было посмотреть, насколько далеко были танки.

Он вскарабкался на берег, все еще держа в руках два конца шнура. Позади него тянулся примакорд, скрываясь под водой. Он поднял голову над парашютом моста. Большие черные танки размеренно приближались. С какой скоростью? Он лихорадочно соображал, считал секунды, отмечая скорость их приближения, а затем, не рассчитывая, но надеясь на удачу, он поднес горящий конец отрезанного куска шнура к тому концу, который был присоединен к зарядам.

Он осторожно опустил горящий шнур на землю и побежал.

За ним побежали Али и остальные двое партизан.

Поначалу они были спрятаны из поля зрения танков берегом реки, но когда танки приблизились, четверо бегущих мужчин стали отчетливо видны. Эллис отсчитывал медлен-

но идущие секунды, в то время, как рокот танков перерос в оглушительный гул.

Пулеметчики в танках колебались всего одно мгновение. Убегающие афганцы наверняка были партизанами, поэтому были хороши для тренировки прицельной стрельбы. Раздался двойной «бум», и над головой Эллиса пролетели два снаряда. Он изменил направление, отбегая в сторону, подальше от реки, думая – пулеметчик выверяет радиус, сейчас он поворачивает башню в мою сторону. Он прицеливается, вот сейчас, в это самое время. Он снова метнулся в сторону, поворачивая обратно к реке, и секундой позже услышал еще один «бум». Снаряд попал достаточно близко и осыпал его комками земли и осколками камня, Следующий попадет в меня, подумал он, если только проклятая бомба не взорвется прежде. Дерьмо, почему я должен доказывать Максуду свое мужество. Затем он услышал, как открылась пулеметная стрельба. Трудно целиться прямо из движущегося танка, подумал он, но, может, они остановятся. Он увидел как бы поток пулеметных патронов, летящих в его сторону, и снова начал, петляя, метаться из стороны в сторону. Внезапно он понял, что сделают русские: остановят танки там, оттуда получают наилучший обзор убегающих партизан, а это будет на мосту. Но успеет ли бомба взорваться до того, как они поразят свою цель? Он побежал быстрее, с тяжело бьющимся сердцем, судорожными огромными выдохами. Я не хочу умирать, даже если она любит его, думал он. Он увидел, как

пули раскололи камень почти на его пути. Он резко увернулся в сторону, но поток огня следовал за ним. Это, казалось, безнадежно, он был легкой мишенью. Он услышал, как позади него вскрикнул один из партизан, а затем и в него самого попали, он дважды почувствовал жгучую боль, а затем ощущение, подобное тяжелому удару, в правой ягодице. Второе попадание мгновенно парализовало его ногу, и он потерял равновесие и упал, поцарапав грудь, затем перекатился на спину. Он сел, невзирая на боль, и попытался двигаться. Два танка остановились на мосту. Али, который бежал по пятам, просунул руки под мышки Эллису и старался его поднять. Они оба были легкой целью для пулеметчиков в башнях танков, как пара сидящих уток. Они не могли промахнуться.

И тут мост взорвался.

Это было очень красиво.

Четыре одновременных взрыва рассекли мост на обоих концах, оставив середину, на которой стояли оба танка без всякой опоры. Поначалу мост падал медленно, скрежеща обломанными концами, затем он освободился и рухнул в бурную воду с оглушительным плеском. Воды величественно расступились, оставив на мгновение речное дно, затем снова сомкнулись с ударом, похожим на раскат грома.

Когда звук утих, Эллис услышал радостные вопли партизан.

Кое-кто из них вылез из-за укрытий и побежал в сторону полузатонувших танков. Али поднял Эллиса на ноги. Ощу-

щение вернулось в его ногу и он понял, что ему больно.

– Я не смогу идти, – сказал он Али на дари. Сделав один шаг, он упал бы, если бы Али не держал его.

– О, дерьмо, – сказал по-английски Эллис. – Думаю, у меня пуля засела в заднице.

Он услышал выстрелы и, оглянувшись, увидел, как оставшиеся в живых русские пытаются вылезти из танков, а партизаны стреляют по ним по мере появления. Эти афганцы были хладнокровны. Посмотрев вниз, он увидел, что правая штанина пропитана кровью. Такое кровотечение значит – это поверхностная рана, понял он, он чувствовал, что пуля все еще находится во второй ране.

Масуд подошел к нему, широко улыбаясь.

– Это была хорошая работа, с мостом, – сказал он на своем французском языке с сильным акцентом.

– Великолепно!

– Спасибо, – сказал Эллис. – Но я пришел сюда не для того, чтобы взрывать мосты.

Он чувствовал слабость и легкое головокружение, но теперь настало время заявить о своем деле.

– Я пришел заключить сделку.

Масуд с интересом посмотрел на него.

– Откуда вы?

– Вашингтон, Белый дом. Я представляю президента Соединенных Штатов, – Масуд кивнул, ничуть не удивленный.

– Хорошо. Я рад.

И в этот момент Эллис потерял сознание.

В эту ночь у него состоялся разговор с Масудом.

Партизаны изготовили носилки и отнесли его вверх по долине до Астаны, где в сумерки они остановились. Масуд уже послал гонца в Бэнду за Жан-Пьером, который должен был прибыть завтра и извлечь пулю из задней части Эллиса. Тем временем они все устроились на ночлег во дворе фермерского домика. Боль Эллиса притупилась, но путешествие ослабило его. Партизаны наложили примитивную повязку на его раны.

* * *

Примерно через час после прибытия ему подали горячий, сладкий, зеленый чай, который его несколько оживил, а чуть позже они все поужинали туловыми ягодами и простоквашей. У партизан всегда было так, и Эллис заметил это еще во время путешествия с караваном из Пакистана в долину – куда бы они ни прибыли, через час-другой появлялась пища. Эллис не знал, как они ее доставали, покупали, реквизировали или получали в подарок, но догадывался, что все им давали бесплатно – иногда добровольно, иногда неохотно.

Когда они поели, Масуд уселся возле Эллиса, и в течение нескольких минут большинство партизан как бы случайно разошлись, оставив Масуда и двух его заместителей-лейтенантов наедине с Эллисом. Эллис понимал, что надо пого-

ворить с Масудом сейчас, потому что другая возможность может не представиться целую неделю. Но он чувствовал себя еще слишком слабым и утомленным для такой тонкой и сложной задачи.

Масуд сказал:

– Много лет назад другая страна попросила короля Афганистана шаха прислать пятьсот воинов для помощи в войне. Афганский шах послал пятерых мужчин из долины нашей с посланием, в котором говорилось, что лучше иметь пять львов, чем пятьсот лис. С тех пор нашу долину называют долиной Пяти львов, – он улыбнулся. – Вы сегодня были настоящим львом.

Эллис ответил:

– Я слышал легенду, в которой говорится, что однажды жили пять великих воинов, известных как Пять Львов, каждый из которых охранял один из пяти путей в долину. Я слышал, что потому вас называют Шестым Львом.

– Довольно легенд, – с улыбкой сказал Масуд. – Что вы имеете мне сказать?

Эллис заранее отрепетировал этот разговор, и в его сценарии он не начинался так резко. Было ясно, что стилю Масуда не свойственна восточная расплывчатость. Эллис сказал:

– Прежде всего мне хотелось бы знать вашу оценку нынешней войны.

Масуд кивнул, подумал несколько секунд и заговорил.

– Русские имеют двенадцать тысяч живой силы в горо-

де Роха, «воротах» долины. Их расположение следующее: вначале минные поля, затем афганские войска, затем войска русских, препятствующие бегству афганцев. Они ожидают подкрепление еще в двенадцать тысяч и планируют начать масштабное наступление вверх по долине через две недели. Их цель – уничтожить наши силы.

Эллис удивлялся, откуда Масуд мог располагать такими точными разведывательными данными, но не был настолько бестактен, чтобы спросить об этом. Вместо этого он сказал:

– А это наступление будет успешным?

– Нет, – сказал Масуд со спокойной уверенностью. – Когда они нападут, мы растворимся в горах, и им не с кем будет сражаться. Когда они остановят продвижение, мы будем изматывать их с высот, перерезая их линии связи. Постепенно мы вымотаем их. Они поймут, что тратят огромные силы, чтобы удержать территорию, которая не дает им никаких военных преимуществ. В конце концов, они отступят. Так всегда бывает.

Это было хрестоматийное описание тактики партизанской войны, подумал Эллис. Не было никакого сомнения, что Масуд мог многому научить командиров других племен.

– Как долго, по Вашему мнению, русские смогут продолжать такие бесполезные наступательные операции?

Масуд пожал плечами.

– Все в руках божьих.

– Сможете ли вы когда-нибудь вытеснить их из своей стра-

ны?

– Вьетнамцы смогли вытеснить американцев, – с улыбкой заметил Масуд.

– Я знаю – сам там был, – сказал Эллис. – А вы знаете, как они это сделали?

– Одним из важнейших факторов, по-моему, было то, что вьетнамцы получали от русских наиболее современные виды вооружения, особенно портативные ракеты «земля-воздух». Это единственный способ воевать против самолетов и вертолетов.

– Согласен, – сказал Эллис, – но, что еще важнее – с этим согласно правительство Соединенных Штатов, мы хотели бы помочь вам получить более совершенное оружие. Но мы хотели бы видеть реальные успехи, достигнутые вами в войне с помощью этого оружия. Американцы любят реально видеть то, за что платят деньги. Как скоро, по вашему, сможет афганское сопротивление начать объединенное по всей стране наступление на русских, подобное тому, какое сделали вьетнамцы в конце войны?

Масуд с сомнением покачал головой.

– Объединение сопротивления находится на самой зачаточной стадии.

– Каковы основные препятствия? – Эллис затаил дыхание, моля бога, чтобы Масуд дал именно тот ответ, какой он ожидал.

– Главное препятствие – это недоверие между различны-

ми сражающимися группами.

Эллис втайне облегченно вздохнул. Масуд продолжал:

– Мы – разные племена, разные народности, и у нас разные командиры. Другие группы партизан устраивают засады на мои караваны и воруют мои боеприпасы.

– Недоверие, – повторил Эллис. – Что еще?

– Средства связи. Нам необходима система гонцов. В свое время нам понадобится радиосвязь, но это дело далекого будущего.

– Недоверие и плохие средства связи, – именно это и надеялся услышать Эллис. – Давайте поговорим о чем-нибудь еще. – Он чувствовал страшную усталость: он потерял много крови и боролся с желанием закрыть глаза – Вы здесь, в долине, развили искусство ведения партизанской войны успешнее, чем кто-либо в Афганистане. Другие командиры до сих пор тратят ресурсы, защищая равнинную территорию и атакуя сильно укрепленные позиции врага. Мы хотели бы, чтобы вы занялись обучением людей из других регионов страны современной тактике партизанской войны. Вы согласны подумать об этом?

– Да. И я думаю, что понял, к чему вы клоните, – сказал Масуд. – Примерно через год в каждой зоне, контролируемой силами сопротивления, появится небольшое число кадров, обученных в долине Пяти Львов. Они могут создать сеть коммуникаций. Они будут понимать друг друга, доверять мне. – Голос его затих, но Эллис видел по выражению

его лица, что он все еще проигрывал различные варианты в голове.

– Хорошо, – сказал Эллис. Он исчерпал запас энергии, но почти закончил разговор. – Вот суть сделки. Если вы сможете добиться согласия других командиров и начать эту программу военной подготовки, США будут подставлять вам ракетные установки РРГ-7, ракеты «земля-воздух» и радиоаппаратуру. Но есть еще два командира, чье согласие необходимо получить для договора. Это Джахан-Камиль, из Пичской долины, Амаль-Азизи, командир из Файзабада.

Масуд с сожалением усмехнулся:

– Вы выбрали самых твердых.

– Я знаю, – ответил Эллис. – Вы сможете это делать?

– Дайте мне подумать, – сказал Масуд.

– Хорошо. – Изнуренный, Эллис откинулся на холодную землю и закрыл глаза. Через минуту он уже спал.

Глава 10

Жан-Пьер бесцельно брел по залитым луной полям, погруженный в мрачную депрессию. Неделю назад у него было чувство успеха и счастья, он владел ситуацией, делал полезное дело, ожидая свой большой шанс. Теперь все было кончено, и он чувствовал себя никчемным, неудачником, человеком, не воплотившим свои возможности, несостоявшимся.

Выхода не было. Он снова и снова перебирал все возможности, но всегда приходил к одному и тому же выводу: ему надо покинуть Афганистан.

Его польза как разведчика прекратилась. У него не было способа связаться с Анатолием и, даже если бы Джейн не разбила радиопередатчик, он не мог уйти из селения на встречу с Анатолием, потому что Джейн немедленно узнала бы о его делах и сообщила бы Эллису. Он мог бы как-нибудь заставить Джейн замолчать – «Не думай об этом, никогда не думай об этом», – но, случись с ней что-нибудь, Эллис захотел бы узнать причину. Все упиралось в Эллиса. «Я хотел бы убрать Эллиса, – подумал он. – Хорошо бы, но как? У меня нет револьвера. Что я могу сделать? Перерезать ему горло скальпелем? Он гораздо сильнее меня, мне с ним никогда не справиться».

Он подумал, как это все испортилось. Они с Анатолием

потеряли осторожность. Им следовало бы встретиться где-нибудь в таком месте, где бы был хороший обзор всех подходов, чтобы заранее увидеть любого, кто захотел бы приблизиться. Но кто же мог подумать, что Джейн пойдет следить за ним? Он стал жертвой самой возмутительной неудачи, когда у раненого юноши была аллергия на пенициллин. Джейн услышала речь Анатолия, она оказалась способна распознать русский акцент, и появился Эллис, который придал ей смелости. Да, действительно, не повезло. Но в учебниках истории не упоминается о тех, кто почти стал великим. «Я сделал все, что мог, папа», – мысленно сказал он, и почти услышал ответ отца: «Меня не интересует, что ты сделал все, что мог, я хочу знать, добился ли ты успеха или потерпел неудачу».

Он приближался к селению. Он решил вернуться домой. Спал он плохо, он страдал бессонницей, но, кроме сна, у него были еще и дела. Он направился к дому.

Почему-то то, что у него все еще была Джейн, не приносило большого утешения. То, что она открыла его тайну, вместо того, чтобы сблизить их, казалось, отдалило их друг от друга. Между ними возникло новое расстояние, несмотря на то, что они планировали возвращение домой и даже говорили о новой жизни в Европе.

Но они хотя бы обнимали друг друга ночью в постели. Это было хоть что-нибудь.

Он вошел в дом торговца. Он ожидал застать Джейн уже в постели, но, к его удивлению, она еще не леглась. Она

заговорила, как только он вошел.

– За тобой пришел гонец от Масуда. Тебе придется пойти в Астану. Эллис ранен.

Эллис ранен. Сердце Жан-Пьера забилося быстрее.

– Как?

– Ничего серьезного. Насколько я поняла, у него засела пуля в зад.

– Я пойду туда с самого утра.

Джейн кивнула.

– Гонец отправится с тобой. Ты сможешь вернуться до наступления темноты.

– Я понял.

Джейн делала все возможное, чтобы у него не было возможности встретиться с Анатолием. Ее предосторожность была излишней, у Жан-Пьера не было возможности организовать подобную встречу. Кроме того, Джейн остерегалась малой опасности и не видела большой. Эллис был ранен, это делало его уязвимым. А это все меняло.

Теперь Жан-Пьер мог убить его.

Жан-Пьер не спал всю ночь, обдумывая свою задачу. Он воображал Эллиса, лежащего на матрасе под фиговым деревом, стискивающего зубы от боли в раздробленной кости, или, возможно, бледного от потери крови. Он видел себя, готовящим раствор для инъекции.

– Это антибиотик, чтобы не допустить инфекции, – скажет он, затем введет ему повышенную дозу наперстянки, что

вызовет сердечный приступ.

Естественный сердечный приступ был маловероятен у мужчины тридцати четырех лет, но отнюдь не невозможен, особенно после чрезмерного физического напряжения, после длительного периода относительно сидячей работы. В любом случае, здесь ведь не будет никакого расследования, никакого посмертного вскрытия и никаких подозрений, на Западе будут уверены в том, что Эллис был ранен в бою и умер от ран. Здесь, в долине, все примут диагноз Жан-Пьера. Ему доверяли так же, как любому из ближайших помощников Масуда – вполне естественно, потому что он, как это им наверняка кажется, жертвовал ради общего дела не меньше любого из них. Нет, единственным человеком, у которого возникнут сомнения, будет Джейн. Но что она сможет сделать?

Уверенности у него не было. Джейн была сильным противником, когда за ней стоял Эллис, но не в одиночку. Может, Жан-Пьеру удастся убедить ее остаться в долине еще на год, он может обещать не выдавать конвои, затем найти способ возобновить связь с Анатолием и просто ждать возможности выдать Масуда русским.

В два часа он встал и дал Шанталь ее бутылочку, затем снова лег. Заснуть он даже и не пытался. Он был слишком встревожен и напуган. Лежа в ожидании восхода солнца, он думал обо всем, что может помешать его намерению: Эллис может отказаться от лечения, он, Жан-Пьер, может ошибиться-

ся в дозировке, у Эллиса может быть простая царапина, и он будет нормально ходить, может быть, Эллис с Масудом уже ушли из Астаны.

Сон Джейн был беспокойный, ее тревожили сновидения. Она то и дело ворочалась рядом с ним, иногда что-то бормоча. И только Шанталь спала спокойно.

Незадолго до рассвета Жан-Пьер встал, зажег огонь и пошел к реке купаться. Когда он вернулся, гонец сидел у них во дворе, пил приготовленный Фарой чай и закусывал остатками вчерашнего хлеба. Жан-Пьер выпил чая, но есть ничего не мог.

Джейн на крыше кормила Шанталь. Жан-Пьер поднялся на крышу и поцеловал обеих на прощание. Каждый раз, касаясь Джейн, он вспоминал, как ударил ее, и содрогался от стыда. Она, казалось, простила его, но он сам не мог себя простить.

Он повел свою старую кобылу через селение и дальше, вниз к реке, затем, шагая рядом с гонцом Масуда, он направился вниз по течению. Отсюда до Астаны лежала дорога, или то, что ее заменяло в долине Пяти Львов – полоска каменной почвы шириной восемьдесят футов, подходящая для деревянных повозок или армейских «джипов». Обычная машина сломалась бы здесь за несколько минут. Долина представляла собой череду узких скалистых расщелин, которые порой расширялись, переходя в небольшие долины с возделанными землями, длиной в одну-две мили, а шириной

меньше мили, где жители наскребали на жизнь из скупой земли тяжелым трудом и хитроумной системой орошения. Дорога была достаточно хороша, чтобы Жан-Пьер мог ехать верхом на тех участках, где она шла вниз. Лошадь не в состоянии была нести седока в гору. Возможно, когда-то долина была благодатным краем, думал он, едучи верхом к югу в ярком утреннем свете. Орошаемая рекой Пяти Львов, защищенная высокими горами, организованная в соответствии с древними традициями, и покой ее никем не нарушался, за исключением нескольких торговцев маслом из Нуристана и случайным торговцем ленточек из Кабула. Она должна была бы находиться еще в средних веках. Сейчас же на нее злобно обрушился двадцатый век. Почти каждое селение пострадало от бомбежек, где была разрушена водяная мельница, где пастбище обезображено воронками, где древний деревянный акведук разнесен в щепки, где камерно-известняковый мост превращен в ряд камней, торчащих из пенного потока реки. Последствие всего этого для экономического состояния долины было очевидно внимательному взгляду Жан-Пьера. Вот этот дом был мясной лавкой, но деревянный брус перед фасадом был пуст. Вот та полоса сорняков когда-то была огородом, но его владелец бежал в Пакистан. Вот тут был сад, и теперь его фрукты гнили на земле, вместо того, чтобы высушиваться на крыше, готовые к хранению во время долгой холодной зимы, женщина и дети, которые прежде ухаживали за садом, погибли, а муж был в партиза-

нах. Вот та куча глины и камней когда-то была мечетью, и жители селения решили не восстанавливать ее, потому что ее наверняка снова разбомбят; все эти тщетные усилия и разрушения случились из-за того, что люди вроде Масуда пытались воспрепятствовать ходу истории и одурачивали невежественных крестьян, чтобы те им помогали. Если убрать Масуда, все это кончится, всему этому придет конец.

Если убрать Эллиса, Жан-Пьер сможет заняться Масудом.

Когда они к полудню приблизились к Астане, он думал, будет ли трудно сделать этот укол. Сама мысль о том, чтобы убить своего пациента, была настолько чудовищной, что он сам не знал, как отреагирует на все это. Конечно, он видел, как пациенты умирают, но даже тогда он был полон сожаления, что не в состоянии спасти их. Когда Эллис, беспомощный, будет лежать перед ним, а у него в руке будет шприц, будут ли его мучить сомнения, как Макбета, или дрожь сомнения, как Раскольникова в «Преступлении и наказании»?

Они прошли через Сангану, где было кладбище и песчаный пляж, затем по дороге вокруг поворота реки. Впереди были поля и группа домиков выше на склоне. Через минуту-другую по полям к ним приблизился мальчик одиннадцати-двенадцати лет и повел не в селение на горе, а к большому дому на краю поля.

Но все равно Жан-Пьер не испытывал ни сомнений, ни колебаний, лишь тревожное ожидание, будто через час ему предстоял важный экзамен.

Он снял сумку с медикаментами с лошади, отдал поводья мальчику и вошел во двор фермерского дома.

Там было около двадцати партизан, рассеянных по двору, сидящих на корточках, глядя в пространство и ожидая с первобытным терпением, свойственным местным жителям. Оглядевшись, Жан-Пьер увидел, что Масуда здесь не было, но зато были двое его ближайших помощников. Эллис лежал в тени в углу двора на одеяле.

Жан-Пьер опустил на колени рядом с ним. Эллис, несомненно, страдал. Засевшая пуля причиняла боль. Он лежал на животе. Его лицо было напряжено, зубы сжаты. Он был бледен, а на лбу выступил пот, дыхание было хриплым.

– Больно? – спросил Жан-Пьер по-английски.

– Еще бы! – и Эллис выругался сквозь зубы.

Жан-Пьер отвернул простыню. Партизаны разрезали его одежду и наложили на рану подобие повязки. Жан-Пьер снял повязку. Он сразу увидел, что рана несерьезна. Эллис потерял много крови, и пуля, все еще сидевшая в мышце, причиняла адскую боль, но она располагалась далеко от костей или крупных кровеносных сосудов – она заживет быстро.

«Нет, – напомнил себе Жан-Пьер, – она вообще не заживет».

– Вначале я введу вам кое-что для облегчения боли, – сказал он.

– Да, пожалуйста, – лихорадочно проговорил Эллис.

Жан-Пьер отодвинул вверх одеяло. На спине у Эллиса был огромный шрам в форме креста. Жан-Пьер удивился, откуда он мог появиться.

«Я никогда этого не узнаю», – подумал он.

Он открыл свою медицинскую сумку. «Теперь я собираюсь убить Эллиса, – подумал он. – Я никогда еще никого не убивал, даже случайно. Что это такое – стать убийцей? Люди делают это каждый день во всем мире, мужчины убивают жен, женщины – своих детей, убийцы – политиков, грабители – хозяев дома, палачи – убийц». Достав большой шприц, он начал набирать в него дигитоксин, препарат находился в маленьких ампулах, и ему пришлось опорожнить четыре ампулы, чтобы получить летальную дозу.

Как это будет – видеть, как Эллис умирает? Первым действием препарата будет учащение сердечного ритма. Эллис это почувствует, и это вызовет у него тревогу и дискомфорт. Потом, по мере того, как яд будет действовать, у него начнется аритмия, одно мелкое сокращение после каждого нормального. Тогда он почувствует себя очень плохо. Наконец, сердечный ритм полностью нарушится, верхние и нижние камеры сердца будут сокращаться независимо друг от друга, и Эллис умрет в агонии и ужасе. Что я буду делать, подумал Жан-Пьер, когда он будет кричать от боли, прося меня, доктора, помочь ему? Позволю ли я ему понять, что я хочу его смерти? Догадается ли он, что я убил его? Буду ли я говорить успокоительные слова в своей лучшей манере разго-

вора с больным, и буду стараться облегчить его уход из жизни? *Постарайтесь расслабиться, это обычный эффект болеутоляющего препарата, все будет хорошо.*

Шприц был готов. «Я могу это сделать, – понял Жан-Пьер, – Я могу убить его. Просто я не знаю, что случится со мной самим после этого».

Он обнажил плечо Эллиса, под влиянием привычки протер место будущей инъекции спиртом.

В это мгновение появился Масуд.

Жан-Пьер не слышал, как он приблизился, поэтому ему показалось, что он явился ниоткуда и заставил Жан-Пьера вздрогнуть от неожиданности. Масуд положил руку на его руку.

– Я напугал вас, мосье доктор, – сказал он. Он опустился на колени возле головы Эллиса.

– Я обдумал предложение американского правительства, – сказал он Эллису по-французски.

Жан-Пьер опустился на колени на месте, застыв в таком положении со шприцем, зажатым в правой руке. Какое предложение? О чем это, черт возьми? Масуд говорил открыто, как будто Жан-Пьер был одним из его товарищей – и это так и было, в некотором смысле, – но Эллис... Эллис может предложить, чтобы они говорили наедине.

Эллис приподнялся на локте с усилием. Жан-Пьер затаил дыхание. Но Эллис сказал:

– Продолжайте.

«Он слишком измучен, – подумал Жан-Пьер, – и слишком страдает от боли, чтобы думать о сложных мерах предосторожности, и, кроме того, у него не больше причин подозревать меня, чем у Масуда».

– Это хорошо, – говорил тем временем Масуд. – Но я спрашивал себя, как я собираюсь выполнить свою часть сделки.

«Разумеется! – подумал Жан-Пьер. – Американцы не стали бы посылать сюда одного из лучших агентов ЦРУ лишь для того, чтобы научить кучку партизан взрывать мосты и туннели. Эллис появился, чтобы заключить договор!».

Масуд продолжал:

– Суть плана состоит в том, чтобы обучить кадры из других зон, и это необходимо объяснить другим командирам. Это будет непросто. Они отнесутся с подозрением – особенно, если я представлю им это предложение. Думаю, что именно вы должны рассказать им об этом, и сказать им о предложениях вашего правительства.

Жан-Пьер был захвачен разговором. План обучения кадров из других зон! Что за черт был в этой идее? Эллис говорил с некоторым трудом.

– Я буду рад сделать это. Это всех их объединит.

– Да. – Масуд улыбнулся. – Я созову совещание всех командиров сопротивления, которое состоится здесь, в долине Пяти Львов, в селении Дарг, через восемь дней. Я разошлю гонцов сегодня же, с сообщением, что здесь находится пред-

ставитель правительства Соединенных Штатов для обсуждения поставок оружия.

Совещание! Поставки оружия! Суть сделки становилась ясна Жан-Пьеру. Но что ему делать с этим?

– А они придут? – спросил Эллис.

– Многие придут, – ответил Масуд. – Наши товарищи из западных пустынь не придут – это слишком далеко, и они нас не знают.

– А как насчет тех, кого мы особенно хотим видеть – Камила и Азизи?

Масуд пожал плечами.

– Все в божьих руках.

Жан-Пьер дрожал от волнения. Это будет самым важным событием в истории афганского сопротивления.

Эллис возился в своей сумке, которая была на земле возле его головы.

– Может я смогу помочь вам убедить Камила и Азизи, – говорил он. Он вытащил из сумки два маленьких свертка и открыл один из них. Он содержал плоский прямоугольный кусок желтого металла.

– Золото, – сказал Эллис. – Каждый из слитков стоит около пяти тысяч долларов.

Это было целое состояние: пять тысяч долларов превышали двухлетний доход среднего афганца. Масуд взял слиток и повертел в руке.

– Что это? – спросил он, указывая на фигуру, выдавлен-

ную в середине прямоугольника.

– Печать президента Соединенных Штатов, – сказал Эллис.

Мудрый ход, подумал Жан-Пьер. Как раз то, что нужно, чтобы произвести впечатление на племенных вождей и одновременно вызвать у них непреодолимое любопытство встретиться с Эллисом.

Масуд кивнул.

– Думаю, что они придут.

Можешь поставить на карту свою жизнь, что они придут, подумал Жан-Пьер.

И вдруг он точно понял, что ему надо делать. Масуд, Камил и Азизи, три крупнейших руководителя сопротивления, соберутся в селении Дарг через восемь дней.

Ему надо сообщить об этом Анатолию.

И тогда Анатолий сможет их всех убить.

«Вот оно, – подумал Жан-Пьер, – этого момента я все время ждал, со дня прихода в долину. Масуд попался – и с ним двое других командиров восставших. Но как я сообщу об этом Анатолию? Должен быть какой-то способ».

– Встреча глав, – говорил тем временем Масуд, он улыбнулся с оттенком гордости. – Это будет хорошее начало для рождения нового единства сил сопротивления, правда?

«Или это, – подумал Жан-Пьер, – или начало конца». Он опустил руку, направив иглу в землю, и нажал на поршень шприца, выливая его содержимое. Он видел, как яд впиты-

вался в пыльную почву. Новое начало или начало конца.

Жан-Пьер ввел Эллису антисептик, удалил пулю, очистил рану, наложил новую повязку и ввел ему антибиотик, чтобы препятствовать развитию инфекции. После этого он занялся двумя партизанами, у которых были небольшие раны после вчерашней схватки. К тому времени по селению разнеслась весть, что появился доктор, и во дворе фермы собралась небольшая кучка пациентов. Жан-Пьер назначил лечение грудному ребенку с бронхитом, помог в трех случаях неопасных инфекций и мулле с глистами. После этого он пообедал. Ближе к вечеру он упаковал свою сумку и взобрался на Мэгги, готовый отправиться домой.

Он оставил Эллиса. Эллису будет гораздо лучше остаться на несколько дней там, где он был – рана заживет быстрее, если он не будет двигаться. Теперь, наоборот, Жан-Пьер волновался о том, чтобы Эллис оставался в добром здравии, потому что если он умрет, совещание не состоится.

Возвращаясь на старой кобыле вверх по долине, он продумывал различные способы связаться с Анатолием. Конечно, он мог бы просто повернуть лошадь и отправиться ниже по долине в Роху, и выдать себя русским. Если они не застрелят его, едва завидев, он увидит Анатолия без промедления. Но тогда Джейн будет знать, куда он отправился, и скажет Эллису, а Эллис изменит время и место встречи.

Ему надо найти способ послать письмо Анатолию. Но кто передаст его?

Разные люди то и дело проходили через долину, направляясь в Чарикар, город, занятый русскими, расположенный в шестидесяти-семидесяти милях на равнине, или в Кабул, столицу, в сотне миль отсюда. Среди путников были молочные фермеры из Нуристана с маслом и сыром, путешествующие торговцы, продающие горшки, кастрюли и сковородки, пастухи, перегоняющие на рынок небольшие отары овец с жирными курдюками, и семьи кочевников, направляющиеся по своим таинственным кочевым делам. Любого из них можно подкупить, чтобы они отнесли письмо на почту, или попросту сунули его в руки какому-нибудь русскому солдату. Кабул был в трех днях пути, Чарикар – в двух. Роха, где были русские солдаты, но никакого почтового отделения, был всего в одном дне пути. Жан-Пьер был вполне уверен, что сможет найти кого-нибудь, кто согласится исполнить его поручение. Конечно, был риск, что письмо вскроют и прочтут и тогда Жан-Пьер будет обнаружен, его начнут пытаться и убьют. Он должен быть готов к этому риску. Но тут была еще одна заковыка. Этот посыльный, взяв деньги, действительно ли передаст письмо? Ничто не мешало ему «потерять» письмо по дороге. А Жан-Пьер может так никогда и не узнать, что случилось. Весь этот план был очень ненадежен.

Он так и не решил этой проблемы, когда в сумерках достиг Бэнды. Джейн сидела на крыше дома торговца, ловя вечерний ветерок и держа на коленях Шанталь. Жан-Пьер помахал им, затем вошел в дом и положил медицинскую сум-

ку на покрытый плитками прилавок в помещении бывшего магазина. Как раз когда он разгружал муку, взгляд его упал на таблетки диаморфина, и он понял, что был один человек, которому он мог доверить письмо к Анатолию.

Он нашел в сумке карандаш, вынул бумажную обертку из пакета ватных тампонов и оторвал от нее аккуратный прямоугольник – в долине нельзя было найти писчей бумаги. Он писал по-французски:

«Полковнику Анатолию из КГБ».

Это звучало нелепо, мелодраматично, но он не знал, с чего еще можно начать. Он не знал полного имени Анатолия, и у него не было адреса.

Он продолжал:

«Масуд созвал совещание командиров восставших. Они встречаются через восемь дней, считая с сегодняшнего дня, в четверг 27 августа, в Дарге, в следующем селении к югу от Бэнды. Они, вероятно, все переночуют в мечети в эту ночь и пробудут вместе весь день в пятницу, который является священным днем. Совещание было созвано для того, чтобы поговорить с агентом ЦРУ, известным мне под именем Эллиса Тейлера, прибывшего в долину неделю назад. Это наш шанс!»

Он написал дату, число и подписал: «Симплекс».

Конверта у него не было – он не видел их с тех пор, как покинул Европу. Он подумал о том, как лучше всего запе-

чатать письмо. Оглядевшись, он заметил картонную коробку с пластмассовыми баночками для лекарств в таблетках. К этим баночкам прилагались клейкие этикетки, которыми Жан-Пьер никогда не пользовался, потому что не умел писать по-персидски. Он свернул письмо трубочкой и засунул его в одну из баночек.

Теперь он подумал о том, как надписать коробочку. На каком-то этапе своего пути пакет попадет в руки рядового русского солдата. Жан-Пьер представил себе встревоженного очкарика, служащего в унылой конторе, или тупого быкообразного бугая-часового возле колючей проволоки. Несомненно, искусство уходить от ответственности было развито в русской армии не менее хорошо, чем во французской, когда Жан-Пьер проходил военную службу. Он подумал о том, как сделать, чтобы этот пакет выглядел достаточно внушительно, чтобы его передали старшему по званию. Не было смысла писать «Важно» или «КГБ» или вообще что-либо на французском или английском, или даже на дари, потому что солдат не сможет разобрать европейские или персидские буквы, а Жан-Пьер не знал русского алфавита. Ирония была в том, что женщина, сидевшая на крыше и певшая сейчас колыбельную песню, могла бегло говорить по-русски и могла подсказать ему, как написать любое слово, если бы только пожелала. Наконец, он написал: «Анатолий – КГБ» латинскими буквами и приклеил этикетку к баночке, а баночку положил в пустую коробку из-под лекарств, на которой было

написано слово «Яд» на пятнадцати языках и трех международных условных знаках. Затем он перевязал коробочку веревкой. Он быстро сложил все обратно в свою медицинскую сумку и заменил те принадлежности, которыми пользовался в Астане. Он достал горсть таблеток диаморфина и положил в карман рубашки. Наконец, завернул коробочку с надписью «Яд» в ветхое полотенце и вышел из дома.

– Я иду на реку купаться, – крикнул он Джейн.

– Ладно.

Он быстро прошел через селение, кратко, сухо кивая одному-двум встретившимся по дороге жителям, затем зашагал через поля. Он был полон оптимизма. Планы его были сопряжены с самым разнообразным риском, но он снова мог надеяться на великий триумф. Обогнув клеверное поле, принадлежавшее мулле, он взобрался верх по нескольким террасам. На расстоянии около мили от селения, на скалистом отроге горы, стоял одинокий домик, полуразрушенный в результате бомбежки. Уже темнело, когда Жан-Пьер увидел его. Он медленно подошел к дому, осторожно ступая по неровной почве и жалея о том, что не захватил с собой фонарь.

Остановившись перед кучей щебня, который прежде составлял фасад домика, он думал было войти, но был остановлен вонью и темнотой. Он позвал:

– Эй!

Какая-то бесформенная масса поднялась с земли у самых

его ног, испугав его. Он отскочил назад и вырвался. Маланг поднялся на ноги.

Жан-Пьер взгляделся в скелетообразное лицо и свалывшуюся бороду этого сумасшедшего типа. Возвращая себе самообладание, он сказал на дари:

– Да будет с тобой бог, святой человек.

– И с тобой, доктор.

Жан-Пьер понял, что застал его в стадии здравого рассудка. Хорошо.

– Как твой живот?

Человек изобразил боль в животе – как всегда, он хотел наркотиков. Жан-Пьер дал ему одну таблетку диаморфина и показал остальные, затем убрал их обратно в карман. Маланг проглотил свою дозу героина и сказал:

– Я хочу еще.

– Ты получишь еще, – заверил его Жан-Пьер. – Ты получишь еще много.

Человек протянул руку.

– Но тебе надо кое-что для меня сделать, – сказал Жан-Пьер.

Маланг с готовностью кивнул.

– Тебе придется пойти в Чарикар и отдать вот это русскому солдату.

Жан-Пьер решил остановиться на Чарикаре, хотя путь отнимал лишний день, потому что боялся, что в Рохе, который был городом восставших, лишь временно занят русскими,

может быть беспорядок, и пакет может затеряться, в то время как Чарикар был постоянно на русской территории. Он решил отдать пакет солдату, а не отправлять по почте, потому что Маланг может не справиться с такой сложной задачей, как покупка марки и оформление почтового отправления.

Он внимательно взгляделся в неумытое лицо человека. Он прежде сомневался, поймет ли этот тип даже такие простые инструкции, но выражение испуга, появившееся на его лице при упоминании русского солдата, показало, что он понял все в точности. Но теперь был ли какой-нибудь способ для Жан-Пьера обеспечить, чтобы Маланг действительно выполнил эти приказания? Ведь он тоже мог просто выбросить коробку и, вернувшись, клясться, что выполнил задание, потому что если у него хватит сообразительности понять, о чем его просят, он может оказаться способным солгать.

Жан-Пьеру внезапно пришла вдохновенная мысль.

– И купи пачку русских сигарет, – добавил он.

Маланг открыл пустые ладони:

– Нет денег.

Жан-Пьер знал, что денег у него нет. Он дал ему сотню афгани. Это будет гарантией того, что он действительно дойдет до Чарикара. Но есть ли способ заставить его обязательно передать коробочку?

Жан-Пьер сказал:

– Если ты это сделаешь, то получишь столько таблеток, сколько захочешь. Но не смей меня обмануть, – потому что

я все равно узнаю и тогда никогда больше не дам тебе таблеток, и твоя боль в животе будет все сильнее и сильнее, пока тебя не раздует, а потом твои внутренности взорвутся, как граната, и ты умрешь в мучениях. Ты понял?

– Да.

Жан-Пьер не отрываясь смотрел на него в слабом свете. Белки его безумных глаз блестели в ответ. Казалось, он был в ужасе. Жан-Пьер отдал ему остальные таблетки диаморфина.

– Глотай по одной каждое утро, пока не вернешься в Бэнду.

Он оживленно кивнул.

– Ну, теперь иди и не вздумай меня обмануть.

Человек повернулся и побежал по неровной тропинке своей странной походкой, как зверек. Глядя, как он растворяется в сгущающейся темноте, Жан-Пьер думал: «Будущее этой страны – в твоих грязных руках, сумасшедшее ничтожество. Да хранит тебя Бог».

* * *

Прошла неделя, но Маланг не возвращался.

Накануне среды, дня, когда было назначено совещание, Жан-Пьер был вне себя. Каждый час он успокаивал себя, что наркоман вернется в течение следующего часа. А к концу каждого дня – что он вернется завтра.

Активность воздушных рейдов в долину возросла, как будто нарочно, чтобы добавить Жан-Пьеру тревоги. Всю неделю самолеты ревели над головой, направляясь бомбить селения афганцев. Бэнде повезло, здесь упала лишь одна бомба, после которой осталась большая воронка на клеверном поле Абдуллы – только и всего. Но неумолкаемый гул и постоянная опасность сделали всех раздражительными. Это нервное напряжение вылилось в предсказуемое увеличение урожая больных на приеме у Жан-Пьера с симптомами стресса: выкидышами, несчастными случаями дома, домашними травмами, необъяснимой рвотой и головной болью. Головная боль особенно часто была у детей. В Европе Жан-Пьер порекомендовал бы курс психотерапии. Здесь он направлял больных к мулле. Ни психотерапия, ни ислам не могли особенно помочь, потому что истинной причиной страданий детей была война.

Он машинально осматривал утренних больных на утреннем приеме, задавая на дари обычные вопросы, объявляя диагнозы для Джейн по-французски, перевязывая раны, делая уколы и раздавая пластмассовые баночки с таблетками и стеклянные бутылочки с цветными микстурами. Малангу должно было хватить двух дней для перехода до Чарикары. Надо дать ему еще день для того, чтобы набраться храбрости приблизиться к русскому солдату и еще ночь, чтобы после этого прийти в себя. Отправившись обратно на другое утро, он должен был провести в пути еще два дня. Ему следова-

ло вернуться позавчера. Что случилось? Он потерял коробку, или прятался, трясясь от страха? Или он принял сразу все таблетки и заболел? Ему стало плохо? Или он упал в эту проклятую реку и утонул? Или русские использовали его в качестве мишени для учебной стрельбы?

Жан-Пьер посмотрел на свои наручные часы. Было десять тридцать. Сейчас Маланг может появиться в любую минуту, принеся с собой пачку русских сигарет как доказательство того, что он действительно побывал в Чарикаре. Жан-Пьер не знал, как объяснить появление сигарет Джейн, потому что не курил. Он решил, что для действий помешанного не нужно никаких объяснений.

Он бинтовал маленького мальчика из соседней долины, который обжег руку в костре, на котором готовили пищу, когда снаружи слышались шаги и приветствия, что означало прибытие кого-то нового. Жан-Пьер скрыл свое нетерпеливое любопытство и продолжал бинтовать руку ребенка. Услышав голос Джейн, он оглянулся, и, к острому разочарованию, увидел, что это не Маланг, а два незнакомых мужчины.

Первый из них сказал:

– Бог да будет с Вами, доктор.

– И с вами, – ответил Жан-Пьер. Чтобы предотвратить длительный обмен любезностями, он сказал: – В чем дело?

– В Скабуне была ужасная бомбежка. Много людей убито и много ранено.

Жан-Пьер посмотрел на Джейн. Он все еще не мог уходить из Бэнды без ее разрешения, потому что она боялась, что он найдет способ связаться с русскими. Но было очевидно, что он не мог подстроить этого вызова.

– Ну что, я пойду? – спросил он по-французски. – Или ты пойдешь?

Он в действительности не хотел идти, потому что это означало, по всей вероятности, ночевка на месте, а он отчаянно хотел увидеть Маланга.

Джейн колебалась. Жан-Пьер знал, что она думает о том, что если пойдет сама, ей придется взять и Шанталь. Кроме того, она знала, что не сможет помочь при тяжелых травмах.

– Ты сама решай, – сказал Жан-Пьер.

– Иди ты, – сказала она.

– Хорошо. – Скабун был в двух часах ходьбы. Если он поедет быстро, и раненых окажется не очень много, может быть удастся вырваться оттуда в сумерках, подумал Жан-Пьер. Он сказал: – Я постараюсь вернуться сегодня вечером.

Она подошла и поцеловала его в щеку.

– Спасибо, – сказала она.

Он быстро проверил содержимое своей сумки: морфин для обезболивания, пенициллин для профилактики раненых инфекций, иглы и шовный материал, много перевязочного материала. Надел шапочку и накинул на плечи одеяло.

– Я не возьму Мэгги, – сказал он Джейн. – Скабун недалеко, а дорога плохая. – Он снова поцеловал ее, затем повер-

нулся к посыльным. – Идемте.

Они спустились вниз, в селение, затем перебрались вброд через реку и стали взбираться по крутым ступенькам на другой стороне. Жан-Пьер думал о том, как поцеловал Джейн. Если его план окажется удачным, и русские убьют Масуда, как она будет реагировать? Она знала, что за этим стоял он. Но она не предаст его, в этом он был уверен. Будет ли она все еще любить его? Он хотел ее. С тех пор, как они были вместе, он все реже страдал от мрачных депрессий, которые прежде находили на него регулярно. Просто любя его, она давала ему ощущение, что с ним все в порядке. Он нуждался в этом. Но он также хотел успеха своей миссии. Он думал: предположим, что мне надо хотеть успеха больше, чем счастья, и вот поэтому я готов рисковать потерять ее, ради убийства Масуда.

Они втроем шагали в юго-западном направлении вдоль тропинки, идущей по вершинам скал, оглушаемые бурным течением реки. Жан-Пьер спросил:

– Сколько людей убито?

– Много людей, – ответил один из гонцов.

Жан-Пьер уже привык к подобным оценкам. Он терпеливо спросил:

– Пять? Десять? Двадцать? Сорок?

– Сто.

Жан-Пьер не поверил этому, в Скабуне не было сотни жителей.

– Сколько ранено?

– Двести.

Это было смешно. Разве этот человек не знал? Жан-Пьер недоумевал. Или он преувеличивал число из страха, что, если он назовет небольшую цифру, доктор повернется и пойдет назад? Может, дело было в том, что он не умел сосчитать больше десяти.

– Какие раны? – снова спросил Жан-Пьер.

– Дырки, порезы, кровотечения.

Это звучало больше как раны, полученные в бою. От бомбежки получались контузии, ожоги и сдавления, полученные под развалинами домов. Этот человек был, видимо, плохим свидетелем. Не было смысла дальше его расспрашивать.

В паре миль от Бэнды они свернули с тропинки в скалах и повернули на север по дороге, незнакомой Жан-Пьеру.

– Это что, путь в Скабун? – спросил он.

– Да.

Это был, очевидно, короткий путь, которого он не знал. Они, несомненно, шли в верном направлении.

Через несколько минут они увидели одну из каменных горных хижин, где путники могли отдохнуть или заночевать. К удивлению Жан-Пьера, гонцы направились к входу в хижину, где не было двери.

– У нас нет времени для отдыха, – раздраженно сказал он. – Меня ждут больные.

И тут из хижины вышел Анатолий.

Жан-Пьер был потрясен. Он не знал, радоваться ли ему, что теперь сможет рассказать Анатолию о совещании, или быть в ужасе от того, что афганцы его убьют.

– Не беспокойтесь, – сказал Анатолий, поняв выражение его лица. – Это солдаты регулярной афганской армии. Я специально послал их за вами.

– Мой бог! Это было блестяще придумано. – В Скабуне не было никакой бомбежки – это была всего лишь уловка, чтобы дать возможность Жан-Пьеру встретиться с ним.

– Завтра, – возбужденно начал Жан-Пьер, – случится нечто ужасно важное.

– Знаю, знаю, я получил ваше письмо. Вот почему я здесь.

– Значит, вы захватите Масуда?

Анатолий улыбнулся безрадостно, открывая темные от курения табака зубы.

– Мы захватим Масуда. Успокойтесь.

Жан-Пьер понял, что ведет себя, как взволнованный ребенок на Рождество. Он сделал над собой усилие и подавил свой энтузиазм.

– Когда Маланг не вернулся, я думал...

– Он прибыл в Чарикар вчера, – сказал Анатолий. – Одному богу известно, что он делал по пути. Почему вы не воспользовались радиопередатчиком?

– Он разбился, – сказал Жан-Пьер. Ему не хотелось объяснять сейчас все о Джейн. – Этот Маланг готов сделать ради меня что угодно, потому что я снабжаю его героином, а

он наркоман.

Анатолий мгновение внимательно испытующе смотрел на Жан-Пьера, и в его глазах появилось что-то, похожее на восхищение.

– Я рад, что вы на моей стороне, – сказал он. Жан-Пьер улыбнулся. – Я хочу знать побольше, – сказал Анатолий.

Обняв Жан-Пьера за плечи, он ввел его в хижину. Они уселись на земляном полу, и Анатолий закурил.

– Откуда вы узнали об этом совещании? – начал он.

Жан-Пьер рассказал ему об Эллисе, о пулевом ранении, о разговоре Масуда с Эллисом в то время, как Жан-Пьер собирался сделать ему укол, о слитках золота и планах обучения афганцев и обещании оружия.

– Это фантастика, – сказал Анатолий. – А где сейчас Масуд?

– Не знаю. Но он прибудет сегодня в Дарг, вероятно. Самое позднее завтра.

– Откуда вы знаете?

– Он созвал совещание – как он может не появиться?

Анатолий кивнул.

– Опишите мне агента ЦРУ.

– Ну, ростом он пять футов десять дюймов, вес сто пятьдесят фунтов, светлые волосы, голубые глаза, возраст – тридцать четыре года, но на вид чуть старше, имеет колледжское образование.

– Я пропущу все эти данные через компьютер. – Анатолий

встал. Он вышел наружу и Жан-Пьер последовал за ним.

Анатолий достал из кармана маленькую рацию. Вытащив и распрямив телескопическую антенну рации, он нажал на кнопку и что-то тихо сказал по-русски, затем он снова вернулся к Жан-Пьеру.

– Друг мой, вы удачно справились со своей задачей, – сказал он.

«Это правда, – подумал Жан-Пьер. – Я справился». Он спросил:

– Когда вы нанесете удар?

– Завтра, разумеется.

Завтра. Жан-Пьер почувствовал прилив жестокой радости. Завтра.

Солдаты смотрели в небо. Он последовал за их взглядом и увидел снижающийся вертолет, Анатолий, видимо, вызвал его по рации. Русские теперь отбросили всякую осторожность, игра была почти завершена, это был последний ход, и осторожность и обман надо было заменить смелостью и быстротой. Вертолет спустился и сел, что было довольно трудно на небольшой площадке ровной земли, примерно в сотне ярдов от них.

Жан-Пьер пошел к вертолету с остальными тремя людьми. Он размышлял о том, куда пойдет, когда они улетят. В Скабуне ему делать было нечего, но он не мог сразу же возвращаться в Бэнду, не открывая, что никаких жертв бомбежки, которым требовалась помощь, и в помине не бы-

ло. Он решил, что лучше всего посидеть в каменной хижине несколько часов, а затем вернуться домой.

Он протянул Анатолию руку для прощания.

– Оревуар.

Анатолий не взял его руки.

– Залезайте.

– Что?

– Залезайте в вертолет.

Жан-Пьер был сбит с толку.

– Зачем?

– Вы летите с нами.

– Куда? В Баграм? На русскую территорию?

– Да.

– Но я не могу.

– Прекратите шум и слушайте, – терпеливо сказал Анатолий. – Во-первых, ваша задача выполнена. Ваше задание в Афганистане завершено. Вы достигли своей цели. Завтра мы захватим в плен Масуда. Вы можете отправляться домой. Во-вторых, теперь с вами связана наша безопасность. Вы знаете, что мы планируем сделать завтра. Поэтому ради целей безопасности вы не можете оставаться на территории врага.

– Но ведь я никому ничего не скажу!

– Что, если вас начнут пытаться? Что, если они начнут пытаться вашу жену у вас на глазах? Что, если они будут разрывать вашу дочь на глазах у вашей жены?

– Я не верю этому. – Жан-Пьер знал, что Анатолий прав,

но сама мысль о том, чтобы не возвращаться в Бэнду, была настолько неожиданной, что сбила его с толку. Будут ли Джейн и Шанталь в безопасности? Правда ли, что русские действительно вывезут их? Даст ли Анатолий им втроем возможность вернуться в Париж? Скоро ли они смогут туда выехать?

– Залезайте, – повторил Анатолий.

Два солдата-афганца стояли по обе стороны от Жан-Пьера, и он понял, что у него нет выбора, если он откажется, они просто схватят его и силой втолкнут внутрь.

Он полез в вертолет.

Анатолий и афганцы вскочили следом, и вертолет взлетел. Дверь осталась открытой.

Пока вертолет набирал высоту, Жан-Пьер впервые увидел с воздуха долину Пяти Львов. Белая река, извинаясь среди полей цвета навоза, напомнила ему шрам от старой ножевой раны на коричневом лбу Шахай-Гула, брата повитухи. Он увидел селение Бэнду с его зелено-желтыми лоскутами полей. Он изо всех сил вглядывался в вершину горы, где были пещеры, но не заметил никаких признаков их обитателей, жители селения хорошо выбрали место для своего укрытия. Вертолет поднялся еще выше и развернулся, и Бэнда исчезла из виду. Он стал искать другие знакомые точки. Я провел здесь год жизни, подумал он, а теперь больше не увижу этого места. Он увидел селение Дарг с обреченной на разрушение мечетью. Долина была надежным оплотом сил

сопротивления, подумал он. А завтра она станет лишь напоминанием о неудавшемся восстании. И все благодаря мне.

Внезапно вертолет сделал крутой вираж в южном направлении и перелетел горный хребет, и через несколько секунд долина скрылась из виду.

Глава 11

Узнав, что Джейн и Жан-Пьер собираются уйти со следующей колонной, Фара целый день проплакала. Она успела сильно привязаться к Джейн и полюбить Шанталь. Джейн это было приятно, но смущало, что иногда Фара, казалось, предпочитает ее своей собственной матери. Однако Фара, видимо, привыкнув к мысли об уходе Джейн, на другой день уже вела себя как обычно, преданно, но без признаков отчаяния.

Джейн и самой не давала покоя мысль о предстоящем путешествии домой. От долины до Хайберского перевала лежал стопятидесятимильный переход. Путь сюда занял четырнадцать дней. Джейн страдала от мозолей, поноса и неизбежных болей и ломоты во всем теле. Теперь же ей предстояло проделать весь этот путь в обратном направлении, имея на руках двухмесячного младенца. Конечно, будут лошади, но основную часть пути ехать верхом было бы небезопасно, потому что колонны шли по еле заметным, очень крутым горным тропам, и нередко в ночное время.

Джейн сплела из хлопка что-то вроде гамака, подвешиваемого на шею, чтобы удобнее было нести Шанталь. А Жан-Пьеру придется нести разные припасы, которые могут понадобиться в течение дня, потому что, как знала Джейн по опыту предыдущего путешествия, лошади и люди идут с неоди-

наковой скоростью, в гору лошади взбираются быстрее людей, а с горы медленнее, и путники на долгое время бывают разлучены со своим багажом.

В этот день, когда Жан-Пьер ушел в Скабун, ее занимал выбор припасов, которые надо будет нести при себе. У нее будет аптечка с самым необходимым: антибиотиками, бинтами, морфином – все это соберет Жан-Пьер. Придется взять и кое-какие продукты. На пути сюда у них было большое количество сухих высококалорийных продуктов западного производства – шоколада, супов в пакетиках, извечной слабости путешественников – мятного кекса Кендаля. А на обратном пути придется довольствоваться лишь тем, что удастся найти в долине: рисом, сухими фруктами, сушеным сыром, сухарями, а еще тем, что они сумеют купить по дороге. Хорошо хоть, что не надо беспокоиться о питании для Шанталь.

Впрочем, с ребенком были связаны другие проблемы. Местные матери не пользовались пеленками, а оставляли нижнюю часть тельца ребенка открытой и лишь периодически стирали подстеленное под него полотенце. Этот обычай, по мнению Джейн, был куда здоровее, чем западная система пеленания, но только не во время путешествия. Джейн вырезала из полотенец три пеленки, а из полиэтиленовых оберток от медицинских материалов Жан-Пьера изготовила для Шанталь пару импровизированных непромокаемых штанишек. Каждый вечер пеленки придется стирать, разумеется, лишь в холодной воде, стараясь высушить за ночь. Если пе-

ленка не высохнет, можно будет использовать запасную, а если обе будут мокрыми, у Шанталь возникнут опрелости. Но еще ни один ребенок не умер от раздражения кожи, вызванного мокрыми пеленками, убеждала себя Джейн. Колонна, конечно, не будет останавливаться каждый раз для того, чтобы дать ребенку поспать, для кормления и перемены пеленки, поэтому Шанталь придется питаться и спать на ходу, а пеленки придется менять только по мере возможности.

В некотором смысле Джейн стала крепче, чем год назад. Кожа на ступнях огрубела, а желудок стал более стойким к воздействию наиболее распространенных видов местных бактерий. Мышцы ног, которые болели во время первого перехода в долину, теперь были привычны к ходьбе на много миль. Но во время беременности у нее появились боли в спине, и ее тревожило, как она будет идти целыми днями, неся ребенка. Ее организм, казалось, полностью оправился после родов. Она чувствовала себя вполне способной к сексу, хотя и не сообщала об этом Жан-Пьеру, сама не зная почему.

В первое время жизни здесь она сделала много снимков с помощью своего «поляроида». Фотоаппарат можно бросить здесь, это дешевка, но большинство фотографий ей хотелось взять с собой. Она просмотрела свою коллекцию, размышляя, что взять, а что выбросить. У нее были снимки большинства жителей деревни. Вот партизаны: Мохаммед, Алишан, Камир, Матулла, в нелепо-героических позах и с нарочито свирепыми выражениями лиц. Вот женщины: пыш-

нотелая Захара, старая сморщенная Рабия, темноглазая Халима – все смущенно хихикающие, как школьницы. Вот дети: три девочки Мохаммеда, его сын Муса, малышня Захары – двух, трех, четырех и пяти лет, четверо детей муллы. Ни один из этих снимков нельзя выбросить, придется взять все с собой.

Джейн укладывала в сумку одежду, в то время как Фара подметала пол, а Шанталь спала в соседней комнате. Они рано утром спустились вниз из пещер, чтобы успеть управиться со всеми делами. Впрочем, укладывать было почти нечего, кроме пеленок Шанталь – лишь по паре трусов для себя и Жан-Пьера и по паре запасных носков. Верхнюю одежду они оба менять не будут. У Шанталь все равно нет одежды – ее завертывали в шаль или вообще оставляли голенькой. Для Джейн и Жан-Пьера хватит по паре брюк, рубашке, шарфу и одеялу типа «патту». В этой одежде они проделают все путешествие и, вероятнее всего, сожгут ее в пешаварском отеле, празднуя свое возвращение в лоно цивилизации.

Эта мысль будет придавать ей силы во время трудного перехода. Джейн смутно помнила, что условия жизни в отеле «Динс» в Пешаваре показались ей невероятно примитивными, но теперь трудно было понять, что именно казалось ей таким плохим. Неужели она и впрямь могла жаловаться, что кондиционер работает слишком шумно? Но ведь там, подумать только, был настоящий душ!

– Цивилизация, – произнесла она вслух, и Фара вопроси-

тельно взглянула на нее. Джейн, улыбнувшись, объяснила на дари:

– Я счастлива, что возвращаюсь в большой город.

– Мне нравится большой город, – ответила Фара. – Я однажды побывала в Рохе. – Она продолжала мести пол. – Мой брат уехал в Джелалабад, – добавила она с оттенком зависти.

– Когда он вернется? – спросила Джейн, но Фара вдруг будто оглохла и пришла в замешательство, и через мгновение Джейн поняла, почему: со двора донеслось посвистывание и мужские шаги, затем стук в дверь, и голос Эллиса произнес: «Есть кто-нибудь дома?»

– Входи! – крикнула Джейн, и он вошел, хромя. Утратив к нему былой романтический интерес, она беспокоилась о его ране. Он оставался в Астане до полного выздоровления. Наверно, он вернулся сегодня.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Как дурак, – ответил он с грустноватой усмешкой. – Это не очень достойное место для огнестрельной раны.

– Если тебя беспокоит лишь отсутствие достоинства, значит, дело идет на поправку.

Он кивнул.

– Доктор дома?

– Он ушел в Скабун, – ответила Джейн. – Там был налет и сильная бомбежка, и его вызвали. Я могу чем-нибудь помочь?

– Я просто хотел сообщить, что период выздоровления у

меня закончился.

– Он вернется сегодня вечером или завтра утром. – Джейн приглядывалась к внешности Эллиса, с гривой белокурых волос и курчавой золотистой бородой он походил на льва. – Почему ты не подстрижешь волосы?

– Партизаны велели мне отращивать волосы и не бриться.

– Они всем это говорят. Чтобы европейцы не так выделялись. В твоём случае эффект прямо противоположный.

– Я буду выделяться в этой стране независимо от того, какая у меня причёска.

– Это верно. – Джейн вдруг подумала, что впервые говорит с Эллисом в отсутствие Жан-Пьера. Они быстро возобновили прежний, привычный им стиль разговора. Теперь было трудно вспомнить, как ужасно она на него злилась.

Он с любопытством посмотрел, как она укладывала вещи.

– А это зачем?

– Мы отправляемся домой.

– Каким способом?

– Пойдем с колонной – так же, как и пришли сюда.

– Русские за прошедшие несколько дней захватили большую территорию, – сказал Эллис. – Разве ты не знаешь?

Джейн похолодела.

– О чем ты?

– Русские начали обычное летнее наступление и продвинулись вперед, захватив большие участки территории, по которым идут колонны.

– Ты хочешь сказать, что дорога в Пакистан закрыта?

– Обычная дорога закрыта. Отсюда больше нельзя дойти до Хайберского перевала. Но могут быть и другие пути.

Джейн почувствовала, как ее надежды на возвращение домой ослабевают.

– Но никто мне этого не говорил! – сердито заметила она.

– Наверное, Жан-Пьер и сам этого не знал. Я почти все время был с Масудом и знаю все последние новости.

– Да, – согласилась Джейн, не глядя на него. Возможно, Жан-Пьер действительно не знает. Или, может, знает, но не сообщает ей, потому что все равно не собирается возвращаться в Европу. Как бы то ни было, она не собирается смириться с этим. Во-первых, она проверит, прав ли Эллис. Затем постарается найти какой-нибудь выход.

Она подошла к сундуку Жан-Пьера и вытащила оттуда карты Афганистана, изданные в Америке. Карты были свернуты в рулон и скреплены резинкой. В нетерпении Джейн разорвала резинку и бросила карты на пол. И тут же подумала: это, наверное, единственная резинка в радиусе сотни миль отсюда.

– Спокойно, – приказала она себе.

Опустившись на колени, Джейн начала перебирать карты. Это были крупномасштабные карты, поэтому, чтобы увидеть всю территорию, лежащую между долиной и Хайберским перевалом, ей пришлось соединить несколько карт. Эллис взглянул ей через плечо:

– Какие хорошие карты! – сказал он. – Где ты их взяла?

– Жан-Пьер привез их из Парижа.

– Они лучше, чем у Масуда.

– Я знаю. Мохаммед всегда пользуется этими картами, намечая маршрут для колонн. Ну, хорошо, покажи мне, как далеко продвинулись русские.

Эллис, опустившись на ковер рядом с ней, пальцем обозначил на карте линию фронта.

Джейн почувствовала, как надежда вновь возвращается к ней.

– Но ведь непохоже, чтобы Хайберский перевал был совсем отрезан, – сказала она. – Почему нельзя пройти вот здесь? – она провела воображаемую линию по карте чуть севернее линии фронта русских.

– Я не знаю, есть ли там вообще дорога, – ответил Эллис. – Может, местность там вообще непроходимая – надо выяснить у партизан. Но дело еще вот в чем – данные Масуда всегда получаются с опозданием на один-два дня, а русские не остановили своего продвижения вперед. Какая-нибудь долина или перевал сегодня еще свободны, а завтра могут быть закрыты.

– Проклятие! – Но она не собиралась сдаваться. Наклонившись над картой, она стала разглядывать пограничную зону. – Посмотри, ведь Хайберский перевал – не единственный путь на ту сторону.

– Вдоль всей линии границы протекает река по середине

долины, причем горы – на афганской стороне. Возможно, к другим перевалам можно приблизиться только с юга, то есть с территории, занятой русскими.

– Нет смысла строить пустые предположения, – сказала Джейн. Собрав карты, она снова свернула их в трубку. – Кто-то ведь должен знать это в точности.

– Да, наверное.

Она поднялась с колен.

– Наверняка из этой проклятой страны есть и другие пути, – сказала она и, зажав карты под мышкой, вышла из дома, оставив Эллиса сидящим на ковре.

Женщины и дети вернулись из пещер, и деревня ожила. Над дворами потянулись дымки от костров, на которых готовили пищу. Перед мечетью пятеро детей сидели в кружок, играя в игру, называемую почему-то «дыня». Это была игра в истории, где рассказчик останавливался, не закончив повествования, а следующий должен был продолжать прерванную историю. Джейн узнала в кружке Мусу, сына Мохаммеда. На поясе у него висел довольно зловещий нож, подаренный ему отцом после того случая с миной. Муса был рассказчиком. Джейн услышала:

– И медведь попытался откусить у мальчика руку, но мальчик вытащил нож.

Она направилась к дому Мохаммеда. Возможно, самого Мохаммеда она не застанет, его уже давненько не видно. Но он жил вместе с братьями, по обычаю афганцев, у которых

семьи не делились, и братья его тоже были партизанами, как и все здоровые молодые мужчины. Поэтому, если они будут дома, то наверняка смогут дать ей какую-нибудь информацию.

Подойдя к дому, Джейн слегка помедлила. Согласно местному обычаю, ей следовало остановиться во дворе и заговорить с женщинами, которые готовили ужин, а затем, после обмена любезностями, старшая из женщин зашла бы в дом и узнала, снизойдут ли мужчины до разговора с Джейн. Джейн как бы слышала голос матери, говорящий:

– Будь скромной Джейн!

Она произнесла вслух:

– Иди к черту, мама! – и двинулась вперед, не обращая внимания на женщин во дворе, и вошла прямо в переднюю комнату дома, на мужскую половину.

Там сидели трое: восемнадцатилетний брат Мохаммеда Камир-Хан, красивый, с молодой реденькой бородкой, деверь Мохаммеда Матулла, и сам Мохаммед. Большая редкость – чтобы сразу столько партизан собрались дома. Они все уставились на Джейн в изумлении.

– Бог да будет с вами, Мохаммед-Хан, – произнесла Джейн. Не останавливаясь и не давая возможности ответить, она продолжала: – Когда вы вернулись?

– Сегодня, – машинально ответил Мохаммед.

Джейн опустилась на корточки, подобно им. Мужчины были слишком потрясены, чтобы говорить. Джейн начала

раскладывать карты на полу, и трое мужчин с сосредоточенным видом подались вперед, они уже готовы были простить Джейн нарушение приличий.

– Посмотрите, – сказала она. – Русские дошли досюда – верно? – Она повторила линию, показанную Эллисом.

Мохаммед согласно кивнул.

– Значит, обычный путь колонны отрезан.

Мохаммед снова кивнул.

– Какой же путь остается?

Мужчины в сомнении покачали головами. Это была обычная реакция, говоря о трудностях пути, они не торопились высказывать свое суждение. По мнению Джейн, причина была в том, что знание местности было единственным, что давало им власть над иностранцами вроде нее. Обычно она терпеливо ожидала, но сегодня у нее не хватало терпения.

– Почему бы не пойти здесь? – спросила она решительным тоном, проводя линию параллельно русскому фронту.

– Слишком близко к русским, – ответил Мохаммед.

– Тогда здесь, – она наметила более осторожную линию, следуя изгибам рельефа местности.

– Нет, – повторил он.

– Почему нет?

– Вот здесь, – он указал точку на карте, где сближались верхние концы двух долин, и где Джейн наугад пересекла горный хребет, – здесь нет седла. – Седлом назывался перевал.

Джейн наметила путь севернее.

– А здесь?

– Еще хуже.

– Но ведь должен же быть какой-то путь! – воскликнула Джейн. У нее возникло ощущение, будто они наслаждаются ее отчаянием, и она решила сказать что-нибудь слегка обидное, чтобы расшевелить их.

– Разве это страна – дом с единственной дверью, отрезанный от всего остального мира лишь потому, что вы не можете добраться до Хайберского перевала. – «Домом с одной дверью» иносказательно называли отхожее место.

– Конечно, нет, – оскорблено произнес Мохаммед. – Летом есть еще «масляный путь».

– Покажите мне его.

Палец Мохаммеда провел сложную кривую, которая начиналась к востоку от долины, пересекала череду высоких перевалов и высохших рек, поворачивала на север в Гималаи и, наконец, пересекала границу у начала Вахханского хребта, в безлюдной местности, а затем резко поворачивала на юго-восток к пакистанскому городу Читралу.

– Этим путем люди Нуристана возили масло, йогурт и сыр на рынок в Пакистан. – Улыбнувшись, он дотронулся рукой до своей круглой шапочки. – Вот откуда наши шапочки. – Джейн вспомнила, что эти шапочки назывались читралскими.

– Хорошо, – сказала она, – мы можем отправиться домой

этим путем.

Мохаммед покачал головой.

– Этого сделать нельзя.

– Почему нельзя?

Камир и Матулла хитро улыбнулись, но Джейн не обратила на это внимания. Через мгновение Мохаммед заговорил:

– Во-первых, высота. Этот путь пролегает выше линии вечных льдов. Это значит, что снег там не тает, и не бывает ручьев, даже летом. Во-вторых, рельеф местности. Склоны гор очень крутые, тропы узкие и опасные. Очень трудно не заблудиться, даже местные проводники, бывает, сбиваются с пути. Но самое плохое – люди. Эта местность называется Нуристаном, но раньше носила название «Кафиристан», потому что жители были неверными и пили вино. Теперь они перешли в истинную веру, но до сих пор обманывают, грабят, а, бывает, и убивают путешественников. Этот путь труден для европейцев и невозможен для женщин. Там способны пройти только самые молодые и сильные мужчины, да и в этом случае многих путников убивают.

– Вы пошлете колонну этим путем?

– Нет. Мы подождем, пока не откроется южная дорога.

Джейн испытующе посмотрела на его красивое лицо. Она понимала, что он не сгущает краски, а говорит все, как есть. Поднявшись, она начала собирать карты, горько разочарованная. Возвращение домой откладывалось на неопределенный срок. Жизнь в долине внезапно показалась невыносимой.

мой, и она готова была разрыдаться.

Она свернула карты в трубочку и, сделав над собой усилие, старалась быть вежливой.

– Вы долго отсутствовали, – обратилась она к Мохаммеду.

– Я был в Файзабаде.

– Это долгий путь. – Файзабад был большой город далеко на севере, и силы сопротивления прочно удерживали его, армия взбунтовалась, а русским так и не удалось восстановить свой контроль над этой территорией.

– Неужели вы не устали?

Это было формальное приветствие, подобное английскому «Как поживаете?» И Мохаммед дал традиционный ответ:

– Я все еще жив!

Зажав карты под мышкой, она вышла.

Женщины во дворе испуганно посмотрели на нее, проходящую мимо. Она кивнула Халиме, темноглазой жене Мохаммеда, и та в ответ нервно улыбнулась.

Партизаны в последнее время не сидели на месте. Мохаммед побывал в Файзабанде, брат Фары ушел в Джелалабад. Джейн вспомнила, как одна ее пациентка из Дашт-и-Ревата говорила, что ее муж послан в Пагман, недалеко от Кабула. А свояк Захары Юсиф-Гул, брат ее покойного мужа, был послан в Логарскую долину, по другую сторону от Кабула. Все эти населенные пункты были оплотами восставших.

Происходило явно что-то необычное.

Джейн на некоторое время забыла о своем разочарова-

нии, пытаясь догадаться, что же все-таки происходят. Масуд разослал гонцов ко многим руководителям отрядов восставших, а, возможно, и ко всем. Было ли простым совпадением, что все это случилось так скоро после прибытия Эллиса в долину? А если нет, каковы были намерения Эллиса? Возможно, спецслужбы США содействовали Масуду в организации массового наступления? Ведь если все восставшие будут действовать совместно, они добьются успеха, может быть, сумеют на время захватить Кабул.

Джейн, вернувшись домой, бросила карты в сундук. Шанталь еще не просыпалась, а Фара собирала нехитрый ужин: хлеб, йогурт, яблоки. Джейн спросила:

– Зачем твой брат поехал в Джелалабад?

– Его туда послали, – произнесла Фара с таким видом, будто это было очевидно само собой.

– Кто послал?

– Масуд.

– Зачем?

– Не знаю. – Фара была удивлена, что Джейн задавала подобный вопрос. Кто мог быть настолько глуп, чтобы думать, будто мужчина станет сообщать сестре причину своей поездки?

– Что, у него там какое-то дело, или он должен передать послание, или что-нибудь еще?

– Не знаю, – повторила Фара, поглядев на нее тревожно.

– Ну, неважно, – улыбнувшись, поспешила успокоить ее

Джейн. Из всего женского населения деревни Фара, наверное, менее всех могла знать, что же в действительности происходит. А кто же знает больше всех? Конечно, Захара.

Джейн, взяв полотенце, отправилась на реку.

Захара перестала носить траур по мужу, хотя почти утратила прежнюю шумливость. Джейн подумала, скоро ли она снова выйдет замуж. Захара и Ахмед были единственной афганской парой среди встреченных Джейн, кто, казалось, были по-настоящему влюблены друг в друга. Однако Захара очень чувственная женщина, и ей будет трудно долго обходиться без мужчины. Младший брат Ахмеда Юсиф, певец, жил в одном доме с Захарой и еще не был женат, хотя ему уже исполнилось восемнадцать. Женщины деревни начали поговаривать, что Юсиф может жениться на Захаре.

Здесь братья всегда жили одной семьей, а сестры – всегда отдельно. Невеста по традиции поселялась с мужем в доме его родителей. Это была еще одна область, где мужчины этой страны ущемляли права женщин.

Джейн торопливо шагала по тропинке через поле. При свете вечернего солнца в поле еще кое-кто работал. Сбор урожая заканчивался. Скоро будет слишком поздно идти «масляным путем», подумала Джейн: Мохаммед сказал, что он открыт только летом.

Она подошла к пляжу, где купались женщины. Восемь или десять женщин из деревни плескались в реке или в затончиках у берега. Захара плавала на середине, где было сильное

течение, как обычно, сильно брызгая, но без смеха или шуток.

Джейн, бросив полотенце на песок, вошла в воду. Она решила про себя говорить с Захарой осторожнее, чем с Фарой. Конечно, Захару не провести, но надо оставить впечатление, что Джейн не выспрашивает, а просто сплетничает. И она не стала сразу приближаться к Захаре. Когда другие женщины вышли из воды, Джейн последовала за ними лишь через одну-две минуты и стала молча вытираться. Лишь когда Захара в сопровождении нескольких женщин отправилась обратно в деревню, Джейн обратилась к ней на дари:

– А скоро вернется Юсиф?

– Сегодня или завтра. Он ушел в Логарскую долину.

– Я знаю. Он что, пошел один?

– Да, но он сказал, что, может, приведет кого-нибудь домой.

– Кого?

Захара пожала плечами.

– Может быть, жену.

Джейн была на мгновение сбита с толку. Захара говорила слишком холодно и равнодушно, а это говорило о внутреннем беспокойстве, ей не хотелось, чтобы Юсиф приводил жену. Похоже, что деревенские сплетницы правы. Джейн надеялась, что это так – Захара нуждалась в мужчине.

– Не думаю, чтобы он отправился жениться, – сказала Джейн.

– Почему?

– Сейчас явно происходит что-то важное. Масуд разослал повсюду людей. Не может быть, чтобы все они отправились жениться.

Захара сохраняла внешнее равнодушие, но Джейн поняла, что она довольна ее словами. Есть ли какой-то скрытый смысл, подумала Джейн, в том, что Юсиф отправился в Логарскую долину, чтобы кого-то оттуда привести?

Когда они приблизились к деревне, уже темнело. Со стороны мечети доносилось негромкое ритмичное пение, жутковатые голоса людей, которых можно назвать самыми кровожадными на молитве. Мусульманская молитва всегда напоминала Джейн об Иосифе, молодом русском солдате, оставшемся в живых после падения вертолета за горой неподалеку от Бэнды. Какие-то женщины принесли его в дом владельца магазина – это было зимой, еще до того, как они перевели лазарет в пещеру – и, в то время как Жан-Пьер и Джейн занялись обработкой его ран, к Масуду прислали гонца спросить, что делать с пленным. Джейн узнала ответ Масуда однажды вечером, когда Алишан-Карим, войдя в переднюю комнату дома владельца магазина, где лежал забинтованный Иосиф, приставил дуло винтовки к его уху и выстрелом разнес голову. Это случилось в тот же вечерний час, и под звуки молитвенного пения Джейн пришлось смывать со стены кровь и собирать с пола мозги убитого юноши.

Женщины одолели последний подъем тропинки, ведущей

от реки, и замедлили шаг у мечети, оканчивая свои разговоры, прежде чем разойтись по домам. Джейн глянула внутрь мечети. Мужчины молились, сидя на коленях, под руководством муллы Абдуллы. Их оружие, старинные винтовки вперемежку с современными ручными пулеметами, было сложено в углу. Молитва подходила к концу. Когда мужчины начали подниматься, Джейн заметила среди них незнакомцев и спросила у Захары:

– А это кто?

– Судя по тюрбанам, они, наверное, пришли из Пичской долины и Джелалабада, – ответила Захара. – Это пушту, и обычно мы с ними враждуем. Зачем они здесь? – Пока она говорила, из толпы вышел один очень высокий мужчина с повязкой на глазу. – Это, наверное, Джахан-Камил – великий враг Масуда!

– Но посмотри, Масуд спокойно с ним разговаривает! – заметила Джейн и добавила по-английски – Подумать только!

Захара передразнила ее:

– Паадумат толка!

Это была первая шутка Захары, услышанная Джейн после гибели ее мужа. Хороший знак: Захара утешается. Мужчины начали выходить на улицу, и женщины заспешили домой все, кроме Джейн. Она начинала понимать, что происходит, и хотела подтверждения своей догадки. Когда вышел Мохаммед, она приблизилась к нему и заговорила по-французски:

– Я забыла спросить, успешное ли было у вас путешествие в Файзабад?

– Да, – ответил он, не замедляя шагов, ему не хотелось, чтобы товарищи или пушту увидели, что он отвечает на вопрос женщины.

Джейн торопливо пошла рядом с ним по направлению к его дому.

– Значит, руководитель отряда восставших из Файзабада тоже здесь?

– Да.

Джейн угадала верно: Масуд пригласил сюда всех руководителей.

– Что вы об этом думаете? – спросила она. Ей хотелось выудить еще какие-нибудь подробности.

Мохаммед, задумавшись, забыл о необходимости выказывать высокомерие, как всегда, когда разговор по-настоящему интересовал его.

– Все зависит от того, что Эллис сделает завтра, – сказал он. – Если он произведет должное впечатление, как человек чести и сумеет завоевать их уважение, думаю, они согласятся на его план.

– И вы думаете, что его план хорош?

– Очевидно, хорош, если силы сопротивления объединятся и получат оружие из Соединенных Штатов.

Значит, вот что! Американское оружие для восставших, при условии, что они будут бороться совместно против рус-

ских, вместо того, чтобы столько времени и сил тратить на междоусобицы.

Они дошли до дома Мохаммеда, и Джейн повернула к себе. Грудь ее распирало молоко, настало время кормления Шанталь. Правая грудь была заметно тяжелее, последнее кормление она начала с левой груди, а Шанталь всегда опорожняла ту грудь, которую сосала первой, более основательно.

Джейн, войдя в дом, направилась в спальню. Шанталь лежала в своей колыбели голенькая на свернутом полотенце. В жарком воздухе афганского лета ребенок не нуждался в одежде, ночью ее накрывали простыней – вот и все. Восставшие, война, Эллис, Мохаммед, Масуд – все отошло на второй план, стоило Джейн взглянуть на своего ребенка. Раньше грудные младенцы всегда казались ей уродцами, но Шанталь выглядела очень хорошенькой. Пока Джейн смотрела на нее, Шанталь пошевелилась, открыла ротик и закричала. В ответ на это из правой груди Джейн сразу потекло молоко, и на блузке проступило теплое влажное пятно. Расстегнув пуговицы, она взяла Шанталь на руки.

Жан-Пьер говорил, что перед кормлением следует протирать грудь хирургическим спиртом, но Джейн никогда не делала этого, зная, что Шанталь не понравится вкус. Она уселась на ковре спиной к стене, придерживая Шанталь правой рукой. Ребенок, замахав толстенькими ручками, задвигал головкой из стороны в сторону, отчаянно ища раскрытым ро-

тиком сосок. Джейн подала ей сосок. Беззубые десны крепко сомкнулись, и ребенок усиленно засосал. Джейн вздрогнула, когда ребенок сильно потянул за сосок, раз, затем другой, третий глоток стал уже мягче, маленькая полная ручонка потянулась вверх и дотронулась сбоку до округлой наполненной молоком груди, глядя ее слепым ласкающим движением. Джейн постепенно успокоилась.

Кормление ребенка вызывало у нее невероятную нежность и желание защищать это крошечное существо, и кроме того, что удивительно, эротические ощущения. Поначалу Джейн было неловко оттого, что процесс кормления сексуально возбуждал ее, но вскоре, решив, что естественное ощущение не может быть дурным, она уже спокойно ему отдавалась.

Джейн подумала о том, как будет хвастаться дочкой, если когда-нибудь все-таки попадет в Европу. Несомненно, мать Жан-Пьера будет говорить, что Джейн все делает не так, а ее собственная мать захочет окрестить ребенка. Отец будет восхищаться Шанталь сквозь алкогольный дурман, а сестра отнесется с гордым энтузиазмом. Кто еще? Отца Жан-Пьера нет в живых.

Со двора донесся голос:

– Есть кто-нибудь дома?

Это был Эллис.

– Заходи! – крикнула Джейн, она не считала нужным запирается, Эллис – не афганец, и к тому же был когда-то ее

любовником.

Он вошел и, увидев, что она кормит ребенка, замер.

– Мне уйти?

Она покачала головой.

– Ты ведь уже видел мои груди раньше.

– Не думаю, – заметил он. – Ты, видно, что-то с ними сделала.

Она засмеялась. От беременности груди разбухают. Эллис, она знала, когда-то был женат, и у него был ребенок, хотя, судя по всему, он больше не виделся ни с ребенком, ни с его матерью. Это была одна из тем, о которых он никогда особенно не распространялся.

– Разве ты не помнишь, как это было у твоей жены во время беременности?

– Все это прошло мимо меня, – ответил он лаконично, как делал всегда, когда хотел, чтобы собеседник заткнулся – Я был в отъезде.

Она слишком расслабилась и не могла отвечать ему в том же тоне. Более того, ей было его жалко. Он испортил себе жизнь и лишь по собственной вине, – несомненно, он уже достаточно был наказан за свои грехи – в том числе в немалой степени ею.

– Значит, Жан-Пьер не вернулся, – сказал Эллис.

– Нет. – Ребенок сосал все медленнее по мере того, как у Джейн оставалось все меньше молока. Она осторожно вынула сосок из ротика Шанталь и подняла девочку на уровень

своего плеча, похлопывая узенькую спинку, чтобы она срыгнула.

– Масуд хотел бы взять у тебя свои карты, – сказал Эллис.

– Разумеется. Ты знаешь, где они лежат. – Шанталь громко срыгнула. – Хорошая девочка, – сказала Джейн и приложила ее к левой груди. Почувствовав голод после срыгивания, Шанталь снова начала сосать. Под влиянием неожиданного порыва, Джейн спросила: – Почему ты не видишься со своим ребенком?

Достав карты из сундука, он захлопнул крышку и выпрямился.

– Вижусь, – проговорил он, – но не часто.

Джейн была поражена. Я почти целых шесть месяцев не расставалась с ним, подумала она, но так и не узнала его по настоящему.

– У тебя мальчик или девочка?

– Девочка.

– Ей сейчас, наверное...

– Тринадцать.

– Боже мой, совсем большая! – Джейн внезапно охватило сильное любопытство. Почему она никогда не спрашивала Эллиса об этом? Возможно потому, что все это не интересовало ее, пока у нее не появился собственный ребенок.

– Где же она живет?

Он явно колебался, не зная, что ответить.

– Не говори, – сказала она, читая его мысли. – Ты был

готов соврать.

– Ты права, – согласился он. – Но ведь ты понимаешь, почему мне приходится об этом врать?

Она на секунду задумалась.

– Ты боишься, что твои враги отомстят твоему ребенку?

– Да.

– Это уважительная причина.

– Спасибо. И еще спасибо вот за это, – указав на карты, он вышел.

Шанталь заснула, не выпуская сосок изо рта. Джейн осторожно высвободила сосок и подняла ребенка на уровень плеча. Девочка срыгнула, не просыпаясь. Этот ребенок всегда спал, как убитый.

Джейн было жаль, что Жан-Пьер не вернулся. Она была уверена, что ничего плохого он сделать не сможет, но все же было бы спокойнее иметь его под присмотром. Связаться с русскими он не мог – она разбила радиопередатчик, а другой связи между Бэндой и территорией, занятой русскими, не было. Это Масуд мог посылать гонцов, а у Жан-Пьера не было доверенных людей, и в любом случае, если бы он даже кого-нибудь послал к русским, вся деревня сразу же узнала бы об этом. Единственное, что можно было сделать, – это пешком дойти до Рохи, а на это не было времени.

Помимо мучавшей ее тревоги, ей не хотелось ночевать одной. В Европе это не имело бы значения, но здесь ее страшили грубые, непредсказуемые туземцы, жившие по родопле-

менным законам, для которых было нормой, что мужчина бьет свою жену, а мать – ребенка. А Джейн в их глазах была необычной женщиной: свободные манеры, прямой взгляд, безапелляционный тон – все это было для них символом запретных сексуальных удовольствий. Она не следовала принятым здесь обычаям в отношении женщин, а среди известных этим людям женщин так, как она, вели себя только проститутки.

Когда Жан-Пьер был дома, Джейн всегда дотрагивалась до него в тот момент, когда уже проваливалась в сон. Он обычно спал, свернувшись, спиной к ней, и, хотя много ворочался во сне, сам никогда не тянулся к ней. Единственным мужчиной, с которым она когда-либо долгое время разделяла постель, кроме мужа, был Эллис – прямая противоположность Жан-Пьеру. Всю ночь он, обычно, касался ее, то прижимаясь, то целуя, иногда просыпаясь, а иногда в глубоком сне. Два или три раза он даже пытался во сне грубовато ею овладеть, посмеиваясь, она старалась ему помогать, но через несколько секунд он поворачивался на другой бок и начинал храпеть, а наутро ничего не помнил. Как резко он отличался от Жан-Пьера! Эллис касался ее с грубоватой лаской ребенка, играющего с любимой собачкой, а Жан-Пьер как скрипач, к которому в руки попал инструмент работы Страдивари. Они любили ее по-разному, но оба одинаково предали.

Шанталь рыгнула – она проснулась. Джейн, уложив ее себе на колени и поддерживая головку в таком положении, что-

бы смотреть ей прямо в глаза, начала говорить, то бессвязными слогами, то отдельными фразами. Шанталь такая беседа очень нравилась. Потом Джейн, исчерпав все слова, начала тихонько напевать. Она пела песенку «Папа поехал в Лондон на пыхтящем паровозе», когда с улицы донесся мужской голос.

– Войдите! – крикнула она и сказала, обращаясь к Шанталь: – У нас не переводятся посетители, правда? Будто мы живем в Национальной галерее! – Она застегнула блузку, закрывая ложбинку между грудями.

Вошел Мохаммед и обратился к ней на дари:

– Где Жан-Пьер?

– Он в Скабуне. Я могу чем-то помочь?

– Когда он вернется?

– Думаю, утром. Вы объясните, в чем дело, или будете и дальше говорить, как кабульский полицейский?

Мохаммед усмехнулся, не сводя с нее глаз. Когда она обращалась к нему в подобной дерзкой манере, это казалось ему сексуальным, а она этого совсем не хотела. Он продолжал:

– Алишан приехал вместе с Масудом. Он хочет еще таблеток.

– Ах да. – Алишан-Карим был братом муллы. Страдая стенокардией, он, конечно, не прекращал участия в партизанских действиях, и Жан-Пьер дал ему таблетки тринитрила, велел принимать их непосредственно перед боем или в дру-

гих случаях, связанных с нервным или физическим напряжением.

– Я дам вам таблеток, – сказала она и, вставая, передала Шанталь Мохаммеду.

Мохаммед машинально взял ребенка – и растерялся. Джейн, усмехнувшись, вышла в переднюю комнату, нашла таблетки на полке под прилавком владельца магазина, отсыпала около сотни штук в коробочку и вернулась. Шанталь, не отрываясь, глядела в лицо Мохаммеду. Джейн забрала у него ребенка и протянула таблетки.

– Скажите Алишану, чтобы побольше отдыхал.

Мохаммед покачал головой.

– Меня он не боится, – возразил он. – Вы должны сами ему это сказать.

Джейн рассмеялась: в устах афганца эта шутка напоминала речи феминисток. Мохаммед спросил:

– Зачем Жан-Пьер уехал в Скабун?

– Там сегодня утром была бомбежка.

– Нет, никакой бомбежки не было.

– Конечно, была. – Джейн вдруг осеклась.

Мохаммед пожал плечами:

– Я провел там весь день вместе с Масудом. Вы ошибаетесь.

Она постаралась сохранить на лице спокойное выражение.

– Да, наверное, я что-то не так поняла.

– Спасибо за таблетки, – сказал Мохаммед и вышел. Джейн тяжело опустилась на табурет. Значит, Скабун не бомбили. Жан-Пьер отправился на встречу с Анатолием. Она не очень хорошо понимала, как ему удалось это устроить, но сомнений у нее теперь никаких не оставалось.

Что теперь делать?

Если Жан-Пьер знает о завтрашней встрече и расскажет об этом русским, русские могут напасть.

Они смогут уничтожить всю верхушку афганского сопротивления за один день.

Надо срочно повидать Эллиса.

Завернув Шанталь в шаль – с заходом солнца стало прохладнее, Джейн вышла из дома и направилась к мечети. Эллис был во дворе мечети среди афганцев, сосредоточенно изучая карты Жан-Пьера с Масудом, Мохаммедом и человеком с повязкой на глазу. Кое-кто из партизан бродил вокруг кальяна, кое-кто ужинал. Все они уставились на нее в изумлении, когда она вошла во двор, прижимая к бедру ребенка.

– Эллис, – сказала она, и он поднял глаза. – Мне надо поговорить с тобой. Ты можешь выйти отсюда?

Эллис поднялся, и они, выйдя под аркой ворот, встали перед мечетью.

– В чем дело? – спросил он.

– Знает ли Жан-Пьер об этой встрече, которую ты устроил – о встрече всех руководителей сопротивления?

– Да – когда мы с Масудом впервые заговорили об этом,

он как раз был там, выковыривая пулю из моей задницы. А что?

У Джейн сжалось сердце, ее последней надеждой было то, что Жан-Пьер об этом не знает. Теперь выбора не оставалось. Она огляделась – никого поблизости не было, и к тому же они разговаривали по-английски.

– Мне надо кое-что тебе сообщить, – начала она, – но обещаю, что ему ничего не сделают.

Эллис на мгновение уставился на нее.

– О черт, – яростно воскликнул он. – Дерьмо! Сволочь! Он работает на них – ну конечно! Как я сразу не догадался? Наверняка в Париже это он навел этих сукиных детей на мою квартиру! Он сообщал им об отправке колонн – вот почему они несли такие потери! Сволочь.

Внезапно замолчав, он заговорил более мягко:

– Это, наверное, было ужасно для тебя.

– Да, – сказала она. Ее лицо непроизвольно дрогнуло, на глазах выступили слезы, она начала всхлипывать, чувствуя себя слабой, глупой. Она и стыдилась своих слез, и в то же время чувствовала, что огромная тяжесть, наконец, свалилась с ее души.

Эллис обхватил ее вместе с Шанталь.

– Бедная моя, – сказал он.

– Да, – повторила она сквозь рыдания, – это было ужасно.

– Как давно ты узнала об этом?

– Несколько недель назад.

– Но тебе ничего не было известно, когда ты выходила за него замуж?

– Нет.

– Да, мы оба, – проговорил он, – мы оба одинаково поступили с тобой.

– Да.

– Ты связалась не с той компанией.

– Да.

Уткнувшись лицом в его рубашку, она плакала безудержно – обо всей лжи, предательстве, даром потраченном времени, напрасной любви. Шанталь тоже заплакала. Эллис тесно прижал Джейн к себе и гладил по волосам, и, наконец, она перестала дрожать и успокоилась, вытирая нос рукавом.

– Понимаешь, я разбила радио, – проговорила она, – я думала, что теперь у него не осталось никакого способа связаться с ними. Но сегодня его вызвали в Скабун осмотреть раненых, пострадавших при бомбежке, но Скабун сегодня не бомбили.

Из мечети вышел Мохаммед, и Эллис в замешательстве выпустил Джейн.

– Что там сейчас? – спросил он по-французски.

– Они спорят, – ответил Мохаммед. – Кое-кто говорит, что это хороший план, и он поможет нам победить русских. Другие спрашивают, почему это Масуда считают единственным хорошим командиром, и кто такой Эллис Тейлер, чтобы судить о боевых качествах афганских руководителей. Вам

надо бы пойти туда и еще с ними поговорить.

– Подождите, – ответил Эллис. – Дело приняло новый оборот.

Джейн подумала: «О господи, стоит Мохаммеду об этом услышать, и он кого-нибудь прирежет».

– Нас выдали.

– О чем это вы? – угрожающе спросил Мохаммед.

Эллис все еще колебался, как бы не решаясь сказать всю правду, но, видимо, решив, что другого выхода нет, сказал:

– Русские могут знать об этом совещании.

– Кто? – требовательно спросил Мохаммед. – Кто предатель?

– Возможно, доктор, но...

Мохаммед резко повернулся к Джейн.

– Как давно вы об этом знали?

– Соблюдайте вежливость, или я вообще не буду с вами говорить, – гневно отпарировала она.

– Потише, – вмешался Эллис.

Джейн не собиралась оставлять без внимания обвиняющий тон Мохаммеда.

– Ведь я предупредила вас, не правда ли? – сказала она. – Я говорила, что надо изменить путь следования колонны. Я спасла вам жизнь, черт побери, и нечего теперь указывать на меня.

Гнев Мохаммеда испарился, и он замолчал с несколько глуповатым видом. Эллис сказал:

– Так вот почему маршрут был изменен, – поглядев на Джейн с оттенком восхищения.

Мохаммед заговорил:

– Где же он теперь?

– Мы точно не знаем, – ответил Эллис.

– Когда он вернется, его надо убить.

– Нет! – воскликнула Джейн.

Эллис предостерегающе положил руку ей на плечо, сказав Мохаммеду:

– Разве можно убить человека, который спас жизнь стольким вашим товарищам?

– С ним надо поступить по справедливости, – настаивал Мохаммед.

Он говорил лишь о возможности его возвращения, и Джейн вдруг поняла, что она-то принимала его возвращение как неизбежность. Но неужели он бросит ее с их общим ребенком?

Эллис тем временем говорил:

– Если он предатель и ему удалось связаться с русскими, значит, он рассказал им о завтрашнем совещании. Они, несомненно, нападут и постараются захватить в плен Масуда.

– Это очень плохо, – сказал Мохаммед. – Масуду надо немедленно уходить. Совещание придется отменить.

– Не обязательно, – возразил Эллис. – Подумайте. Мы можем воспользоваться этим случаем.

– Как?

Эллис продолжал:

– По правде говоря, чем больше я думаю об этом, тем больше мне это нравится. Может, это как раз и есть наиболее удачный поворот событий.

Глава 12

Жителей Дарга эвакуировали на рассвете. Люди Масуда обходили дом за домом, осторожно будя обитателей и сообщая, что сегодня нападут русские, и им необходимо отойти вверх по долине до Бэнды, захватив наиболее ценное имущество. С восходом солнца вереница бедно одетых женщин, детей и стариков в сопровождении домашних животных потянулась из деревни по грязной извилистой дороге вдоль реки.

Дарг местоположением отличался от Бэнды. В Бэнде дома были сосредоточены в восточном конце равнины, где края долины сближались, и почва была каменистая. Дома в Дарге сгрудились на узкой «ступени» между скалой и берегом реки. Рядом с мечетью был мост через реку, а поля располагались на другом берегу.

Это было удобное место для засады.

Масуд разработал свой план ночью, а теперь Мохаммед и Алишан выполняли его распоряжения, передвигаясь бесшумно и сноровисто. Мохаммед был высокий, красивый, с изящными движениями, а Алишан – невысокий, свирепого вида, и оба отдавали команды негромким голосом, подражая мягким манерам своего командира.

Эллис, закладывая взрывчатку, размышлял о том, действительно ли придут русские. Жан-Пьер так и не появился,

поэтому казалось несомненным, что ему удалось связаться со своими хозяевами, и было невероятно, чтобы они смогли удержаться от соблазна захватить в плен или убить Масуда. Но все это зависело от многих обстоятельств. И, если русские не придут, Эллис будет выглядеть дураком, потому что вынудил Масуда расставлять сложную ловушку для дичи, которая так и не появилась. А партизаны не захотят иметь дело с дураком. Но, если русские все-таки появятся, думал Эллис, и ловушка захлопнется, это настолько возвысит и меня, и Масуда, что сделку можно будет считать заключенной.

Он старался не думать о Джейн. Когда он прижал ее к себе вместе с ребенком, и она намочила ему рубашку слезами, его страсть к ней разгорелась с новой силой. Это было все равно, что плеснуть бензином в костер. Он готов был бы стоять так вечно, ощущая рукой ее дрожащие хрупкие плечи и ее голову на своей груди. Бедная Джейн! Сама такая честная, а мужчины ей попадаются сплошь предатели.

Пропустив шнур под водой, Эллис вывел конец его на берег, к своему боевому посту, который располагался в маленьком однокомнатном домике на берегу реки в двухстах ярдах от мечети вверх по течению. Укрепив плоскогубцами колпачок-детонатор на конце шнура, он затем закончил сборку незатейливого армейского взрывного устройства с вытяжным кольцом.

Эллис одобрял план Масуда. Однажды в течение года ему случилось читать курс лекций о засаде и противозасаде в

Форт-Брэгге, в промежутке между двумя поездками в Азию, и он оценивал вероятность успеха как девять к десяти. Недостатком плана было то, что Масуд не обеспечил пути отхода для своих людей на случай, если русские начнут их теснить. Но, конечно, сам Масуд может вовсе не считать это ошибкой.

К девяти часам утра все было готово, и партизаны уселись завтракать. Даже это было частью маскировки. Они все могли разбежаться по боевым позициям за одну минуту, если не за несколько секунд, и тогда деревня с воздуха будет выглядеть еще естественнее, будто жители попрятались от вертолетов, побросав свои миски и ковры и не затушив костров, на которых готовили пищу; таким образом, у командующего русскими силами не будет оснований заподозрить засаду.

Эллис поел хлеба и выпил несколько чашек зеленого чая, а позднее, когда солнце поднялось над долиной высоко, устроился ждать. Ожидание обещало быть долгим, как всегда в Азии. Те дни, когда Эллис впервые начал воевать в Азии, он часто проводил в дурмане от марихуаны или кокаина, и тогда ожидание не тяготило, он наслаждался покоем. Странно, подумал он, но после войны всякий интерес к наркотикам пропал.

Эллис ожидал, что русские нападут сегодня после обеда или завтра на рассвете. На месте командира русских он рассуждал бы так: руководители восставших собрались вчера и разойдутся завтра, и надо атаковать не слишком рано, чтобы захватить и тех, кто может опоздать, и не слишком поздно,

чтобы никто не успел уйти.

Ближе к полудню прибыла тяжелая артиллерия – пара «дашок», противовоздушных пулеметов 12,7-миллиметрового калибра. Каждое орудие, установленное на двухколесном станке, тянул один человек, а позади шел ослик, нагруженный коробками с китайскими патронами калибра 5,0, способными пробивать тяжелую броню.

Масуд поручил управлять одним из пулеметов Юсифу, певцу, тому самому, который, согласно деревенским сплетням, собирался жениться на подруге Джейн Захаре, а другим – партизану из Пичской долины по имени Абдур, незнакомому Эллису. Юсиф, как говорили, прежде уже сбил три вертолета своим «Калашниковым». Эллис воспринял этот рассказ довольно скептически, ему самому случалось летать на вертолетах в Азии, и он знал, что вертолет почти невозможно сбить с помощью ручного оружия. Однако, Юсиф объяснил с усмешкой, что секрет здесь в том, чтобы находиться выше цели, стреляя вниз со склона горы. Такая тактика во Вьетнаме была невозможна – рельеф местности был там совершенно иной. Хотя сегодня в распоряжении Юсифа было гораздо более мощное орудие, он собирался применить ту же тактику. Пулеметы были сняты со станков и подняты на скалу, возвышавшуюся над деревней, по крутым ступеням, высеченным в ее склоне. Каждый пулемет внесли два человека. Затем на скалу подняли станки пулеметов и боеприпасы.

Эллис снизу наблюдал, как они снова собрали пулеметы.

На вершине скалы была площадка шириной в десять или пятнадцать футов, затем склон продолжался вверх, но уже не так круто. Партизаны, установив пулеметы на площадке на расстоянии около десяти ярдов друг от друга, тщательно замаскировали их. Разумеется, пилоты вертолетов вскоре обнаружат местоположение огневых точек, но им будет нелегко их уничтожить в этой позиции.

Когда все было сделано, Эллис вернулся на свой боевой пост в маленький домик на берегу. Мысленно он то и дело возвращался в шестидесятые годы. Он начинал это десятилетие школьником, а закончил солдатом. В 1967 году он приехал в Беркли, уверенный, что знает свое будущее. Он хотел тогда стать продюсером документальных фильмов на телевидении и, так как учился блестяще и обладал творческими способностями, а в Калифорнии каждый может стать кем угодно, если будет работать с должным рвением, он не видел никаких препятствий для исполнения своей мечты. Потом возникло новое увлечение – идеями мира, «власти цветов», антивоенными демонстрациями, молодежными песнями, «Дверями», джинсами-дудочками, ЛСД и снова он был уверен, что знает свое будущее, он собирался изменить облик мира. Все это тоже быстро прошло, и наступило новое увлечение, на этот раз – бездумной жестокостью войны и наркотическим ужасом Вьетнама. Оглядываясь на прожитую жизнь, он замечал, что каждый раз, когда бывал уверен в своем будущем, а жизнь, казалось, входила в накатанную

колею, наступали резкие перемены.

Полдень прошел без обеда. Причиной было отсутствие у партизан продуктов. Эллису было трудно привыкнуть к довольно простой по своей сути мысли, что, если нет продуктов, нет и обеда. Он понял, почему все партизаны так много курили – никотин притуплял чувство голода.

Жара томила даже в тени. Он уселся на пороге домика, стараясь поймать слабые дуновения ветерка. Он видел поля, реку с горбатым мостом, сложенным из камня и известняка, деревню, мечеть и нависающую над ней скалу. Почти все партизаны были на своих боевых постах, которые обеспечивали укрытие не только от врага, но и от солнца. Большинство располагалось в домах поблизости от скалы, где вертолетам будет трудно атаковать с бреющего полета, но неизбежно кое-кто оказался в более уязвимой позиции ближе к берегу реки. Грубо обтесанный каменный фасад мечети прерывался тремя створчатыми арками, и под каждой аркой, скрестив ноги, сидел партизан. Они напоминали Эллису часовых в караульных будках. Все трое были знакомы ему, в самой дальней Мохаммед, в средней – его брат Камир с юношеской бородкой, а в ближней – горбатый калека Али-Галим, отец четырнадцати детей, тот самый, которого ранили вместе с Эллисом там, на равнине. У всех троих на коленях лежали «Калашниковы», а в зубах – сигареты. Эллис не знал, кто из них останется жив к завтрашнему дню.

Первое сочинение, написанное им в колледже, было

посвящено описаниям ожидания битвы в произведениях Шекспира. В этом сочинении он сравнивал два монолога, произносимые перед боем: один из «Генриха V», где король, стремясь поднять боевой дух своих воинов, говорит: «Еще раз в брешь, друзья, еще раз, или закройте стены телами наших погибших англичан». И довольно циничный монолог Фальстафа о смысле чести из «Генриха IV»: «Может честь приставит человеку ногу? Нет. Или руку? Нет. Значит, честь не обладает искусством хирурга? Нет. Кто же обладает ею? Тот, кто погиб в среду». Девятнадцатилетний Эллис получил за сочинение высшую оценку «А» – первую и последнюю, потому что вскоре уже был увлечен спорами о том, что Шекспир, да и вообще весь курс английской литературы предмет «несущественный».

Его мысли были прерваны серией последовательных выкриков. Он не понимал слова, произносимые на дари, но в этом не было необходимости, по тревожному тону он понял, что наблюдатели на окрестных склонах заметили вдали вертолеты и просигналили Юсифу на вершине скалы, а тот передал сигнал дальше. В раскаленной солнцем деревне произошло быстрое движение – это партизаны заняли боевые позиции, отошли поглубже в свои укрытия, проверили оружие и закурили свежие сигареты. Трое, сидевшие под аркой мечети, растворились в ее темной глубине. Теперь деревня с воздуха выглядела пустынной, как и обычно в самую жаркую пору дня, когда большинство жителей отдыхают.

Эллис, внимательно прислушиваясь, услышал, наконец, угрожающий рокот моторов приближающихся вертолетов. Его живот непроизвольно сжался – нервы. Так вот как чувствовали себя косоглазые – подумал он – слыша нашу стрельбу с вертолета, которая осыпала их сквозь дождевые облака. Что посеешь, то и пожнешь, малыш!

Он раскрыл английские булавки, скрепляющие взрывное устройство.

Вертолеты гудели уже ближе, но еще не были видны. Эллис хотел бы знать, сколько их, по звуку моторов он не мог этого определить. Заметив боковым зрением какое-то движение, он повернулся и увидел партизана, который бросился в воду с противоположного берега и поплыл. Когда человек приблизился, Эллис узнал покрытого шрамами старого Шахазай-Гула, брата повитухи. Шахазай был специалистом по минам. Метнувшись мимо Эллиса, он укрылся в одном из домов. Несколько мгновений деревня оставалась безжизненной, и Эллис подумал: «Господи, сколько же вертолетов они выслали?» – и тут первый вертолет показался над скалой, идя на предельной скорости и, завернув к деревне, завис над мостом, как гигантская колибри.

Это был «Ми-24», известный на Западе под названием «хайнд»; русские называли такие вертолеты «горбунами» из-за громоздких двойных турбодвигателей, помещавшихся над пассажирской кабиной. Пулеметчик располагался близко в передней части кабины, а пилот – позади и выше него,

как бы сидя у него на плечах. Иллюминаторы кабины управления напоминали фасетчатые глаза чудовищного насекомого. У вертолета были трехколесные шасси и коротенькие кургузые крылья с подвесными реактивными установками.

Как, черт возьми, могла горстка полудиких скотоводов, одетых в лохмотья, противостоять подобной современной технике?

Следом появились еще пять «хайндов». Они облетели деревню и окружающее пространство, стараясь обозреть, как полагал Эллис, позиции врага. Это была обычная мера предосторожности – у русских не было оснований ожидать серьезного сопротивления, ведь они считали свою атаку неожиданной.

Затем показались вертолеты другого типа, в которых Эллис узнал «Ми-8», или «хипы». Крупнее «хайндов», но не столь грозные, они могли вместить двадцать-тридцать человек и были предназначены, главным образом, для перевозки живой силы, а не боевых действий. Первый «хип» замедлил ход над деревней, затем резко опустил вбок и приземлился на ячменном поле. За ним сели еще пять таких же вертолетов. Сто пятьдесят человек, прикинул Эллис. По мере приземления вертолетов из них выскакивали солдаты и ложились плашмя, направив дула автоматов на деревню, но стрельбу пока не открывали; чтобы захватить деревню, им придется перебраться через реку, а для этого – захватить мост. Но они этого не знали, они просто вели себя осторож-

но, полагая, что неожиданность нападения поможет легче добиться превосходства над противником.

Эллис теперь тревожился, что деревня может показаться слишком заброшенной. Сейчас, через несколько минут после появления первого вертолета, в обычной ситуации можно было бы заметить редкие фигурки людей, убегающих из деревни. Он напряг слух в ожидании первого выстрела. Страх прошел. Теперь Эллиса занимало слишком много вещей, и он забыл о страхе. Откуда-то из подсознания пришла мысль – так всегда бывает, когда начнется настоящее дело.

Шахазай заложил на ячменном поле мины, вспомнил Эллис, почему же ни одна до сих пор не взорвалась? Через секунду он получил ответ на свой вопрос. Один из военных, видимо, офицер, поднялся во весь рост и прокричал команду. Двадцать-тридцать солдат, вскочив, побежали к мосту. Вдруг раздался оглушительный грохот, ясно слышимый, несмотря на рокот двигателей вертолетов, затем еще и еще. Казалось, сама земля начала взрываться под ногами бегущих солдат. Эллис подумал: да, ведь Шахазай усилил заряды мин дополнительным количеством ТНТ – и люди исчезли в облаках коричневой земли и золотистых ячменных стеблей – все, кроме одного солдата, подброшенного высоко, который стал падать, медленно перевернувшись в воздухе несколько раз, как акробат, пока не ударился о землю и не затих бесформенной массой. Когда смолкло эхо взрывов, послышался новый звук, доносившийся с вершины скалы: густой, похо-

жий на барабанный бой. Это Юсиф и Абдур открыли огонь. Русские стали беспорядочно отступать, а партизаны в деревне открыли стрельбу из «Калашниковых», целясь через реку. Внезапность ответного удара дала партизанам громадное начальное превосходство над противником, но это превосходство будет кратковременным, русский командир снова соберет свои силы. Но, прежде чем ему удастся начать дело, придется расчистить подходы к мосту.

Один из «хипов» на ячменном поле вдруг разлетелся на куски, и Эллис понял, что в него, наверное, попал снаряд, выпущенный Юсифом или Абдуром. Да, это было впечатляюще, хотя «дашока» способна поражать цель в радиусе мили, а до вертолета было меньше полумили, все равно, надо было быть очень хорошим стрелком.

«Хайнды» – горбатые истребители – все еще кружили над деревней. Теперь русский командир решил ввести их в бой. Один из вертолетов, низко пролетев над рекой, начал бомбить минное поле, заложенное Шахазаем. Юсиф и Абдур выстрелили в него, но промахнулись. Мины Шахазая стали взрываться одна за другой, не причиняя никакого вреда. Эллис тревожно подумал, жаль, что мины не вывели из строя побольше живой силы врага, двадцать человек из ста пятидесяти – не так уж много. Затем «хайнд» взмыл вверх, спасаясь от снарядов Юсифа, зато другой снизился и возобновил обстрел на бреющем полете над минным полем. Юсиф и Абдур непрерывно поливали его огнем. Вдруг вертолет дернулся, у

него отвалилась часть крыла, и он спикировал в реку, а Эллис подумал: хорошо стреляешь, Юсиф! Но теперь подходы к мосту были свободны, у русских оставалось еще более сотни людей и десять вертолетов, и Эллис подумал с холодком страха, что партизаны могут все-таки проиграть этот бой.

Теперь русские обмелели, и большинство солдат – по подсчетам Эллиса, не менее восьмидесяти человек – начали продвигаться к мосту по-пластунски, непрерывно стреляя. Не может быть, чтобы они были совсем лишены боевого духа и недисциплинированы, какими их представляют американские газеты, подумал Эллис, если только это не элитарный корпус. И тут он обратил внимание на то, что все солдаты белокожие. Среди них не было афганцев. Совсем как во Вьетнаме, где «арвинов» не допускали до по-настоящему важных операций.

Внезапно наступило затишье. Русские на ячменном поле и партизаны в деревне теперь лишь изредка перестреливались, русские – оттого, что не видели противника, а партизаны берегли патроны. Эллис взглянул вверх. «Хайнды» в воздухе начали атаку на позиции Юсифа и Абдура на вершине скалы. Русский командир верно определил тяжелые пулеметы как основную мишень для поражения.

Когда «хайнд» снизился над стрелками, засевшим на скале, Эллис на секунду восхитился пилотом, летевшим прямо на орудия: он знал, какая для этого требуется отвага. Но вот вертолет, сделав вираж, полетел в обратном направле-

нии, оба противника промахнулись.

Их шансы примерно равны, подумал Эллис, Юсифу легче точно целиться, потому что он неподвижен, а вертолет все время в движении, но в тоже время, Юсиф был более легкой мишенью именно из-за своей неподвижности. Эллис вспомнил, что в «хайнде» ракетными установками на крыльях управляет пилот, а пулеметчик – передним пулеметом. В такой сложной боевой обстановке пилоту трудно целиться точно, понял Эллис и, так как диапазон поражения у «дашоки» шире, чем у четырехствольного пулемета типа «гатли», которым оснащен вертолет, Юсиф с Абдуром, возможно, имеют небольшое преимущество.

Надеюсь, это так – ради нашего успеха, подумал Эллис.

Еще один «хайнд» снизился над скалой, как ястреб, охотящийся за кроликом, но пулеметы не умолкали, и вертолет взорвался в воздухе. Эллису захотелось завопить от восторга – что было не вполне справедливо, ведь по опыту он знал, какой ужас и едва сдерживаемая паника владеют командой вертолета под прямым огнем противника.

Вот снизился еще один «хайнд». На этот раз пулеметчики на скале, расширив зону огня, отстрелили хвост вертолета, и он, потеряв управление, врезался в склон скалы, и Эллис подумал: «Господи Иисусе, да ведь так мы можем уничтожить их всех!». Но звук пулеметной стрельбы вдруг изменился, и через мгновение Эллис понял, что теперь стреляет только одно орудие, а второе выведено из строя. Вглядываясь сквозь

клубы пыли, он увидел движущуюся читралскую шапочку. Юсиф был жив, они попали в Абдура.

Трое оставшихся «хайндов», описав круг, переменили боевую позицию. Один из них взмыл вверх, зависая высоко над полем битвы; вот где, наверное, сидит командир русских, подумал Эллис. Остальные два снизились над Юсифом, беря его в «клещи». Хитрый маневр, тревожно подумал Эллис, ведь Юсиф не сможет стрелять по двум вертолетам сразу. Эллис наблюдал, как вертолеты снижаются. Когда Юсиф прицелился в один, второй спустился еще ниже. Эллис заметил, что русские летают с открытыми дверями – совсем как американцы во Вьетнаме.

«Хайнды», атакуя, устремились вниз. Один метнулся вниз, и, пролетев над Юсифом, завернул назад, но получил прямое попадание и вспыхнул, затем второй зашел в вираж, стреляя сразу и из реактивных установок, и из пулемета, и Эллис подумал: «У Юсифа нет ни шанса!» – и вдруг второй «хайнд» дрогнул в воздухе. Неужели и в него попали? Вертолет вдруг как бы упал, резко перенесясь на двадцать-тридцать футов ниже – «Когда выключается двигатель, говорил инструктор в летной школе, ваш вертолет начинает скользить, как рояль» – и ударился о выступ скалы в нескольких ярдах от Юсифа, но вдруг двигатель снова заработал и, к удивлению Эллиса, вертолет начал подъем. Да он прочнее, чем чертов «Хьюи», подумал Эллис, за последние десять лет модели вертолетов стали куда совершеннее. Пулеметчик в

вертолете, не прекращавший яростную стрельбу, теперь замолчал. Эллис понял причину этого, и у него сжалось сердце. «Дешока» неуклюже подкатилась к краю скалы, волоча маскирующие ветки кустарника, за ней волочилась обмякшая, покрытая грязью фигурка человека – это был Юсиф. Падая со скалы, он ударился о неровности склона, и с головы свалилась круглая читралская шапочка. Через секунду Юсиф исчез из поля зрения Эллиса. Он почти выиграл в одиночку этот бой, в награду ему не будет никакой медали, но рассказ о его подвиге будет еще сотню лет звучать у походных костров среди холодных афганских гор.

Русские потеряли четыре из шести «хайндов», один «хип» и около двадцати пяти человек, но партизаны лишились обоих тяжелых пулеметов и теперь не имели защиты, в то время, как оставшиеся «хайнды» начали на бреющем полете обстреливать деревню. Эллис сжался в глубине своего домика – ему хотелось бы, чтобы стены были сложены из более крепкого материала, чем саман. Обстрел был подготовкой к атаке; через одну-две минуты, как по сигналу, русские на ячменном поле поднялись с земли и ринулись к мосту.

Вот оно, подумал Эллис, скоро конец – каков бы он ни был. Партизаны, укрывшиеся в деревне, стреляли по подбегающим солдатам, но их возможности были ограничены стрельбой с воздуха, и лишь немногие из русских солдат упали. Теперь почти все русские пошли в атаку – восемь или девять десятков солдат, стреляющих на бегу через реку на-

угад. Они кричали от возбуждения, ободренные слабостью сопротивления. Когда русские приблизились, стрельба партизан стала чуть более меткой, и еще кое-кто из нападавших был убит, но потери были все же слишком малы, чтобы остановить атаку. Через несколько секунд первые солдаты пересекли реку и стали искать укрытия среди домиков деревни.

На мосту и около него находилось около шестидесяти человек, когда Эллис потянул рукоятку взрывного устройства.

Старинная кладка моста взлетела подобно извержению вулкана.

Эллис заложил взрывчатку специально, чтобы убить, а не просто аккуратно разрушить мост, и взрыв разнес далеко в стороны смертоносные обломки камней, которые, подобно очереди гигантского пулемета, поразили всех, кто был на мосту, и многих среди тех, кто еще оставался на ячменном поле. Когда осколки градом посыпались на деревню, Эллис нырнул обратно в свой домик. Потом все стихло, и он снова выглянул.

Там, где был мост, теперь было лишь месиво из камней и мертвых тел. Взрыв разрушил также часть мечети и два дома. А русские беспорядочно отступали.

Пока он наблюдал за происходящим, двадцать-тридцать русских, оставшихся в живых, торопливо забирались в открытые двери «хипов». Эллис не мог обвинить их в трусости. Если бы они остались на ячменном поле, без всякого прикрытия, их постепенно бы перестреляли бы партизаны,

занимавшие более удачные позиции в деревне, а попытайся они перебраться через реку вплавь, их выловили бы из воды, как рыбу из садка.

Через несколько секунд три уцелевших «хипа» взлетели с поля, присоединяясь к двум «хайндам», кружившим в воздухе, и затем, не сделав ни единого выстрела, они полетели прочь и скрылись за грядой холмов.

Когда постепенно утих вдали рокот двигателей, Эллис услышал другой звук и через мгновение понял, что это голоса ликующих мужчин. Мы победили, подумал он, черт возьми, мы победили! И он тоже закричал от радости.

Глава 13

– Куда же подевались все партизаны? – спросила Джейн.

– Рассеялись, – ответил Эллис. – Это обычная тактика Масуда. Обычно он растворяется в горах раньше, чем русские успевают перевести дух. Они могут вернуться назад, взяв подкрепление, может быть, они уже в Дарге, но им уже не с кем будет воевать. Партизаны ушли – все, кроме нескольких, которые здесь.

В лазарете Джейн было семеро раненых. Никто из них не должен был умереть. Другие двенадцать, после того, как полученные ими нетяжелые раны были обработаны, ушли своей дорогой. В бою погибли только двое, но, по несчастному стечению обстоятельств, одним из них был Юсиф. Захара опять наденет траур – и снова по вине Жан-Пьера.

Джейн была подавлена, несмотря на эйфорию, которая охватила Эллиса. Жан-Пьер ушел и не вернулся и нет смысла горевать. Надо мыслить оптимистически, проявлять интерес к жизни других людей.

– А что твое совещание? – спросила она Эллиса. – Ведь если все партизаны ушли...

– Они все согласны, – ответил Эллис. – Они были в таком восторге от удачной засады, что согласились бы на что угодно. В некотором смысле засада подтвердила то, в чем кое-кто из них сомневался: Масуд – блестящий руководитель, и,

объединившись под его началом, можно добиться великих побед. Кроме того, я имел возможность доказать свои мужские качества, что пришлось весьма кстати.

– Значит, ты добился успеха?

– Да. У меня есть договор, подписанный всеми лидерами восставших и заверенный муллой.

– Тебе есть чем гордиться, – она быстро пожала его руку и отдернула свою. Как хорошо, что он здесь, и она больше не одинока! Она почувствовала себя виноватой за то, что так долго злилась на него. Но она боялась нечаянно внушить ему, будто до сих пор к нему равнодушна, как и прежде, чтобы не создавать неловкости.

Отвернувшись от него, она оглядела пещеру: коробки с бинтами и шприцами на своих местах, медикаменты – у нее в сумке. Раненые партизаны были удобно уложены на коврах и одеялах. Они останутся в пещере на всю ночь, сейчас слишком трудно переправить их к подножию горы. У них есть вода и немного хлеба, а двое-трое имели достаточно сил, чтобы встать и приготовить чай. Муса, одорукий сын Мухаммеда, сидел на корточках у входа в пещеру, занятый какой-то таинственной игрой с ножом, подаренным ему отцом. Он будет с ранеными, и если, что маловероятно, кому-то из них ночью понадобится медицинская помощь, он сбежит с горы и приведет Джейн.

Все было в порядке. Пожелав доброй ночи и потрепав Мусу по голове, она вышла, Эллис за нею. В вечернем ветер-

ке Джейн почувствовала легкую прохладу – первый признак, что лето близится к концу. Она посмотрела на далекие вершины Гиндукуша, откуда должна была прийти зима. Заснеженные пики розовели в лучах заходящего солнца. Какая красота вокруг, а об этом так легко позабыть, особенно в дни, когда так много забот. «Хорошо, что удалось повидать эту страну, – подумала она. – Хотя я и не могу дождаться, когда, наконец, попаду домой».

Она пошла вниз по склону рядом с Эллисом. В закатных лучах его лицо, бронзового оттенка, казалось вытесанным как бы из грубой каменной породы. Она вдруг подумала, что прошлой ночью ему, должно быть, почти не удалось поспать, и сказала:

– У тебя усталый вид.

– Я уже давно не был на настоящей войне, – ответил он. – Мирное время размягчает человека.

Он говорил об этом, как о чем-то обыденном, но, по крайней мере, ему не доставляли удовольствия все эти убийства, в отличие от афганцев. Он просто сообщил как факт о том, что им взорван мост в Дарге. Но позднее один из раненых партизан рассказал обо всем подробно, объяснив, что время взрыва было рассчитано так, чтобы изменить ход боя, и художественно описал начавшуюся резню.

Внизу, в селении Бэнда, настроение было праздничное. Мужчины и женщины, вместо того, чтобы разойтись по дворикам, стояли группами и оживленно разговаривали. Дети

играли в шумные военные игры, устраивая засады на воображаемых русских в подражание старшим братьям. Откуда-то доносилось пение мужского голоса под аккомпанемент барабана. Мысль о том, чтобы провести вечер в одиночестве, внезапно показалась Джейн невыносимой, и, подчиняясь этому порыву, она сказала Эллису:

– Пойдем вместе выпьем чаю – если ты не против того, чтобы я при тебе кормила Шанталь.

– Я не против, – ответил он.

Входя в дом, они услышали плач ребенка, и, как обычно, организм Джейн непроизвольно отреагировал на этот крик, из одной груди вдруг потекло молоко. Поспешно сказав:

– Садись, Фара принесет тебе чаю, – она бросилась в другую комнату, чтобы Эллис не успел заметить мокрое пятно на блузке.

Быстро расстегнув пуговицы, она взяла ребенка на руки. После обычных судорожных стараний, пока Шанталь искала сосок, она начала сосать, вначале ухватившись так, что стало больно, затем помягче. Джейн смущала необходимость вернуться к Эллису. «Не будь дурочкой, – сказала она себе, – ведь ты его спросила, и он сказал, что не против, да и когда-то ты проводила почти каждую ночь в его постели.» Все равно она, входя, почувствовала на своем лице легкую краску.

Эллис рассматривал карты Жан-Пьера.

– Вот это самое мудрое, – заметил он. – Ему были извест-

ны все пути, потому что Мохаммед всегда пользовался его картами. – Подняв глаза и увидев выражение ее лица, он поспешно добавил: – Но не будем об этом. Что ты теперь собираешься делать?

Она уселась на подушку, прислонясь спиной к стене, – ее любимая поза во время кормления. Эллиса, казалось, ничуть не смущал вид ее обнаженной груди, и она немного успокоилась.

– Приходится ждать, – сказала она. – Как только откроют дорогу в Пакистан и пойдут конвои, я отправлюсь домой. А ты?

– И я тоже. Моя работа здесь закончена. Разумеется, надо будет следить за соблюдением условий договора, но у ЦРУ есть люди в Пакистане, которые этим займутся.

Фара внесла чайные приборы. Джейн задала себе вопрос, а какое будет следующее задание Эллиса – заговор с целью военного переворота в Никарагуа, шантаж советского дипломата в Вашингтоне или убийство какого-нибудь африканского коммуниста? Когда они были любовниками, Джейн спрашивала Эллиса о Вьетнаме, и он рассказал о том, как все ожидали, что он найдет повод избежать мобилизации в армию, но он всегда поступал противоположно тому, чего от него ожидали. Она не была уверена, что верит этому, но даже если это было правдой, все же было непонятно, почему он занимался делом, связанным с насилием, даже после того, как демобилизовался.

– Так чем же ты будешь заниматься, когда попадешь домой? – спросила она. – Опять станешь изобретать подходящий способ убрать Кастро?

– ЦРУ не занимается убийствами, – ответил он.

– Но ведь такое случается.

– Это экстремистские элементы в нашей работе, из-за которых мы имеем дурную славу. К несчастью, президенты не могут устоять против соблазна вести игры с использованием тайных агентов, а это возбуждает клику сумасшедших.

– Почему ты не оставишь их, чтобы вернуться в общество обычных людей?

– Слушай, в Америке полно людей, верящих, что и другие страны, подобно их собственной, тоже имеют право на свободу. Но именно они-то отворачиваются от этих проблем и живут обычной жизнью. Поэтому ЦРУ приходится брать на работу в основном разных психопатов и слишком мало порядочных, душевных граждан. А потом, когда ЦРУ по капризу президента свергает правительство иностранного государства, общественность начинает недоумевать, как такое вообще могло произойти. Ответ ясен – они сами допустили это. В моей стране демократия, а если что-нибудь не так, надо винить только самого себя. А если что-то требуется исправить, надо самому заняться этим, потому что это – личная ответственность каждого.

Джейн это не убедило.

– Неужели ты хочешь сказать, что для того, чтобы, напри-

мер, реформировать КГБ, необходимо с ними работать?

– Нет, потому что КГБ в высшей инстанции не подчиняется народу. Это относится только к ЦРУ.

– Контролировать не так-то легко, – сказала Джейн. – ЦРУ обманывает народ. Их нельзя проконтролировать, если нет никакой возможности узнать, чем они на самом деле занимаются.

– Но ведь, в конце концов, это наше ЦРУ, и наша ответственность за его действия лежит на нас, гражданах.

– Можно стремиться к упразднению его, вместо того, чтобы работать в нем.

– Но нам необходимо иметь центральное разведывательное управление или что-то в этом роде. Мы живем во враждебном мире, и надо получать информацию о своих врагах.

Джейн вздохнула.

– Но посмотри, к чему это приводит. Ты собираешься отправлять Масуду больше оружия, крупнее калибром, чтобы он мог побыстрее убить еще больше людей. И это то, чего вы, парни из ЦРУ, всегда добиваетесь.

– Но дело ведь не в том, чтобы он смог побыстрее убить еще больше людей, – возразил Эллис. – Афганцы борются за свободу – воюют против кучки убийц.

– Все они воюют за свободу, – перебила Джейн. – ПЛО, кубинские беженцы, «уитермэны», ИРА, белые южноафриканцы, Армия свободного Уэльса.

– Кто-то из них борется за правое дело, а кто-то – нет.

– А ЦРУ умеет различать?

– Оно должно уметь.

– Но оно этого не делает. За чью свободу воюет Масуд?

– За свободу для всех афганцев.

– Ерунда! – яростно воскликнула Джейн. – Он – исламский фундаменталист, и если когда-нибудь придет к власти, то первым делом отнимет права у женщин. Он никогда не даст им участвовать в выборах, он хочет отнять даже те незначительные права, которые они сейчас имеют. А как, по-твоему, он поступит со своими противниками, раз его политический идеал – Аятолла Хомейни? Разве научные работники и учителя получают академические свободы? А гомосексуалисты, мужчины и женщины, разве получают сексуальную свободу? Что станет с индуистами, буддистами, атеистами, «Плимутскими братьями»?

Эллис спросил:

– Ты что, серьезно полагаешь, что режим Масуда будет хуже режима русских?

Джейн на секунду задумалась.

– Не знаю. Единственное, что несомненно – режим Масуда будет афганской тиранией, а не русской. А ради того, чтобы заменить иностранного диктатора местным, не стоит убивать людей.

– Афганцы, видимо, уверены, что стоит.

– Большинству из них никогда не задавали этот вопрос.

– Думаю, это очевидно. Впрочем, я все равно не занима-

уюсь такими делами. Обычно я работаю, как детектив.

Это было то, что не давало покоя Джейн уже больше года.

– В чем же, собственно, состояла твоя миссия в Париже?

– Когда я следил за нашими общими друзьями? – он тонко улыбнулся. – Разве Жан-Пьер тебе не говорил?

– Он сказал, что не знает.

– Возможно, он и не знал. Я охотился за террористами.

– Среди наших друзей?

– Именно там они обычно и обнаруживаются – в среде диссидентов, разных отщепенцев и преступников.

– А Рами Коскун был террористом? – Жан-Пьер говорил ей, что Рами арестовали из-за Эллиса.

– Да, он был виновен в террористическом акте, когда в представительстве турецких авиалиний на авеню Феликс-Фор была брошена зажигательная бомба.

– Рами? Откуда ты это знаешь?

– Да он сам мне об этом сообщил. А когда я организовал его арест, он как раз готовил новый террористический акт.

– Он что, сообщил тебе и об этом?

– Он попросил помочь ему с бомбой.

– Боже мой.

Красавец Рами, с пламенным взглядом и страстной ненавистью к продажному правительству своей страны.

Эллис продолжал:

– Помнишь Пепе Гоцци?

Джейн нахмурилась.

– Ты имеешь в виду того смешного коротышку-корсиканца с «роллс-ройсом»?

– Да. Он снабжал оружием и взрывчаткой практически всех отпетых негодяев в Париже. Он был готов торговать со всеми, кто соглашался на его цены, но специализировался на «политических» клиентах.

Джейн была ошеломлена. Она и в самом деле подозревала, что Пепе замешан в чем-то преступном – ведь он был богач и корсиканец, но она-то думала, что это, в худшем случае, тривиальная контрабанда или торговля наркотиками. Подумать только, он продавал оружие убийцам! Джейн стало казаться, что прежде она жила, как во сне, а реальный мир вокруг был полон интриг и насилия. Неужели я настолько наивна? – спросила она себя.

Эллис безжалостно продолжал:

– Я также выследил одного русского, который финансировал много разных убийств и похищений. Потом Пепе на допросе выдал половину всех европейских террористов.

– Так вот чем ты занимался все это время, пока мы были любовниками, – задумчиво произнесла Джейн.

Она вспомнила вечеринки, рок-концерты, политические споры в кафе, бесчисленные бутылки красного вина, выпиваемые в студиях-мансардах. После их разрыва у нее были смутные предположения о том, что он составлял небольшие досье на радикалов, отмечая тех, кто обладал влиянием, был экстремистом, имел деньги, кто был наиболее попу-

лярен среди студентов, кто имел связи в коммунистической партии, и тому подобное. И теперь было трудно смириться с мыслью, что он следил за настоящими преступниками и действительно обнаружил кое-кого из них среди их общих друзей.

– Я не могу этому поверить, – произнесла она потрясенно.

– Это была большая победа, если уж хочешь знать правду.

– Тебе, наверное, не следует все это говорить.

– Верно, не следует. Но, когда в прошлом я тебе врал, то всегда, мягко говоря, сожалел об этом.

Джейн, вновь ощутив неловкость, не знала, что сказать. Она переместила Шанталь к левой груди, затем, поймав взгляд Эллиса, спрятала правую грудь под блузкой. Разговор приобретал нежелательно личный оборот, но ее снедало любопытство побольше узнать. Теперь она понимала ход логических суждений, которые он выстраивал в свое оправдание, хотя и не соглашаясь с его доводами, но все еще не могла понять, что же им двигало. Если не узнать этого сейчас, подумала она, другого случая, наверное, не представится, и сказала:

– Не понимаю, что может заставить человека заниматься этим всю жизнь.

Он отвел взгляд.

– У меня это дело хорошо получается, и оно стоит риска, а платят просто по-королевски.

– И еще, наверное, тебя привлекли условия пенсионно-

го обеспечения и нравится меню в служебной столовой. Это неважно, тебе не надо мне все это объяснять, если не хочешь.

Он бросил на нее испытующий взгляд, будто стараясь прочитать ее мысли.

– Нет, я действительно хочу говорить с тобой об этом, – сказал он. – Но ты уверена, что хочешь меня выслушать?

– Да. Пожалуйста.

– Речь идет о войне, – начал он, и вдруг Джейн поняла, что Эллис собирается сказать ей нечто такое, чего прежде никому не говорил. – Может, самое ужасное в жизни летчика во Вьетнаме было то, что очень трудно было различать вьетконговцев и обычных мирных жителей. Каждый раз, обеспечивая поддержку с воздуха наземным войскам, минируя тропу в джунглях, объявляя зону свободного огня, мы знали, что убьем куда больше женщин, детей и стариков, чем партизан. Обычно говорили, что эти люди укрывают врагов, но кто мог это точно знать? И кому было до этого дело? Мы убивали их. Тогда террористами были именно мы. И речь идет не о единичных случаях, хотя мне и приходилось наблюдать особенные проявления жестокости, я говорю об обычной, повседневной тактике. И, видишь ли, никакого оправдания этому не было, вот это самое главное. Мы совершали все эти ужасы во имя того, что впоследствии оказалось сплошной ложью, коррупцией и самообманом. Мы боролись не за правое дело.

На его лице застыло выражение боли, будто его мучила какая-то незаживающая внутренняя рана. В напряженном све-

те лампы его лицо выглядело синевато-бледным.

– Этому нет оправдания, понимаешь ли, нет прощения.

Джейн осторожно стала побуждать его рассказывать дальше.

– Так все-таки, почему же ты остался? – спросила она. –

Почему ты остался добровольно на сверхсрочную?

– Потому что тогда я все это понимал не до конца, потому что я сражался за свою страну, и с войны просто так не уйдешь, потому что я был офицером и на хорошем счету, а если бы я уехал домой, на мое место могли назначить какого-нибудь идиота, который послал бы на смерть моих ребят. Разумеется, ни одна из этих причин не является достаточно веской, и наступил момент, когда я спросил себя: «Что же ты собираешься делать дальше?» Я хотел. Тогда я этого не признавал до конца, но мне хотелось сделать нечто во искупление грехов. В шестидесятые годы мы назвали бы это папашничеством от вины.

– Да, но...

Он выглядел сейчас таким неуверенным в себе, уязвимым, что ей было трудно задавать прямые вопросы. Но ему надо было выговориться, а ей хотелось выслушать все, поэтому она продолжала:

– Но почему ты выбрал именно это?

– Ближе к концу срока службы я перешел в разведку, и они предложили мне продолжать ту же работу и на гражданке. Мне сказали, что я смогу работать как тайный агент, по-

тому что знаю эту среду. Понимаешь, им были известны мои прошлые связи с радикальными кругами. Мне казалось, что выслеживая террористов, я смогу искупить кое-что из прошлого. Поэтому я и стал экспертом по борьбе с террористами. Это звучит упрощенно на словах, но, понимаешь, я был удачлив. ЦРУ меня не очень-то жалует, бывает, я отказываюсь от заданий, например, как было, когда они собирались убить президента Чили. Но ведь агенту не положено выбирать задания. Впрочем, благодаря мне кое-какие негодяи попали в тюрьму, и мне есть чем гордиться.

Шанталь заснула. Джейн, уложив ее в ящик, служивший колыбелью, сказала Эллису:

– Наверно, надо признаться тебе, что я... что я судила о тебе неверно.

Он улыбнулся:

– Ну и слава Богу.

На какое-то мгновение ее охватила тоска при мысли о прошлом – неужели это было всего полтора год назад? Тогда они с Эллисом были счастливы, и ничего этого еще не было – ни ЦРУ, ни Жан-Пьера, ни Афганистана.

– Но ведь этого нельзя стереть из памяти, правда? – спросила она. – Всего, что было – твоей лжи, моего озлобления.

– Нет.

Он, сидя на табуретке, испытующе посмотрел на нее, стоящую перед ним. Подняв руки, он, поколебавшись, положил обе ладони ей на бедра жестом, который мог означать и брат-

ское сочувствие, и нечто большее. Вдруг Шанталь забормотала: «Мамамамамамм...» Джейн обернулась к ней, и Эллис опустил руки. Шанталь лежала, широко раскрыв глаза и суча ручками и ножками. Джейн взяла ее на руки, и она немедленно начала произносить какие-то звуки.

Джейн обернулась к Эллису. Он, сложив руки на груди, улыбаясь, наблюдал за ней. Внезапно она поняла, как ей не хочется, чтобы он уходил. Подчиняясь внезапному порыву, она сказала:

– Почему бы тебе не поужинать со мной? Правда, есть только хлеб и творог.

– Хорошо.

Она передала ему Шанталь.

– Я пойду предупрежу Фару.

Эллис взял ребенка, а она вышла во двор, где Фара подогревала воду для купания Шанталь. Джейн попробовала теплоту воды локтем – в самый раз.

– Пожалуйста, испеки хлеба для двоих, – сказала она на дари.

Фара удивленно раскрыла глаза, и Джейн поняла, что Фара шокирована тем, что одинокая женщина приглашает к себе на ужин мужчину. «Какого черта», подумала она. Подняв котелок с водой, она понесла его в дом.

Эллис сидел на большой подушке под масляной лампой, покачивая Шанталь на колене и выговаривая тихим голосом какой-то детский стишок. Его сильные, покрытые волоса-

ми руки держали крохотное розовое тельце, а ребенок смотрел на него снизу вверх, счастливо гулякая и суча толстыми ножками. Джейн остановилась в дверях, завороченная этим зрелищем, и невольно подумала – именно Эллис должен бы быть отцом Шанталь.

Неужели? – спросила она себя, глядя на них. – Неужели я и впрямь хочу этого? Эллис, закончив говорить стишок, поднял на нее глаза, улыбаясь слегка застенчиво, и она подумала: да, хочу.

В полночь они вместе взбирались на гору. Джейн показывала дорогу, а Эллис шел следом, зажав под мышкой свой большой спальный мешок. Они выкупали Шанталь, съели скудный ужин, состоявший из хлеба и творога, снова покормили Шанталь, и устроили ее ночевать на крыше, где она мгновенно уснула рядом с Фарой, которая готова была защищать ее ценой собственной жизни. Эллису хотелось увести Джейн прочь из дома, где она была чьей-то чужой женой, и Джейн разделяла это чувство, поэтому сама предложила:

– Я знаю, куда можно пойти.

Теперь, свернув с горной тропы, она повела Эллиса по покатоному каменистому склону в свое тайное убежище – расщелину, где до рождения Шанталь она загорала обнаженной и массировала живот. Джейн легко сыскала расщелину при свете луны. Она посмотрела вниз, где во дворах селения еще тлели угольки костров, на которых приготавливали пищу, а в незастекленных окнах кое-где мерцали лампы. Она с трудом

могла различить собственный дом. Через несколько часов, когда начнет светать, можно будет различить очертания спящих на крыше Шанталь и Фары. Скорее бы, ведь она впервые проводила ночь без Шанталь.

Она обернулась. Эллис уже расстегнул все молнии на спальном мешке и расстилал его на земле, как одеяло. Джейн охватили неловкость и смущение. Волна теплого желания, накатившая на нее в доме, когда она наблюдала за Эллисом, нянчившимся с ребенком, прошла. Тогда к ней на мгновение вернулись все старинные чувства, потребность коснуться его, то, как он улыбался, когда бывал смущен, желание ощутить прикосновение его больших рук, неотвязное желание увидеть его нагим. За несколько недель до рождения Шанталь у нее пропала всякая охота заниматься сексом, и желание вернулось лишь теперь. Но это настроение постепенно прошло в последующие часы, пока они неловко устранивали все для того, чтобы остаться наедине. Подумать только – будто они были подростками, старающимися ускользнуть из-под бдительного надзора родителей, чтобы тайком потискаться.

– Садись, – позвал Эллис.

Она уселась рядом с ним на расстеленном спальном мешке, и они оба стали смотреть вниз, на окутанное мраком селение, не касаясь друг друга. Наступило напряженное молчание.

– Я никого еще сюда не приводила, – произнесла Джейн,

просто чтобы что-то сказать.

– Что же ты здесь делала?

– Да просто грелась на солнышке, ни о чем не думая, – сказала она, а затем, подумав: «О, что за черт», – продолжала: – Нет, это не совсем верно, я занималась онанизмом.

Засмеявшись, он привлек ее к себе одной рукой.

– Я рад, что ты до сих пор не научилась выбирать выражения, – сказал он.

Джейн повернулась к нему, и он слегка поцеловал ее в губы. Она думала: «Я нравлюсь ему своими недостатками, бестактностью, вспыльчивостью, ругательствами, своеволием и упрямством».

– Тебе не хочется, чтобы я стала другой, – сказала она вслух.

– О Джейн, мне так тебя не хватало, – закрыв глаза, он заговорил вполголоса. – И большую часть времени я даже не сознавал этого.

Он лег на спину, увлекая ее за собой, так что она оказалась лежащей поверх него и, еле прикасаясь губами, поцеловала его лицо. Неловкость куда-то исчезла, и Джейн подумала: «В последний раз, когда мы целовались, у него не было бороды».

Она почувствовала движение его рук, он расстегивал ее блузку. Бюстгальтера на ней не было – здесь негде было достать такой большой размер, – и ее грудь казалась излишне обнаженной. Просунув руку ему под рубашку, она коснулась

волосков, окружавших сосок. Она успела почти забыть, каков мужчина на ощупь. Уже много месяцев в ее жизни были лишь тихие голоса и кроткие лица женщин и маленьких детей, а теперь ей внезапно захотелось ощутить прикосновение огрубевших рук, мускулистых бедер и небритых щек. Запустив пальцы в его бороду, она раздвинула языком его губы. Руки его отыскивали ее налитые груди, она замерла от удовольствия – и вдруг поняла, что сейчас случится, и не смогла бы воспрепятствовать этому, потому что, даже резко отпрянув, почувствовала, что из обоих сосков на его руки брызнуло теплое молоко. Краснея от стыда, она забормотала:

– О Господи, прости, это так противно, но я не могу ничего поделать.

Он заставил ее замолчать, прижав палец к губам.

– Все нормально, – сказал он, лаская ее груди, и они стали совсем мокрыми. – Это нормально. Так всегда бывает. Это очень возбуждает.

«Это не может сексуально возбуждать», – подумала Джейн, но он, приблизив лицо к ее груди, начал целовать, одновременно поглаживая, и постепенно она успокоилась и стала наслаждаться возникшими ощущениями. И вдруг ее будто пронзило острое удовольствие – когда молоко снова потекло, но на этот раз неловкости как не бывало. Эллис, слабо застонав, коснулся шершавой поверхностью языка ее нежных сосков, и Джейн подумала: «Если он начнет сосать, я кончу».

Казалось, он прочитал ее мысли, потому что сомкнул губы вокруг одного длинного соска, постепенно втянул его в рот и начал сосать, одновременно нежно и ритмично потирая второй сосок между большим и указательным пальцами. Джейн покорно отдалась во власть этих ощущений. Когда ее груди выбрасывали струйки молока, один сосок ему на руку, а другой в рот, возникало ощущение такого изысканного блаженства, что она непроизвольно содрогалась и постановляла: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», пока все не было кончено, и она обмякла, лежа поверх Эллиса.

Некоторое время она лежала совершенно без мыслей, полная лишь ощущений, теплого дыхания на своей мокрой груди, щекочущего прикосновения бороды, холодного ночного воздуха, овевающего разгоряченные щеки, внизу – нейлоновой материи спального мешка поверх каменистой почвы. Чуть погодя Эллис приглушенно сказал:

– Слушай, мне нечем дышать.

Она скатилась с него.

– Слушай, мы извращенцы?

– Да.

Она засмеялась:

– Тебе раньше случалось делать такое?

Поколебавшись, он ответил:

– Да.

– Как? – ее все еще одолевала легкая неловкость. – Какое оно на вкус?

– Теплое и сладкое. Как консервированное молоко. Ты кончила?

– Разве ты не заметил?

– Я не был уверен. Иногда у женщин это трудно определить.

Она поцеловала его.

– Я кончила. Немного, но безошибочно. Оргазм низшей степени.

– Я и сам чуть не кончил.

– Правда? – она провела рукой по его телу. На нем была тонкая хлопчатобумажная рубашка, похожая на пижаму, и такие же штаны – обычный костюм афганцев. Она ощущала его ребра и кости таза: он успел растерять тонкий подкожный жирок, который имеется у всех жителей Запада, кроме, разве что, истощенных. Ее рука наткнулась на член, стоящий вертикально, и она, прошептав:

– А-а-а, – обхватила его. – Хорошо, – сказала она.

– Хорошо и на другом конце.

Теперь она хотела дать ему не меньше удовольствия, чем получила сама. Усевшись вертикально, она развязала узел на бечеве, стягивающий штаны на поясе, и вынула член. Нежно поглаживая, она нагнулась и поцеловала кончик. Затем из внезапно охватившего ее озорства спросила:

– Сколько у тебя было женщин после меня?

– Продолжай, и я тебе скажу.

– Ладно, – она продолжала поглаживать и целовать, но Эл-

лис молчал. – Хорошо? – спросила она через минуту. – Так все-таки, сколько?

– Подожди, я еще не кончил считать.

– Негодяй! – воскликнула она, кусая член.

– Ой! Нет, по правде говоря, не так уж много. Клянусь!

– А что ты делаешь, если с тобой нет женщины?

– Угадай до трех раз.

Джейн не отставала:

– Как? Рукой?

– Ах, что вы говорите, мисс Джейн, я стесняюсь.

– Значит, рукой, – торжествующе заметила она. – А что тебе в это время представляется?

– Ты согласишься, что принцесса Диана?

– Нет.

– Ну вот, теперь мне самому стало неловко.

Джейн снедало любопытство.

– Надо говорить правду.

– Пам Юинг.

– А это кто такая?

– Да, ты и впрямь отстала от жизни. Это жена Бобби Юинга, из «Далласа».

Джейн, вспомнив это телешоу и актрису-героиню, очень удивилась.

– Ты шутишь?

– Ты хотела знать правду.

– Но она же из пластика.

– Мы же говорим о фантазиях.

– Разве твои фантазии не могут быть связаны с современной женщиной свободных взглядов?

– В фантазиях нет места политике.

– Даже не знаю, что сказать. – Она помолчала. – Так как же ты это делаешь?

– Что?

– Ну, вот это. Рукой.

– Да так же, как ты сейчас, только интенсивнее.

– Покажи.

– Нет, теперь мне не то что неловко, – проговорил он, – я просто сгораю от стыда.

– Нет, прошу тебя, покажи. Мне всегда хотелось посмотреть, как мужчина это делает сам. Раньше у меня никогда не хватало смелости задавать подобные вопросы, и если ты откажешься, я, может быть, так никогда и не узнаю. – Взяв его руку, она поместила ее туда, где раньше была ее рука.

Через секунду он медленно задвигал рукой. Сделав несколько пробных движений, он вздохнул, закрыл глаза и начал работать серьезно.

– Ты так грубо трешь! – воскликнула она.

Эллис остановился.

– Я не могу, если ты не присоединишься.

– Заметано, – с готовностью согласилась она и, поспешно стянув с себя брюки и трусики, опустилась рядом с ним на колени и начала себя поглаживать.

– Иди поближе, – сказал он чуть хрипловато – Я тебя не вижу.

Он лежал навзничь, и она стала подбираться поближе, пока, выпрямив корпус и стоя на коленях, не оказалась возле его головы. Лунный свет серебрил ее соски и волосы на лобке. Эллис снова начал массировать член, на этот раз быстрее, как замороженный глядя на руку, которой она себя ласкала.

– О, Джейн, – пробормотал он.

Она начала ощущать знакомые стрелки наслаждения, которые расходились от кончиков ее пальцев, и увидела, что Эллис начал двигать тазом вверх-вниз, подчиняясь ритму движений собственной руки.

– Я хочу, чтобы ты кончил, – проговорила она, – хочу увидеть, как из тебя выстрелит. – Где-то в глубине души ее шокировали собственные действия, но все это быстро захлестнула волна радостного желания.

Эллис застонал, и она взглянула на его лицо. Полузакрыв рот, он тяжело дышал, не сводя глаз с ее руки. Она гладила половые губы средним пальцем.

– Засунь палец внутрь, – выдохнул он. – Хочу видеть, как он заходит внутрь.

Этого она сама с собой обычно не делала. Просунув вначале кончик пальца в мягкую влажную глубину, она помедлила и засунула уже весь палец. У него перехватило дыхание, и Джейн при виде его возбуждения сама завелась. Джейн перевела взгляд на член, и его таз задергался чаще, следуя движе-

ниям руки. Она задвигала пальцем быстрее, с нарастающим удовольствием. Вдруг он прогнулся кверху, и из него выстрелила струя белого семени. У Джейн непроизвольно вырвалось: «О Господи!» Затем, не сводя глаз с маленького отверстия в кончике полового органа, она увидела, как выскочила новая струйка, блестя в лунном свете, потом еще и еще, разбрызгиваясь высоко и падая каплями на его грудь, ее руку и волосы. А потом, когда его тело обрушилось вниз, она почувствовала, как и ее начали сотрясать спазмы, идущие от быстрых пальцев, пока она, наконец, не достигла изнеможения.

Она откинулась, вытянувшись рядом с Эллисом на спальном мешке и опустив голову на его бедро. Его член оставался твердым. Джейн слабым движением потянулась к нему и поцеловала, почувствовав соленый вкус семени на кончике. Эллис в ответ потерся лицом о внутреннюю сторону ее бедра.

Некоторое время они лежали совсем тихо, слышно было лишь их дыхание и шум реки в долине. Джейн посмотрела на небо, ярко горели звезды, ни одного облачка. Ночной воздух становился все холоднее. Скоро придется устроиться внутри спального мешка, подумала она. Ей захотелось заснуть рядом с Эллисом.

– Ну что, мы извращенцы? – спросил он.

– О да, – ответила она.

Обмякший член упал на его живот. Джейн кончиками

пальцев дразняще погладила золотисто-рыжие волосы в паху. Она уже почти забыла, как это бывает – любовь с Эллисом. Он так отличался от Жан-Пьера. Жан-Пьер любил долгие приготовления, ароматические масла для ванны, духи, зажженные свечи, вино, скрипки. Он был привередлив, хотел, чтобы она прежде помылась, а после всегда сам спешил в ванную. Он никогда не касался ее во время месячных, и тем более не стал бы сосать грудь и глотать молоко, как сделал Эллис. Эллис готов делать что угодно, подумала она, и чем негигиеничнее, тем лучше. Усмехнувшись в темноте, она вдруг подумала, что никогда не бывала до конца убеждена в том, что Жан-Пьеру, хотя у него получалось очень хорошо, действительно нравится оральный секс. А с Эллисом никаких сомнений не было.

Эта мысль вызвала у нее новый прилив желаний, и она приглашающе раздвинула бедра. Она ощутила, как он поцеловал ее, и губы прошлись по жестким волосам, затем его язык начал со сладостью проникать между складками губ. Через некоторое время Эллис перевернул ее на спину, опустился на колени между ее раздвинутыми бедрами и положил обе ее ноги себе на плечи. Она почувствовала себя абсолютно голой, ужасно открытой и уязвимой и в то же время очень желанной. Его язык стал описывать длинную, медленную кривую, начиная у основания позвоночника. «О Боже, – подумала она, – я помню, как он это делает», облизывая расщелину между ягодицами, замедляя движение, чтобы войти по-

глубже во влагалище, затем идя выше и дразня чувствительную кожицу в том месте, где губы смыкаются, а между ними выступает клитор. После семи-восьми долгих движений языка она задержала его голову над клитором, побуждая сосредоточить внимание именно здесь, и начала сама поднимать и спускать таз, сообщая ему легким нажатием кончиками пальцев на виски, как работать языком – посильнее или полегче, повыше или пониже, правее или левее. Она почувствовала его руку, проникающую во влажную глубину влагалища и догадалась, что он хочет теперь сделать. Через секунду он убрал руку и медленно ввел влажный палец в прямую кишку. Она вспомнила, как была шокирована, когда он сделал это впервые, и как быстро она привыкла и полюбила эту ласку. Жан-Пьер никогда не согласился бы на такое. Чувствуя, как напрягаются мышцы ее тела, приближая кульминацию ощущений, она вдруг подумала, что скучала по Эллису больше, чем сама осмеливалась себе в том признаться. Более того, она так долго сердилась на него именно потому, что продолжала все это время его любить, и любила до сих пор. И, признавшись себе в этом, она почувствовала, будто с души свалился тяжкий груз, и она начала спускать, содрогаясь, как дерево под напором штормового ветра, а Эллис, зная ее пристрастия, засунул язык еще глубже, пока она сама отчаянно терлась о его лицо.

Казалось, этому не будет конца. Каждый раз, когда ее ощущения притуплялись, он просовывал палец еще глубже в

прямую кишку, лизал клитор, покусывал губы, и все началось заново, пока, наконец, от полного изнеможения она не взмолилась:

– Хватит, у меня нет больше сил, я умру, – и, наконец, он оторвался от нее и опустил ее ноги на землю.

Он наклонился над ней, опираясь на руки, и поцеловал в губы. Борода его пахла влагилицем. Джейн лежала навзничь, не в силах открыть глаза, не в силах отвечать на его поцелуи. Она снова почувствовала его руку у себя между ног, он раздвинул складки, затем вошел член, и она подумала: «Как быстро он снова отвердел», и потом: «Ах, как давно это было, о господи, как хорошо».

Он задвигался, вначале медленно, затем быстрее. Открыв глаза, она увидела над собой его лицо и устремленный на себя взгляд. Затем, нагнув шею, он посмотрел туда, где соединялись их тела, и глаза его расширились, а рот приоткрылся, он наблюдал за тем, как то входит, то выходит он из ее тела. Это зрелище так воспламенило его, что ей самой захотелось туда посмотреть. Вдруг он замедлил движение, проникая глубже, и она вспомнила, что так он делал перед оргазмом. Он посмотрел ей в глаза:

– Поцелуй меня, пока я буду кончать, – и приблизил к ее лицу губы, пахнувшие ею. Она засунула кончик языка ему в рот. Она любила, когда он кончал. Его спина изогнулась, голова откинулась, он закричал, как дикий зверь, и она почувствовала внутри прилив влаги.

Когда все кончилось, он опустил голову ей на плечо и нежно провел губами по мягкой коже шеи, шепча какие-то слова, которые она не могла расслышать. Через пару минут он глубоко вздохнул от удовлетворения, поцеловал ее в губы, затем приподнялся, встал на колени и поцеловал по очереди ее груди. Наконец он поцеловал ее между ног. Ее тело мгновенно отреагировало, и она задвигала бедрами, прижимаясь к его губам. Зная, что она снова возбуждается, он начал лизать, и, как всегда, мысль о том, что он лижет место, откуда еще вытекает его семя, буквально свела ее с ума, и она немедленно кончила, со стоном произнося его имя, пока не прошли спазмы.

Он наконец свалился возле нее, и машинально они легли так, как всегда ложились после любви, он обнимал ее одной рукой, ее голова лежала на его плече, одну ногу она закинула поверх него. Он широко зевнул, и она засмеялась. Они еще сонно касались друг друга, она поигрывала с его мягким пенисом, он водил пальцем по ее мокрому влагалищу. Она полизала его грудь и ощутила соленый вкус испарины. Она посмотрела на его шею, лунный свет выделял морщины и борозды, выдавая возраст. Он на десять лет старше меня, подумала Джейн. Наверное, потому с ним так хорошо, что он старше меня.

– Почему с тобой так хорошо? – вслух спросила она.

Ответа не было, он уже спал. И она сказала:

– Я люблю тебя, милый. Спи сладко, – и сама закрыла гла-

После года, проведенного в глухой долине, Жан-Пьер был обескуражен и даже напуган Кабулом. Дома казались слишком высокими, машины – слишком быстрыми, и очень много народа. Ему приходилось затыкать уши каждый раз, когда мимо проезжали огромные грузовики из русского конвоя. Все поражало его новизной, многоэтажные жилые дома, девочки в школьной форме, фонари на улицах, лифты, скатерти и вкус вина. Прошли целые сутки, а у него все еще не проходило нервное возбуждение. До смешного – ведь он сам парижанин!

Ему дали комнату в общежитии бессемейных офицеров, обещав квартиру, как только приедет Джейн с Шанталь. А пока у него было ощущение, что он живет в дешевом отеле. Это здание, наверное, до прихода русских и было отелем. Если Джейн приедет сейчас, а ее можно было ожидать с минуты на минуту, им втроем придется как-то разместиться на остаток ночи здесь. Я не могу жаловаться, подумал Жан-Пьер, я не герой – пока.

Он встал у окна и стал смотреть на ночной Кабул. В течение двух часов во всем городе не было электричества – видимо из-за происков городских сторонников Масуда и его партизан – но несколько минут назад свет снова включили,

и над центром города, где было освещение улиц, возникло слабое сияние. За окном слышался лишь рев армейских машин, грузовиков и танков, идущих через город к каким-то таинственным пунктам назначения. Какое же было неотложное дело в полночном Кабуле? Жан-Пьер сам служил в армии и подумал, что если русская армия хоть в чем-то напоминает французскую, то, наверное, задание, выполняемое в ночи всей этой техникой, идущей на повышенной скорости, состоит в чем-нибудь вроде перемещения пяти сотен стульев из казарм в концертный зал на другом конце города – подготовка к концерту, который объявлен через две недели и, скорее всего, будет отменен.

Он не мог вдыхать ночной воздух, потому что окно было наглухо забито. Дверь не была заперта, но в конце коридора, у двери в туалет, на стуле с прямой спинкой сидел русский сержант с застывшим лицом, вооруженный пистолетом. Жан-Пьер чувствовал, что, если попробует выйти, сержант, скорее всего, остановит его.

Где Джейн? Рейд в Дарг должен был завершиться еще до наступления темноты. А для того, чтобы вертолет слетал из Дарга в Бэнду за Джейн и Шанталь, надо всего несколько минут. Вертолет долетит из Бэнды в Кабул менее чем за час. Но, возможно, силы нападающих возвращались в Баграм, на воздушную базу у выхода из долины, а в этом случае Джейн, вероятно, придется приехать из Баграма в Кабул по дороге, наверняка в сопровождении Анатолия.

Она будет так рада мужу, что, наверное, с готовностью простит обман, поймет его рассуждения относительно Масуда, и махнет рукой на прошлое, думал Жан-Пьер. На секунду он засомневался, не принимает ли желаемое за действительное. Нет, решил он, я хорошо ее знаю, и она не выйдет из повиновения.

И ей будет известно! Лишь несколько человек будут владеть тайной и понимать величие его свершений, и он радовался, что жена будет среди них.

Он надеялся, что Масуд взят в плен, а не убит. Если его захватили, русские могут устроить судебный процесс, чтобы все мятежники удостоверились, что с ним покончено. Смерть тоже означает удачу, при условии, если захватят тело. Если тела нет или оно превращено в неопознаваемый труп, то пропагандисты мятежников в Пешаваре выпустят сообщения, утверждающие, что Масуд все еще жив. Конечно, рано или поздно выяснится, что он мертв, но впечатление от этой новости будет ослаблено. Жан-Пьер надеялся, что они все же захватили тело.

Он услышал шаги в коридоре. Неужели это Анатолий, или Джейн, или они вдвоем? Шаги были скорее мужские. Открыв дверь, он увидел двух рослых русских солдат и третьего, пониже ростом, в офицерской форме. Несомненно, они пришли, чтобы отвести его туда, где дожидаются Джейн и Анатолий. Разочарованный, он вопросительно посмотрел на офицера, который сделал знак рукой. Солдаты бесцеремон-

но шагнули в дверь, и Жан-Пьер отступил на шаг, готовый протестовать. Но, прежде чем он успел вымолвить хоть слово, ближайший солдат сгреб его за ворот рубашки и огромным кулаком ударил в лицо.

Жан-Пьер издал вопль боли и ужаса. Второй солдат ударил тяжелым сапогом в пах. Боль была парализующей, и Жан-Пьер упал на колени, зная, что настала самая ужасная минута в его жизни. Двое солдат, подняв его, удерживали в стоячем положении, ухватив за руки, а тем временем в комнату вошел офицер. Сквозь дымку слез Жан-Пьер разглядел невысокого плотного молодого мужчину со странно деформированным лицом, половина лица у него была отечная, какого-то красноватого оттенка, как будто застыла в усмешке. Рукой, одетой в перчатку, он сжимал тяжелую дубинку.

В течение следующих пяти минут двое солдат крепко держали извивающееся, содрогающееся тело Жан-Пьера, а офицер ударял деревянной дубинкой раз за разом по лицу, плечам, коленям, лодыжкам, в живот и в пах – самое ужасное, в пах. Каждый удар наносился прицельно, жестоко, а между ударами делались паузы, чтобы боль от удара успела утихнуть настолько, чтобы Жан-Пьер на секунду ужаснулся в ожидании следующего удара. Каждый удар заставлял его орать от боли, а каждая пауза – орать от ужаса перед следующим ударом. Наконец настала более длительная пауза, и Жан-Пьер начал бормотать, не будучи уверен, что они понимают его:

– О, пожалуйста, не бейте, пожалуйста, больше не бейте, сэр, я сделаю все, что вы хотите, только, пожалуйста, не бейте, нет, не бейте.

– Довольно, – сказал чей-то голос по-французски.

Жан-Пьер открыл глаза и постарался разглядеть сквозь струйки крови, текущие по лицу, своего спасителя, сказавшего «довольно». Это был Анатолий.

Солдаты медленно отпустили Жан-Пьера, и он, обмякший, опустился на пол. Все его тело горело огнем, и каждое движение было мучительно. Казалось, все кости у него переломаны, половые органы отбиты, лицо распухло до гигантских размеров. Он открыл рот, и оттуда потекла кровь. Сглотнув, он произнес разбитыми губами:

– За что? Почему они так?

– Вы знаете, почему, – ответил Анатолий.

Жан-Пьер медленно покачал головой, чувствуя, что сходит с ума.

– Я рисковал для вас жизнью. Я все отдал. За что?

– Вы подстроили ловушку, – сказал Анатолий. – Из-за вас сегодня погиб восемьдесят один человек.

Наверное, рейд не удался, понял Жан-Пьер, и почему-то в этом обвиняют его.

– Нет, – сказал он, – это не я.

– Ожидалось, что когда мы попадем в ловушку, вы будете уже за много миль, – продолжал Анатолий, – но я застиг вас врасплох, заставил сесть в вертолет и прилететь со мной сю-

да. Поэтому вы здесь, чтобы принять наказание, а оно будет болезненным и очень, очень долгим.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Нет, – сказал Жан-Пьер. – Подождите!

Анатолий обернулся к нему.

Жан-Пьер старался говорить связно, невзирая на боль.

– Я приехал сюда. Я рисковал жизнью. Я дал вам информацию о колоннах. Вы напали на колонны. Нанесли куда больший урон, чем гибель восьмидесяти человек. Нелогично, просто нелогично.

Он собирался с силами, чтобы произнести хоть одно законченное предложение.

– Если бы я знал о ловушке, я предупредил бы вас вчера вечером и просил пощады.

– Тогда откуда же они знали, что мы собираемся атаковать селение? – требовательно спросил Анатолий.

– Они, наверное, догадались.

– Каким образом?

Жан-Пьер попытался собраться с мыслями.

– А бомбили Скабун?

– Думаю, нет.

Так вот оно что, понял Жан-Пьер, кто-то обнаружил, что Скабун не бомбили.

– Надо было разбомбить его, – произнес он.

Анатолий задумался.

– Кто-то там имеет хорошую связь.

Это Джейн, подумал Жан-Пьер, и на секунду он почувствовал к ней ненависть. Анатолий сказал:

– А у Эллиса Тейлера есть особые приметы?

Жан-Пьер готов был потерять сознание, но боялся, что его снова начнут бить.

– Да, – сказал он потеряно. – Большой шрам на спине в форме креста.

– Значит, это действительно он, – произнес Анатолий почти шепотом.

– Кто?

– Джон Майкл Райли, тридцати четырех лет, родился в Нью-Джерси, старший сын строителя. Не окончил курс в калифорнийском университете в Беркли, служил капитаном морской пехоты в США. Агент ЦРУ с 1972 года. Семейное положение: разведен один раз, имеет одного ребенка, место жительства семьи строго засекречено.

Он махнул рукой, как бы отмахиваясь от подобных мелких деталей.

– Нет никаких сомнений в том, кто именно сумел перехитрить меня сегодня в Дарге. Он блестящий профессионал, очень опасен. Если бы я мог выбирать, кого захватить из всех агентов западных империалистических держав, я выбрал бы именно его. За последние десять лет он по меньшей мере трижды наносил нам невосполнимый ущерб. В прошлом году в Париже он уничтожил сеть агентов, которая стоила семи или восьми лет кропотливой работы. За год до этого об-

наружил агента, которого мы внедрили в секретную службу еще в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году – человека, который когда-нибудь мог бы убрать президента. А теперь – теперь здесь.

Жан-Пьер, стоя на коленях на полу и держась за свое разбитое тело, свесил голову и в отчаянии закрыл глаза. Все это время он, выбиваясь из сил, отчаянно боролся против величайших мастеров этой безжалостной игры – малое дитя в логовище львов.

А у него были такие великие надежды! Работая в одиночку, он должен был нанести афганскому Сопротивлению удар, от которого оно никогда бы не оправилось. Он собирался изменить ход истории в данном регионе земного шара. И он отомстил бы самодовольным правителям Запада, он собирался обмануть и привести в смятение истеблишмент, который предал и убил его отца. Но вместо ожидаемого триумфа – поражение. Все было отнято у него в последний момент Эллисом.

Он будто откуда-то издали услышал голос Анатолия:
– Мы можем быть уверены, что он достиг того, чего хотел, с мятежниками. Подробности нам неизвестны, но главного достаточно: договор о союзе с главарями банд в обмен на американское оружие. Такой договор способен растянуть мятеж на долгие годы. Надо остановить все это, пока оно не началось.

Жан-Пьер открыл глаза и посмотрел на него.

– Как?

– Надо поймать этого человека прежде, чем он доберется до Соединенных Штатов. И тогда никто не узнает, что он достиг соглашения, мятежники никогда не получат оружия, и все провалится.

Жан-Пьер слушал с волнением, несмотря на боль. Неужели все еще есть шанс осуществить свою месть?

– Захват его сможет практически компенсировать потерю Масуда, – продолжал Анатолий, и сердце Жан-Пьера забилось с новой надеждой. – И дело не только в том, что нам удастся нейтрализовать одного из опаснейших агентов империализма. Подумайте только, здесь, в Афганистане, будет захвачен настоящий живой агент ЦРУ. Уже три года американская пропагандистская машина утверждает, что афганские бандиты – это борцы за свободу, которые ведут героическую неравную борьбу с военной мощью Советского Союза, как Давид против Голиафа. А теперь у нас будет доказательство того, что мы всегда говорили – что Масуд и ему подобные – всего лишь прислужники американского империализма. Мы можем отдать Эллиса под суд.

– Но западные газеты будут все отрицать, – возразил Жан-Пьер. – Капиталистическая пресса...

– Кому какое дело до западных газет? Мы хотим повлиять, в первую очередь, на неприсоединившиеся страны, на сомневающих в странах третьего мира и в особенности – на мусульманские народы.

Значит, все-таки возможно, понял Жан-Пьер, добиться победы, и это будет, к тому же, его личный триумф – ведь именно он дал знать русским о присутствии агента ЦРУ в долине Пяти Львов.

– Теперь, – сказал Анатолий, – где находится Эллис сегодня ночью?

– Он передвигается вместе с Масудом, – ответил Жан-Пьер.

Захватить Эллиса было куда легче на словах, чем на деле, самому Жан-Пьеру понадобился целый год, чтобы обнаружить Масуда.

– Я не вижу, зачем ему оставаться с Масудом, – заметил Анатолий. – У него есть какая-нибудь база?

– Да, формально он проживает в доме одного семейства в Бэнде. Но он редко там появляется.

– Тем не менее, с того места как раз и нужно начать поиски.

Да, конечно, подумал Жан-Пьер. Если Эллис не в Бэнде, кто-нибудь там, наверное, знает, куда он отправился. Кто-нибудь, например, Джейн. Если Анатолий поедет в Бэнду искать Эллиса, он может заодно отыскать и Джейн. Боль, которую чувствовал Жан-Пьер, казалось, стала утихать при мысли, что он сможет отомстить истеблишменту, захватить Эллиса, укравшего его победу, и вдобавок вернуть Джейн и Шанталь.

– А вы возьмете меня с собой в Бэнду? – спросил он.

Анатолий задумался.

– Думаю, да. Вы знаете это селение, вам знакомы местные жители, вы можете оказаться полезным.

Жан-Пьер с трудом поднялся на ноги, стиснув зубы, чтобы не застонать от боли в паху.

– Когда мы поедем?

– Прямо сейчас, – ответил Анатолий.

Глава 14

Эллис спешил, стараясь успеть на поезд, в панике, хотя и сознавал, что все это происходит во сне. Вначале ему никак не удавалось припарковать машину – он сидел за рулем «хонды» Джилл, – потом никак не мог отыскать окошечко билетной кассы. Решив, что сядет на поезд без билета, он начал проталкиваться через густую толпу, заполнявшую огромный вестибюль Центрального вокзала. И тут он вспомнил, что уже и прежде видел этот сон, причем несколько раз, и не так давно, в этих снах ему ни разу не удалось успеть на поезд. Такие сны всегда оставляли в его душе мучительное ощущение, будто все счастье в жизни обошло его стороной, и это уже навсегда, и теперь его охватил ужас от предчувствия, что то же самое должно случиться и теперь. Он стал еще яростнее расталкивать людей, и, наконец, добрался до выхода на перрон. Именно здесь он стоял в прошлый раз, наблюдая, как вдали исчезает хвост поезда, но сегодня поезд еще стоял у перрона. Он побежал вдоль платформы и вскочил в поезд как раз в тот момент, когда тот тронулся.

Охватившая его радость от того, что он успел на поезд, напоминала наркотическое опьянение. Он сел на свое место, и ему вовсе не казалось странным, что он одновременно лежит в спальном мешке вместе с Джейн. За окнами поезда, над долиной Пяти Львов, занимался рассвет.

Грань между сном и реальностью была зыбкой. Поезд постепенно растаял, и остался только спальный мешок, долина, Джейн и ощущение радости. Во время короткой ночи они застегнули молнии на мешке и теперь лежали вплотную друг к другу, почти не в состоянии пошевелиться. Эллис чувствовал ее теплое дыхание на своей шее и тяжесть ее увеличившейся груди на боку. Он чувствовал телом острые сгибы ее суставов – таза, колен, локтя, щиколотки, но это было приятно. Насколько он помнил, они всегда спали, тесно прижавшись друг к другу. Старинная кровать в ее парижской квартире была все равно слишком узка, чтобы лечь свободно. Его кровать была шире, но и на ней они спали, тесно переплетаясь телами. Джейн всегда утверждала, что ночью он к ней приставал, но сам он этого по утрам никогда не помнил.

Уже давно не бывало такого, чтобы он проспал рядом с женщиной целую ночь. Он пытался вспомнить, с кем же это было в последний раз, и вдруг понял, что это было с Джейн, те, кого он приводил к себе в Вашингтоне, никогда не оставались до завтрака.

Джейн была последней и единственной, с кем у него был не скованный никакими запретами секс. Перебрав в памяти все, что они делали вчера ночью, он почувствовал, что у него началась эрекция. Казалось, с ней он мог снова возбуждаться сколько угодно раз. Бывало, в Париже они проводили в постели весь день, вставая только для того, чтобы порыться в холодильнике или открыть бутылку вина, и он кончал пять

или шесть раз, а она вообще теряла счет своим оргазмам. Он никогда не воображал себя сексуальным чемпионом, и последующий опыт показал, что он прав в такой оценке, что он неутомим только с ней. Она высвобождала в нем то, что было сковано в присутствии других женщин боязнью, чувством вины или чем-то еще. Так на него никто никогда не действовал, хотя однажды он уже пережил нечто близкое к этому, с той вьетнамкой, с которой в 1970 году у него был короткий обреченный роман.

Очевидно, он никогда не переставал любить Джейн. В течение последнего года он выполнял обычную работу, встречался с женщинами, навещал Петал, ходил в супермаркет – и все это как актер, играющий роль, делая вид, что это и есть его истинная натура, но в глубине души понимая, что это не так. Он вечно тосковал бы о ней, если бы не приехал в Афганистан.

Как часто он бывал слеп в отношении самых важных обстоятельств своей жизни. Тогда, в 1968 году, он не понимал, что готов сражаться за свою страну, не понимал, что не хочет жениться на Джилл, во Вьетнаме не понимал, что является противником ведущейся там войны. Каждое из этих открытий было потрясением, которое переворачивало всю его жизнь. Самообман не всегда плох, думал он, как бы он иначе выжил, не обманывая себя, в той войне, и что бы делал, если бы не попал в Афганистан – продолжал бы убеждать себя в том, что Джейн ему не нужна?

«А сейчас – принадлежит ли она мне?» – подумал он. Она не сказала почти ничего – только «я люблю тебя, милый, спи сладко», – услышанное им как раз в тот момент, когда он засыпал. Это показалось ему самым приятным, что он когда-либо слышал.

– Чему ты улыбаешься?

Открыв глаза, он посмотрел на нее.

– Я думал, ты спишь, – ответил он.

– Я наблюдала за тобой. Ты выглядишь таким счастливым.

– Да. – Он глубоко вдохнул холодный утренний воздух и приподнялся на локте, озирая расстилающуюся внизу долину. Поля казались почти бесцветными в рассветных сумерках, а небо было жемчужно-серым. Он был готов сказать ей о причине своего счастья, но вдруг услышал слабый дребезжащий звук и напряженно прислушался.

– Ты что? – спросила она.

Он прижал палец к ее губам. Через мгновение она тоже услышала этот звук. Он быстро нарастал, и вскоре стало безошибочно ясно: это вертолеты. У Эллиса возникло предчувствие катастрофы.

– О, черт! – сказал он с чувством.

Вертолеты показались над их головами, появившись из-за гор, три горбатых «хайнда», наполненные оружием, как бы ощетинившиеся, и один большой транспортный «хип».

– Спрячь голову, – резко приказал Эллис. Спальный мешок был пыльно-коричневого цвета и ничем не выделялся на

фоне окружающей почвы; если они останутся в своем укрытии, их, скорее всего, не заметят с воздуха. Партизаны использовали ту же уловку, когда прятались от воздушных разведчиков, – накрываясь своими одеялами «патту» цвета грязи, с которыми в походе не расставались.

Джейн зарылась вглубь спального мешка. В верхнем конце мешка был большой чехол, куда можно было засунуть подушку, но сейчас он был пуст. Накинув чехол на голову, они могли полностью скрыться из виду. Эллис, тесно прижавшись к Джейн и наполовину закрыв ее собственным телом, накинул на них обоим край чехла. Теперь они практически сливались с землей.

Они лежали на животе, почти друг на друге, и смотрели вниз, на деревню. Вертолеты, судя по всему, снижались.

Джейн сказала:

– Слушай, но они ведь не собираются приземлиться здесь?

Эллис медленно проговорил:

– Думаю, именно это они и собираются сделать.

Джейн начала было подниматься со словами:

– Мне надо идти вниз.

– Нет! – Эллис схватил ее за плечи и придавил к земле массой собственного тела. – Подожди, подожди немного и посмотри, что будет.

– Но Шанталь...

– Не торопись!

Они перестали бороться, но он продолжал крепко ее держать. На крышах домов сонные люди садились, протирали глаза и растерянно смотрели на большие машины, поднимающие ветер своими лопастями, подобно гигантским птицам, хлопающим крыльями. Эллис отыскал взглядом дом Джейн. Он уловил Фару, которая стояла на крыше, завернувшись в простыню. Рядом с ней лежал детский матрасик, на котором спала Шанталь, укрытая простыней.

Вертолеты описали в воздухе осторожный круг. «Они собираются сесть, – подумал Эллис, – но очень нерешительны после засады в Дарге».

Жители деревни были в страшной тревоге. Кое-кто выбежал из домов на улицу, другие спешили укрыться в домах. Детей и скот загоняли в укрытия. Несколько человек попытались было убежать из деревни, но один из «хайднов», снизившись над тропинкой, ведущей из деревни, заставил их вернуться.

Все это убедило командира русских, что никакой засады здесь нет. Транспортный «хип» и один из трех «хайднов» неуклюже опустились и приземлились на поле. Через несколько секунд появились солдаты, выпрыгивая из объемистого чрева «хипа», как саранча.

– Это бесполезно, – воскликнула Джейн. – Я должна сейчас же бежать вниз!

– Послушай, – сказал Эллис. – Ей ничего не грозит: каковы бы ни были намерения русских, грудные дети их не инте-

ресуют. Но, может быть, им нужна именно ты.

– Я должна быть с ней.

– Прекрати панику, – закричал он. – Вот как раз с тобой она будет в реальной опасности. А если ты останешься здесь, ей ничего не будет грозить. Неужели ты не понимаешь? Бросься к ней сейчас – самое плохое, что можно придумать.

– Эллис, я не могу.

– Ты должна.

– О Господи! – она закрыла глаза. – Держи меня покрепче.

Он, ухватив ее за плечи, крепко их сжал.

Войска окружили маленькую деревню, и вне оцепления остался только один дом, дом муллы, в четырехстах-пятистах метрах в стороне у тропы, ведущей вверх по склону горы. Пока Эллис наблюдал за этим домом, оттуда суетливо выбежал человек. Он был достаточно близко, чтобы Эллис сумел разглядеть крашеную хной бороду Абдуллы. Трое детей разного возраста и женщина с младенцем на руках выскочили следом за ним и побежали вверх по горной тропинке.

Русские сразу же их увидели. Эллис и Джейн еще глубже зарылись в спальный мешок, когда вертолет, паривший в воздухе, сделал вираж в сторону деревни и завис над тропинкой. Раздался стрекот пулеметной очереди, и у ног Абдуллы, как будто прошитая ровным швом, поднялась пыль. Абдулла резко остановился, с почти комичным видом, еле удержавшись на ногах, затем повернулся и побежал назад,

отчаянно размахивая руками и, видимо, крича жене и детям, чтобы те шли назад. Когда они приблизились к своему дому, вторая предупредительная очередь не подпустила их к двери, и через секунду все они уже брели вниз по склону в сторону деревни.

Сквозь оглушающий рев лопастных двигателей были слышны отдельные выстрелы, но солдаты, видимо, стреляли в воздух, просто для устрашения. Входя в дома, они выгоняли жителей наружу. «Хайнд», вернувший муллу с семьей, теперь на бреющем полете кружил очень низко, видимо, отыскивая других беглецов.

– Что они собираются сделать? – спросила Джейн дрожащим голосом.

– Точно не могу сказать. Это что, карательная операция?

– Боже сохрани!

– Тогда что?

Эллису хотелось сказать: «Откуда я, черт возьми, могу знать?» – но вслух он произнес только:

– Может, это еще одна попытка захватить Масуда.

– Но он никогда не остается там, где было сражение.

– Может, они надеются, что он потерял былую осторожность или просто обленился, или что он ранен, – на самом деле Эллис, пока не понимая, что произойдет, боялся бойни в духе Май-Лая.

Жителей сгоняли во двор мечети, и солдаты, судя по всему, хотя обходились без всяких церемоний, жестоки не бы-

ли.

Вдруг Джейн воскликнула:

– Фара!

– Что ты?

– Что она делает?

Эллис отыскал взглядом крышу дома Джейн. Фара опустилась на колени перед маленьким матрасиком Шанталь, и Эллис разглядел крошечную розовую головку, выглядывавшую из-под простыни. Шанталь, видимо, еще не просыпалась. Фара должна была дать ей ночью бутылочку с молоком, но, хотя Шанталь наверняка еще не успела проголодаться, ее мог разбудить гул вертолетов. Эллис надеялся, что ребенок так и будет спать.

Он увидел, как Фара укладывает подушку у лица Шанталь, натягивает сверху простыню.

– Она прячет ее, – сказала Джейн. – Подушка приподнимет край простыни, и туда будет попадать свежий воздух.

– Она умная девочка.

– Жаль, что я не там.

Фара небрежно смяла простыню и накинула поверх тельца Шанталь еще одну простыню. Она помедлила секунду, проверяя, как все это выглядит издали. Ребенка видно не было, казалось, это просто пустая постель, с которой поднялись в спешке. Фара, видимо, была вполне удовлетворена полученным эффектом, потому что подошла к краю крыши и спустилась во двор.

– Она оставила ее одну, – сказала Джейн.

– Шанталь в безопасности, насколько это возможно при данных обстоятельствах.

– Я знаю, знаю!

Фару втокнули в мечеть вместе с остальными. Она была одной из последних, кто вошел туда.

– Все грудные дети вместе со своими матерями, – сказала Джейн. – Думаю, Фаре следовало взять Шанталь с собой.

– Нет, – возразил Эллис. – Подожди, сама увидишь.

Он не знал, что случится, но, если начнется расправа, Шанталь будет в большей безопасности там, где ее оставили.

Когда, судя по всему, все жители оказались в стенах мечети, солдаты начали заново обыскивать деревню, забегая в дома, стреляя в воздух. Да, у них-то нет недостатка в боеприпасах, подумал Эллис. Вертолет, который оставался в воздухе, теперь спустился очень низко и облетал окрестность деревни все более широкими кругами, будто что-то ища.

Один солдат зашел во двор дома, где жила Джейн.

Эллис почувствовал, как ее тело напряглось.

– Все будет хорошо, – прошептал он ей в ухо.

Солдат вошел внутрь. Эллис и Джейн, не отрываясь, смотрели на дверь. Через некоторое время солдат вышел и быстро взбежал по наружной лестнице.

– О Господи, спаси ее, – прошептала Джейн.

Он постоял на крыше, взглянул на смятую постель, оглядел соседние крыши и снова посмотрел на крышу Джейн.

Матрас Фары был у самых его ног, Шанталь лежала как раз за матрасом. Он ткнул матрас сапогом. Вдруг солдат резко повернулся и сбежал по лестнице по двор.

Эллис перевел дух и посмотрел на Джейн, лицо ее покрылось смертельной бледностью.

– Я же говорил, что все будет хорошо, – сказал он. Джейн начала дрожать.

Эллис посмотрел на мечеть, ему была видна только часть внутреннего двора. Он видел людей, сидевших на земле рядами, а еще было заметно какое-то движение. Он пытался догадаться, что же там происходит. Может, их допрашивают о местонахождении Масуда? Среди жителей деревни только трое могли это знать: трое партизан из Бэнды, которые вчера не растворились в горах вместе с Масудом, Шахазай-Гул, старик со шрамом, Алишан-Карим, брат муллы, и Шер-Кадор, пастух. Шахазайю и Алишану было за сорок, и они могли легко притвориться старыми дурачками, Шер-Кадор был подросток четырнадцати лет. Все они могли утверждать вполне правдоподобно, что о Масуде им ничего не известно. Хорошо, что там нет Мохаммеда, русские бы не поверили в его невиновность с такой готовностью. Оружие партизаны успели спрятать в таких местах, где русские никогда бы не додумались искать – на крыше уборной, вырытой в глинистом обрыве реки.

– Ой, посмотри! – выдохнула Джейн. – Тот человек перед мечетью!

Эллис взгляделся, куда она указывала.

– Тот русский офицер в форменной фуражке?

– Да. То есть, я знаю его – я его видела раньше. Это он был в каменном домике вместе с Жан-Пьером. Это Анатолий.

– Тот, с кем он связан, – выдохнул Эллис.

Он стал усиленно вглядываться, стараясь разглядеть этого человека, но на таком большом расстоянии мог заметить лишь несколько восточный тип лица. Что он из себя представляет? Пошел в одиночку на территорию, занятую восставшими – значит, храбр. Сегодня он наверняка зол тем, что в Дарге завел русских в западню. Ему хочется нанести как можно скорее ответный удар, перехватить инициативу.

Размышления Эллиса были внезапно прерваны появлением у мечети другой фигуры – бородатого мужчины в открытой у ворота белой рубашке и темных брюках западного покроя.

– Боже всемогущий, – проговорил Эллис, – это же Жан-Пьер!

– Ох! – воскликнула Джейн.

– Так что же это, черт побери? – пробормотал Эллис.

– Я думала, что никогда больше его не увижу, – сказала Джейн.

Эллис взглянул на нее, на ее лице застыло странное выражение, и он сразу понял, что она почувствовала угрызения совести. Он снова сосредоточил внимание на том, что происходило в деревне. Жан-Пьер что-то говорил русскому офи-

церу, оживленно жестикулируя и указывая куда-то вверх, на склон горы.

– Он как-то странно держится, – заметила Джейн. – Кажется, он ушибся.

– Он что, показывает на нас? – спросил Эллис.

– Ему это место неизвестно, о нем вообще никто не знает.

Он может нас оттуда разглядеть?

– Нет.

– Но ведь мы его видим.

– Он стоит среди открытого пространства, а мы лежим плашмя и выглядываем из-под чехла, на фоне пятнистого склона горы. Он не может нас заметить, если только точно не знает, куда надо смотреть.

– Тогда, значит, он указывает в сторону пещер.

– Да.

– Он, наверное, предлагает русским поискать там.

– Да.

– Но это ужасно. Как он может... – ее голос замолк, и немного погодя она добавила: – Но, конечно, именно этим он и занимается с тех пор, как попал сюда – выдает афганцев русским.

Эллис заметил, что Анатолий говорит в радиотелефон. Через мгновение один из кружившихся в воздухе «хайндов» с ревом пронесся над укрытыми с головой Эллисом и Джейн и приземлился, слышимый, но вне поля их зрения, на вершине горы.

Жан-Пьер и Анатолий пошли прочь от мечети. Жан-Пьер заметно хромал.

– Да, ему больно идти, – сказал Эллис.

– Интересно, а что с ним случилось?

По мнению Эллиса, Жан-Пьер выглядел так, будто его недавно сильно избili, но вслух он этого не сказал. Он подумал о том, что сейчас происходит в душе Джейн. Вон там идет ее муж, бок о бок с офицером КГБ – судя по форме, полковником. А она лежит здесь, в импровизированной постели с другим мужчиной. Что она чувствует? Вину? Стыд? Сознание измены? Или уверена в своей правоте? Ненавидит она Жан-Пьера или просто разочарована в нем? Когда-то она была в него влюблена – сохранилось ли у нее к нему какое-то чувство? Он спросил вслух:

– Что ты сейчас чувствуешь по отношению к нему?

Она посмотрела на Эллиса долгим упорным взглядом, и на мгновение он подумал, что она рассердилась – но нет, она просто очень серьезно отнеслась к его вопросу. Наконец, она произнесла:

– Печаль. – И перевела взгляд обратно на деревню. Жан-Пьер и Анатолий направлялись к дому Джейн, где на крыше лежала спрятанная Шанталь. Джейн сказала: – Похоже, они ищут меня.

Лицо ее, пока она смотрела на двух мужчин там, внизу, стало напряженно-испуганным. Эллис не верил, чтобы русские могли проделать такой путь, имея так много людей и

техники, лишь ради Джейн, но вслух этого не произнес.

Жан-Пьер и Анатолий, пройдя через двор дома торговца, скрылись в доме.

– Только не плачь, моя маленькая, – прошептала Джейн.

Было бы настоящим чудом, если бы ребенок еще спал, подумал Эллис. Возможно, она уже не спит, возможно, она проснулась и заплакала, но ее голос потонул в гуле вертолетов. Возможно, солдат не расслышал ее, потому что как раз в это время над ним пролетал вертолет. Возможно, более чуткое отцовское ухо различит звуки, которые не привлекли внимания равнодушного постороннего человека. Возможно.

Двое мужчин вышли из дома.

Они остановились во дворе, явно о чем-то споря. Потом Жан-Пьер захромал через двор к деревянной лестнице, ведущей на крышу. Он с видимым усилием попытался залезть на первую ступеньку, но затем сошел обратно на землю. Они обменялись еще несколькими фразами, и русский сам полез по лестнице.

Эллис замер. Анатолий добрался до вершины лестницы и шагнул на крышу. Как и солдат прежде него, он посмотрел на смятые простыни, оглядел крыши соседних домов, затем снова сосредоточил внимание на той крыше, где стоял. Подобно солдату, он ткнул матрас Фары носком сапога. Затем опустился на колени рядом с Шанталь.

Осторожно он отвернул край простыни.

Джейн издала бессвязный крик, когда показалось розовое

личико Шанталь.

«Если им нужна Джейн, – подумал Эллис, – они заберут Шанталь, потому что знают – Джейн сама придет, чтобы быть вместе с ребенком».

Анатолий несколько секунд смотрел на маленький сверток.

– О Господи, я не могу, я не в силах этого вынести, – простонала Джейн.

Эллис крепко ее сжал и сказал:

– Подожди, посмотрим, что будет дальше.

Он напряг зрение, чтобы разглядеть выражение на личике ребенка, но расстояние было слишком велико.

Русский, видимо, о чем-то раздумывал. Внезапно он принял какое-то решение. Он снова укутал ребенка простыней, поднялся и пошел прочь.

Джейн заплакала.

С крыши Анатолий что-то сказал Жан-Пьеру, отрицательно качая головой, потом спустился во двор.

– Так-так, но зачем он это сделал? – проговорил Эллис, раздумывая вслух. То, что он покачал головой, означало, что он солгал Жан-Пьеру, говоря: «На крыше никого нет». Это означало, что Жан-Пьер хочет забрать ребенка, а Анатолий – нет. Это означало, что Жан-Пьер хочет найти Джейн, а русский не был в этом заинтересован.

Так в чем же он заинтересован?

Да ведь это очевидно! Он ищет Эллиса.

– Думаю, я чуть было не влип, – сказал Эллис, главным образом, самому себе. Жан-Пьер хотел забрать Джейн и Шанталь, а Анатолий искал именно Эллиса. Анатолий хотел отомстить за вчерашнее унижение, он хотел воспрепятствовать возвращению Эллиса на Запад с договором, подписанным руководителями партизанских отрядов, и он хотел предать Эллиса открытому суду, чтобы доказать миру, что за афганским восстанием стоит ЦРУ. Я должен был бы подумать обо всем этом еще вчера, горько упрекнул себя Эллис, но я был в упоении от успеха и думал лишь о Джейн. Кроме того, Анатолий не мог знать точно, что я здесь – я мог быть в Дарге, Астане, или прятаться в горах вместе с Масудом. Значит, это был как бы выстрел наугад. Но он почти попал в цель! У Анатолия хорошая интуиция. Это мощный противник, а поединок еще не закончен.

Джейн плакала. Эллис гладил ее по волосам и шептал утешительные слова, одновременно наблюдая, как Жан-Пьер и Анатолий возвращаются к вертолетам, которые все еще стояли среди поля, вращая лопастями.

«Хайнд», который приземлялся на вершине горы у входа в пещеру, снова взлетел и пронесся над головами Эллиса и Джейн. Эллис подумал о том, что они сделали с семью ранеными партизанами в лазарете – допросили или взяли с собой, или и то, и другое.

Все закончилось очень быстро. Солдаты вышли из мечети и погрузились в «хип» так же быстро, как прежде выска-

кивали из него. Жан-Пьер и Анатолий забрались в один из «хайндов». Неуклюжие машины оторвались от земли одна за другой, поднимаясь все выше и выше рывками, пока не оказались выше вершины горы, и, выстроившись прямой линией, полетели в южном направлении.

Эллис, зная, что творится сейчас в душе Джейн, сказал:

– Подожди еще немного, пока они все не улетят – не стоит под конец все портить.

Она, заливаясь слезами, кивнула.

Жители деревни начали постепенно выбираться из мечети, видимо, до смерти перепуганные. Вот взлетел последний вертолет и стал удаляться к югу. Джейн выкарабкалась из спального мешка, натянула брюки, торопливо влезла в рукава рубашки и побежала вниз по склону горы, скользя, спотыкаясь и на ходу застегиваясь. Эллис смотрел, как она бежит, чувствуя себя отвергнутым, зная, что это чувство иррациональное, но не будучи в состоянии от него избавиться. Пока не надо идти за ней, решил он про себя. Пусть она побудет одна с ребенком, которого чуть не потеряла.

Она скрылась за домиком муллы. Эллис перевел взгляд на деревню. Жизнь там начинала постепенно входить в спокойное русло. До него долетали отдельные взволнованные возгласы. Дети носились по улице, изображая вертолеты, или прицеливались из воображаемых автоматов, загоняя кур во дворы на допрос. Большинство взрослых с пришибленным видом медленно разбредались по домам.

Эллис вспомнил о семерых раненых партизанах и одно-руком мальчике, которые остались в лазарете, устроенном в пещере. Он решил проверить, что с ними. Одевшись, он ска-тал спальный мешок и зашагал по горной тропинке.

Он вспомнил, как Аллен Уиндермэн, одетый в серый ко-стюм с полосатым галстуком, спрашивал, деликатно пробуя салат в вашингтонском ресторане:

– Какова же вероятность того, что русские сумеют захва-тить нашего человека?

– Весьма незначительная, – ответил тогда Эллис. – Если они не могут поймать Масуда, как им обнаружить агента, по-сланного нелегально на встречу с Масудом?

Теперь он знал ответ лучше: «Смогут, благодаря Жан-Пьеру».

– Чертов Жан-Пьер! – выругался он вслух.

Он дошел до входа в пещеру. Оттуда не доносилось ни звука. Он надеялся, что русские не увезли Мусу вместе с ра-ненными партизанами – если так, Мохаммед будет безуте-шен.

Он вошел в пещеру. Солнце успело подняться высоко, и внутренность пещеры была хорошо освещена. Все люди оставались на своих местах, лежа тихо и неподвижно.

– У вас все в порядке? – спросил Эллис на дари.

Ответа не было. Никто не пошевелился.

– О Господи, – прошептал Эллис.

Он опустился на колени возле ближайшего партизана и

дотронулся до заросшего бородой лица. Человек лежал и луже крови. Его убили выстрелом в голову в упор.

Быстро переходя от одного к другому, Эллис осмотрел всех партизан. Все они были мертвы.

И мальчик Муса тоже.

Глава 15

Джейн, ничего не видя перед собой, неслась через деревню, в панике, толкая людей, налетая на стены, спотыкаясь, падая и снова вставая, всхлипывая, задыхаясь, что-то крича – все сразу. «С ней наверняка ничего не случилось», – твердила она себе, повторяя эти слова как заклинание; но в то же самое время рассудок говорил ей: «Почему Шанталь не просыпалась? Что сделал Анатолий? Цел ли мой ребенок?»

Она на негнущихся ногах вбежала в дом торговца, взбежала, прыгая через две ступеньки, на крышу. Упав на колени, она сдернула простыню, накрывавшую детский матрасик. Глаза Шанталь были закрыты. Джейн подумала: «Дышит ли она? Дышит ли?» Но вот глаза ребенка открылись, она взглянула на мать и – впервые в жизни – улыбнулась.

Джейн схватила ее и судорожно прижала к себе, чувствуя, что сердце ее вот-вот разорвется от волнения. Шанталь заплакала от того, что ее так резко сжали, и Джейн заплакала вместе с ней от радости и облегчения, что девочка осталась с ней, что она живая, тепленькая и кричащая, и еще потому, что на ее лице только что появилась первая в жизни улыбка.

Джейн постепенно успокоилась, и Шанталь, чувствуя перемену в настроении матери, тоже замолкла. Джейн начала ее покачивать, ритмично похлопывая по спинке и целуя мягкую безволосую макушку. Потом Джейн, наконец, вспомни-

ла, что в мире существуют и другие люди, и подумала – а что же случилось с жителями деревни в мечети, и все ли там хорошо. Она спустилась во двор и наткнулась на Фару. Джейн несколько секунд разглядывала девушку: молчаливая, застенчивая Фара, робкая, которую так легко сбить с толку; откуда у нее взялась смелость, присутствие духа, да и просто самообладание для того, чтобы спрятать Шанталь под смятой простыней, в то время, как русские приземлялись на своих вертолетах, стреляли чуть ли не в соседнем дворе?

– Ты спасла ее, – сказала Джейн.

Фара взглянула испуганно, как будто ее в чем-то обвинили.

Джейн переместила Шанталь на бедро и обняла Фару правой рукой, прижимая ее к себе.

– Ты спасла моего ребенка! – повторила она. – Спасибо тебе! Спасибо!

Фара просияла от удовольствия, затем расплакалась.

Джейн стала ее успокаивать, похлопывая по спине, как только что перед тем похлопывала Шанталь. Как только Фара затихла, Джейн спросила:

– Что случилось в мечети? Что они сделали? Кто-нибудь ранен?

– Да, – отрешенно ответила Фара.

Джейн улыбнулась: Фаре нельзя было задавать три вопроса подряд и ожидать связного ответа.

– Что случилось, когда вы все оказались в мечети?

– Они спрашивали, где американец.

– Кого спрашивали?

– Всех. Но никто не знал. Доктор спросил меня, где вы и ребенок, а я сказала, что не знаю. Потом они схватили троих мужчин: вначале моего дядю Шахазая, потом муллу, потом Алишан-Карима, брата муллы. Их снова стали спрашивать, но это было бесполезно, потому что они все равно не знали, куда ушел американец. И их стали бить.

– Они сильно избиты?

– Их просто побили.

– Я пойду осмотрю их.

«У Алишана, – вспомнила Джейн, – больное сердце».

– Где они теперь?

– Все еще в мечети.

– Идем со мной.

Джейн вошла в дом, Фара – за ней. В передней комнате Джейн взяла свою сумку с медицинскими принадлежностями со старого прилавка торговца. Добавив в аптечку таблетки нитроглицерина, она снова вышла на улицу. Направляясь к мечети и все так же крепко прижимая к себе Шанталь, она спросила Фару:

– Они били тебя?

– Нет – доктор, видно, был очень зол, но они меня не тронули.

Джейн задала себе вопрос – не была ли причиной злости Жан-Пьера догадка о том, что она провела ночь с Эллисом.

И тут она поняла, что наверняка об этом догадалась вся деревня. Она подумала, как люди воспримут ее поступок. Это может послужить окончательным подтверждением того, что Джейн – вавилонская блудница.

Но все же можно надеяться, что сразу они ее не отвергнут – пока есть раненые, за которыми требуется уход. Джейн дошла до мечети и вошла во двор. Жена Абдуллы, едва увидев ее, поспешила к ней с озабоченным видом и повела туда, где на земле лежал ее муж. На первый взгляд с ним ничего страшного не произошло, а Джейн беспокоило больное сердце Алишана, поэтому она оставила муллу, несмотря на возмущенные протесты его жены, и подошла к лежавшему неподалеку Алишану.

Его лицо имело землистый оттенок, и дыхание было затруднено, он хватался рукой за грудь; как и опасалась Джейн, побои вызвали у него приступ стенокардии. Она дала ему таблетку со словами:

– Жуйте, глотать не надо.

Передав Шанталь на руки Фаре, Джейн быстро осмотрела Алишана. Несмотря на обширные кровоподтеки, все кости были целы.

– Как они избивали вас? – спросила она.

– Прикладами, – хрипло проговорил Алишан.

Она кивнула. Ему повезло: единственное, что им удалось сделать – вызвать стресс, опасный при сердечном заболевании, но он уже приходил в себя. Смазав царапины йодом,

Джейн попросила Алишана полежать, не вставая с места, еще около часа.

Затем она вернулась к Абдулле. Но мулла, увидев, что Джейн к нему подходит, замахал рукой и гневно зарычал, отгоняя ее. Она знала причину его негодования: будучи уверен, что ему полагается первоочередное внимание, он оскорбился тем, что она первым делом осмотрела Алишана. Но Джейн не собиралась оправдываться, она уже объясняла ему раньше, что лечит людей в порядке неотложности их состояния, а не по социальному статусу. Теперь она повернула обратно: не было смысла настаивать на осмотре этого старого дурака. Если у него хватает сил орать на нее – выживет.

Она подошла к старому воину Шахазая, покрытому шрамами. Его уже успела осмотреть Рабия, повитуха, которая теперь обрабатывала ему ссадины. Травяные мази, которыми пользовалась Рабия, отнюдь не обладали антисептическими свойствами в той степени, в какой следовало бы, но, по мнению Джейн, они в целом приносили больше пользы, чем вреда, и она удовлетворилась тем, что заставила Шахазая пошевелить пальцами рук и ног. У него тоже было все в порядке.

«Нам повезло», – думала Джейн. Русские пришли, но удалось отделаться лишь незначительными ранениями. Слава Богу. Может, теперь есть надежда, что они оставят нас в покое хотя бы на короткое время – может быть, пока снова не откроется дорога на Хайберский перевал...

– А что, доктор – русский? – отрывисто спросила Рабия.

– Нет. – И тут впервые Джейн задумалась о том, что же в действительности было у Жан-Пьера на уме. Если бы ему удалось меня обнаружить, подумала она, что бы он мне сказал?

– Нет, Рабия, он не русский, но, кажется, перешел на их сторону.

– Значит, он предатель.

– Да, так можно сказать, – теперь Джейн подумала о том, что может быть на уме у старой Рабии.

– А может христианка развестись с мужем из-за того, что он предатель?

В Европе для этого достаточно куда менее серьезных оснований, подумала Джейн, а вслух сказала:

– Да.

– Так, значит, поэтому вы теперь вышли замуж за американца?

Джейн поняла ход мыслей Рабии. То, что она провела ночь с Эллисом на склоне горы, подтверждало обвинение Абдуллы, что она – проститутка с Запада. Рабия, которая долгое время была главной защитницей Джейн в деревне, предвидя, что ее будут осуждать, готовила иное объяснение ее поведению, согласно которому Джейн поспешно развелась с предателем в соответствии с причудами христианского законодательства, неизвестными правоверным, и теперь, согласно тем же странным законам, стала женой Эллиса. Пусть будет так, подумала Джейн.

– Да, – ответила она, – поэтому я вышла замуж за американца.

Рабия удовлетворенно кивнула.

Джейн же чувствовала, что в прозвище, которым наградил ее мулла, была доля правды. Она действительно перебралась из постели одного мужчины в постель другого с неприличной поспешностью. Она ощутила легкий стыд, но одернула себя: ведь она никогда не имела привычки строить свое поведение в соответствии с ожиданиями окружающих. «Пусть думают, что хотят», – сказала она себе. Она не считала, что стала женой Эллиса. «А разве у меня есть ощущение, будто я разошлась с Жан-Пьером?» – спросила она себя. Ответ получался отрицательный, но все же она понимала, что больше не подчиняется чувству долга. «После того, что он сделал, я ему ничем не обязана». Эта мысль должна была бы принести ей некоторое облегчение, но вместо этого ей стало грустно.

Ее размышления были внезапно прерваны. У входа в мечеть послышался какой-то шум, и Джейн, обернувшись, увидела Эллиса. Когда он приблизился, она разглядела застывшее на его лице выражение гнева и вдруг вспомнила, что однажды уже видела его таким, когда один безалаберный водитель такси, сделав неожиданный разворот, сбил молодого мотоциклиста, основательно его помяв. Все это произошло на глазах у Эллиса и Джейн, которые и вызвали «скорую помощь» – тогда еще Джейн не владела никакими медицинскими навыками. Эллис тогда все повторял: «И зачем он так, и

зачем он так...»

Она смогла, наконец, разглядеть и то, что он сейчас нес на руках: это был ребенок, и она поняла по выражению его лица, что ребенок мертв. Ее первой реакцией, которой она тут же устыдилась, было облегчение: «Слава Богу, что это не мой ребенок». Но, взглядевшись повнимательнее, она увидела, что это был именно тот из афганских детей, к кому она порой относилась, как к своему собственному. Это был одорукий Муса, мальчик, которому она однажды спасла жизнь. Она почувствовала мучительную горечь и отчаяние, которое охватывало ее каждый раз, когда больной после того, как они с Жан-Пьером долго и упорно боролись за его жизнь, все-таки умирал. Но сейчас было особенно больно, потому что Муса был очень стоек и преисполнен решимости преодолеть ограничения, связанные с увечьем. А как гордился им отец! «Почему именно его, – подумала Джейн, чувствуя, как на глаза ее наворачиваются слезы. – Почему его?»
???

И у нее возник порыв прыгнуть в реку, протекавшую в сотне футов внизу. Но это, оказалось, всего лишь реактивный самолет – с такой высоты нельзя было разглядеть ничего на земле. Тем не менее, после этого Джейн то и дело искала взглядом и отмечала деревья, кустарник и углубления в скале, которые могли бы послужить укрытием. Какой-то дьявольский голос внутри нее говорил: «тебе не обязательно все это терпеть, ты можешь вернуться назад, можешь сдать-

ся и вернуться к мужу...» Но эта мысль оставалась чистой абстракцией, не имевшей особого смысла.

Тропинка все еще шла в гору, но уже не так круто, и они смогли ускорить шаг. Через каждые одну-две мили дорогу им преграждали горные ручьи, которые бурно выливались из ущелий и впадали в реку. В этих местах тропинка резко обрывалась вниз, к бревенчатому мосту или броду, и Эллису приходилось тянуть упирающуюся Мэгги в воду, в то время как Джейн подгоняла ее сзади криками и бросала камни.

По возвышенности тянулся оросительный канал – высоко над рекой. Он был предназначен для расширения площади орошаемых земель в долине. Джейн задумалась над тем, сколько же времени прошло с тех пор, как у жителей долины было достаточно свободных рабочих рук и мирного времени для воплощения такого серьезного инженерного проекта – может, несколько сотен лет.

Скала стала уже, а берег реки внизу теперь был усеян гранитными валунами. В известняковых склонах открывались входы в пещеры: Джейн замечала их, как возможные укрытия. Местность вокруг стала невзрачнее, навстречу задул холодный ветер, заставивший Джейн поежиться, несмотря на яркое солнце. Камни и отвесные скалы привлекали птиц: вокруг гнездились сотни азиатских сорок. Наконец, за краем горы открылась новая равнина. Далеко к востоку Джейн увидела гряду холмов, а над ними – заснеженные вершины Нуристана. «Господи, вот куда нам надо идти», – подумала

Джейн, и ей стало страшно.

Посреди равнины виднелась небольшая кучка бедных домиков.

– Думаю, мы пришли, – сказал Эллис. – Добро пожаловать в Саниз.

Они вышли на равнину, ища глазами мечеть или каменный дом для путешественников. Когда они поравнялись с первым домиком, оттуда вышел какой-то человек, и Джейн узнала красивое лицо Мохаммеда. Он был удивлен не меньше ее самой. Ее удивление сменилось ужасом, когда она вспомнила, что надо будет сообщить ему о гибели сына.

Эллис дал ей время собраться с мыслями, сказав на дари:

– Почему вы здесь?

– Здесь Масуд, – ответил Мохаммед, и Джейн поняла, что это, наверное, одно из укрытий партизан. Мохаммед продолжал: – А вы-то почему здесь?

– Мы идем в Пакистан.

– Этим путем? – лицо Мохаммеда стало серьезным. – Что случилось?

Джейн, понимала, что именно ей следует рассказать ему все, ведь она знала его дольше Эллиса.

– Мы принесли плохую весть, друг Мохаммед.

– Русские приходили в Бэнду и убили семерых мужчин и одного ребенка...

Он начал догадываться, что она собирается сказать, и выражение страдания на его лице вызвало у Джейн желание за-

плакать.

– Этот ребенок – Муса, – закончила она.

Мохаммед постарался овладеть собой.

– Как погиб мой сын?

– Его нашел Эллис, – сказала Джейн.

Эллис, с трудом подбирая нужные слова на дари, сказал:

– Он погиб... нож в руке, кровь на ноже.

Мохаммед широко раскрыл глаза:

– Расскажи мне все.

Тут вмешалась Джейн, потому что свободнее владела языком.

– Русские пришли на рассвете, – начала она. – Они искали нас с Эллисом. Мы были выше, на горе, поэтому нас не нашли. Они избили Алишана, Шахазая и Абдуллу, но оставили их в живых. Потом они обнаружили пещеру. Там были семь раненых моджахедов, и с ними дежурил Муса, чтобы бежать в деревню, если ночью понадобится помощь. Когда русские ушли, Эллис пошел в пещеру. Все мужчины были убиты, и Муса тоже...

– Как? – перебил ее Мохаммед. – Как его убили!?

Джейн взглянула на Эллиса, и тот сказал:

– «Калашников», – это слово не требовало перевода. Он указал себе на сердце, показывая, где вошла пуля.

Джейн добавила:

– Он, наверно, хотел защитить раненых, потому что на кончике ножа была кровь.

Мохаммед просиял от гордости, хотя на глазах его были слезы. Он напал на них – взрослых мужчин с автоматами – он бросился на них с ножом! Ножом, который дал ему отец! Этот однорукий мальчик теперь, конечно, на небесах, куда попадают все правоверные воины.

Гибель в священной войне – величайшая честь для мусульманина, вспомнила Джейн. Маленький Муса станет для них почти святым. Она была рада, что у Мохаммеда есть хотя бы такое утешение, но не могла удержаться от довольно циничной мысли: «Вот как воинственные мужчины облегчают свою совесть – речами о славе».

Эллис молча торжественно обнял Мохаммеда.

Джейн вдруг вспомнила о своих фотографиях. У нее было несколько снимков Мусы. Афганцы любили фотографии, и Мохаммед, несомненно, будет в восторге, получив портрет сына. Открыв одну из сумок, притороченных к спине Мэгги, она стала рыться среди медикаментов, пока не нашла картонную коробку с фотографиями. Отыскав фотографию Мусы, она вытащила ее, а все остальное уложила в прежнем порядке. Затем она протянула фотографию Мохаммеду.

Она никогда еще не видела, чтобы афганец был так глубоко тронут. Мохаммед был не в силах вымолвить ни слова. На мгновение ей даже показалось, что он готов заплакать. Он отвернулся, стараясь взять себя в руки. Когда он снова повернулся к ней, его лицо было спокойно, хотя мокро от слез.

– Идемте со мной, – произнес он.

Они последовали за ним мимо домов к берегу реки, где вокруг костра, на котором готовился ужин, на корточках сидели пятнадцать или двадцать партизан. Мохаммед, подойдя к ним, без предисловия начал рассказывать о смерти Мусы, заливаясь слезами и жестикулируя.

Джейн отвернулась. Сегодня ей и так хватало тягостных переживаний.

Она тревожно огляделась по сторонам. «Куда мы убежим, если появятся русские», – спросила она себя. Вокруг были лишь открытые поля, а еще река и несколько домов. Но Масуду, видимо, это место казалось безопасным. Возможно, селение было слишком мало, чтобы привлечь внимание военных.

У нее больше не было сил для беспокойства. Она уселась на землю, прислонясь спиной к стволу дерева и, довольная, что может, наконец дать отдых ногам, начала кормить Шанталь. Эллис спутал Мэгги, снял мешки и сумки, и лошадь начала поглощать обильную растительность на берегу реки. «Какой долгий день, – подумала Джейн, – страшный день. А ночью мне удалось не так уж много поспать». И она улыбнулась, вспоминая эту ночь.

Эллис вытащил карты Жан-Пьера и уселся рядом с Джейн, изучая их при быстро тускнеющем вечернем свете. Джейн посмотрела ему через плечо. Предполагаемый путь лежал дальше по долине до селения под названием Комар, где им предстояло свернуть на юго-восток в боковое ущелье,

ведущее в Нуристан. Это ущелье также называлось Комар, как и первый высокий перевал, который они должны были преодолеть.

– Пятнадцать тысяч футов, – сказал Эллис, указывая на перевал, обозначенный на карте. – Вот где будет холодно.

Джейн поежилась.

Когда Шанталь насытилась, Джейн сменила пеленку, а мокрую выстирала в реке. Вернувшись, она нашла Эллиса увлеченным беседой с Масудом и уселась на корточки возле мужчин.

– Вы приняли правильное решение, – говорил Масуд. – Вы должны во что бы то ни стало выбраться из Афганистана, имея в кармане наш договор. Если русские захватят вас, все потеряно.

Эллис согласно кивнул. Джейн подумала: «Я никогда раньше не видела Эллиса таким – он относится к Масуду с настоящим почтением».

Масуд продолжал:

– Впрочем, это путешествие необычайно трудное. Большая часть пути лежит выше уровня вечных снегов. Иногда тропу бывает трудно разглядеть под снегом, а если вы собьетесь с пути, то погибнете.

Джейн хотелось знать, к чему он клонит. Ей казалось недобрый признаком, что Масуд старательно обращался только к Эллису, будто ее здесь не было.

– Я могу вам помочь, – продолжал Масуд. – Но, как и вы,

я заключаю с вами сделку.

– Продолжайте, – сказал Эллис.

– Я дам вам Мохаммеда в проводники, чтобы он провел вас через Нуристан в Пакистан.

У Джейн радостно забилося сердце: Мохаммеда в проводники! Это будет совсем другое дело!

– А каковы мои обязательства в этой сделке? – спросил Эллис.

– Вы пойдете один. Жена доктора с ребенком останется здесь.

Джейн стало ясно, что она должна будет на это согласиться. Было бы глупо бросить вызов судьбе, пытаясь пройти вдвоем, без проводника, – они скорее всего погибнут. А так она, по крайней мере, спасет жизнь Эллису.

– Ты должен согласиться, – сказала она. Эллис, улыбнувшись ей, перевел взгляд на Масуда.

– Это исключено, – сказал он.

Масуд поднялся и, явно оскорбленный, пошел обратно к сидящим у костра партизанам. Джейн сказала:

– Ах, Эллис, разве это разумно?

– Нет, – ответил он, беря ее за руку. – Но я не собираюсь так легко от тебя отказываться.

Она сжала его руку.

– Но ведь я... Я ничего тебе не обещала.

– Знаю, – ответил он. – Когда мы снова попадем в цивилизованный мир, ты вольна будешь поступать, как пожела-

ешь – жить с Жан-Пьером, если тебе так хочется и если ты сможешь его разыскать. Мне хватит и двух недель, если это все, что мне отпущено. В любом случае, может, мы и не проживем так долго.

Это была правда. Зачем отчаянно тревожиться о будущем, подумала она, если у нас, вероятно, никакого будущего и нет?

Масуд вернулся к ним, снова улыбаясь.

– Я не умею торговаться, – сказал он. – Я даю вам Мохаммеда без всяких условий.

Глава 16

Они вылетели за полчаса до восхода солнца. Один за другим вертолеты поднимались с бетонной полосы аэродрома и исчезали в ночном небе, за пределами круга света от прожекторов. В свой черед «хайнд», в котором сидели Жан-Пьер и Анатолий, грузно взлетел в воздух, подобно неуклюжей птице, и присоединился к конвою. Вскоре огни авиабазы пропали из виду, и снова Жан-Пьер и Анатолий летели над горными грядками в сторону долины Пяти Львов.

Анатолий совершил настоящее чудо. Менее чем за двадцать четыре часа он сумел организовать операцию, которая, наверное, была крупнейшей за всю историю афганской войны, и теперь сам руководил ею.

Почти весь вчерашний день он провел на телефоне в переговорах с Москвой. Пришлось запустить в ход всю сонную бюрократическую машину Советской Армии, объясняя вначале своему непосредственному руководству в КГБ, а потом ряду армейских «шишек», почему так важно захватить Эллиса Тейлера. Жан-Пьер слушал переговоры, не понимая смысла слов, но восхищаясь тонкой игрой ноток властности, спокойствия и настойчивости в голосе Анатолия.

Официальное разрешение на проведение операции было получено ближе к вечеру, и перед Анатолием встала трудная задача воплощения разработанного им плана. Чтобы по-

лучить необходимое количество вертолетов, ему пришлось просить об одолжении, напоминать о старых долгах, сыпать угрозами и обещаниями – от Джелалабада до Москвы. Когда какой-то генерал в Кабуле отказался дать свои машины без письменного приказа, Анатолий позвонил в КГБ в Москве и убедил одного старого приятеля заглянуть в личное дело генерала, а затем позвонил генералу и пригрозил лишить его источника детской порнографии в Германии.

У Советов в Афганистане было шестьсот вертолетов: к трем часам ночи пятьсот из них уже стояли на аэродроме в Баграме, в распоряжении Анатолия.

Жан-Пьер и Анатолий провели последний час перед вылетом, согнувшись над картами и определяя, куда послать каждый из вертолетов, а затем отдавая соответствующие приказания подходившим офицерам. Дислокация была точной благодаря вниманию Анатолия к мельчайшим деталям операции и подробного знания местности Жан-Пьером.

Хотя вчера, когда Жан-Пьер и Анатолий побывали в деревне, Эллиса и Джейн там не оказалось, можно было не сомневаться, что они уже слышали об этом рейде русских и ушли в укрытие. В Бэнде они наверняка больше не появятся. Может быть, они поселились в мечети в каком-нибудь другом селении – путники и чужестранцы обычно ночевали в мечетях, – или, если полагали, что в селениях останавливаться небезопасно, могли укрыться в одном из крошечных каменных домиков для путников, разбросанных по округе.

Они могли находиться в любой точке долины или в одном из многочисленных ущелий.

Анатолий учел все эти возможности.

Вертолеты должны были приземлиться в каждом населенном пункте долины, у каждого селения во всех ущельях. Пилоты должны были облететь все дороги и тропинки. Войскам – более тысяче человек – было дано указание обыскать каждое строение, кроны больших деревьев и внутренность пещер. Анатолий был преисполнен решимости на этот раз не проиграть. Сегодня они наверняка найдут Эллиса. И Джейн.

Внутри «хайнда» было довольно тесно и неудобно. В пассажирском отсеке была лишь одна скамья, укрепленная на стенке фюзеляжа напротив двери. Жан-Пьер занял место рядом с Анатолием. Оттуда были видны приборы управления. Сиденье пилота было приподнято на два-три фута над полом, а рядом для удобства была устроена ступенька. Все средства явно тратились лишь на вооружение, скорость и маневренность вертолета, а не на комфорт пассажиров.

Пока они летели на север, Жан-Пьер был погружен в свои мысли. Значит, Эллис лишь делал вид, что он – друг, а сам в это время работал на американцев. Воспользовавшись дружбой, он разрушил план поимки Масуда, разработанный Жан-Пьером, и, таким образом, уничтожил плоды целого года упорной работы. И, наконец, в довершение всего, думал Жан-Пьер, он увел мою жену.

Его мысли ходили по кругу, постоянно возвращаясь к это-

му уводу. Глядя в окно, в темноту, где мерцали огни других вертолетов, он воображал двух любовников, как они прошлой ночью лежа на одеяле где-нибудь среди поля под звездами, играли с телами друг друга и шептали нежные слова. Он подумал о том, хорош ли Эллис в постели. Когда-то он спрашивал Джейн, кто из них был лучше как любовник, но она отвечала, что никто не лучше, просто они разные. Говорила ли она то же самое Эллису? Или шептала: «ты лучше всех, малыш, ты самый лучший»? Жан-Пьер начинал чувствовать к ней ненависть. Как она могла вернуться к человеку, который старше ее на девять лет, дубиноголовому американцу, шпиону ЦРУ?

Жан-Пьер взглянул на Анатолия. Русский сидел неподвижно, с непроницаемым лицом, напоминая каменную статуэтку китайского мандарина. Ему почти не удалось поспать за последние сорок восемь часов, но он не выглядел усталым – лишь угрюмо-решительным. Жан-Пьер начинал прозревать в этом человеке доселе неизвестную ему сторону. Во время их встреч на протяжении последнего года Анатолий был спокоен и дружелюбен, а теперь, напряженный, бесстрастный, неутомимый, без усталости подгонял и себя, и своих людей. Им владела тихая одержимость.

Когда рассвело, Жан-Пьер мог разглядеть и другие вертолеты. Это было величественное зрелище: многочисленные машины напоминали рой гигантских пчел, клубящийся над горами. Гул моторов, наверное, оглушал все живое на земле.

По мере приближения к долине вертолеты начали разделяться на более мелкие группы. Жан-Пьер и Анатолий были в числе тех, кто направлялся в Комар, самый северный населенный пункт долины. На последнем участке полета маршрут следовал руслу реки. Быстро светало, и стали видны внизу, на пшеничных полях, аккуратные ряды снопов – здесь, в верхней части долины, бомбежки еще не окончательно разорили сельское хозяйство.

Солнце светило прямо в глаза, когда вертолет начал снижаться над Комаром. Это селение представляло собой несколько домиков, спрятанных позади мощной стены на склоне горы. Вид его напомнил Жан-Пьеру горные деревушки на юге Франции, и он ощутил острый приступ тоски по дому. Как хорошо было бы вернуться домой, услышать настоящую французскую речь, снова питаться свежим хлебом и изысканной пищей, ездить в такси и ходить в кино! Он заерзал на твердом сиденье скамьи. Сейчас хорошо было бы просто выбраться из вертолета. После перенесенных побоев его не оставляла боль. Но мучительнее боли было воспоминание об унижении – о том, как он кричал, рыдал и просил пощады: каждый раз, едва вспомнив об этом, он содрогался всем телом, и ему хотелось куда-нибудь забиться. Он жаждал отомстить и чувствовал, что не сможет жить спокойно, пока не рассчитается за все сполна. И было только одно, что могло бы дать ему полное удовлетворение: это увидеть, как Эллиса будут избивать те же грубые солдаты, точно так же,

как его самого, пока Эллис не начнет рыдать, визжать от боли и просить пощады. Но тут будет одна тонкая деталь: все это будет происходить на глазах у Джейн.

Во второй половине дня они вновь ощутили вкус неудачи.

Они обыскали Комар, все селения поблизости, все окрестные ущелья, все крестьянские дома, одиноко разбросанные по пустынной равнине к северу от Комара. Анатолий не прекращал переговоров по радио с командирами других отрядов, которые вели такие же тщательные розыски на других участках долины. Кое-где в пещерах и домах они нашли тайные склады оружия; обнаружили укрытия с какими-то людьми, судя по всему, партизанами, главным образом, в горах вокруг Саниза, но при этом понесли более значительные, чем обычно, потери из-за того, что партизаны теперь научились более умело использовать взрывчатку; осмотрели лица всех женщин, обычно закрытые чадрой, проверили цвет кожи каждого грудного ребенка. Но, несмотря на это, не удалось обнаружить ни Эллиса, ни Джейн, ни Шанталь.

Жан-Пьер и Анатолий закончили поиски на «конной станции» в горах выше Комара. Это место не имело даже названия, там было лишь несколько каменных построек и пыльный выгон, где истощенные клячи пощипывали редкую травку. Единственным существом мужского пола, судя по всему, был сам торговец лошадьми, босоногий старик, одетый в длинный балахон с огромным капюшоном, служившим защитой от мух. Кроме него, там было несколько молодых жен-

щин и стая перепуганных ребятишек. Очевидно, все молодые мужчины ушли в партизаны и сейчас где-то скрывались вместе с Масудом. Обыск не занял много времени. Когда все было закончено, Анатолий уселся прямо в пыли, прислонясь спиной к каменной стене, и задумался. Жан-Пьер опустил на землю рядом с ним.

Поверх гряды холмов он видел далекий заснеженный пик Месмер, высотой почти двадцать тысяч футов, который в прежние времена привлекал альпинистов из Европы. Анатолий сказал:

– Узнайте, можно ли здесь выпить чаю.

Жан-Пьер огляделся и заметил старика в балахоне, слонявшегося неподалеку.

– Приготовьте чай, – прокричал он на дари. Старик то-ропливо побегал прочь, и Жан-Пьер услышал, как он что-то закричал женщинам.

– Чай будет, – сказал он Анатолию по-французски.

Люди Анатолия, поняв, что предстоит оставаться здесь еще некоторое время, заглушили двигатели вертолетов, уселись на пыльную землю и стали терпеливо ждать.

Взгляд Анатолия был устремлен куда-то в пространство. Усталость, наконец, показалась на его плоском лице.

– У нас с вами будут неприятности, – произнес он. Жан-Пьеру показалось зловещим это «у нас».

Анатолий продолжал:

– В нашей профессии обычно принято преуменьшать зна-

чение операции до тех пор, пока не появится уверенность в успехе, и вот тогда начинают это значение, наоборот, преувеличивать. В нашем случае я не мог следовать этому правилу: чтобы обеспечить пятьсот вертолетов и тысячу людей, я должен был убедить руководство в исключительной важности захвата Эллиса Тейлера. Мне надо было очень ясно обрисовать все опасности, которые подстерегают нас в том случае, если ему удастся улизнуть. И мне это удалось. А теперь тем больше будет раздражение на меня за то, что я его не поймал. А ваше будущее, разумеется, неразрывно связано с моим.

Жан-Пьер прежде никогда не думал об этом с такой стороны.

– Что же они сделают?

– Моя карьера просто-напросто закончится. Оклад останется прежним, но я потеряю все привилегии. Не будет больше ни шотландского виски, ни «Рив-Гош» для жены, ни семейного отдыха на Черном море, ни джинсов и пластинок «Роллинг Стоунз» для детей... Но я вполне могу обходиться без всего этого. Что меня по-настоящему угнетает, так это безысходность повседневной рутины, которая ожидает неудачников в нашем деле... Меня пошлют работать в какой-нибудь заштатный городишко на Дальнем Востоке, где нет никаких настоящих дел для госбезопасности. Я знаю, как наши люди проводят время и оправдывают свое существование в таких местах. Вначале приходится искать расположе-

ния слегка неудовлетворенных жизнью интеллигентов, входить к ним в доверие, вызывать на откровенные разговоры, поощрять критические высказывания в адрес партии и правительства, а затем арестовывать их за подрывную деятельность. Это все так бессмысленно... – Он, казалось, понял, что говорит лишнее, и умолк.

– А я? – спросил Жан-Пьер. – Что будет со мной?

– Вы станете просто никем, – ответил Анатолий. – Вы больше не будете на нас работать. Может, они и разрешат вам остаться в Москве, но, скорее всего, просто вышлют обратно.

– Если Эллис сумеет отсюда выбраться, мне нельзя будет вернуться во Францию, они уберут меня.

– Вы не совершали никаких преступлений на территории Франции.

– И мой отец не совершал, но его все равно убили.

– Ну, может, вам удастся перебраться в какую-нибудь, нейтральную страну – Никарагуа или Египет.

– Дерьмо.

– Но не будем терять надежду, – сказал Анатолий более бодрым голосом. – Люди не могут просто взять и раствориться в воздухе. Наши беглецы должны же где-то находиться.

– Если мы не можем отыскать их с тысячей человек, не думаю, чтобы это удалось с десятью тысячами, – мрачно заметил Жан-Пьер.

– У нас не будет тысячи, а тем более десяти тысяч, – воз-

разил Анатолий. – Отныне нам придется использовать только собственные мозги – и минимум средств. Весь наш кредит исчерпан. Давайте попробуем иной подход. Подумайте: ведь кто-то наверняка помог им укрыться. А это значит, что кому-то должно быть известно, где они находятся.

Жан-Пьер задумался.

– Помощь они получили, вероятнее всего, от партизан, а они менее всего склонны болтать.

– Но ведь и кто-то другой может об этом знать.

– Возможно. Но разве они нам скажут?

– У наших беглецов наверняка есть враги, – настаивал Анатолий.

Жан-Пьер покачал головой.

– Эллис пробыл здесь недостаточно долго, чтобы нажить себе врагов, а Джейн для них – героиня, что-то вроде Жанны Д'Арк. Вы не найдете никого, кто испытывал бы к ней неприязнь... о! – едва произнеся это, он понял, что это не так.

– Ну что?

– Мулла.

– Ага.

– Она сумела буквально вывести его из себя. Одной из причин послужило то, что она стала лечить людей более успешно, чем он. Но дело не только в этом, потому что мои методы тоже эффективны, но я никогда не вызывал у него особой неприязни.

– Он, наверно, называет ее блудницей с Запада.

– Откуда вы знаете?

– Так здесь обычно говорят. Где живет этот мулла?

– Абдулла живет в Бэнде, в том доме, который стоит отдельно, в полукилометре выше по склону горы.

– А он будет говорить?

– Думаю, да, он ненавидит Джейн достаточно сильно, чтобы выдать ее нам, – задумчиво произнес Жан-Пьер.

– Но он не допустит, чтобы кто-то другой об этом узнал. Нам нельзя просто приземлиться у деревни и схватить его – тогда все будут знать, что случилось, и он ничего не скажет. Мне надо встретиться с ним тайно... – Тут Жан-Пьер подумал об опасностях, которые его подстерегают, если он будет и дальше развивать эту мысль. Но потом он снова вспомнил пережитое унижение: ради мести стоило идти на любой риск.

– Если вы высадите меня около деревни, я смогу пробраться к тропинке, которая идет от деревни к его дому, спрятаться там и ждать его появления.

– А что, если этого «появления» придется ждать целый день?

– Верно...

– Значит, надо сделать так, чтобы он обязательно появился. – Анатолий нахмурился.

– Мы загоним всех жителей в мечеть, как уже делали раньше, а потом выпустим. Абдулла, несомненно, сразу побежит к себе домой.

– Но ведь он будет не один...

– Гм. Предположим, вначале мы отпустим женщин, с приказанием разойтись по домам. А потом, когда выпустим мужчин, они захотят первым делом проверить, что с их женами. Кто-нибудь еще живет поблизости от Абдуллы?

– Нет.

– Тогда он наверняка окажется один на этой тропинке. Вы выйдете ему навстречу из-за куста...

– И он перережет мне горло.

– Он что, носит при себе нож?

– А вы когда-нибудь видели афганца без ножа?

Анатолий пожал плечами.

– Возьмите мой пистолет.

Жан-Пьер был слегка удивлен и обрадован таким доверием, хотя и не знал, как обращаться с пистолетом.

– Думаю, пистолет можно использовать как угрозу, – тревожно проговорил он. – Мне понадобится местная одежда, на случай, если меня заметит еще кто-нибудь, кроме Абдуллы. Что, если я встречу кого-нибудь из знакомых? Придется закрыть лицо – может быть, шарфом...

– Это не проблема, – ответил Анатолий. Он что-то прокричал по-русски, и трое солдат вскочили на ноги. Скрывшись в доме, они почти сразу же появились вместе со стариком-лошадником.

– Можно взять его одежду, – сказал Анатолий.

– Хорошо, – сказал Жан-Пьер. – Капюшон закрывает лицо. – Перейдя на дари, он закричал старику: – Раздевайся!

Тот запротестовал: обнажиться означало позор для афганца. Анатолий отдал резкую команду по-русски, и солдаты, опрокинув старика на землю, стащили с него балахон и все, как один, оглушительно захохотали, увидев его тонкие, как палочки, ноги, торчавшие из рваных коротких шаровар. Когда старика отпустили, он суетливо поднялся и побежал прочь, прикрывая руками гениталии, что заставило захохотать их еще громче.

Жан-Пьер был в слишком нервном состоянии, чтобы находить это смешным. Сняв рубашку и брюки европейского покроя, он накинул на себя балахон старика.

– От вас пахнет конской мочой, – заметил Анатолий.

– Изнутри запах еще хуже, – ответил Жан-Пьер.

Они забрались в вертолет. Анатолий, надев наушники пилота, долго говорил с кем-то по-русски. Жан-Пьера очень смущало предстоящее задание. А что, если из-за горы внезапно выйдут двое-трое партизан и увидят, как он угрожает пистолетом Абдулле? Его знал буквально каждый в долине, а известие о том, что он появился в Бэнде вместе с русскими, наверняка уже разнеслось по всей округе. Несомненно, большинство афганцев теперь знают, что он русский шпион. Он стал для них «врагом народа номер один». Да они разорвут его на куски!

«Может, мы слишком все усложняем, – подумал он. – Может, нам надо просто прилететь туда, схватить Абдуллу и выбить из него все, что он знает?».

Нет, мы уже пробовали делать это вчера, и это ни к чему не привело. То, что мы придумали, – единственный способ узнать.

Анатолий передал наушники пилоту, который забрался в свое кресло и завел двигатель. Пока они ждали взлета, Анатолий вытащил пистолет и показал его Жан-Пьеру.

– Это девятимиллиметровый «Макаров», – сказал он, стараясь перекричать шум вертолета. Щелкнув затвором на задней стороне рукоятки, он вытащил магазин, где было восемь патронов, потом задвинул магазин обратно. Показав на другой затвор на левой стороне пистолета, он сказал: – Это предохранитель. Когда красная точка закрыта, предохранитель находится в положении «безопасно».

Держа пистолет в левой руке, он правой отодвинул назад задвижку над рукояткой.

– Вот так вы взводите курок. – Он отпустил задвижку, и она резко вернулась на место. – Когда будете стрелять, подольше не отпускайте курок, чтобы заново взвести его. – И он протянул пистолет Жан-Пьеру.

«Мне по-настоящему доверяют», – подумал Жан-Пьер, и на мгновение холодный страх в его сердце сменился чувством удовлетворения.

Вертолеты взлетели. Курс снова лежал на юго-запад, вдоль русла реки Пяти Львов, вниз по долине. Жан-Пьер думал о том, что они с Анатолием составляют вместе хорошую команду. Анатолий напоминал ему отца: умный, решитель-

ный, храбрый человек, беззаветно преданный делу мирового коммунизма. Если мы добьемся здесь успеха, подумал Жан-Пьер, нам, вероятно, удастся и дальше работать вместе, над каким-нибудь другим заданием. Эта мысль доставила ему необычайную радость.

В Дашт-и-Ревате, откуда начиналась южная часть долины, вертолет повернул на юго-восток, следуя вверх по течению притока Ревата, и углубился в горы, чтобы приблизиться к Бэнде из-за горы.

Анатолий снова начал вести с кем-то переговоры, пользуясь наушниками пилота, затем перебрался обратно к Жан-Пьеру, чтобы прокричать ему прямо в ухо:

– Все жители уже в мечети. Сколько времени надо жене муллы, чтобы добраться до дома?

– Пять-десять минут, – прокричал в ответ Жан-Пьер.

– Где вас высадить?

Жан-Пьер немного подумал.

– Вы ведь всех согнали в мечеть, верно?

– Да.

– А пещеры проверили?

Анатолий вернулся к радиопередатчику и задал этот вопрос. Вернувшись, он сказал:

– Да, пещеры проверены.

– О'кей. Высаживайте прямо здесь.

– Сколько времени вам понадобится, чтобы добраться до места вашей засады?

– Дайте мне десять минут. Затем выпустите женщин и детей. Подождите еще десять минут и отпускайте мужчин.

– Ясно.

Вертолет снизился в тень горы. Солнце клонилось за горы, но до наступления темноты оставалось еще около часа. Они приземлились за перевалом, в нескольких ярдах от пещер. Анатолий сказал:

– Подождите, дайте-ка мы еще раз проверим пещеры.

Через открытую дверь Жан-Пьер видел, как приземляется второй «хайнд». Из него выскочили шестеро солдат и побежали за перевал.

– Как я вам просигналю, чтобы вы спустились и забрали меня? – спросил Жан-Пьер.

– Мы будем ждать вас здесь.

– А что, если кто-нибудь из жителей деревни забредет сюда до того, как я вернусь?

– Застрелим.

У Анатолия была еще одна черта, общая с отцом Жан-Пьера: безжалостность.

Разведчики вернулись из-за горы, и один солдат махнул рукой, показывая, что все чисто.

– Идите, – сказал Анатолий.

Жан-Пьер открыл дверь и выпрыгнул наружу, сжимая в руке пистолет Анатолия. Пригнув голову, он поскорее отбежал подальше от вертящихся лопастей вертолета. Добежав до перевала, он оглянулся: оба вертолета оставались на ме-

сте.

Он миновал хорошо знакомый ему вход в пещеру, где раньше располагался его лазарет, и посмотрел вниз, на деревню. Отсюда был виден двор мечети. Жан-Пьер не мог разглядеть никого из находившихся там, но боялся, что кто-нибудь из них может случайно бросить взгляд вверх и увидеть его, а зрение афганцев наверняка острее, чем у него. Поэтому он поспешил набросить на лицо капюшон.

Сердце его забилося чаще, когда он стал удаляться все дальше из-под прикрытия русских вертолетов. Он быстро шел вниз по склону, мимо дома муллы. Вокруг стояла какая-то странная тишина, несмотря на несмолкаемый шум реки и отдаленный гул вертолетов. Это потому, понял Жан-Пьер, что не слышно детских голосов.

Обогнув выступ скалы, он оказался вне поля зрения тех, кто мог бы находиться в доме муллы. Рядом с тропинкой были заросли верблюжьей травы и кусты можжевельника. Зайдя в гущу растительности, он, пригнувшись, сел на корточки. Будучи хорошо спрятанным, он мог сам свободно обзрывать тропинку. Он приготовился ждать.

Жан-Пьер стал обдумывать то, что скажет Абдулле. Мулла истерически ненавидел женщин: наверное, лучше всего будет воспользоваться именно этим.

По внезапному всплеску тонких голосов он понял, что Анатолий дал указание выпустить женщин и детей из мечети. Наверняка все они будут недоумевать, для чего все это

было нужно, но, скорее всего, объяснят это обычной армейской дурью.

Через несколько минут по тропинке пробежала жена муллы с ребенком на руках в сопровождении трех старших детей. Жан-Пьер напрягся, подумав, а так ли уж хорошо он спрятался. А что, если кто-то из детей отбежит в сторону с тропинки, заглянет в кусты? Как унижительно – расстроить свои планы из-за детей. Тут он вспомнил про пистолет. «Смогу ли я выстрелить в детей?» – спросил он себя.

Но они прошли мимо и скрылись за выступом скалы, направляясь к своему дому.

Вскоре после этого русские вертолеты один за другим начали взлетать с пшеничного поля: это означало, что отпустили и мужчин. Точно по намеченному графику на тропинке появился, пыхтя, Абдулла – бочкообразная фигура в чалме и английском пиджаке в тонкую полоску. Да, сюда, в страны Востока, сбывают большую часть подержанной одежды из Европы, заключил Жан-Пьер. Здесь многие носили одежду, несомненно, изготовленную в Париже или Лондоне, которую первоначальные владельцы выбросили, потому что она вышла из моды задолго до того, как успели износить. Ну вот, надо действовать, подумал Жан-Пьер, когда комичная фигура поравнялась с ним; может, в руках этого шута горохового, напялившего пиджак биржевого маклера, – ключи от моего будущего. Встав во весь рост, он вышел из кустов.

Мулла вскрикнул от неожиданности. Присмотревшись,

он узнал Жан-Пьера.

– Это вы! – сказал он. Рука его потянулась к поясу. Жан-Пьер направил на него пистолет. Абдулла уставился на него, явно испуганный.

– Не бойтесь, – сказал Жан-Пьер на дари. Дрожь в голосе выдавала его нервное состояние, и он сделал над собой усилие, чтобы голос звучал ровно. – Никто не знает, что я здесь. Ваши жена и дети прошли мимо и не видели меня. Они в безопасности.

Абдулла подозрительно посмотрел на него.

– Что вы хотите?

– Моя жена изменила мне, – сказал Жан-Пьер. Хотя он нарочно говорил так, чтобы сыграть на предрассудках мульты, гнев его был неподдельный. – Она забрала моего ребенка и бросила меня. Она пошла блудить с американцем.

– Я знаю, – сказал Абдулла, и Жан-Пьер увидел, как он запыхтел, преисполненный благородного негодования.

– Я ищу ее, чтобы вернуть и наказать.

Абдулла с готовностью кивнул, и в глазах его появилось злорадство: ему понравилась мысль примерно наказать блудницу.

– Но эта пара грешников где-то прячется, – Жан-Пьер говорил медленно и обстоятельно: сейчас было важно каждое слово. – Вы – слугитель господ. Скажите мне, где они. Никто не узнает, как это стало мне известно, кроме вас, меня и господ.

– Они ушли. – Абдулла сплюнул, и слюна смочила его крашеную хной бороду.

– Куда? – Жан-Пьер затаил дыхание.

– Они ушли из долины.

– Куда же пошли?

– В Пакистан.

В Пакистан! О чем говорит этот старый дурак?

– Но дорога туда закрыта! – закричал Жан-Пьер в отчаянии.

– Но только не «масляный путь».

– «Mon Dieu», – прошептал Жан-Пьер на родном языке, – «масляный путь».

Он поразился их смелости, и в то же время почувствовал горькое разочарование – ведь теперь будет практически невозможно найти их.

– И что, они взяли с собой ребенка?

– Да.

– Значит, я больше никогда не увижу свою дочь.

– Они все погибнут в Нуристане, – сказал Абдулла с чувством удовлетворения в голосе. – Европейская женщина с грудным ребенком на руках непременно погибнет на ледяных перевалах, а американец тоже погибнет, стараясь ее спасти. Бог всегда наказывает тех, кому удастся избежать людского возмездия.

Жан-Пьер понял, что ему надо как можно скорее вернуться к вертолетам.

– А теперь идите домой, – сказал он Абдулле.

– Договор погибнет вместе с ним, потому что бумага у Эллиса, – добавил Абдулла. – Это хорошо. Конечно, мы нуждаемся в американском оружии, но заключать какие-либо договоры с неверными опасно.

– Идите! – повторил Жан-Пьер. – Если вы не хотите, чтобы кто-то из ваших родных меня заметил, заставьте их не выходить из дома несколько минут.

Абдулла пришел было в негодование из-за того, что ему смеют приказывать, но быстро понял, что перед дулом пистолета не поспоришь, и поспешил прочь.

Жан-Пьер задумался о том, действительно ли они все погибнут в Нуристане, как со злорадством предсказывал Абдулла. Он хотел совсем другого. Их гибель не дала бы ему удовлетворить чувство мести. Ему хотелось получить свою дочь назад. Он хотел Джейн живой, в своей власти. Он хотел видеть, как Эллис мучается от боли и унижения.

Он дал Абдулле время войти в дом, затем накинул капюшон на лицо и мрачно направился по тропинке в гору. Проходя мимо дома, он отвернулся, на случай, если кто-нибудь из детей все-таки выглянет наружу.

Анатолий подждал его у пещер. Протянув руку за пистолетом, он спросил:

– Ну как?

Жан-Пьер отдал ему пистолет.

– Их здесь нет, – сказал он. – Они ушли из долины.

– Они не могли улизнуть от нас, – сердито возразил Анатолий. – Куда они ушли?

– В Нуристан. – Жан-Пьер указал в сторону вертолетов. – Не лучше ли нам улететь отсюда?

– Мы не сможем разговаривать в вертолете.

– Но если сюда кто-нибудь зайдет из деревни...

– К черту их всех! Перестаньте хныкать! Что им нужно в Нуристане?

– Они хотят пройти в Пакистан путем, который известен как «масляный путь».

– Если нам известен маршрут, мы найдем их.

– Не думаю. Путь-то один, но много разных троп.

– Мы облетим все тропы.

– Эти пути нельзя заметить с воздуха. Даже на земле вы едва ли отыщете их без местного проводника.

– Мы можем взять карты...

– Какие карты? – спросил Жан-Пьер. – Я видел ваши карты, они не лучше моих, изданных в Америке, а это вообще самые подробные карты, какие можно достать. Там не указаны ни эти тропы, ни перевалы. Разве вам неизвестно, что на Земле еще существуют места, которые никогда не были как следует изучены топографами? А мы сейчас находимся как раз в одном из таких мест.

– Я знаю – не забывайте, что я работаю в разведке. – Анатолий слегка понизил голос. – Вы слишком легко готовы опустить руки, мой друг. Подумайте. Если Эллис может най-

ти местного проводника, способного показать дорогу, я ведь могу сделать то же самое.

«Возможно ли это?» – подумал Жан-Пьер.

– Но ведь там не один маршрут, а несколько.

– Предположим, есть десять вариантов маршрута. Это значит, что надо взять десять проводников из местных, чтобы они повели десять розыскных отрядов.

Оптимизм Жан-Пьера снова стал возрастать, когда он понял, что возможность вернуть назад Джейн и Шанталь и увидеть Эллиса захваченным в плен все еще реальна.

– Может, дела не так уж плохи, – проговорил он, ободренный. – Мы можем просто начать опрашивать местных жителей вдоль «масляного пути». Может, за пределами этой проклятой долины люди будут более готовы идти на контакт. Нуристанцы не настолько вовлечены в войну, как местные жители.

– Хорошо, – отрывисто сказал Анатолий. – Уже темнеет, а у нас сегодня еще много дел. Мы отправимся рано утром.

– Идемте!

Глава 17

Джейн проснулась в испуге. Она не могла вспомнить, где она и с кем. В плену у русских? Еще несколько секунд она разглядывала видневшуюся из окна часть плетеной крыши, размышляя, в тюрьме она или нет? Затем резко поднялась, сердце ее бешено заколотилось. В этот момент она увидела Эллиса, который, приоткрыв рот, мирно дремал в спальном мешке, и ей вспомнилось строки: «Мы выбрались из долины. Мы убежали. Русские не знают, где мы, и не могут нас найти».

Она легла снова, ожидая, когда успокоится сердце. Они пошли не по тому маршруту, который Эллис выбрал с самого начала. Вместо того, чтобы пойти на север в Комар и затем на восток, вдоль долины Комара в Нуристан, они свернули обратно на юг и, минуя Саниз, пошли на восток вдоль долины Арю. Мохаммед предложил такой вариант потому, что это позволило бы им выбраться из долины Пяти Львов гораздо быстрее, и Эллис согласился.

Они отправились в путь еще до рассвета и целый день поднимались на взгорье. Эллис и Джейн несли по очереди Шанталь, а Мохаммед вел Мегги.

В полдень они остановились в селении Арю, состоящем из нескольких мазанок, и купили хлеба у подозрительного старика с собакой, злобно оскалившейся на них. Это селе-

ние было расположено слишком далеко от цивилизованного мира – за ним на сотни километров ничего не было, кроме каменистой речушки с усыпанными галькой берегами, и по обеим сторонам – обнаженной громады гор цвета слоновой кости. К концу дня они, наконец, добрались до этого места. Джейн снова села. Шанталь лежала около нее, мерно дыша и излучая тепло, как грелка. Эллис спал в отдельном мешке: они могли бы застегнуть на «молнию» два мешка вместе, но Джейн боялась, что во сне Эллис может придавить ребенка, поэтому они решили спать отдельно, довольные уже тем, что лежали рядом и могли в любой момент дотронуться друг до друга. Мохаммед спал в соседней комнате.

Джейн осторожно встала, стараясь не разбудить Шанталь. Надевая рубашку и натягивая брюки, она чувствовала ноющую боль в спине и ногах. Она привыкла к ходьбе, но не настолько, чтобы идти целый день, да еще в таких условиях. Она надела ботинки и, не завязывая шнурков, вышла из дома. Яркий, холодный свет, исходящий из гор, заставил ее прищуриться. Она стояла на торном лугу – огромном зеленом пространстве с вьющимся сквозь него горным потоком. По одну сторону луга возвышались горы, а у подножья склона стояло в укрытии гор несколько каменных домов и загонов для скота; в домах никто не жил, а скот угнали. Здесь было летнее пастбище, пастухи уже ушли на зимние стоянки.

В долине Пяти Львов все еще стояло лето, а на этой высоте осенние холода наступали уже в сентябре.

Джейн пошла к реке, которая находилась далеко от строений, так что можно было спокойно раздеться, не боясь, что ее может увидеть Мохаммед. Она вошла в речку, быстро окунулась в обжигающе ледяную воду и мгновенно выскочила обратно. «К черту такое купание», – громко произнесла она, едва унимая стук зубов. «Пока не доберемся до цивилизованного места, буду ходить грязной», – подумала она. Натянув одежду и не вытираясь, так как их единственное полотенце было оставлено для Шанталь, она побежала обратно к дому, подбирая на ходу хворост. Затем положила несколько веточек на остатки вчерашнего костра и подула на угли, пока не разгорелось пламя. Она подержала руки над огнем, чтобы согреться.

Джейн поставила чан с водой на огонь и решила выкупать Шанталь. Пока вода грелась, проснулись один за другим и остальные: первым встал Мохаммед, он пошел помыться на улицу, затем проснулся Эллис и стал жаловаться, что у него ломит все тело, и, наконец, Шанталь, которая тут же потребовала, чтобы ее покормили, чем и занялась Джейн.

Джейн безотчетно ощущала непонятное чувство эйфории. Ведь, казалось бы, в ситуации, в которой она оказалась с двухмесячным ребенком, ею должно овладеть беспокойство, но, как ни странно, тревога сменилась ощущением счастья. «Почему я так счастлива? – спрашивала она себя. – Потому что я с Эллисом», – подсознательно возникал ответ.

Шанталь тоже была довольна, как будто впитывала это

ощущение с молоком матери. Они не могли купить еду вчера вечером, потому что пастухи ушли, и им не у кого было купить хоть что-нибудь. Однако у них была соль и рис, который они сварили не без труда, ибо на такой высоте вода долго не закипала. На завтрак у них были остатки холодного вчерашнего риса. Это немного испортило ей настроение.

Она поела, пока кормила Шанталь, затем помыла ее и поменяла пеленки. Пеленка, которую Джейн простирала вчера в реке, высохла за ночь у огня. Она подложила ее, а грязную понесла стирать к реке. Надо будет, решила она, прикрепить ее к поклаже, чтобы на ветру при езде она высохла. Что бы сказала мама, если бы узнала, что ее внучка целый день находится в одной пеленке? Она пришла бы в ужас. Но ничего...

Эллис и Мохаммед запрягли и навьючили лошадь, после чего двинулись в путь. Сегодня будет еще труднее, чем вчера. Они должны будут пересечь горную цепь, которая долгие столетия отделяла Нуристан от всего остального мира, превращая его в более или менее изолированное место. Им придется взбираться на перевал Арю на уровне четырнадцати тысяч футов над уровнем моря. Большую часть пути придется пробираться по снегу и льду. Они надеялись добраться до деревни Линар, находившейся по прямой в десяти милях, но в лучшем случае они доберутся туда лишь к вечеру.

Солнце ярко светило, но было довольно холодно. На Джейн были шерстяные носки и варежки, а также теплый

толстый свитер под меховым пальто. Она положила Шанталь между пальто и свитером и расстегнула верхнюю пуговицу пальто, чтобы проходил воздух.

Они проехали луга, следуя вверх по течению реки Арю, и мгновенно пейзаж снова стал суровым и враждебным. Холодные вершины были лишены растительности. Только однажды Джейн увидела вдали палаточный лагерь альпинистов на голом склоне горы, и она не знала, радоваться или опасаться, что здесь были люди. Единственное живое существо, которое она увидела, – это гриф, парящий в высоте на ветру. Тропа, по которой они шли, была едва заметна. Джейн радовалась, что с ними шел Мохаммед. Сначала он вел их по берегу вдоль реки, затем, когда река, постепенно сужаясь, совсем исчезла из виду, он с не меньшей уверенностью продолжил путь. Джейн спросила его, как же он различает дорогу. Оказалось, маршрут отмечен грудками камней, уложенными на определенном расстоянии. Она даже не заметила их, пока он не показал ей. Вскоре на земле появился легкий снежок, и ноги у Джейн стали замерзать, несмотря на толстые теплые носки и теплые ботинки.

Удивительно, что в пути Шанталь почти все время спала. Каждые два часа они останавливались и устраивали на несколько минут отдых, и Джейн, пользуясь згой возможностью, кормила ребенка, дрожа от холода с открытой на морозе нежной грудью. Она сказала Эллису, что Шанталь ведет себя на удивление великолепно. «Просто невероятно, просто

невероятно», – ответил тот.

В полдень они остановились на полчаса отдохнуть, и перед ними открылся вид на ущелье Арю. Джейн очень устала, и у нее болела спина. Она уже изрядно проголодалась, как будто и не ела тугово-ореховый пирог во время ленча.

На подходе к ущелью дорога становилась все труднее. У Джейн замерло сердце, когда она взглянула на крутой подъем. Лучше я посижу здесь подольше, решила она, но было так холодно, что она начала дрожать. Эллис заметил это и поднялся, чтобы снова двинуться в путь.

– Пошли, а то мы замерзнем окончательно, – сказал он, стараясь казаться веселым.

Джейн подумала, что лучше бы он не говорил так бодро.

Она встала не без усилия.

– Давай я понесу Шанталь, – сказал он. Джейн осторожно передала ребенка.

Мохаммед шел впереди, показывая дорогу, и вел за собою лошадь, с силой натягивая поводья. Эллис замыкал шествие. Склон был крутой и скользкий от снега. И уже через несколько минут Джейн почувствовала, что устала даже больше, чем до привала. С трудом пробираясь по тропе, спотыкаясь на каждом шагу, она вспомнила, как говорила Эллису: «Я думаю, с тобой у меня больше шансов выбраться отсюда, чем пытаться выбраться одной из Сибири». «А может быть, я и отсюда не выберусь, – промелькнуло у нее в голове. – Я не думала, что будет так трудно». Хотя, конечно же, она знала

и знает, что будет еще хуже, пока наконец все не образуется. «Отбрось эти мысли, сентиментальное создание», – решила она. В этот момент она поскользнулась и упала на бок. Эллис, шедший позади нее, успел схватить ее за руку и помог ей подняться. Она подумала, что он, наверное все это время внимательно следил за ней. Она почувствовала прилив теплоты к нему. Эллис оберегал ее, чего никогда не делал Жан-Пьер. Тот бы пошел впереди, считая, что если ей понадобится помощь, она сама попросит его об этом, но если бы она это сделала, он непременно спросил бы ее, неужели она не хочет, чтобы он относился к ней, как к равной?

Они уже почти достигли вершины. Джейн шла, наклоняясь вперед, так ей легче было идти по крутой тропе. «Ну еще немного, ну еще чуть-чуть», – думала сна. Она почувствовала головокружение. Впереди Мэгги споткнулась и от испуга понеслась вперед. Мохаммеду пришлось бежать за ней, не отпуская поводья. Джейн тащила за ними, считая шаги. Наконец они добрались до ровного участка земли и остановились. Перед глазами у Джейн все поплыло. Тут она почувствовала, как рука Эллиса обняла ее. Она закрыла глаза и уткнулась в его плечо.

– Ну, теперь все время пойдем под гору, – приободрил он ее. Джейн открыла глаза. Она не могла себе представить такое ужасное место, где ничего нет кроме снега, ветра, гор и бесконечного одиночества.

– Какое забытое Богом место, – сказала она.

Они некоторое время молча смотрели на окрестности. Затем Эллис произнес:

– Нам нужно двигаться дальше.

Они встали и начали спускаться вниз. Тропа оказалась намного круче, чем они ожидали. Мохаммед, которому при подъеме приходилось все время тащить Мэгги за уздечку, теперь натянул ее и пытался притормозить так, сдерживая лошадь, чтобы она не упала вниз. Все труднее становилось различать среди беспорядочных груд камней и снега сложенные кучки камней – условный знак, указывающий дорогу. Однако у Мохаммеда не возникло сомнений, в какую сторону идти. Джейн подумала, что надо бы предложить Эллису отдать ей Шанталь, чтобы позволить ему передохнуть, но она понимала, что не в силах нести ребенка.

По мере того, как они спускались, снега становилось все меньше и, наконец, он совсем исчез, и тропа стала виднее, Джейн все время прислушивалась к какому-то странному свистящему звуку. Собравшись с силами, она, наконец, спросила у Мохаммеда, что это такое, и в ответ услышала непонятное слово на дари, французского эквивалента которому Мохаммед не знал. Тогда он указал куда-то в сторону, и Джейн увидела небольшое животное величиной с белку, отскочившее в сторону. Это был сурок. После этого Джейн несколько раз видела сурков и удивлялась, как они могут здесь находить пропитание. Вскоре они вышли к небольшой речушке и пошли вниз по течению вдоль берега. Вокруг воз-

вышались серо-белые скалы, кое-где покрытые скудной растительностью; по берегам виднелись низкорослые кустики. Порывы ветра все не ослабевали и проникали сквозь одежду Джейн как тонкие иголки льда.

По сравнению с подъемом, когда идти было все труднее и труднее, теперь при спуске становилось все легче и легче, тропа стала более проходимой, воздух потеплел, пейзаж становился веселее. Джейн все еще чувствовала себя вымотанной, но настроение уже было менее удрученное и подавленное. Через пару миль они добрались до первого селения в Нуристане. Мужчины там носили толстые безрукавки с ярким черно-белым орнаментом и говорили на каком-то своем наречии, которое Мохаммед едва понимал. Однако он умудрился купить хлеба на оставшиеся у Эллиса афганские деньги.

Джейн так и подмывало попросить Эллиса остановиться здесь переночевать; она чувствовала себя ужасно уставшей, но до наступления темноты оставалось еще несколько часов, и они решили, что сегодня попытаются засветло дойти до Лунара. Джейн пришлось промолчать и заставить себя подняться на ноги.

К ее большому удивлению последние четыре или пять миль дались легче, и они прибыли на место задолго до наступления ночи. Джейн опустилась на землю под огромным тутовым деревом и просто сидела так некоторое время. Мохаммед развел костер и стал готовить чай.

Видимо, Мохаммед успел уже кое-кому рассказать, что Джейн – медсестра, потому что когда она покормила Шанталь и сменила пеленку, небольшая группка людей уже ждала ее на почтительном расстоянии.

У больных были обычные инфицированные раны, кишечные паразиты, заболевания бронхов, а вот истощенных детей здесь было меньше, чем в долине Пяти Львов, возможно, потому, что война меньше коснулась этого отдаленного дикого района.

В результате импровизированной консультации, Мохаммед получил курицу, которую и сварил к обеду. Джейн предпочла бы поспать, но все же заставила себя дождаться еды и жадно проглотила свою порцию. Курица оказалась жестковатой и безвкусной, но она так проголодалась, что ела как никогда в жизни.

Эллис и Джейн сняли комнату в одном из домов в деревне. В их распоряжении был матрас, а для Шанталь – грубая деревянная кровать. Они соединили свои спальные мешки и занимались любовью, несмотря на усталость. Джейн наслаждалась теплом и возможностью наконец полежать, почти в такой же степени, как и наслаждалась сексом. После этого Эллис сразу же заснул. Джейн не могла уснуть несколько минут. Теперь, когда она расслабилась, ее мышцы, казалось, болели еще больше. Она подумала, что хорошо было бы полежать в настоящей постели в обычной спальне, и чтобы сквозь шторы из окон пробивался свет уличных огней и

слышалось, как хлопают дверцы машин на улице, и чтобы была ванная с унитазом и горячей водой, и магазин на углу, где можно купить вату и памперсы и детский шампунь без слез. «Мы ушли от русских, – подумала она, засыпая, – может быть, у нас еще все сбудется, может быть».

Джейн проснулась в то же самое время, что и Эллис, почувствовав его внезапное напряжение. Он продолжал лежать еще мгновение, затаив дыхание, прислушиваясь к лаю двух собак. Затем он быстро поднялся с постели.

В комнате была крошечная темнота. Она услышала, как чиркнула спичка, затем зажглась свечка в углу. Она взглянула на Шанталь: ребенок мирно спал.

– Что это? – спросил она Эллиса.

– Не знаю, – прошептал он, натягивая джинсы и надевая ботинки, а затем и пальто. Он вышел на улицу.

Джейн накинула на себя одежду и вышла за ним. Через открытую дверь свет упал на четверых ребятишек, лежавших рядком на кровати в соседней комнате; они выглядывали из-под одеяла, широко раскрыв испуганные глаза. Их родители спали в другой комнате. Эллис стоял в проеме двери, выглядывая наружу.

Джейн стояла рядом с ним. Вверху на холме она заметила в лунном свете одинокую фигурку человека, бегущего к ним.

– Собаки слышали его, – прошептал Эллис.

– Но кто это? – спросила Джейн.

Внезапно рядом с ними возникла другая фигура. Джейн

отступила, затем узнала Мохаммеда. В его руке блеснуло лезвие ножа.

Человек подошел поближе. Его походка показалась знакомой Джейн.

– Али Ганим, – проворчал Мохаммед и опустил нож.

Теперь Джейн тоже узнала Али по особой манере передвигаться, он бежал так потому, что у него было что-то со спиной.

– Почему он здесь? – прошептала она.

Мохаммед вышел вперед и помахал рукой. Али увидел его, взмахнул рукой в ответ и побежал к дому, где они стояли втроем.

Мохаммед и Али обнялись. Джейн с нетерпением ждала, пока Али, наконец, отдышится. Наконец он сказал:

– Вас выследили русские. Они идут по вашему следу.

У Джейн упало сердце. Она подумала, что им удалось от них уйти. Что-то случилось, что-то не так, подумала она.

– Что же случилось?

Отдышавшись еще несколько секунд, Али, наконец, начал рассказывать:

– Масуд послал меня, чтобы я вас предупредил. В тот день, когда вы ушли, они обыскали всю Долину Пяти Львов. На поиски были брошены сотни вертолетов и тысячи солдат. А сегодня, не найдя вас, они отправили поисковые отряды по всем долинам, ведущим в Нуристан.

– О чем он рассказывает? – перебил Эллис.

Джейн сделала знак рукой Али, чтобы он подождал, пока она переведет Эллису, который не мог понять быстрюю, на одном дыхании речь Али.

– Как они узнали, что мы пошли в Нуристан? – спросил он. – Мы ведь могли спрятаться где угодно в этой чертовой стране.

Джейн перевела. Али ничего не ответил.

– А сюда послали поисковый отряд? – спросила Джейн у Али.

– Да. Я обогнал их как раз перед перевалом Арю. Они, возможно, доберутся до последнего селения на перевале еще до наступления ночи.

– О, нет, – произнесла Джейн в отчаянии. Затем перевела Эллису слова Али. – Почему они так быстро движутся, быстрее, чем мы? – спросила она.

Эллис пожал плечами.

– Потому что их не сдерживает женщина с ребенком, черт побери! – она сама ответила на вопрос.

– Если они вышли сегодня рано утром, то достигнут нас завтра, – сказал Эллис.

– Что же нам делать?

– Отправляться в путь немедленно.

Джейн почувствовала слабость во всем теле. Ее охватило непонятное раздражение против Эллиса.

– Ну разве нельзя где-нибудь спрятаться? – спросила она раздраженно.

– Где? – ответил Эллис. – Здесь только одна дорога. А у русских достаточно людей, чтобы обыскать в округе все дома, их не так уж много. Местные жители не обязательно встанут на нашу сторону. Они могут рассказать русским, где мы прячемся. Нет, наша единственная надежда – быть впереди преследователей.

Джейн посмотрела на часы. Было два часа ночи. Она была готова уступить.

– Я запрягу лошадь, – сказал Эллис. – Ты покорми Шанталь.

Затем он перешел на дари и сказал Мохаммеду:

– Вскипяти-ка нам чаю и дай Али что-нибудь поесть.

Джейн вернулась в дом, закончила одеваться, покормила Шанталь. Пока она кормила, Эллис принес ей горячего зеленого чаю в керамической чашке. Она с благодарностью выпила. Пока Шанталь сосала грудь, Джейн размышляла о том, насколько Жан-Пьер замешан в этом безжалостном преследовании. Она знала, что он помогал в рейде на Бэнду, она сама видела его. Его знание местности, наверное, пригодилось, когда русские прочесывали долину Пяти Львов. Он должен был понимать, что русские, как свора собак, гоняющая крыс, преследуют его жену и ребенка. Как он мог помочь им? Должно быть, его любовь сменилась чувством ненависти, обиды и ревности.

Шанталь, наконец, насытилась. Как приятно, должно быть, не знать ничего о страсти, ревности или предательстве

и не чувствовать ничего, кроме тепла или холода, сытости или голода, думала она.

– Наслаждайся этим, пока можешь, моя маленькая, – сказала Джейн.

Она торопливо застегнула блузку и натянула тяжелый, замасленный свитер. Накинула через плечо повязку и уложила в нее Шанталь, затем надела пальто и вышла на улицу.

Эллис и Мохаммед изучали карту при свете фонарика. Эллис показал Джейн маршрут.

– Мы двинемся вдоль течения Линар до места впадения в реку Нуристан, затем снова свернем и направимся вверх на север Нуристана. Затем пойдем по одной из примыкающих долин – Мохаммед еще не знает, по какой точно, он скажет на месте – и направимся к перевалу Кантивар. Я бы хотел, чтобы сегодня мы покинули долину Нуристан. Русским будет труднее нас преследовать, не зная, по какой стороне долины мы пошли.

– Это далеко? – спросила Джейн.

– Километров двадцать, не больше, но легче или труднее, это зависит от местности, конечно, – сказал он.

– Тогда давайте двигаться, – бодро кивнула Джейн. Она почувствовала гордость за то, что говорит весело и уверенно, скрывая свое настоящее состояние.

Они отправились в путь при свете луны. Мохаммед сразу взял быстрый темп, нещадно подстегивая лошадь кожаным кнутом, когда она оступалась. У Джейн немного боле-

ла голова, к тому же она ощущала подташнивание и пустоту в желудке. Однако, она не была сонной, сказывалось лишь нервное напряжение и усталость мышц. Дорога показалась Джейн ужасно трудной, в особенности ночью. Когда они шли вдоль реки по жесткой траве, это было еще ничего, но когда тропа резко пошла вверх к горным скалам, иногда более чем на сотню метров выше, где земля была покрыта снегом, Джейн боялась поскользнуться, упасть и разбиться насмерть с ребенком в руках.

Иногда приходилось выбирать: на пути встречались развилки, одна вела вверх, другая – вниз. Поскольку никто из них не знал, по какой тропе идти, выбор оставляли за Мохаммедом. В первый раз он выбрал нижнюю тропу и оказался прав: она привела их через маленькую песчаную косу к воде, и им пришлось идти по колено в воде. Но это избавило их от лишних хождений и им не пришлось делать крюк. Зато в следующий раз, снова пробираясь вдоль берега реки, они пожалели об этом, так как не пройдя и пары километров, наткнулись на неприступные скалы, и оставался единственный выход – обогнуть их вплавь. Поэтому они снова вернулись к развилке и пошли уже верхней тропой, взбираясь по утесу.

В другой раз они опять спускались по берегу реки. Тропа вела по выступу скалы на высоте от тридцати до сорока метров над уровнем реки. Лошадь стала нервничать, видимо из-за того, что тропа была слишком узкой. Джейн тоже охватил страх. Ночь была темной и звездное небо недоста-

точно освещало реку внизу, узкое ущелье казалось бездонной, зияющей чернотой ямой, разверзшейся перед ней. Мэгги без конца останавливалась, и Мохаммеду все время приходилось тянуть ее за поводья, чтобы она сдвинулась с места.

Когда тропа, резко обогнув скалу, исчезла из поля зрения, Мэгги заупрямившись, отказалась идти за поворот. Джейн сделала шаг назад, опасаясь, что она начнет бить копытами. Шанталь заплакала то ли потому, что почувствовала момент напряжения, то ли оттого, что еще некрепко заснула после кормления в два часа ночи. Эллис отдал Шанталь в руки Джейн и прошел вперед, чтобы помочь Мохаммеду справиться с лошастью.

Эллис предложил Мохаммеду повести лошадь, но Мохаммед только раздраженно отказался отдать поводья: нервозность и напряжение охватили его. Эллис стал подталкивать животное сзади, покрикивая лошади «но», «пошла». Джейн подумала, что все выглядит даже как-то смешно: Мэгги становится на дыбы, поводья выскальзывают из рук Мохаммеда, и кобыла пятится назад, сбивая Эллиса, продолжает пятиться назад.

К счастью, Эллис упал влево, к подножью скалы. Когда лошадь сдвинулась дальше в сторону Джейн, та стояла на краю тропы у обрыва, ей пришлось схватиться за сумку, привязанную сбоку у седла лошади, чтобы Мэгги не столкнула ее в пропасть.

– Глупое животное, – вскрикнула Джейн, все еще не от-

пуская из рук лямки.

Шанталь, зажатая между лошадей и Джейн, громко заплакала.

Лошадь протащила Джейн несколько метров. Боясь ослабить руку, Джейн сделала отчаянное усилие и схватилась правой рукой за поводья; отпустив сумку, она добралась до уровня головы лошади, и крепко натянув поводья, громко крикнула:

– Стоять!

К ее удивлению, лошадь остановилась. Джейн повернулась назад, Эллис и Мохаммед поднялись на ноги.

– У вас все в порядке? – спросила она по-французски.

– Почти, – ответил Эллис.

– Я потерял фонарик, – сказал Мохаммед.

– Надеюсь, эти чертовы русские тоже свое получают в этих горах, – сказал Эллис.

Джейн поняла, что они даже не заметили, как лошадь чуть было не столкнула ее с обрыва. Она решила не говорить им об этом. Джейн нашла упавшие поводья и протянула их Эллису.

– Надо идти, – сказала она. – Раны будем зализывать позже.

Она прошла мимо Эллиса и сказала Мохаммеду:

– Показывай дорогу.

Мохаммед повеселел, побыв несколько минут без Мэгги. Джейн подумала, а нужна ли им вообще лошадь, но затем

решила – нужна.

Слишком много багажа оказалось у них с собой, чтобы тащить его с собой самим, что-нибудь выбросить было нельзя – ведь все может понадобиться в пути, может быть, даже следовало взять побольше еды.

Они миновали тихо спящее селение, состоявшее из горстки домов у горного потока. Около одного дома громко лаяла собака, пока не вышел хозяин и выругавшись, не успокоил ее. Затем они снова оказались в глуши и безлюдье.

Черное небо постепенно становилось серым, звезды растворялись, наступал рассвет. Джейн подумала, а что сейчас делают русские. Наверное, офицеры с криком поднимают солдат, расталкивая тех, кто слишком медленно вылезал из своих спальных мешков. Повар готовит кофе, а командир изучает карту. А может, они встали на час раньше, еще до рассвета, и отправились в путь, собравшись всего за несколько минут, и сейчас шагают строем вдоль реки Линар, а может даже, они уже прошли селение Линар, или даже преодолели все подъемы по развилкам и находятся сейчас примерно в одном-двух километрах от них.

Джейн прибавила шаг.

Тропа, обогнув скалу, круто уходила вниз к берегу реки. Склоны гор по обеим сторонам были покрыты густым лесом, но следов сельского хозяйства в этих местах они не заметили. Как только рассвело, Джейн определила, что деревья вокруг из породы скального дуба. Она указала на них Эллису

и сказала:

– Почему бы нам не спрятаться в лесах?

– Это уж на самый крайний случай, – ответил он. – Но русским скоро станет ясно, что мы остановились где-то здесь, после разговоров с местными жителями, которые подтвердят, что не видели нас, поэтому русские повернут назад и станут усиленно искать нас здесь.

Джейн кивнула. Она просто искала повод, чтобы остановиться и отдышаться.

Перед самым рассветом они одолели поворот и остановились, чтобы чуть-чуть передохнуть: на тропе после обвала были беспорядочно разбросаны камни, а дальше огромная их груда почти полностью перекрывала проход.

Джейн чуть-чуть не расплакалась. Они прошли километров пять по узкой отвесной тропе над пропастью и по берегу реки. Если сейчас повернуть назад, это означало бы повторить пятикилометровый отрезок, включая ту часть пути, которая так напугала Мэгги.

Они постояли втроем перед выросшей перед ними преградой.

– Мы можем попробовать перелезть через эту груду камней? – спросила она.

– Лошадь не сможет, – ответил Эллис.

Джейн разозлилась на него, ведь это и так было ясно.

– Один из нас должен вернуться назад с лошадью, – нетерпеливо проговорила Джейн, – а остальные двое могли бы пе-

редохнуть.

– Не думаю, что есть смысл разбредаться, – сказал Эллис. Джейн не понравился его безапелляционный тон.

– Не думай, что мы будем делать только так, как кажется правильным тебе, – парировала она.

Он был озадачен.

– Ну, хорошо. Я ведь подумал, что эта груда камней и валунов может сдвинуться с места, если кто-то попробует на нее взобраться. Я лично не собираюсь даже попробовать, независимо от того, что вы оба решите.

– Значит, ты даже не хочешь обсудить это с нами? Ясно. – Взбешенная Джейн повернулась и пошла обратно, оставив у себя за спиной обоих мужчин. И почему так все происходит, размышляла она; когда возникают какие-то проблемы или препятствия, мужчины становятся такими властными и своенравными?

У Эллиса тоже есть недостатки, подумала она. Он, конечно, лукавит, когда говорит ей, что является экспертом по борьбе с терроризмом. Он все еще работает на ЦРУ, а это, наверное, самая большая террористическая организация в мире. В нем, несомненно, есть стремление к риску, опасности, насилию и обману. Не следует особенно обольщаться, если хочешь, чтобы мужчина тебя уважал.

Вот уж чего действительно нельзя сказать о Жан-Пьере, так это что он ставит себя выше женщины. Он мог забыть тебя, обмануть или проигнорировать, но он никогда не вел

себя снисходительно. Может, быть потому, что был моложе нее.

Джейн миновала то место, где Мэгги заупрямившись, встала на дыбы. Она не стала ждать мужчин, на этот раз пусть они сами управляют с этой проклятой лошастью.

Шанталь, проголодавшись, стала кричать, но Джейн решила, что ребенок подождет.

Джейн приблизилась к тому месту, где тропа, казалось, вела наверх к скалам. Там она и присела на землю отдохнуть. Эллис и Мохаммед догнали ее через несколько минут. Мохаммед достал из рюкзака кекс из тутовых ягод с орехами и передал им. Эллис ничего не говорил Джейн. Перекусив, они стали карабкаться в гору. Когда они достигли вершины, их ослепила полоса яркого солнечного света, и Джейн чуточку успокоилась. Некоторое время спустя Эллис проговорил:

– Прости, что я тут раскомандовался.

– Да уж ладно, – сдержанно ответила Джейн.

– Не кажется ли тебе, что ты все воспринимаешь слишком уж болезненно?

– Может быть, извини.

– Ну, да ладно. Давай я понесу Шанталь.

Передав спеленатого ребенка, Джейн сразу почувствовала боль в спине. Шанталь никогда не казалась ей тяжелой, но ее вес ощущался на расстоянии. Это словно тащишь увесистую сумку с продуктами километров десять-пятнадцать.

По мере того, как солнце поднималось, воздух становил-

ся теплее. Джейн расстегнула куртку, а свою Эллис вообще снял. Мохаммед по-прежнему шагал в своей трофейной серой шинели, оставаясь типично по-афгански равнодушным ко всему, кроме серьезных колебаний породы.

Ближе к полудню они спустились по узким отрогам перевала Динар к широкой долине Нуристана. Здесь дорога снова была четко отмечена условными знаками – наваленными в кучки камнями; тропа была почти такой же утопанной, как проезжая дорога в долине Пяти Львов. Они повернули на север, поднимаясь вверх по течению реки, в горы.

Джейн чувствовала себя страшно усталой и расстроенной. После того, как они встали в два часа ночи, она прошагала не меньше десяти часов, но за это время они преодолели всего лишь шесть-семь километров. Эллис хотел, чтобы сегодня они прошли еще километров пятнадцать. Джейн уже третий день была в пути и понимала, что просто свалится с ног, если будет продолжать путь до наступления темноты. Даже у Эллиса было плохое настроение; Джейн знала, такое выражение лица означало, что он вымотан до предела. Только Мохаммед казался невозмутимым.

В долине Динар они не встретили никого из жителей местных селений, зато в горах им несколько раз попались на глаза путешественники. Большинство из них были в белых одеяниях и белых тюрбанах. Нуристанцы с любопытством поглядывали на двух бледнолицых изможденных европейцев, а Мохаммеда приветствовали со сдержанным почтением, без

сомнения из-за висевшего у него за плечами автомата Калашникова.

Поднимаясь по реке Нуристан, они встретили чернобородого, светлоглазого молодого человека, несущего с десяток привязанных на шесте свежих рыбин.

Он поговорил с Мохаммедом на смеси разных языков – Джейн смогла уловить лишь несколько слов на дари и отдельные слова пушту – однако они достаточно хорошо понимали друг друга, и Мохаммед купил три рыбины.

Эллис отсчитал деньги и сказал Джейн:

– Пятьсот афгани за рыбу – это сколько будет?

– Пятьсот афгани – это пятьдесят франков, значит, пять фунтов.

– Десять долларов, – сказал Эллис, – дорогая рыбка.

Джейн хотелось, чтобы он прекратил эту болтовню: она едва держалась на ногах, а он все рассуждал о цене и дороговизне рыбы.

Молодой человек, имя которого было Халам, рассказывал, что поймал рыбу в озере Мундол, дальше вниз по долине, хотя, скорее всего, он ее купил. Своей внешностью он не очень-то походил на рыбака. Некоторое время он шел вместе с ними и оказался довольно говорливым, явно не задумываясь о том, понимают его или нет.

Как и долина Пяти Львов, Нуристан был скалистым каньоном, который расширялся каждую пару километров, образуя по краям небольшие участки плодородной земли, рас-

положенные террасами. Наиболее отличительной особенностью были густые леса, состоявшие из пород скального дуба, которые покрывали склоны гор, как шерсть тело овцы, и которые казались Джейн на худой конец подходящим местом для укрытия.

Шагать стало легче. К радости Джейн, не встречалось больше жутких развилок на тропе. В одном месте тропу завалило обвалом, но на этот раз Джейн и Эллис смогли перелезть через него. Мохаммед с лошастью спустился вниз и прошел этот участок вброд по реке, присоединившись к ним чуть выше по течению.

Затем, когда тропа приблизилась к обрыву, устремившись к шатким деревянным мостикам, лошадь уперлась и встала, и Мохаммеду снова пришлось идти в обход по воде.

На этот раз Джейн была на грани нервного срыва. Когда Мохаммед догнал их, она не выдержала и сказала:

– Мне надо остановиться и отдохнуть.

– Но мы уже почти дошли до Гадвала.

– А это еще далеко?

Мохаммед спросил Халама на дари вперемежку с французским, потом сказал Джейн:

– Полчаса, не больше.

Джейн это показалось целой вечностью. «Конечно, я могу продержаться на ногах еще полчаса», – внушала она себе, пытаясь думать о чем-нибудь другом, кроме боли в спине и желания прилечь.

И тогда за следующим поворотом их взору открылось долгожданное селение.

Вид на него был поразительный: деревянные домишки, разбросанные у подножья крутых гор, как дети, взбирающиеся друг другу на закорки. Казалось, что если один из расположенных снизу домов рухнет, сползут в воду и все остальные.

Как только они приблизились к первому дому, Джейн просто остановилась и опустилась на землю прямо у воды. У нее от усталости гудела каждая мышца тела и едва хватило сил, чтобы забрать Шанталь у Эллиса, который тоже сел рядом с ней, судя по всему тоже вымотавшись до предела. Из окошка дома выглянуло любопытное лицо женщины. Халам сразу же стал что-то рассказывать хозяйке: вероятно все, что знал о Джейн и Эллисе. Мохаммед пас Мэгги на берегу реки, где осталась прошлогодняя жесткая трава, затем вернулся и устроился рядом с Эллисом.

– Нам надо купить хлеба и чая, – сказал он.

Джейн подумала, что им всем необходимо поесть что-нибудь более основательное.

– А как насчет рыбы? – спросила она.

– Чтобы почистить ее и приготовить потребуется слишком много времени.

– Съедем ее вечером. Я не хочу оставаться здесь больше, чем на полчаса.

– Ладно, – сказала Джейн, хотя не была уверена, что смо-

жет продолжать путь через полчаса. Но может быть, ей стало бы легче, если бы она поела, подумала она.

Халам окликнул их. Джейн взглянула на него и увидела, как он машет им рукой. Хозяйка дома тоже пригласила их жестом войти в дом. Эллис и Мохаммед встали. Джейн положила Шанталь на землю, выпрямилась, потом наклонилась, чтобы поднять ребенка. Тут у нее все поплыло перед глазами, и Джейн чуть не упала. Еще мгновение она пыталась удержаться на ногах, видя перед собой только крошечное личико Шанталь в легкой пелене, затем ее колени подогнулись и теряя сознание, она свалилась в траву.

Когда Джейн открыла глаза, увидела склонившиеся над ней встревоженные лица: Эллис, Мохаммед, Халам и хозяйка дома.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Эллис.

– Как глупо все получилось, – проговорила она. – Что со мной случилось?

– Ты потеряла сознание.

– Сейчас я приду в себя, – сказала она, приподымаясь.

– Нет, сегодня ты уже не сможешь идти дальше – возразил

Эллис.

Сознание Джейн стало проясняться. Она знала, что он прав. Ее организм уже больше не выдержит, и никаким усилием воли ничего не добьешься. Она заговорила по-французски, чтобы и Мохаммед мог ее понять:

– Но русские наверняка явятся сюда сегодня.

– Нам надо будет спрятаться, – сказал Эллис.

– Посмотрите на этих людей. Неужели вы думаете, они смогут сохранить все в тайне? – спросил Мохаммед.

Джейн взглянула на Халама и женщину. Они разглядывали гостей с интересом, прислушиваясь к разговору, хоть не понимали ни слова. Приезд иностранцев вероятно, стал для них самым значительным событием за весь год. Через несколько минут здесь соберется почти вся деревня. Джейн измерила Халама испытующим взглядом. Просить его держать язык за зубами – это все равно, что просить собаку не лаять. Их местонахождение ту же станет известно всему Нуристану еще до наступления ночи. Возможно ли уйти от этих людей, незаметно ускользнув по боковой долине? Может быть. Но им никак не обойтись без помощи местных жителей; раньше или позже иссякнут их запасы продуктов, и если к этому времени русским будет известно об их привале, они станут обыскивать леса и долину. Эллис был прав сегодня утром, когда говорил, что их единственная надежда связана с тем, чтобы опережать преследователей.

Мохаммед сделал глубокую затяжку сигаретой и задумался.

– Мы должны пойти вперед, а Джейн оставить здесь, – сказал он, обратившись к Эллису.

– Нет, – ответил Эллис.

– У тебя бумаги, на которых стоят подписи таких людей, как Масуд, Камил и Азизи, что важнее, чем жизнь любого из

нас. В этом – будущее Афганистана, его свобода, то, за что погиб мой сын, – возразил Мохаммед.

Эллису надо продолжить путь в одиночку, подумала Джейн. В конце концов, хотя бы он спасется.

При мысли о том, что Джейн может потерять его, ее охватило такое отчаяние, что ей стало не по себе. Она должна попытаться найти выход, чтобы помочь ему, а не изыскивать способ оставить его при себе. Вдруг ей пришла в голову идея.

– Я постараюсь сбить русских со следа, – сказала Джейн после некоторых колебаний. – Я могла бы сдаться им в плен, направив Жан-Пьера по ложному следу относительно того, куда ты направляешься и каким образом передвигаешься. Если мне удастся полностью запутать их, ты будешь иметь несколько дней в запасе, а этого достаточно для того, чтобы спокойно покинуть пределы страны!

Ее вдохновила эта идея, однако в глубине ее души билась мысль: «не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй меня». Мохаммед взглянул на Эллиса.

– Это единственный выход, Эллис, – проговорил он.

– Забудь об этом, – сказал Эллис. – Этому не бывать.

– Но, Эллис...

– Я этого не допущу, – повторил Эллис. – Можешь об этом забыть.

Мохаммед замолчал.

– Что же тогда мы будем делать? – спросила Джейн.

– Русские не успеют добраться сюда сегодня, – сказал Эл-

лис.

– У нас по-прежнему остается преимущество – мы рано встали сегодня утром. Мы переночуем здесь, а завтра тоже рано выйдем в путь. Запомните, еще не поздно то, чему не истек срок. Случиться может все, что угодно. Может, кто-нибудь в Москве решит, что Анатолий не в своем уме и распорядится прекратить поиски.

– Черта с два, – сказала Джейн на английском, но в глубине души, вопреки всему она была рада, что он отказался идти один.

– У меня другое предложение, – сказал Мохаммед. – Я вернусь, чтобы сбить русских со следа.

Джейн встрепелась.

– Неужели это возможно?

– Как ты себе это представляешь? – спросил Эллис.

– Я предложу себя быть их переводчиком и гидом и поведу их на юг вниз по долине Нуристана, подальше от вас, к озеру Мундол.

Джейн подумала о возможных последствиях, и сердце ее замерло.

– А если у них уже есть гид, – проговорила она.

– Он может оказаться неплохим парнем из долины Пяти Львов, которого силой заставили сотрудничать с русскими. В таком случае я поговорю с ним и все устрою.

– А если его не удастся уговорить?

Мохаммед задумался.

– Тогда он плохой человек, которого заставили им помогать, предатель, который сознательно сотрудничает с врагами во имя личной выгоды; в таком случае я убью его.

– Я не хочу, чтобы кого-нибудь из-за меня убивали, – не задумываясь проговорила Джейн.

– Это не ради тебя, – резко заметил Эллис. – Это ради меня – ведь это я отказываюсь продолжить путь в одиночку.

Джейн замолчала.

Размышляя о технических деталях, Эллис обратился к Мохаммеду:

– Но ты одет не так, как одеваются в Нуристане.

– Я поменяюсь одеждой с Халамом.

– К тому же едва владеешь местным наречием.

– В Нуристане много наречий. Я объясню, что родом из того района, где говорят на другом языке. Русские не говорят ни на одном из местных наречий, так что они никогда не узнают.

– А что ты будешь делать с оружием?

Мохаммед задумался на мгновение и сказал:

– Вы мне не дадите свою сумку?

– Она слишком мала.

– Мой Калашников складывается пополам.

– Ясное дело, бери, – ответил Эллис.

Джейн подумала, не вызовет ли это подозрение, но затем решила, что оснований для беспокойства нет, ведь афганские сумки такие же странные и разнообразные, как и их

одежда. Все равно рано или поздно Мохаммед неизбежно вызовет подозрения.

– Ну а что произойдет, если они, наконец, поймут, что пошли по ложному пути? – спросила она.

– Прежде чем это произойдет, я сбегу ночью, оставив их в неведении.

– Но это жутко опасно, – заметила Джейн.

Мохаммед пытался выглядеть невозмутимо бесстрашным. Как и большинство партизан, он обладал врожденной смелостью, но вместе с тем был до смешного тщеславен.

– Но если ты ошибешься в расчетах и они заподозрят тебя прежде, чем тебе удастся от них сбежать, тебя схватят и начнут пытать, чтобы выяснить, каким маршрутом мы прошли.

– Живым им меня не взять, – сказал Мохаммед. Он внушал Джейн доверие.

– Но тогда у нас не будет проводника, – сказал Эллис.

– Я вам найду другого. – Мохаммед повернулся к Халаму и начал быстро переговариваться с ним на каком-то смешанном наречии. Джейн догадалась, что Мохаммед предлагает Халаму наняться в проводники. Ей не очень нравился Халам, – он был слишком хорошим торговцем, чтобы вызывать к себе полное доверие, но он явно не был новичком в горах, следовательно, выбор оказался правильным. Большинство местных жителей вряд ли рискнули бы отправиться за пределы своей долины.

– Он говорит, что знает дорогу, – сказал Мохаммед, пере-

ходя на французский. У Джейн возникли смутные подозрения насчет слов «он знает». Мохаммед между тем продолжал: – Сначала он поведет вас в Кантивар, а там найдет другого проводника, чтобы провести вас по следующему перевалу; так вы доберетесь до границы с Пакистаном. За это он хочет пять тысяч афгани.

– Цена вполне приемлемая, но сколько нам еще потребуется нанять проводников по такой цене, прежде чем мы доберемся до Хитраля?

– Может быть, пять или шесть, – ответил Мохаммед.

Эллис покачал головой.

– У нас нет тридцати тысяч афгани. К тому же, нам надо еще покупать еду.

– Вы сможете добывать пищу, помогая местному населению врачеванием, – предложил Мохаммед. – Может быть, в самом конце вам не понадобится никаких проводников. Когда вы попадете в Пакистан, там станет намного легче.

Эллис колебался.

– Что ты думаешь на этот счет? – спросил он Джейн.

– Альтернатива есть, – сказала она. – Ты можешь продолжить путь без меня.

– Нет, – ответил Эллис. – Это не альтернатива. Мы пойдем вместе.

Глава 18

За весь следующий день поисковые отряды не обнаружили никаких следов Джейн и Эллиса.

Жан-Пьер и Анатолий сидели на жестких деревянных стульях в темном, спартанском на вид офисе без окон на военно-воздушной базе в Баграме и прослушивали поступающие радиосводки. Сегодня поисковые отряды снова вышли еще до восхода солнца. Поначалу их было шесть: по одному на каждую из пяти примыкающих долин, вытянувшихся на восток от долины Пяти Львов; один отряд направился на север, вверх по течению реки Пяти Львов. В каждом отряде был, по крайней мере, один офицер регулярной афганской армии, говоривший на дари. Они высадились на вертолетах в шести деревнях долины и уже через полчаса сообщали, что наняли местных проводников.

– Быстро работают, – удивился Жан-Пьер после прослушивания последнего, шестого сообщения. – Как это они умудряются?

– Очень просто, – ответил Анатолий. – Они просят кого-то из местных сопровождать их в качестве проводника. Тот отказывается, тогда они его пристреливают. Просят следующего. Желаящие находятся очень быстро.

Один отряд попытался проследовать по закрепленному за ним маршруту на вертолете, но эксперимент не удался.

Маршрут оказался труднопроходимым по земле, а по воздуху тем более. Кроме того, никто из проводников раньше не летал на вертолете и на высоте не мог правильно ориентироваться. Так что все отряды отправились пешком; причем некоторые взяли с собой лошадей, тащивших поклажу.

Жан-Пьер уже не ожидал сегодня каких-либо известий, так как беглецы опережали преследователей на целый день. Однако, солдаты наверняка будут передвигаться быстрее, чем Джейн, в особенности с Шанталь на руках...

Жан-Пьера мучили угрызения совести всякий раз, когда он думал о Шанталь. Его ярость по отношению к жене и к тому, что она делает, не распространялась на дочь. Ребенок страдал, он был уверен в этом, целый день в пути, пробираясь в снегах сквозь ледяной ветер...

В последнее время он все время размышлял, что случится, если Джейн погибнет, а Шанталь выживет. Ему представлялось, как они возьмут в плен одного Эллиса, а заочневшее тело Джейн найдут в двух-трех километрах неподалеку с ребенком в руках, чудом оказавшимся живым. «Я вернусь в Париж человеком с трагическим ореолом, – думал Жан-Пьер, – вдовец с крохотной дочерью, ветеран войны в Афганистане... Со мной будут носиться, как со знаменитостью! Но мне вполне по силам воспитать ребенка. Какие чудесные у нас будут взаимоотношения, когда Шанталь подрастет! Я найму ей няню, но позабочусь о том, чтобы в жизни ребенка она не заняла место матери. Я сам буду для нее и матерью

и отцом».

Чем больше он об этом думал, тем больше злился на Джейн за то, что она подвергает опасности жизнь Шанталь. Мать явно нарушала все родительские обязанности, пустившись с ребенком в такое опасное дело. Он подумал, что на этом основании ему, возможно, удастся добиться через суд в Европе установления опекунских прав на ребенка.

К полудню Анатолий уже изрядно устал, а Жан-Пьер ощущал какое-то нарастание напряжения. Оба были раздражены. Анатолий долго беседовал по-русски с другими офицерами, которые зашли к ним в маленькую комнату без окон, и их болтовня действовала Жан-Пьеру на нервы. Сначала Анатолий переводил все радиосводки поисковых отрядов, потом бросил однозначно: «Ничего». Жан-Пьер составлял маршруты отрядов по картам, отмечая их местонахождение красным карандашом, но к концу дня они вышли на тропы или высохшие русла рек, которые не были обозначены на картах, и если даже они сообщали по радио о своем местонахождении, Анатолий не передавал ему этой информации.

Преследователи расположились на ночлег, сообщив, что следов преследуемых не обнаружено. Солдатам было приказано расспрашивать местных жителей селений, через которые они проходили. Местные жители сообщали, что никаких иностранцев не видели. В общем, ничего удивительного, так как преследователи все еще оставались в пределах долины Пяти Львов, не достигнув перевалов, ведущих в Нуристан.

Люди, которых они расспрашивали, в основном были лояльны Масуду: помогать русским для них было бы равносильно предательству. Завтра, когда они подойдут к Нуристану, жители станут более стоворчивыми.

Тем не менее, Жан-Пьер чувствовал разочарование, когда вечером они с Анатолием вышли из офиса и по бетонированной площадке направились в столовую. Они съели отвратительный ужин из консервированных сосисок и картофельного пюре, после чего Анатолий под стать его настроению стал пить водку с друзьями-офицерами, оставив Жан-Пьера наедине с сержантом, который говорил по-русски. Они сыграли партию в шахматы, и, к огорчению Жан-Пьера, сержант оказался намного сильнее его. Жан-Пьер пораньше отправился спать и потом еще долго не мог заснуть, представляя Эллиса и Джейн вместе в постели.

На следующее утро его разбудил Анатолий, восточное лицо которого расплылось в улыбке, совсем без следов вчерашнего раздражения, причем Жан-Пьер чувствовал себя, как провинившийся ребенок, которого, наконец, простили, хотя, насколько ему было известно, он не совершил ничего дурного. Они вместе съели завтрак – кашу – и пошли в офис.

С утра Анатолий уже связался по радио с поисковыми отрядами, которые снова отправились в путь на рассвете.

– Сегодня мы разыщем твою жену, приятель, – весело проговорил Анатолий, и Жан-Пьер почувствовал прилив оптимизма.

Как только они пришли в офис, Анатолий снова связался по рации. Он попросил солдат описать, что они видят вокруг, и Жан-Пьер, используя описания местности, горных потоков, озер и низин, догадывался, где они могут находиться. Похоже, что они продвигались чересчур медленно, если брать расстояние в час, но, разумеется, надо учитывать, что они поднимались в горы по труднопроходимым тропам. Однако, такие же суровые условия сказывались и на продвижении Эллиса и Джейн.

В каждом поисковом отряде были свои проводники, но когда отряд приблизился к месту, где находилась развилка с обеими тропами, ведущими в Нуристан, пришлось нанять еще одного проводника из близлежащего селения и разбиться на две группы. К полудню карта Жан-Пьера была испещрена красными точками, словно корьевой сыпью.

В полдень их ждал сюрприз. На пять дней в Афганистан с проверкой прилетел генерал в очках; он приземлился в Баграме и решил выяснить, на что Анатолий тратит деньги русских налогоплательщиков. Об этом Жан-Пьер узнал вкратце от Анатолия за несколько секунд до того, как в крохотном офисе появился генерал в окружении подобострастных офицеров, словно утят, спешащих за матерью-уткой.

Жан-Пьера поразило, как мастерски Анатолий обхаживает наехавших гостей. Он вскочил со стула, довольно энергично, но без суеты, пожал руку генералу и предложил сесть, отдал кому-то несколько распоряжений через открытую дверь

в другой комнате. Он докладывал быстро, но отчетливо генералу примерно минуту или более того, затем извинился и снова что-то проговорил в микрофон, сначала перевел Жан-Пьеру информацию из Нуристана, полученную по переполненному помехами эфиру, затем представил генерала Жан-Пьеру по-французски.

Генерал стал задавать вопросы, Анатолий отвечал, иллюстрируя маршрут отметками Жан-Пьера на карте. Неожиданно в эфир ворвался радист одной из поисковых групп, и взволнованный голос затараторил что-то по-русски. Анатолий прервал генерала на полуслове, чтобы сосредоточиться на информации из эфира.

Жан-Пьер присел на край своего жесткого стула и с нетерпением ждал перевода.

Голос оборвался. Анатолий задал вопрос, ему ответили.

– И что же они там нашли? – не выдержал Жан-Пьер.

Не реагируя на вопрос, Анатолий сначала переговорил с генералом. Потом, наконец, повернулся к Жан-Пьеру.

– Они нашли двух американцев в селении под названием Атати в долине Нуристана.

– Удивительно, – воскликнул Жан-Пьер, – это они!

– Очень может быть, – сказал Анатолий.

Жан-Пьер не мог понять его сомнений.

– Да, конечно, это они! Вашим людям трудно отличить американцев от англичан.

– Вполне возможно, но согласно сообщению, никакого ре-

бенка с ними нет.

– Нет ребенка? – нахмурился Жан-Пьер.

Как это? Неужели Джейн оставила Шанталь в долине Пяти Львов под присмотром Рабии, Захары или Фары? Это маловероятно. Может быть, она успела спрятать ребенка в этом селении Атати незадолго до того, как они попали в руки поисковой группы? Это тоже казалось маловероятным: в минуту опасности Джейн следовало инстинктивно быть рядом с ребенком.

Неужели Шанталь уже нет в живых?

Может, какая-то ошибка, решил он: искажение связи, помехи в радиоприеме, а может какой-нибудь нерадивый офицер отряда просто не заметил крошечного ребенка.

– Какой толк рассуждать? – сказал он Анатолию. – Надо слетать туда и посмотреть на месте.

– Я хочу, чтобы ты полетел со сменным нарядом, – сказал Анатолий.

– Конечно, – ответил Жан-Пьер, до которою не сразу дошел смысл брошенной Анатолием фразы: – Стало быть, ты не полетишь вместе со мной?

– Так оно и есть.

– А почему?

– Я нужен здесь, – ответил Анатолий, окинув взглядом генерала.

– Хорошо.

В среде военной бюрократии несомненно существовала

своя борьба за власть: Анатолий опасался покинуть базу, пока генерал еще находился здесь, на тот случай, если кому-нибудь вздумается очернить Анатолия в глазах генерала.

Анатолий снял трубку стоявшего на столе телефона и отдал несколько распоряжений по-русски. Пока он еще разговаривал, в комнату вошел ординарец; кивнув Жан-Пьеру, Анатолий прикрыл трубку рукой и сказал:

– Они дадут тебе теплую шинель – там в Нуристане уже зима.

Жан-Пьер вышел с ординарцем. Они прошли по бетонной дорожке. Их уже ждали два вертолета с вращающимися лопастями: пучеглазый боевой вертолет с углублениями для ракет под обрубленными крыльями, а рядом другой, гораздо больший по размерам транспортный вертолет с целым рядом иллюминаторов на борту. Жан-Пьер удивился, для чего такой большой вертолет, потом сообразил: это для того, чтобы забрать поисковый отряд. Перед вертолетами к ним подбежал солдат и передал Жан-Пьеру серую форменную шинель, которую тот перекинул через руку и взобрался на борт меньшего вертолета.

Вертолеты тут же поднялись в воздух. Жан-Пьер с волнением думал о предстоящей встрече. Он устроился на скамье для пассажиров, где уже сидело с полдюжины солдат. Вертолет взял курс на северо-восток.

Когда военно-воздушная база осталась позади, пилот жестом пригласил Жан-Пьера пройти в кабину. Жан-Пьер под-

нялся, прошел вперед и остановился на пороге кабины, чтобы лучше было слышно.

– Я буду вашим переводчиком, – сказал пилот по-французски, медленно выговаривая слова.

– Спасибо. Вы знаете, куда мы летим? – спросил Жан-Пьер.

– Да, сэр. У нас есть координаты, и я могу связаться с командиром поисковой группы по радиации.

– Прекрасно. – Жан-Пьера удивило такое уважительное к нему отношение. Похоже, он заслужил почетное звание не ниже полковника КГБ.

Вернувшись на свое место, Жан-Пьер подумал, какой у Джейн будет вид при его появлении. Почувствует ли облегчение? Поведет ли себя вызывающе? Или предстанет перед ним просто изможденной? Конечно, Эллис будет со своим озлобленным и оскорбленным самолюбием. «Как же мне вести себя»? – размышлял Жан-Пьер. Хочу, чтобы они почувствовали себя задетыми и уязвленными, но сам-то я должен сохранять благородство. Что же мне им сказать?

Он попытался представить себе сцену встречи. Эллис и Джейн окажутся во дворе какой-нибудь мечети или будут сидеть на земляном полу сложенного из камней дома, возможно, связанные, охраняемые солдатами с Калашниковыми. Они, наверное, голодные, продрогшие и несчастные. Жан-Пьер войдет в своей русской шинели, уверенный в себе, во главе следующих за ним младших офицеров. Он посмотрит

на них долгим испытующим взглядом и скажет...

Что же он скажет? «Вот мы и встретились снова» – звучит ужасно мелодраматично. «Неужели вы в самом деле думали, что сможете ускользнуть от нас?» – было бы слишком риторично. «У вас не было никаких шансов» – было бы предпочтительнее, но не столь эмоционально.

Температура за бортом стала резко падать, когда они оказались над горами. Жан-Пьер надел шинель и, стоя перед открытой дверью, смотрел вниз. Под ним расстилалась долина, чем-то напоминавшая долину Пяти Львов, с протекавшей посередине речушкой, которая временами пряталась в тени гор. Снег покрывал вершину и оба склона гор, но в долине снега не было.

Жан-Пьер прошел вперед в кабину и сказал на ухо пилоту:

– Где мы находимся?

– Это место называется Долина Секардара, – ответил пилот. – В северном направлении она переходит в долину Нуристан и приведет нас к селению Атати.

– Сколько еще лететь?

– Двадцать минут.

Жан-Пьеру это казалось целой вечностью. Пытаясь сдержать нетерпение, Жан-Пьер прошел назад и сел на скамью рядом с солдатами. Поглядывая на него, они сидели тихо и спокойно. Наверное, побаивались его. Может быть, думали, что он из КГБ.

А я и на самом деле из КГБ, – пришла ему в голову нежи-

данная мысль.

Интересно, о чем сейчас думают солдаты? Наверное, о своих девушках и женах, оставшихся дома. Теперь их дом будет и его домом. У него будет квартира в Москве. Интересно, сможет ли он теперь начать счастливую семейную жизнь с Джейн? Ему хотелось бы отвезти Джейн и Шанталь в эту квартиру и оставить там, пока он и эти солдаты будут воевать в других странах, и с нетерпением ждать отпуска, чтобы вернуться домой к жене, снова оказаться рядом с ней в постели, посмотреть, как подрастает его дочь. «Я предал Джейн, а она предала меня, – думал он. – Может быть, мы сможем простить друг друга, хотя бы ради Шанталь».

Что же случилось с Шанталь?

Скоро он все узнает. Вертолет пошел на снижение. Они были почти у цели. Жан-Пьер встал, чтобы снова посмотреть сквозь открытую дверь. Они спускались на луг, где горный поток впадал в реку. Это было живописное местечко. На холме было разбросано всего несколько домишек, каждый из которых возвышался над другим, в типично нуристанской манере: Жан-Пьер вспомнил фотографии таких селений в рекламных альбомах о Гималаях.

Вертолет приземлился.

Жан-Пьер спрыгнул на землю. С другой стороны луга, выйдя из нижнего ряда деревянных домов, приближалась группа русских солдат поискового отряда. Жан-Пьер с нетерпением ждал, когда выйдет пилот, его переводчик. На-

конец, он вышел из вертолета.

– Пошли! – сказал Жан-Пьер и направился через поляну.

Он сдерживал себя, чтобы не побежать. Эллис и Джейн, наверное, были в том доме, из которого вышли солдаты, и он быстрым шагом направился туда. Жан-Пьер чувствовал, что начинает злиться: в нем бушевала столь долго сдерживаемая ярость. «К черту достойное поведение, – размышлял он, – я выложу этой чертовой парочке все, что о них думаю». Когда он приблизился к поисковой группе, возглавлявший поиски офицер стал докладывать. Не обращая на него никакого внимания, Жан-Пьер повернулся к переводчику и сказал:

– Спросите его, где они находятся.

Пилот задал вопрос и офицер показал на один из деревянных домиков. Без лишних слов Жан-Пьер прошел мимо солдат прямо в дом.

Его ярости не было предела, когда он ворвался в дом. В комнате находилось несколько солдат из отряда. Увидев Жан-Пьера, они расступились.

В углу двое были привязаны к скамейке.

Жан-Пьер взглянул на них. Его рот приоткрылся, а лицо побелело. Пленниками оказались анемичного вида худой молодой человек лет восемнадцати или девятнадцати с длинными грязными волосами и висящим усам, а также полногрудая белокурая девушка с цветами в волосах. Взглянув на Жан-Пьера, парень проговорит по-английски:

– Эй, дружище, будьте добры, помогите нам. Мы тут влип-

ли в одну неприятность.

Жан-Пьер почувствовал, что он вот-вот взорвется. Это была просто парочка хиппи, направляющаяся в Катманду, из той категории туристов, которые еще не перевелись, несмотря на войну в Афганистане. Надо же, какое разочарование! Почему они оказались здесь как раз в тот момент, когда все были заняты поисками сбежавшей парочки европейцев?

Жан-Пьер определенно не собирался помогать какой-то парочке наркоманов-дегенератов. Он повернулся и вышел.

Пилот как раз входил в комнату. Увидев выражение лица Жан-Пьера, он спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Это не они. Пойдемте со мной.

Пилот поспешил за Жан-Пьером.

– Не они? Разве это не американцы?

– Да, американцы, но не те, которых мы ищем.

– Что вы собираетесь теперь делать?

– Хочу поговорить с Анатолием. Надо, чтобы вы связались с ним по радио.

Они пересекли лужайку и забрались в вертолет. Жан-Пьер сел в кресло стрелка и надел наушники. Он постукивал от нетерпения ногой по металлическому полу, пока пилот связывался по рации. Наконец, послышался отдаленный голос Анатолия, искаженный помехами эфира.

– Жан-Пьер, друг мой, это Анатолий. Где ты?

– Я в Атати. Двое задержанных американцев оказались не

Эллисом и Джейн. Повторяю, они не Эллис и Джейн. Это просто парочка глупых молокососов, блуждающих в поисках нирваны... Все. Конец связи.

– Это меня не удивляет, Жан-Пьер, – снова послышался голос Анатолия.

– Что? – перебил Жан-Пьер, забывая, что связь односторонняя.

– ...получена серия сообщений о том, что Эллиса и Джейн видели в долине Линар. Поисковая группа еще не настигла их, но идет по их следу... Конец связи.

Злость Жан-Пьера по поводу хиппи мгновенно улетучилась, к нему вернулась надежда.

– Долина Линар? Где это?.. Конец связи.

– Недалеко от того места, где вы сейчас находитесь. Она переходит в долину Нуристан примерно в тридцати километрах южнее Атати... Конец связи.

Так близко!

– Вы уверены?.. Конец.

– Поисковая группа опросила местных жителей нескольких селений в том районе. Описания Эллиса и Джейн совпадают. И они упомянули ребенка... Конец.

– Тогда это они.

– Значит, можно вычислить, где они сейчас?.. Конец.

– Нет еще. Я как раз вылетаю, чтобы присоединиться к поисковой группе. Там станут известны подробности... Конец.

– Хочешь сказать, что ты сейчас не в Баграм? Что случилось с вашим... э... гостем?.. Конец.

– Уехал, – резко оборвал Анатолий, – сейчас я уже в воздухе, лечу на встречу с поисковой группой в селении под названием Мундол. Оно расположено в долине Нуристан, ниже по течению реки Динар, где она впадает в реку Нуристан. Это около большого озера, которое тоже называется Мундол. Давайте там и встретимся. Там переночуем, а утром проверим, как проходит операция... Конец.

– Я буду там! – сказал радостно Жан-Пьер. Его вдруг поразила мысль. – А что будем делать с этими хиппи... Конец.

– Отправлю их в Кабул на допрос. Там есть люди, которые напомнят им о реальностях материального мира. Дай мне поговорить с твоим пилотом... Конец.

– Увидимся в Мундоле... Конец.

Анатолий стал говорить по-русски со вторым пилотом, и Жан-Пьер снял свои наушники. Он удивился, почему Анатолий захотел тратить время на допрос парочки невинных хиппи. Ведь они наверняка не были шпионами. Тут ему пришло в голову, что единственным человеком, которому известно, что эта парочка не Эллис и Джейн, был сам Жан-Пьер. Возможен и такой, хоть и самый невероятный, вариант, что Эллис и Джейн уговорили Жан-Пьера отпустить их, сообщив Анатолию, что его поисковая группа поймала парочку хиппи.

Ох и подозрительный ублюдок этот русский.

Жан-Пьер нетерпеливо ждал, пока Анатолий закончит разговор с пилотом. Похоже, что поисковая группа приблизилась к карьеру около Мундола. Возможно, завтра Эллиса и Джейн схватят. В общем-то их попытки сбежать с самого начала, казалось, были обречены на неудачу, но Жан-Пьер все равно волновался, и будет пребывать в этом состоянии, пока этих двоих не схватят и не отправят в какую-нибудь тюрьму в России. Пилот снял наушники и сказал:

– Мы доставим вас в Мундол на этом вертолете. А транспортный вертолет заберет ребят обратно на базу.

– О'кей.

Через несколько минут они уже были в воздухе: те, что остались, начали грузиться в транспортный вертолет. Было уже почти совсем темно, и Жан-Пьер стал опасаться, что в темноте будет непросто отыскать селение Мундол.

Пока они летели вниз по течению, быстро наступила ночь. Земля растворилась в темноте. Пилот постоянно держал связь по радио, и Жан-Пьер подумал, что с земли люди помогали пилоту не сбиться с курса. Через десять-пятнадцать минут внизу появились мощные огни. Примерно в километре от огней луна осветила поверхность большого водоема. Вертолет стал приземляться. Он сел рядом с другим вертолетом, стоявшим в поле. Постовой провел Жан-Пьера через луг к селению, расположившемуся на холме. В лунном свете вырисовывались силуэты деревянных домов.

Жан-Пьер прошел за солдатом в дом. Там он увидел Ана-

толия, сидевшего на складном стуле и накрытого огромной волчьей шубой.

Он был в приподнятом настроении.

– Жан-Пьер, мой дорогой французский друг, мы близки к успеху! – громко произнес он. Было как-то странно видеть человека с восточным лицом в таком радушном и веселом настроении. – Выпей кофе – в него добавлена водка.

Жан-Пьер взял бумажный стаканчик у женщины-афганки, которая, видимо, обслуживала Анатолия. Он, как и Анатолий сел на складной стул, очень похожий на армейскую складную мебель. Если русские таскают с собой так много всякой всячины – складные стулья, кофе, бумажные стаканчики, водку – тогда, наверное, они передвигаются не быстрее Эллиса и Джейн.

– На своем вертолете я привез кое-какие необходимые для нашего удобства вещи, – сказал Анатолий с улыбкой, словно прочитав его мысли. – Знаешь, у людей из КГБ есть свое достоинство.

Жан-Пьер не мог прочесть выражение лица Анатолия и не понял, шутит он или нет. Переменив тему разговора, он спросил:

– Что нового?

– Наши беглецы наверняка миновали сегодня селения Босайдур и Линар. После обеда идущая по их следу поисковая группа внезапно лишилась своего проводника – он просто исчез и все тут. Возможно, передумал и вернулся до-

мой, – сообщил Анатолий. Он нахмурился и раздосадованный этим мелким неприятным происшествием стал все рассказывать снова. – К счастью, они почти сразу же нашли ему замену.

– Применив, как обычно, вашу высокоэффективную технику найма?

– Нет. Как это ни странно, в этом не было потребности. Как мне сообщили, проводник-дублер оказался добровольцем. Он где-то здесь, в деревне.

– Конечно, здесь, в долине Нуристан они охотнее идут на сотрудничество, – сказал Жан-Пьер. – Во-первых, они практически не вовлечены в военные действия, а во-вторых, говорят, что местных жителей не мучат угрызения совести.

– Этот новый проводник уверяет, что видел беглецов еще до встречи с нами. Он столкнулся с ними в том месте, где река Линар впадает в Нуристан. Утверждает, что видел, как они повернули на юг и ушли в том направлении.

– Хорошо!

– Сегодня, после прибытия поисковой группы в Мундол, один наш человек расспросил нескольких жителей и узнал, что двое иностранцев с ребенком на руках проходили здесь в полдень и ушли в южном направлении.

– Тогда нет сомнений, что это они, – сказал удовлетворенно Жан-Пьер.

– Никаких, – согласился Анатолий. – Мы возьмем их завтра. Это уж точно.

Жан-Пьер проснулся на надувном матрасе, еще одном предмете роскоши КГБ, разложенном на грязном полу комнаты. Огонь ночью погас и в комнате было холодно. Кровать Анатолия, стоявшая поперек небольшой темной комнатки, была пуста. Жан-Пьер не знал, где хозяева дома провели эту ночь. После того, как они приготовили еду и покормили их, Анатолий куда-то отправился. Он обращался со всеми афганцами так, словно это было его царство. Возможно, так оно и было.

Жан-Пьер встал и протер глаза, затем увидел в дверях Анатолия. Он смотрел на Жан-Пьера испытующим взглядом.

– Доброе утро, – сказал Жан-Пьер.

– Вы бывали прежде в этих местах? – спросил Анатолий, переходя прямо к делу.

Жан-Пьер еще не успел стряхнуть с себя сон.

– Где?

– В Нуристане? – повторил Анатолий.

– Нет.

– Странно.

Жан-Пьер нашел его загадочный стиль разговора довольно агрессивным.

– Почему? – спросил он раздраженно. – Почему это странно?

– Я разговаривал с новым проводником несколько минут

тому назад.

– Как его зовут?

– Мохаммед, Мухаммед, Магомет, Махмуд – одним из этих имен называют в этой стране миллионы.

– На каком языке вы разговаривали с нуристанцем?

– На французском, русском, дари и английском – обычная смесь. Он спросил меня, кто прилетел вчера вечером на втором вертолете. Я ответил, что один француз, который сможет опознать беглецов, или что-то в этом роде. Он спросил твое имя, и я сказал. Я не хотел его останавливать, пока не выяснил, почему его так интересуется, кто прилетел. Но он больше не задавал никаких вопросов. Похоже, что он тебя знает.

– Невероятно.

– Я тоже так думаю.

– Почему же ты не спросил его напрямую? – поинтересовался Жан-Пьер, хотя это было несвойственно для Анатолия, подумал он.

– Нет смысла задавать вопросы человеку, пока не выяснишь, есть ли у него причины тебе солгать, – заметил Анатолий и вышел из комнаты.

Жан-Пьер поднялся. Он спал в рубашке и нижнем белье. Он натянул брюки и ботинки, накинул на плечи шинель и вышел из комнаты.

Он очутился на веранде из грубо сколоченных досок, откуда открывался вид на всю долину. Внизу среди лугов ви-

лась горячая река, широкая и неторопливая. Немного южнее река впадала в узкое озеро, окруженное горами. Солнце еще не взошло. Стелившийся над водой туман загоразивал дальний берег озера. Вид открывался необыкновенно красивый. Конечно, Жан-Пьер знал, что это место наиболее плодородное и густонаселенное во всем Нуристане; остальная часть Нуристана представляла собой дикую и малонаселенную местность.

Русские выкопали полевой туалет, заметил с удовлетворением Жан-Пьер. Привычка афганцев пользоваться для туалета водоемами, из которых они берут воду для питья, является причиной того, что все они страдают глистными заболеваниями. Русские действительно смогли бы модернизировать эту страну, если только сумеют установить над нею контроль, подумалось ему.

Он спустился на луг, прошел к туалету, помыл руки в реке, взял себе стакан кофе у солдат, стоявших вокруг костра.

Поисковая группа была готова отправиться в путь. Анатолий решил вчера вечером, что будет возглавлять операцию отсюда, поддерживая постоянную связь с группой по радио. Вертолеты будут стоять наготове, чтобы при появлении беглецов вместе с Жан-Пьером вылететь навстречу поисковой группе.

Пока Жан-Пьер пил кофе, из деревни через поле появился Анатолий.

– Ты видел этого чертова проводника? – спросил он резко.

– Нет.

– Кажется, он исчез.

Жан-Пьер поднял брови.

– Точно так же, как и последний.

– Эти люди просто невыносимы. Мне надо поговорить с местными жителями. Пойдем, ты мне переведешь.

– Я не говорю на их языке.

– Может быть, они поймут твой дари.

Жан-Пьер вместе с Анатолием отправился через луг в деревню. Когда оба поднимались по узкой грязной тропинке между домов, кто-то окликнул Анатолия по-русски. Они остановились и посмотрели в ту сторону, откуда раздался крик. Десять или двенадцать человек в военной форме и несколько нуристанцев в белых одеждах собрались на веранде вокруг лежавшего на земле человека. Они расступились, пропустив Анатолия и Жан-Пьера. На полу лежал труп. Местные жители возбужденно переговаривались, указывая на труп. Человек лежал с перерезанным горлом, жуткая рана была открытой, а голова откинута назад. Кровь уже высохла – убийство, вероятно, произошло вчера.

– Это проводник Мохаммед? – спросил Жан-Пьер.

– Нет, – ответил Анатолий. Он подошел к одному из солдат и о чем-то спросил его. – Это предыдущий проводник, тот, который исчез.

– Что же здесь происходит? – Жан-Пьер медленно заговорил на дари с одним из жителей деревни.

После краткой паузы старик с морщинистым лицом и с большим бельмом на правом глазу ответил тоже на дари:

– Его убили! – осуждающе проговорил он.

Жан-Пьер начал задавать ему вопросы, и из его рассказа стала постепенно вырисовываться картина происшедшего. Убитый оказался жителем деревни из долины Линар. Его наняли проводником русские. Потом его тело, наспех укрытое кустами, нашла собака, принадлежащая пастуху, который пас коз. Семья убитого решила, что его убили русские, и утром они принесли тело сюда в отчаянной попытке выяснить, за что.

Жан-Пьер объяснил Анатолию:

– Они возмущены, так как считают, что его убили ваши люди.

– Возмущены? – переспросил Анатолий. – Разве они не знают, что идет война? Людей убивают каждый день – в этом все и дело.

– У них здесь, видно, особенных военных действий не ведется. Вы его не убивали?

– Я выясню.

Анатолий стал спрашивать солдат. Те оживлено ответили в один голос:

– Мы его не убивали!

Анатолий перевел Жан-Пьеру.

– Тогда кто же его убил? Могли местные жители убить проводника за то, что он сотрудничал с врагами?

– Нет, – ответил Анатолий. – Если бы они ненавидели предателей, то не стали бы поднимать такой шум по поводу убийства одного из них. Скажите им, что мы не причастны к этому и успокойте их.

Жан-Пьер обратился к одноглазому старику:

– Эти иностранцы не убивали жителя вашей деревни. Они сами хотят выяснить, кто убил проводника.

Одноглазый перевел это собравшимся, нагнав им еще больше страха. Анатолий задумчиво посмотрел на них.

– Может быть, его убил Мохаммед, чтобы получить работу проводника? – спросил Жан-Пьер.

– Не думаю. – Анатолий спросил сержанта и затем перевел ответ. – Пятьсот афгани в день.

– Неплохо для афганца, но не стоит того, чтобы из-за этого убивать. Хотя о нуристанцах говорят, что они могут убить даже из-за сандалий, если они новые.

– Спросите, знают ли они, где Мохаммед.

Жан-Пьер спросил. Люди немного посоветались. Большинство покачало головой, но один человек что-то кричал громче других, настойчиво показывая рукой на север. Наконец, одноглазый сказал Жан-Пьеру:

– Он ушел из деревни рано утром. Абдул видел, как он направился на север.

– Он отправился до или после того, как сюда принесли труп?

– До того.

Жан-Пьер перевел Анатолию и добавил:

– Тогда почему он ушел?

– Он повел себя так, словно в чем-то был виноват.

– Он, видимо, ушел сразу после того, как поговорил с вами сегодня утром. Похоже, что он ушел потому, что приехал я.

Анатолий задумчиво кивнул.

– Что бы там ни говорили, мне кажется, он знает что-то, чего не знаем мы. Самое правильное – догнать его. Если мы потеряем немного времени, это очень плохо, но это можно пережить.

– И давно вы говорили с ним?

Анатолий взглянул на часы.

– Немногим более получаса.

– Тогда он не мог уйти далеко.

– Верно. – Анатолий повернулся к своим солдатам и быстро отдал им несколько приказов. Солдаты мгновенно задвигались.

Двое из них, забрав с собой одноглазого, зашагали вниз в направлении поля. Другой побежал к вертолету. Анатолий взял за руку Жан-Пьера и они последовали за солдатами.

– Мы возьмем с собой одноглазого на случай, если нам понадобится переводчик, – сказал Анатолий.

Когда они появились на поле, оба вертолета уже были готовы к взлету. Анатолий и Жан-Пьер сели в один из них. Одноглазый был уже внутри. Он был возбужден и перепуган.

Будет рассказывать историю, которая с ним приключилась, до конца своей жизни, подумал Жан-Пьер. Несколько минут спустя они уже были в воздухе. Анатолий и Жан-Пьер стояли у открытой двери и смотрели вниз.

С высоты хорошо просматривалась широкая горная тропа, ведущая от деревни к вершине холма, исчезающая затем среди деревьев. Анатолий разговаривал по вертолетной радиации, затем переводил Жан-Пьеру.

– Я послал несколько солдат прочесать эти леса, если он захочет там спрятаться.

Сбежавший проводник наверняка ушел уже намного дальше, но Анатолий, как всегда, был очень предусмотрителен.

Они летели параллельно руслу реки пару километров, затем достигли устья реки Линар. Куда же мог направиться Мохаммед? Вверх по долине в самое сердце Нуристана или же он повернул на восток в долину Динар, в сторону долины Пяти Львов?

– Откуда родом Мохаммед? – спросил Жан-Пьер одноглазого старика.

– Не знаю, – ответил старик, – он ведь таджик. Стало быть, он, скорее всего, из долины Линар, а не из Нуристана.

Жан-Пьер объяснил это Анатолию, и тот приказал пилоту повернуть налево, чтобы следовать в Линар.

Вот вам наглядная иллюстрация, подумал Жан-Пьер, почему поиски Джейн и Эллиса нельзя было проводить с вер-

толета. Мохаммед находился в пути только час, а они уже потеряли его из виду.

Когда беглецы уходят на сутки раньше, как например, Джейн с Эллисом, существует много других альтернативных маршрутов и мест, где можно скрыться.

Если существовал путь через долину Динар, он не просматривался с воздуха. Пилот вертолета просто следовал вдоль реки. Холмы отличались скудной растительностью, но снега еще не было, так что если беглец здесь, ему негде будет спрятаться.

Они заметили его несколько минут спустя.

Белая роба и тюрбан беглеца ярко выделялись на фоне серо-коричневой земли. Он пробирался наверх по тропе афганских путешественников уверенным шагом, перекинув через плечо сумку со своими пожитками. Услышав шум вертолета, он остановился, проводил его взглядом и продолжил свой путь.

– Это он? – спросил Жан-Пьер.

– Думаю, что да, – ответил Анатолий. – Мы скоро это выясним.

Он взял наушники у пилота и связался с другим вертолетом. Тот ушел вперед и, опередив путника, приземлился в сотне метров от него. Последний шел к вертолету, не обращая ни на что внимания.

– Почему бы нам не приземлиться? – спросил Жан-Пьер Анатолия. – Просто это мера предосторожности.

Боковая дверца вертолета открылась и из нее выпрыгнули шестеро солдат. Человек в белом шагнул им навстречу, раскрывая на ходу свою сумку. Это была длинная сумка, наподобие военной, ее вид что-то явно напоминал Жан-Пьеру, Но прежде чем он смог окончательно вспомнить, где ее видел, Мохаммед вскинул сумку и направил ее на солдат. Жан-Пьер понял, что инстинктивно пытается закричать, чтобы предупредить об опасности, но это уже было бесполезно.

Это все равно, что пытаться кричать во сне или бежать под водой – все происходит, как в замедленной съемке, но он двигался даже еще медленнее. Прежде чем с его губ слетели слова, он увидел вырвавшийся из сумки сноп огня.

Прогревшиеся выстрелы потонули в шуме вертолетов. Создавалось впечатление, что все вокруг разыгралось в мертвой тишине. Один из русских солдат схватился за живот и упал ничком на землю, другой, вскинув руки, повалился на спину, а лицо третьего превратилось от взрыва в окровавленные клочки мяса. Трое других вскинули автоматы. Но один был убит еще до того, как успел нажать на курок, двое других все же успели открыть ураганный огонь; пока Анатолий кричал в микрофон: «Нет, нет, нет, нет!», – тело Мохаммеда пролетело по воздуху и кровавым месивом свалилось на холодную землю.

Анатолий все еще яростно кричал в микрофон. Вертолет быстро спустился на землю. Жан-Пьер почувствовал, как все в нем дрожало от напряжения. Вид разыгравшейся здесь

битвы действовал на него возбуждающе, подобно наркотику, порождающему желание рассмеяться, убежать, броситься в пляс или отдаться женщине. В его сознании мелькнула мысль: а ведь как часто меня посещало желание посвятить себя врачеванию людей. Вертолет приземлился. Анатолий снял наушники и недовольным тоном проговорил:

– Теперь мы уже никогда не узнаем, почему прирезали того проводника. – Он выпрыгнул из вертолета, и Жан-Пьер последовал за ним.

Они подошли к мертвому афганцу. Передняя часть его тела представляла собой месиво разодранной в клочья плоти, большая часть лица была изуродована до неузнаваемости, но Анатолий сказал:

– Я уверен, это тот самый проводник. Строение туловища и цвет кожи его. Да и сумку я узнаю. – Он наклонился и осторожно подобрал автомат. – Только вот почему он носил с собой автомат?

Из сумки выпал небольшой листок бумаги. Жан-Пьер подобрал его и стал разглядывать. Это была фотография Мусы, сделанная на «поляроиде».

– О, Боже, – воскликнул он. – Теперь все понятно.

– Что это такое? – спросил Анатолий. – Что понятно?

– Этот погибший человек из долины Пяти Львов, – сказал Жан-Пьер. – Лейтенант из ближайшего окружения Масуда. Это фотография Мусы, сына Мохаммеда. Ее взяла с собой Джейн. Знакома мне и сумка, в которой Мохаммед прятал

автомат. Когда-то она принадлежала Эллису.

– Стало быть? – спросил Анатолий с нетерпением. – Что из этого следует?

Жан-Пьер чувствовал, что его мозг в лихорадочном напряжении проигрывает разные варианты, причем быстрее, чем он это способен объяснить словами.

– Мохаммед убил вашего проводника, чтобы занять его место, – начал он. – У вас не было возможности проверить, что он не тот, за кого себя выдает. Нуристанцы, разумеется, знали, что он не из местных. Но это неважно, потому что: а) они не знали, что он притворяется местным и б) даже если бы они знали, они бы не сказали вам, ибо он сам был вашим переводчиком. Получается, что только один человек мог выяснить, кто он на самом деле...

– И это ты, – закончил Анатолий. – Потому что ты знал его.

– Он знал о грозящей ему опасности и пытался разузнать обо мне. Поэтому утром он спрашивал тебя, кто прибыл на втором вертолете вчера после наступления темноты. Ты назвал ему мое имя, и он мгновенно исчез, – сказал Жан-Пьер, нахмутив брови. Он слегка насупился: не все сходилось в этой версии. – Почему же тогда он не попытался спрятаться? Ведь он мог бы скрыться в лесах, или спрятаться в пещере: нам бы потребовалось больше времени, чтобы разыскать его. Похоже, он не ожидал, что начнутся его розыски.

– Почему он так считал? – спросил Анатолий. – После ис-

чезновения первого проводника мы не стали посылать солдат на его поиски – мы просто наняли другого и продолжили свой путь безо всякого расследования и преследования. Что же было не так на этот раз? – что не получилось с Мохаммедом? Местные жители нашли тело первого проводника и стали нас обвинять в убийстве! Поэтому наши подозрения пали на Мохаммеда. Тем не менее, мы хотели забыть о нем и продолжать свой путь. Ему просто не повезло.

– Он не думал о собственной осторожности, – проговорил Жан-Пьер. – Следующий вопрос: какова была его мотивация? Почему он пошел на такой риск, подставив себя вместо нашего проводника?

– Вероятно, чтобы увести нас по ложному следу. Значит, все, что он нам говорил, это ложь. Он не видел Эллиса и Джейн вчера днем при подходе к Долине Линар. И не поворачивали они на юг в Нуристане. Местные жители села Мундол не подтвердили, что двое иностранцев с ребенком на руках проходили вчера мимо их селения, направляясь на юг. Мохаммед даже не задавал им такой вопрос. Он знал, где находятся беглецы...

– И, конечно, он вел нас в противоположном направлении! – Жан-Пьер снова почувствовал прилив энергии. – Старый проводник исчез как раз после того, как поисковая группа покинула деревню Линар, не так ли?

– Да. Так что есть основания считать, что все сообщения до того были правдивыми. Таким образом, Эллис и Джейн

прошли через эту деревню. После этого Мохаммед, став нашим проводником, повел нас на юг...

– Потому что Эллис и Джейн пошли на север! – сказал Жан-Пьер с торжествующим видом.

Анатолий мрачно кивнул.

– Мохаммед дал им почти целый день форы, – проговорил он задумчиво. – Ради этого он пожертвовал своей жизнью. Стоило ли оно того?

Жан-Пьер еще раз взглянул на фотографию Мусы. Она затрепетала в его руке от порыва сильного холодного ветра.

– Ты знаешь, – сказал он. – Я думаю, Мохаммед бы ответил: «Да, оно стоило того».

Глава 19

Они покинули Гадвал в кромешной темноте перед рассветом. В надежде, что выйдя так рано, смогут оторваться от русских. Эллис знал, как это сложно даже для самого одаренного командира – поднять на рассвете и отправить в путь отряд солдат: повар должен приготовить завтрак, караульный – проследить за тем, чтобы свернуть палаточный лагерь, связист – проверить связь с базой по рации и люди должны поесть, а все эти вещи отнимают время. Преимущество Эллиса перед русским командиром состояло в том, что ему не нужно было ничего делать, кроме как запрячь и навьючить лошадь, пока Джейн кормила Шанталь, а затем разбудить Халама.

Им предстоял мучительный, примерно пятнадцатикилометровый подъем по долине Нуристана, а затем по примыкающей долине. Первая часть пути в Нуристанской долине не должна быть слишком трудной, думал Эллис, даже в темноте, потому что дорога была неодинаковой по трудности. Если Джейн сможет идти нормально, они доберутся до примыкающей долины к полудню, одолев еще несколько километров до наступления ночи. Как только они минуют долину Нуристана, их будет гораздо труднее найти, поскольку русские не смогут точно определить, по какой дороге они пошли.

Халам шагал впереди в одежде Мохаммеда, в цитральской шапочке на голове. За ним тянулась Джейн с Шанталь на ру-

ках, а Эллис замыкал шествие, ведя за поводья Мэгги. Теперь на лошаденку было нагружено одной поклажей меньше. Мохаммед взял вещевой мешок, и у Эллиса не нашлось подходящей сумки, чтобы заменить его. Он вынужден был оставить большую часть взрывчатки в Гадвале. Однако, он все же захватил немного тротиловых шашек, бикфордового шнура, несколько гранат и запальное устройство. Все это рассовал по своим вместительным карманам пальто.

Джейн казалась бодрой и энергичной. Вчерашний отдых восстановил ее силы. Она была удивительно выносливой женщиной, и Эллис гордился ею. Хотя, задумываясь над этим, он не понимал, почему следует гордиться ее мужеством и силой.

Халам нес фонарь со свечой внутри, свет от которой отбрасывал причудливые тени на скалы. Он был в дурном настроении. Вчера он все время улыбался, явно довольный тем, что является участником этой странной экспедиции, но сегодня утром он выглядел хмурым и молчаливым. Эллис объяснил это тем, что им пришлось слишком рано вставать. Тропа вилась вдоль скал, огибая выступы, спускаясь к горному ручью, иногда проходя прямо по воде, а иногда поднимаясь до самой вершины скал. Километра через полтора они дошли до места, где тропа исчезала из вида: по левую сторону возвышалась скала, а по правую – был горный поток. Халам сказал, что тропу смыло ливнем и что им придется подождать, пока станет светло, чтобы найти выход из положения.

Эллис не хотел тратить время понапрасну. Он снял ботинки и брюки и забрался в ледяную воду. Вода в самой глубокой точке доходила ему только по пояс, так что он без труда достиг противоположного берега. Он вернулся и перевел на другой берег Мэгги, затем вернулся еще раз за Джейн и Шанталь. Халам тоже, наконец, последовал за ними, но при этом, даже в темноте, стыдливо не снимая брюк, так что ему пришлось идти потом в мокрых брюках, что еще больше испортило ему настроение.

Они прошли мимо селения в темноте, сопровождаемые лишь парой грязных собак, облаявших их на расстоянии. Вскоре на востоке забрезжил рассвет, и Халам задул свечу. Им пришлось переходить реку еще несколько раз в тех местах, где тропу размыло водой или занесло обвалом. Халам сдался и закатал брюки по колено. На одном из таких переходов через реку они встретили путника, бредущего в противоположном направлении, – невысокого роста, тощего, с овцой, которую он перенес через реку на руках. Халам остановился и долго о чем-то беседовал с прохожим на нуристанском наречии, и Эллис подозревал, судя по их жестам, что они говорят о маршрутах через горы.

После того как они попрощались с путником, Эллис обратился к Халаму на дари:

– Не говори людям, куда мы идем.

Халам притворился, что не понимает.

Джейн повторила все, что сказал Эллис. Она говорила бо-

лее бегло и использовала выразительные жесты и кивки, которые характерны для афганцев.

– Русские будут расспрашивать всех встречаемых, – объяснила она.

Халам, казалось, все понял, но сделал опять тоже самое со следующим встречаемым, подозрительным молодым человеком со старенькой винтовкой «Ли-Энфилд». Во время разговора Эллису вроде бы послышалось, как Халам произнес «Кантивар», название перевала, к которому они направлялись, и немного позже молодой человек повторил это же слово. Эллис был взбешен. Халам беспечно играет их жизнями. Но сказанного уже не вернешь, и он подавил желание вмешаться в разговор, терпеливо дожидаясь момента, когда они снова тронутся в путь.

Как только молодой человек с винтовкой скрылся из вида, Эллис сказал:

– Я ведь просил тебя не говорить другим людям, куда мы идем.

Теперь Халам больше не притворялся, что ничего не понимает.

– Я ничего ему не сказал, – ответил он презрительно.

– Нет, сказал, – возмутилась Джейн. – Теперь ты уже не будешь больше разговаривать с другими встречаемыми.

Халам промолчал.

– Ты не будешь говорить с другими людьми, ты понял? – повторила Джейн.

– Да, – нехотя ответил Халам.

Эллис чувствовал, что необходимо как-то заставить его молчать. Он догадывался, почему Халам спрашивает встречных о маршруте: они могли знать такие важные подробности, как обвал на тропе, снегопад или наводнение в горах, что могло перекрыть путь в одну долину, и тогда лучше выбрать другую. Халам никак не мог себе уяснить, что Джейн и Эллис спасаются бегством от русских. Существование альтернативных маршрутов было единственным преимуществом беглецов: русские вынуждены будут проверить каждый возможный маршрут.

Эллис уже не колебался. Подойдя к Халаму, он крепко обхватил его обеими руками и с силой потащил за собой.

В начале Халам сопротивлялся, но вскоре перестал, потому что ему было больно. Он крикнул что-то мулле, но тот безмолвно взирал на происходящее, открыв от удивления рот. Оглянувшись, Эллис увидел, как Джейн взяла поводья и пошла за ним, ведя за собой лошадь.

Через сотню ярдов Эллис отпустил Халама и сказал ему:

– Если русские найдут меня, они меня убьют. Поэтому ты не должен никому ничего говорить.

Халам ничего не ответил, он насупился и молчал. Пройдя еще несколько ярдов, Джейн сказала Эллису:

– Я боюсь, он доставит нам много хлопот.

– Думаю, что да, – ответил Эллис. – Поэтому мне придется заткнуть ему глотку.

– Я просто думаю, что возможно воздействовать на него как-то по-другому.

Эллис с трудом подавил досаду. У него напрашивался вопрос: «Почему бы тебе самой не сделать этого?», но ссориться не было времени. Халам, встретившись со следующим путником, ограничился лишь коротким, формальным приветствием, и Эллис подумал: «По крайней мере, моя методика эффективнее».

Поначалу они продвигались медленнее, чем ожидал Эллис. Извилины тропы, неровная почва, постоянный подъем и отклонения от прямого курса означали, что к середине утра, как он прикинул, они пройдут только четыре или пять миль, да и то если мерить по птичьему полету. Правда потом, когда они шли через лес, расположенный высоко над рекой, стало легче.

По пути почти каждую милю встречались небольшие деревушки, но дома существенно отличались от тех ветхих строений под соломенной крышей, в беспорядке нагроможденных друг на друга, которые они видели до этого. Здешние дома, напоминающие коробки, были построены из камня той же породы, что и окружающие скалы, рядом с которыми они построили свои дома.

В полдень Джейн и Эллис остановились в селении, и Халам провел их в дом, где их угостили чаем. Это был двухэтажный дом, на нижнем этаже были кладовые, такое расположение напоминало средневековый английский дом. Эл-

лис помнил это по учебнику истории для девятого класса. Джейн дала хозяйке небольшой флакончик с розового цвета микстурой от глистов для детей и взамен получила хлебные лепешки и вкусный овечий сыр. Они сидели на циновках на глиняном полу около открытого очага, дым от которого уходил вверх сквозь балки перекрытий и видневшуюся сквозь них плетеную из ивовой лозы крышу. Трубы не было, так что дым выходил наружу, просачиваясь сквозь крышу. Вот почему, подумал Эллис, в таких домах не было потолков.

Он хотел бы дать возможность Джейн отдохнуть после еды, но не хотел рисковать, потому что не знал, как далеко они ушли от преследователей. Она выглядела очень уставшей, но в остальном все было нормально. Если они отправятся в путь немедленно, это даст им дополнительное преимущество в том, что у Халама не будет возможности переговорить с местными жителями.

Однако, Эллис стал внимательно наблюдать за Джейн во время их продвижения вверх по долине. Он попросил ее вести лошадь, а сам нес Шанталь, считая, что нести ребенка более утомительно.

Всякий раз, когда они проходили по восточной части долины, Халам останавливался и внимательно рассматривал что-то, затем качал головой и продолжал идти. Он явно не был уверен в правильности выбранного пути, однако он всячески это отрицал, когда Джейн спрашивала его об этом. Это возмущало Эллиса, в особенности когда ему не терпелось

поскорее выбраться из долины Нуристана. Но он утешал себя мыслью о том, что если Халам не был уверен, какой путь выбрать, то и русские не смогут определить какой дорогой они пошли.

Он было уже начал думать, не пропустил ли Халам поворот на боковую долину, как Халам остановился невдалеке от шумного потока, впадающего в реку Нуристан и объявил, что их тропа находится выше этой долины. Он, похоже, хотел остановиться и отдохнуть, не особенно желая покидать территорию, где он еще как-то ориентировался, но Эллис торопил всех и настаивал на том, чтобы продолжать путь.

Вскоре они уже пробирались вверх через лес серебристых елей, а главная долина осталась позади и исчезла с поля зрения. Впереди они видели цепь горных вершин, которые им предстояло преодолеть. Огромные снежные глыбы закрывали собой четверть неба. Эллису невольно приходила мысль о том, что даже если они смогут уйти от русских, то как они сумеют перейти через эти горы? Джейн споткнулась пару раз и чертыхнулась. Эллис воспринял это как признак того, что хотя и не жалуется, она уже начинает выдыхаться. В сумерках они вышли из леса и оказались в местности со скудной растительностью, не населенной ничем живым. Вокруг простиралось голое пространство. Эллису казалось, что здесь невозможно найти даже небольшого укрытия, поэтому он предложил провести ночь в пустом каменном жилище, мимо которого они прошли полчаса тому назад. Джейн и Халам

согласились, и они повернули назад.

Эллис настоял на том, чтобы Халам разжег огонь внутри хижины, а не снаружи, для того, чтобы огонь не был виден снаружи и не было хвоста дыма над лесом. Его предосторожности оправдались позже, когда они слышали шум вертолета, пролетающего над ними. Это означало, что русские не так уж далеко. В горах то расстояние, которое вертолет мог преодолеть за небольшой промежуток времени, могло быть недостижимым расстоянием, если идти пешком. Русские могли быть по ту сторону этих непроходимых гор или внизу в миле от них. Удачно было то, что местность была очень дикой, и тропа такой трудно различимой с воздуха.

Эллис дал лошади немного овса. Джейн покормила и сменила пеленки Шанталь и тут же уснула. Эллис поднял ее и положил в спальный мешок, закрыв его на молнию. Затем взял пеленку Шанталь и спустился вниз к реке простирать ее; вернувшись, он разложил ее перед огнем просушить. Он лег рядом с Джейн и некоторое время лежал так, глядя в ее лицо в отблесках костра. Халам в это время спал в другом конце хижины. Джейн выглядела совершенно изможденной, ее лицо было худым и прозрачным, щеки ввалились и были землистого цвета. Она спала беспокойно, то и дело моргая глазами, двигая ртом, как будто с кем-то говорила во сне. Он подумал, насколько же еще ее хватит. Такое путешествие убьет ее. Если бы они шли медленнее, она бы чувствовала себя лучше. Если бы только русские перестали, наконец, их

преследовать, или бы их отозвали на какие-нибудь важные военные действия в другой части этой несчастной страны...

Он подумал о вертолете, пролетавшем над ними. Может быть, это не связано с ними? Маловероятно. Если это вертолет поисковой группы, значит попытки Мохаммеда привести русских на ложный след не увенчались успехом.

Что будет, если их схватят? Для него это будет означать судебное разбирательство, на котором русские докажут скептически настроенным неприсоединившимся странам, что афганские повстанцы были ничем иным, как марионетками ЦРУ. Соглашение между Масудом, Камилем и Азизом будет нарушено. Повстанцам уже не смогут поставлять американское оружие. Потеряв поддержку, движение Сопротивления утратит силу и не продержится до лета.

После суда Эллиса будут допрашивать в КГБ. Он попытается сначала показать, что сопротивляется пыткам, затем расколется и расскажет им все, но это все будет ложью. Они, конечно, будут об этом догадываться и станут пытаться его дальше, и на этот раз он попытается быть более убедительным и расскажет им смесь реальных фактов и выдумки так, что им трудно будет определить, где ложь, а где правда и проверить это. Таким образом, он надеялся остаться в живых. Если так выйдет, его сошлют в Сибирь. Через несколько лет, он надеется, его обменяют на какого-нибудь советского шпиона, пойманного в Штатах. Если нет, то он так и умрет в лагерях.

Что огорчало его больше всего, это то, что придется расстаться с Джейн. Он нашел ее и потерял, и снова нашел – немного счастья, которое заставляло его трепетать даже при мысли об этом. Потерять ее во второй раз было бы невыносимо, невыносимо. Он лежал и смотрел на нее еще долго, стараясь не заснуть из страха, что ее может не оказаться рядом, когда он проснется.

Джейн снилось, что она в отеле «Георг V» в Пешаваре в Пакистане. «Георг V» вообще-то находился в Париже, но она, конечно, не заметила во сне этой детали. Она позвонила в Бюро обслуживания и заказала стейк с картофельным пюре и бутылочку «Шато Аузон» 1971 года. Она была ужасно голодна, но все же не понимала, почему она не заказала еду раньше. Она решила принять ванну, пока готовили ее обед. Ванная была теплой и покрыта коврами. Она включила воду и насыпала в ванну немного ароматизированной соли, и комната наполнилась душистым паром. Она не могла понять, почему она такая грязная: удивительно, что ее вообще пустили в отель в таком виде. Она уже почти была готова ступить в ванну, как вдруг услышала, как кто-то зовет ее по имени. Должно быть, это принесли обед, – подумала она. – Как ужасно – ей придется есть грязной, или принять ванну сначала, а потом есть остывший обед. Она уже хотела лечь в горячую воду и проигнорировать голос, зовущий ее – с их стороны очень грубо называть ее «Джейн», а не «мадам» – но голос был очень настойчивым и очень знакомым. На самом

деле это было вовсе не «Бюро обслуживания», а Эллис, и он тряс ее за плечо; она, наконец, поняла, с выражением глубочайшего разочарования на лице, что отель «Георг V» – это всего лишь сон, а в действительности она лежала в холодной хижине в Нуристане, за миллион миль от горячей ванны.

Она открыла глаза и увидела лицо Эллиса.

– Просыпайся, пора просыпаться, – говорил он.

Джейн почувствовала себя почти парализованной от недавнего глубокого сна.

– Что, уже утро?

– Нет, середина ночи.

– Сколько времени?

– Час тридцать.

– Черт! – она зло ругнулась, недовольная, что он потревожил ее сон. – Почему ты разбудил меня? – спросила она раздраженно.

– Халам ушел.

– Ушел? – переспросила она, все еще не до конца проснувшись. – Куда? Почему? Он вернется?

– Он не сказал мне. Я проснулся и увидел, что его нет.

– Ты думаешь, он бросил нас?

– Да.

– О Боже. Как мы найдем дорогу без проводника? – Джейн представила кошмар, который их ждет, потерявшись в снегах с ребенком на руках.

– Я боюсь, что все, возможно, гораздо хуже, – сказал Эл-

лис.

– Что ты имеешь ввиду?

– Ты сказала, что он доставит нам хлопот, за то, что мы унизили его на глазах у муллы. Может быть, оставить нас в такой момент – как раз и есть его месть. Я надеюсь, что так. Он мог набрести на русских. Я думаю, у них уйдет не очень много времени на то, чтобы убедить его рассказать им, где он нас оставил.

– Это было бы слишком, – сказала Джейн, чувствуя, как ее охватило непреодолимое чувство горя. Казалось будто какое-то проклятие висело над ними.

– Я так устала, – сказала она. – Я буду лежать здесь и спать, пока русские не придут и не схватят нас.

Шанталь давно уже тихонько шевелилась, двигая головой из стороны в сторону, издавая сосущие звуки, а теперь начала громко плакать. Джейн встала и подняла ребенка.

– Если мы сейчас отправимся в путь, мы сможем еще спастись, – сказал Эллис. – Я запрягу лошадь, пока ты кормишь Шанталь.

– Хорошо, – сказал Джейн. Она поднесла ребенка к груди. Эллис на секунду остановил на ней взгляд, безотчетно улыбаясь, затем вышел на улицу. Джейн подумала, что они бы с легкостью продвигались дальше, если бы с ними не было Шанталь. Она подумала, а что Эллис чувствует по этому поводу? Она, в сущности, была еще одним большим ребенком для Эллиса. Но, кажется, он не возражал. Он относился к

Шанталь, как к части Джейн. Или он скрывал какое-то раздражение к ней?

«Хотел бы он стать отцом для Шанталь?» – спрашивала она себя. Она смотрела на маленькое личико дочери, и голубые глазки взглянули на нее в ответ. Кто мог отказаться лелеять это беспомощное существо?

Внезапно она почувствовала, что не может быть уже ни в чем уверенной. Она и не была уверена в том, что сильно любит Эллиса, она не понимала, что она теперь чувствует по отношению к Жан-Пьеру, мужу, который преследовал ее. Она не представляла теперь, каковы ее обязанности по отношению к ребенку. Она боялась снега, гор и русских, и она слишком долго чувствовала себя очень усталой и замерзшей.

Автоматически она сменила пеленку Шанталь, используя сухую пеленку, висевшую у костра. Она не помнила, как пеленала ребенка вчера. Ей показалось, что она провалилась в глубокий сон сразу после кормления. Она нахмурилась, вспоминая, затем до нее дошло, что Эллис поднял ее и перенес в спальный мешок и застегнул ее на «молнию». Затем он, должно быть, отнес грязную пеленку к реке и выстирал ее, выжал и повесил на палку около огня, чтобы она просушилась. Джейн начала плакать.

Она чувствовала себя очень глупо, но не могла остановиться и пеленала Шанталь со слезами, текущими по щекам. Эллис вернулся, когда она привязывала ребенка к груди.

– Чертова лошадь тоже не хочет вставать, – сказал он, за-

тем увидел ее лицо и спросил: – Что случилось?

– Я не понимаю, почему я ушла от тебя тогда, – сказала она. – Ты лучший мужчина, которого я когда-либо встречала в жизни, и я никогда не перестану любить тебя. Пожалуйста, прости меня.

Он обнял ее и Шанталь и сказал:

– Просто не делай этого больше, вот и все. – Они стояли так, обнявшись, некоторое время.

Наконец Джейн сказала:

– Я готова.

Они вышли наружу и направились вверх в горы сквозь редящий лес. Халам забрал с собой фонарь, но на небе была полная луна, которая достаточно хорошо освещала окрестности. Воздух был настолько холодным, что трудно было дышать. Джейн волновалась о ребенке. Она положила Шанталь под меховое пальто и надеялась, что согреет ее своим телом. Вредно ли ребенку дышать холодным воздухом? Джейн не знала об этом.

Перед ними был Кантиварский перевал, на пятнадцать тысяч футов выше, чем предыдущий перевал Арю. Джейн понимала, что на перевале будет холоднее и намного труднее и опаснее, чем все, что ей когда-либо приходилось перенести в жизни, но ее настроение и моральный дух, тем не менее, был достаточно высок. Она поняла, что приняла в глубине души какое-то важное для себя решение. «Если я буду жить, я хотела бы жить с Эллисом. Как-нибудь я ему скажу, что

причина в том, что он выстирал грязную пеленку», – подумала она.

Они вскоре прошли лес и начали подниматься по плато, напоминающему пейзажи луны, с кратерами, валунами и отдельными пятнами снега. Они шли вдоль линии огромных впадин, похожих на следы великана. Они по-прежнему поднимались вверх, хотя и не по такому крутому склону. Температура постепенно падала, белые пятна снега увеличивались, пока земля не стала покрытой снегом, как шахматная доска.

В порыве энергии Джейн шла нормально в течение первого часа, но затем, по мере продвижения в бесконечном марше вперед и вперед, ее снова охватила усталость. Она хотела спросить: «Как долго нам еще идти?» или «Мы скоро придем?», как раньше, когда она была ребенком и ехала на заднем сиденье папиной машины.

Они дошли до какого-то уровня на склоне, где дальше уже начинался лед. Джейн поняла, что их поджидает еще одна опасность, когда она увидела, как поскользнулась лошадь, заржала от страха и чуть не упала, едва удержавшись на ногах. Обледеневшие валуны блестели при свете луны, как бриллианты, мерцающие холодным светом. Ботинки Джейн были более устойчивыми, чем копыта Мэгги, но потом она тоже поскользнулась и чуть не упала. После этого она все время боялась упасть и придавить Шанталь, поэтому она продвигалась дальше сверхосторожно, ее нервы были напря-

жены, она боялась сорваться.

Через два часа они дошли до дальней части плато и оказались на крутой тропе, покрытой снегом, уходящей вверх в горы. Эллис пошел вперед, ведя Мэгги за поводья. Джейн шла за ним на безопасном расстоянии, в случае, если лошадь упадет назад. Они поднимались вверх по зигзагообразной тропе.

Тропа просматривалась не очень ясно. Они решили, что она идет по самой низкой части рельефа местности. Джейн хотелось бы, конечно, чтобы на маршруте были более четкие знаки ориентировки, типа остатков костра, свежей куриной косточки, даже использованный спичечный коробок – все, что означало бы, что здесь хоть раз проходили люди. Ей на ум приходили навязчивые мысли о том, что они сбились с пути и бесцельно бродят среди снегов и будут бродить много дней, пока у них не закончится еда, силы и воля, и они слягут в снег, все трое, чтобы вместе замерзнуть в снегах.

Спина Джейн болела от напряжения. С некоторыми колебаниями она отдала Шанталь Эллису и взяла под уздцы лошадь, чтобы дать отдохнуть одним мышцам и нагрузить другие. Бедная лошадь все время спотыкалась. В одном месте она поскользнулась на валуне и упала вниз. Джейн пришлось беспомощно тянуть ее за уздечку, чтобы несчастное животное поднялось на ноги. Когда лошадь встала наконец, Джейн увидела темное пятно на снегу, это была кровь. Присмотревшись, она заметила разрез на левой ноге лошади. Рана была не очень серьезной, и она заставила Мэгги снова идти.

Теперь, когда Джейн шла впереди, ей пришлось решать, куда идти и находить тропу, поэтому ее еще больше преследовал страх потерять правильное направление. Временами казалось, что тропа раздваивается, и ей приходилось гадать, куда поворачивать, направо или налево. Зачастую земля была более или менее ровной, поэтому она просто шла по интуиции, пока не появлялось нечто наподобие тропинки. Однажды она провалилась в сугроб и Эллису пришлось вытаскивать ее и лошадь.

Наконец, тропа привела их к выступу в скале, который поднимался высоко по отлогу горы. Они находились уже очень высоко в горах: когда Джейн оборачивалась и смотрела через плато вниз, она чувствовала легкое головокружение. Наверняка они были уже на подходе к перевалу.

Выступ был крутой, покрытый льдом и всего лишь несколько футов шириной, и резко обрывался вниз. Джейн передвигалась чрезвычайно осторожно, но все равно несколько раз споткнулась, а один раз упала на колени, сильно поцарапав их. Тело у нее так болело, что она уже не замечала новую боль. Мэгги скользила постоянно, Джейн уже устала поворачиваться всякий раз, когда слышала, как гремят ее копыта, а просто тянула посильнее за поводья. Она хотела бы перевязать поклажу, чтобы тяжелые сумки были привязаны поближе к седлу, что помогло бы лошади удерживать равновесие во время подъема, но на узком выступе не было достаточно места, чтобы это сделать, к тому же она бо-

ялась, что если она остановится, то будет не в состоянии снова тронуться с места. Выступ становился уже и поворачивал за скалу. Джейн сделала несколько шагов по самому опасному участку тропы, но несмотря на все предосторожности – или возможно потому, что она очень нервничала – она упала. В какой-то момент с замиранием сердца ей показалось, что она падает через край, но она приземлилась на колени и на обе руки. Краем глаза она заметила снежные склоны на сотню футов ниже того места, где они находились. Она задрожала, с трудом контролируя себя.

Она медленно встала и повернулась назад, выпустив поводья, и они повисли над пропастью. Лошадь стояла, посматривая на Джейн, на напряженных, дрожащих ногах, явно испуганная. Когда Джейн потянулась за уздечкой, лошадь в панике сделала шаг назад.

– Стой, – закричала Джейн, затем добавила спокойнее, – не делай этого. Иди ко мне. Все будет хорошо.

– Что там такое? – раздался голос Эллиса из-за поворота.

– Тихо! – едва слышно произнесла Джейн. – Мэгги боится. Стой там! – попросила Джейн. Она понимала, что Эллис несет Шанталь. Она продолжала пытаться успокоить лошадь, а сама медленно направлялась к ней. Мэгги уставилась на нее, широко раскрыв глаза, раздувая ноздри и дыша, как паровоз. Приблизившись к лошади на расстояние вытянутой руки, Джейн потянулась за уздечкой.

Лошадь, мотнув головой, отступила назад, покатилась по

льду и потеряла равновесие.

В этот момент Джейн подхватила поводья, но лошадь уже заваливалась на правый бок, поводья выскользнули из рук Джейн, и к ее ужасу, лошадь, медленно скатываясь на спине к краю обрыва, заржала от страха.

Появился Эллис.

– Стой, – закричал он Джейн.

Она поняла, что невольно сама кричит от страха. Она резко закрыла рот. Эллис стал на колени и наклонился над краем выступа, все еще прижимая Шанталь к себе. Джейн пришла в себя и опустилась рядом с ним.

Она ожидала, что увидит тело лошади в снегу метрах в ста или чуть более. Лошадь действительно лежала, но зацепившись за выступ скалы, находилась всего лишь в полутора-двух метрах. Мэгги валялась на боку, ноги ее подергивались.

– Она еще жива! – закричала Джейн. – Слава Богу!

– И наша провизия еще цела, – произнес Эллис без лишних эмоций.

– Но как мы вытащим бедное животное наверх?

Эллис взглянул на нее и ничего не сказал. Джейн поняла, что, возможно, они не смогут поднять лошадь на тропу.

– Но нельзя же просто так бросить ее умирать в снегу – сказала Джейн.

– Мне очень жаль, – сказал Эллис. – О Боже, это невыносимо.

Эллис расстегнул «молнию» на своем пальто и вытащил Шанталь. Джейн взяла ее на руки и положила под свое пальто.

– Я возьму сначала только еду, – сказал Эллис.

Он лег на живот на краю выступа и затем спустил ноги. Снег с выступа насыпался на лошадь. Эллис медленно спускался, подыскивая ногами опору. Он коснулся твердой земли, опустил локти на край и осторожно повернулся.

Джейн с замиранием сердца наблюдала за ним. Между торсом лошади и скалой не оставалось достаточного места для того, чтобы Эллису поставить обе ноги. Ему пришлось встать, поставив ногу на ногу, как фигура на древнеегипетских настенных росписях. Он согнулся в коленях и медленно наклонил туловище, затем дотянулся до связки, к которой крепились брезентовые сумки с запасом питания. В этот момент лошадь попыталась встать. Она согнула передние копыта и умудрилась встать на передние ноги, затем по привычке изогнулась, чтобы подняться всем туловищем, пытаясь передними копытами взобраться на край уступа. У нее это почти получилось.

Затем ее задние копыта соскользнули, и она потеряла равновесие, и ее задние ноги разъехались в стороны. Эллис схватил сумку с продуктами. Сантиметр за сантиметром она скатывалась вниз и судорожно била копытами, сопротивляясь. Джейн боялась, что лошадь может поранить Эллиса. Неизбежно лошадь соскальзывала вниз. Эллис лихорадочно

отвязывал сумку с продуктами уже не заботясь о спасении лошади, а надеясь развязать кожаные ремни и добраться до продуктов. Он так был сосредоточен, что Джейн испугалась, как бы лошадь не столкнула его в пропасть. Животное уже достигло края обрыва, протаскивая Эллиса за собой. В самый последний момент он отпустил сумку, закричав в отчаянии, и лошадь с диким ржанием свалилась вниз, унося в пропасть весь запас их питания, лекарств, спальный мешок и запасную пеленку Шанталь.

Джейн разрыдалась. Через несколько минут Эллис вскарабкался на выступ и сел рядом с ней. Он обнял ее и посидел так с ней, пока она оплакивала потерю лошади, провианта и свою раненую ногу, а также замерзшие ступни. Затем он встал, бережно помог ей подняться и сказал:

– Мы не должны останавливаться.

– Но как мы пойдем дальше? – спросила она. – Нам теперь нечего есть, мы не можем вскипятить воду, у нас нет спального мешка, нет лекарств....

– У нас есть мы сами, – ответил он.

Она обняла его крепко, вспомнив, как он чуть не соскользнул в пропасть. «Если мы пережили это, – подумала она, – и если мы уйдем от русских и вернемся в Европу вместе, я никогда его не отпущу, я клянусь».

– Ты пойдешь первая, – сказал он, освобождаясь от ее объятий. – Я хочу держать тебя в поле зрения. – Он слегка подтолкнул ее вперед, и она машинально начала подниматься

в гору. Потихоньку ее отчаяние отошло назад. Она решила, что теперь ее целью является просто продолжать идти, пока она не упадет замертво. Через некоторое время Шанталь начала плакать. Джейн не обращала внимания, и наконец она замолчала.

Некоторое время спустя – может быть, прошло несколько минут или несколько часов, она уже потеряла счет времени – когда Джейн повернула за выступ скалы, Эллис догнал ее и остановил, взяв за руку.

– Смотри, – воскликнул он, указывая вперед. Дальше тропа вела вниз между холмов, окаймленных возвышающимися над ними горами с белоснежными вершинами. Сначала она даже не поняла, почему Эллис сказал, «смотри», затем она сообразила, что тропа ведет вниз.

– Это что – верхняя точка перевала? – спросила она с глупым видом.

– Да, именно, – ответил Эллис. – Это Кантиварский перевал. Мы прошли самую сложную часть пути. Следующие два дня маршрут будет проходить все время вниз и станет потеплее.

Джейн села на валун, покрытый льдом: «Я сделала это! Я прошла!» Пока они смотрели на чернеющие холмы, небо за горными вершинами постепенно меняло цвет от серо-жемчужного до пыльно-розового. Светало. По мере того, как разгорался день, в сердце Джейн все больше появлялась надежда на спасение. «Внизу будет теплее, – подумала она. –

Может быть, мы еще спасемся».

Шанталь снова заплакала. Хорошо, что ее запасы питания не упали в пропасть вместе с Мэгги. Джейн покормила ее, сидя на ледяном валуне под самой крышей мира, пока Эллис растапливал снег в руках, чтобы Джейн немного попила воды. Спуск в Кантиварскую долину был относительно некрутым, но сначала было очень скользко. Без лошади спускаться было легче, не приходилось так нервничать. Эллис понес Шанталь, он шел более устойчиво и не падал.

Впереди утреннее солнце пылало яркими языками пламени, как будто внизу за горами полыхал огонь. Ноги Джейн по-прежнему были онемевшими от холода, на нос потеплел. Вдруг она почувствовала, что ужасно голодна. Нужно идти, не останавливаясь, пока не набредут на людей. Все, что они могут продать теперь, это взрывчатку в карманах Эллиса. Когда закончится и это, им придется рассчитывать на традиционное афганское гостеприимство.

У них не было теперь спальных мешков. Им придется теперь спать в пальто, не снимая ботинок. Но ничего, они как-нибудь разрешат все эти проблемы. Даже тропу теперь было легче найти, поскольку горы возвышались стеной по обе стороны, и единственное направление легко было определить. Вскоре появился небольшой горный ручеек – они спустились ниже уровня льдов. Земля была ровной, и если бы у них была лошадь, можно было бы ехать на ней.

Через два часа они остановились передохнуть, и Джейн

взяла Шанталь у Эллиса. Впереди дорога спускалась довольно круто, но теперь она не была такой скользкой. Тропа была очень узкой и была опасность, что ее заблокируют обвалы.

– Надеюсь, что здесь нет снежных лавин, – сказала Джейн.

Эллис в это же время смотрел в другую сторону, назад в горы.

– Боже мой, – невольно вырвалось у него вдруг.

– Что случилось, черт возьми, – сказала Джейн, проследив его взгляд.

Ее сердце упало. Позади них, в миле от того места, где они находились, стояла дюжина человек в форме и лошадь: это была поисковая партия.

«После всего, что мы прошли, они все таки нас нашли», – она была слишком слаба, чтобы плакать.

Эллис взял ее за руку.

– Быстро, надо уходить, – сказал он. Он ринулся вперед, взяв ее за руку.

– Какой смысл? – ответила Джейн устало. – Они все равно нас поймают.

– У нас еще остался шанс, – на ходу объяснял Эллис, исследуя спуск и выискивая скалистый участок.

– Какой? – спросила Джейн.

– Камнепад.

– Они все равно найдут дорогу в обход.

– Не найдут, если они все будут погребены под камнями.

Он остановился в том месте, где дно каньона было всего

лишь в несколько футов шириной, а одна стена отвесно поднималась вверх.

– Идеальное место, – сказал он.

Он достал из кармана пальто взрывчатку, шнур с пометкой «Примакорд», небольшой металлический предмет величиной с колпачок авторучки и еще что-то, напоминающее небольшой металлический шприц, только вместо поршня у него было вытяжное кольцо. Он сложил все эти предметы на землю.

Джейн наблюдала за ним, как во сне. Она уже не смела надеяться на спасение. Он соединил небольшой металлический предмет с одним концом шнура «Примакорд», зажимая его зубами, затем соединил металлический предмет с острым концом шприцеобразного предмета. Это сооружение он передал Джейн.

– Вот что тебе нужно будет сделать, – начал он. – Пройди через узкую часть ущелья и протяни за собой этот шнур, постарайся замаскировать его. Можно проложить его по воде, это не имеет значения – такой шнур горит даже под водой. Когда шнур закончится, вытащи вот эту чеку, – И он показал ей два штырька на цилиндре шприца. Он вытащил их, чтобы показать, как это делается и затем засунул обратно.

– Как только сделаешь это, посмотри на меня. Я подам знак рукой. После этого потяни кольцо на себя. Если правильно угадаем момент и рассчитаем время, мы убьем их всех. Ну, давай, иди.

Джейн выполняла все его распоряжения, не задумываясь, как робот. Она спустилась по узкому ущелью, протягивая за собой шнур взрывчатки. Сначала она прятала его за низкорослый кустарник, потом проложила по дну ручья. Шанталь тихо посапывала за пазухой, привязанная к груди, а руки Джейн при этом оставались свободными.

Через минуту она оглянулась. Эллис устанавливал взрывчатку в расщелину скалы. Джейн всегда раньше считала, что взрывчатые вещества могут взорваться нечаянно при неосторожном обращении: явно это было заблуждение.

Она шла и протягивала шнур, пока он не натянулся в ее руке, тогда она снова оглянулась. Эллис взбирался по стене каньона, подыскивая удобное место для наблюдения за русскими, когда они будут входить в ущелье-ловушку. Она присела у ручья. Крохотное тельце Шанталь опустилось ей на колени. Повязка, которой была привязана Шанталь, ослабла, и спина Джейн расслабилась. Слова Эллиса непрерывно звучали в ее голове: «Если мы правильно рассчитаем время, мы убьем их всех».

«Сработает ли это? Все ли будут убиты?» – думала Джейн. – «Если да, то что будут делать тогда остальные русские?» Голова Джейн начала проясняться, и она постаралась представить себе вероятное развитие событий дальше. Через час или два кто-нибудь обратит внимание на то, что одна из групп не выходит на связь, и попытается вызвать их по радиации. После неудачной попытки они подумают, что груп-

па попала в глубокую расщелину или их рация не в порядке. По истечении часов двух, так и не наладив контакт, они пошлют вертолет на поиски группы, предполагая, что старший офицер группы догадается зажечь костер или сделать еще что-нибудь, чтобы помочь увидеть их с воздуха. Когда и это не удастся, военные на базе начнут волноваться. Им придется послать очередную группу на поиски пропавшей. Новой группе предстоит преодолеть тот же путь, что прошла предыдущая группа. Сегодня они уже не успеют сделать это, ведь ночью поиски проводить невозможно. К тому времени, как они найдут тела, Джейн и Эллис будут по крайней мере в полутора днях ходьбы от них, а возможно и больше. Этого достаточно, подумала Джейн. К тому же, за это время она и Эллис пройдут много развилок и боковых ущелий, преследователям придется выбирать из множества альтернативных маршрутов, так что определить точно, куда они пошли, будет трудно.

«Интересно, – думала она устало, – конец ли это? Скорей бы шли солдаты. Я терпеть не могу ждать. Я так боюсь».

Она ясно видела Эллиса, взбирающегося на скалу на четвереньках. Она также видела солдат, которые спускались по долине. Даже на этом расстоянии они казались грязными, их опущенные плечи, шаркающая походка говорили о том, что они устали и упали духом. Они не видели ее, на фоне горного пейзажа она была не видна.

Эллис прижался к земле за отвесной скалой и выглядывал

из-за нее, наблюдая за приближающимися солдатами. Джейн его видела, а солдаты нет. Он наблюдал за местом, где была заложена взрывчатка.

Солдаты дошли до места, где начиналась узкая часть ущелья, и стали спускаться. Один из них, офицер с усами, ехал на лошади, видимо это был старший в группе. Другой был в шапочке Читрали. «Это Халам, – подумала Джейн. – Предатель!» После всего, что совершил Жан-Пьер, предательство казалось Джейн непростительным преступлением. Еще было пять солдат в сопровождении, все они были в форменных пилотках, у всех молодые, чисто выбритые лица. Двое мужчин и пять мальчишек, подумала она.

Она посмотрела на Эллиса. Он подаст знак в любую минуту. Шея у нее заныла от напряжения. Солдаты по-прежнему ее не замечали: они были заняты поисками тропы среди скалистой местности. Наконец, Эллис повернулся медленно к ней и взмахнул обеими руками над головой.

Джейн взглянула назад на солдат. Один из них протянул руку и взял за уздечку лошадь, чтобы провести ее по неровному участку земли. Джейн держала устройство в виде шприца в левой руке, а указательный палец правой руки находился на кольце. Одно движение – и взрыватель загорится, взорвет ТНТ и засыплет осколками скал ее преследователей.

Пять парней, подумала она. Пошли в армию, наверное, потому, что были бедные или глупые, или то и другое вместе, или потому, что были призваны на военную службу. Их по-

слали в холодную, негостеприимную страну, где люди ненавидели их. Они вынуждены пробираться в горах, через этот ледяной ад. И будут погребены под обвалом, с размозженными головами и забитыми землей легкими, со сломанными спинами и грудными клетками, крича, задыхаясь и истекая кровью, смертельно раненые и агонизирующие. Их гордые отцы и переживающие матери получают потом несколько утешительных слов, типа – «... с сожалением сообщаем вам, что ваш сын погиб в бою, историческом событии против реакционных сил, проявив героизм, посмертно награжден медалью, приносим свои искренние соболезнования». Глубокие соболезнования. Можно представить материнское презрение к этим словам соболезнования, когда она вспомнит, в каких муках родила своего ребенка, потом выкармливала в тяжелые времена, учила его ходить и мыть руки, и произносить свое имя, отправляла его в школу, вспоминала, как он рос, становился старше, пока не стал выше нее почти в два раза, затем еще выше, пока не стал взрослым и пошел работать, женился на здоровой девушке, завел свою семью, родил ей внуков. Каково материнское горе, когда она узнает, что все что она делала, все страдания, старания и тревоги оказались напрасными: ее ребенок-мужчина, это чудо, был убит жестокими людьми в этой глупой, тщеславной войне. Чувство потери. Чувство потери.

Джейн услышала, как Эллис кричит. Она взглянула. Он стоял во весь рост, не заботясь о том, видят ли его или нет,

размахивая руками и крича: «Давай! Сейчас!»

Она положила осторожно устройство на землю около бурного ручья.

Теперь солдаты увидели их обоих. Двое начали взбираться со стороны ущелья, где стоял Эллис. Другие окружили Джейн, направляя на нее и ребенка винтовки, с глупым смущенным видом. Она не обращала на них внимания и наблюдала за Эллисом. Он взбирался на уступ ущелья. Солдаты, которые взбирались ему навстречу, остановились и стали ждать, что он будет делать.

Он добрался до ровной земли и медленно пошел к Джейн. Он подошел к ней.

– Почему? – спросил он. – Почему ты не сделала этого?

«Потому, что они такие молодые, – подумала она, – потому, что они такие молодые и невинные, и они не хотят меня убивать. Потому, что это было бы убийством. Но больше всего...»

– Потому, что у них есть матери, – ответила она.

* * *

Жан-Пьер открыл глаза. Грузная фигура Анатолия возвышалась на армейской кровати. Рядом с Анатолием яркий луч солнечного света пробивался сквозь открытую створку палатки. Жан-Пьера на минуту охватило чувство паники, не понимая, почему он проснулся так поздно, и что он пропу-

стил, затем, как во вспышке, перед ним пронесли сцены вчерашних событий.

Они с Анатолием были в лагере на подходе к Кантиварскому ущелью. Их разбудил около двух ночи капитан поискового отряда, которого, в свою очередь, поднял караульный солдат. «Молодой афганец по имени Халам натолкнулся на наш лагерь», – объяснил капитан. Кое-как объясняясь на смешанном пушту, английском и русском, Халам рассказал, что был проводником у путешествующих американцев, но они оскорбили его, поэтому он ушел от них. На вопрос, где американцы сейчас, он предложил показать дорогу к каменной хижине, где беглецы сейчас, должно быть, ни о чем не подозревая, спокойно спят.

Жан-Пьер мгновенно вскочил в вертолет, чтобы полететь на место. Анатолий был более предусмотрителен.

– В Монголии у нас была поговорка, звучит примерно так: «Кобель не вскочит, пока сука не захочет», или «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», – сказал Анатолий. – Халам может лгать. Если он говорит правду, все равно он может и не найти хижину, в особенности ночью, к тому же с вертолета. А даже если он найдет ее, они могли уже уйти.

– Тогда что нам делать, как ты считаешь?

– Послать вперед запасной отряд, капитана и пять солдат, лошадь с Халамом, конечно. Их можно отправить немедленно. А мы можем отдохнуть, пока они не найдут беглецов.

Его осторожность была оправдана. Отряд вышел на связь

в три тридцать с сообщением о том, что хижина пуста. Однако они добавили, что костер еще не погас, так что Халам, скорее всего, говорил правду. Анатолий и Жан-Пьер решили, что Эллис и Джейн проснулись ночью, и увидев, что их проводник ушел, решили поскорее скрыться. Анатолий приказал отряду пойти по их следу, надеясь, что Халам покажет вероятный маршрут.

После этого Жан-Пьер вернулся обратно в постель и крепко заснул, поэтому он не мог проснуться на рассвете, теперь он вглядывался затуманенными глазами в Анатолия.

– Который час? – спросил он.

– Восемь часов. И мы поймали их.

Сердце у Жан-Пьера подпрыгнуло – затем он вспомнил, что уже однажды он обрадовался прежде времени, и все оказалось напрасным.

– Уверен? – спросил он.

– Мы можем пойти и проверить, как только ты натянешь свои брюки.

Все произошло молниеносно быстро. Прибыл вертолет с запасом горючего, как раз когда они были готовы подняться на борт. Анатолий решил немного подождать, пока баки не будут полностью заполнены, так что Жан-Пьеру пришлось сдерживать свое нетерпение.

Они поднялись в воздух несколькими минутами позже. Жан-Пьер вглядывался в пейзаж сквозь открытую дверь; по мере того, как они приближались к горным массивам, Жан-

Пьер обратил внимание, что это самое суровое место по характеру ландшафта, какое он только видел на всей территории Афганистана. Неужели Джейн действительно могла пройти через эту голую, непроходимую пустыню, напоминающую лунную поверхность, с ребенком на руках? «Она, должно быть, действительно меня ненавидит, – решил Жан-Пьер, – чтобы пройти такое ради того, чтобы уйти от меня. Теперь она поймет, что все было напрасно. Она моя навсегда».

Но поймали ли ее действительно? Он боялся, что ему предстоит еще одно разочарование. Когда они приземлятся, не найдет ли он очередную парочку хиппи или двух фанатичных любителей попутешествовать в горах, или даже парочку бродяг, которые выглядят как европейцы?

Анатолий указал на Кантиварский перевал, когда они пролетали мимо.

– Похоже, они потеряли свою лошадь, – добавил он, крича в ухо Жан-Пьера, перекрывая шум двигателя и ветра.

И действительно, Жан-Пьер увидел очертания лошади, лежащей в снегу ниже тропы. Интересно, это Мэгги? Он надеялся, что это то самое упрямое животное.

Они летели через Кантиварскую долину, осматривая окрестности в поисках отряда. Наконец, они увидели внизу дым – кто-то разжег костер, чтобы привлечь их внимание. Они снизились над участком ровной земли. Жан-Пьер тщательно осмотрел местность, как только они спустились еще

ниже: он увидел троих или четверых солдат в русской форме, но нигде не заметил Джейн.

Вертолет приземлился. Сердце Жан-Пьера бешено колотилось. Он спрыгнул на землю, от напряжения ощущая дурноту. Анатолий прыгнул за ним вслед. Капитан провел их в сторону от вертолета и дальше вниз в узкое ущелье.

Там были они. Жан-Пьер чувствовал себя так, как будто его пытали, а теперь пытающие были в его руках. Джейн сидела на земле около небольшого ручейка и держала на руках Шанталь. Эллис стоял рядом с ней. Они оба выглядели изможденными, пораженными и деморализованными.

Жан-Пьер остановился.

– Подойди сюда, – сказал он Джейн.

Она поднялась на ноги и подошла к нему. Он увидел, что она держала Шанталь на какой-то подвязке, перекинутой через шею, что оставляло ее руки свободными. Эллис последовал за ней.

– Не ты, – сказал Жан-Пьер.

Эллис остановился. Джейн стояла перед Жан-Пьером и смотрела на него. Он поднял правую руку и дал ей пощечину изо всей силы. Это был самый приятный удар, который он когда-либо отвешивал. Она отпрянула назад, оступаясь, так что он подумал – она упадет, но она удержалась и стояла и смотрела на него вызывающе, со слезами, хлынувшими по щекам от боли. Через ее плечо Жан-Пьер увидел, как Эллис сделал шаг вперед, затем сдержал себя. Жан-Пьер был

слегка разочарован; если бы Эллис попытался сделать что-нибудь, солдаты бы тут же вскочили и избili бы его. Но ничего, он еще свое получит. Жан-Пьер поднял руку, чтобы ударить Джейн еще. Она отступила и прикрыла Шанталь руками, защищая ее. Жан-Пьер опустил руку.

– У нас будет еще достаточно времени, чтобы это сделать, – сказал он. – Много времени.

Жан-Пьер повернулся и пошел назад к вертолету. Джейн взглянула на Шанталь. Ребенок смотрел на нее, проснувшись, но не плача от голода. Джейн покачала ее, как будто ребенка нужно было утешить. По-своему она была рада, что он ударил ее, хотя лицо ее до сих пор пылало от боли и унижения. Удар был как окончательный приговор в судебном процессе по разводу: это означало, что ее замужество окончательно, официально и определенно закончилось, и она уже больше не несла за собой никаких обязательств. Если бы он плакал, просил прощения или умолял не ненавидеть его за то, что он сделал, она бы почувствовала себя виноватой. Но пощечина поставила все на свои места. У нее уже не осталось никаких чувств по отношению к нему: ни капли любви или уважения или даже сочувствия. «Смешно, – подумала она, – что как раз в тот момент, когда он поймал меня, я почувствовала себя полностью свободной».

До этого момента среди них был старшим капитан, который ехал на лошади, теперь прилетел Анатолий, друг Жан-Пьера с восточными чертами лица, который взял командо-

вание на себя. Когда он стал отдавать распоряжения, Джейн поняла, что она понимает то, что он говорит. Прошел почти год, с тех пор как она слышала последний раз русский язык, вначале он показался неразборчивым, но теперь, когда ее ухо привыкло, она понимала каждое слово. В это время он приказывал солдату связать Эллису руки. Солдат, явно подготовленный к этому, вытащил пару наручников. Эллис протянул ему без сопротивления обе руки, и солдат защелкнул на его руках наручники.

Эллис выглядел покорным и сломленным. Увидев его в цепях, побежденного, Джейн почувствовала приступ жалости к нему и ее охватило отчаяние, на глаза навернулись слезы. Солдат спросил, надо ли надеть наручники на Джейн.

– Нет, – ответил Анатолий. – У нее ребенок.

Их повели к вертолету. Эллис сказал:

– Извини. Насчет Жан-Пьера. Я не мог подойти к нему...

Она покачала головой, что означало – нет необходимости в извинениях, говорить она уже не могла. Полная покорность Эллиса раздражала ее, она злилась не только на него, но на всех, кто заставлял его быть таким: на Жан-Пьера и Анатолия, на Халама и русских. Она почти пожалела, что не нажала на детонатор.

Эллис взобрался в вертолет, затем повернулся помочь ей. Она держала Шанталь левой рукой, чтобы не сбивалась подвязка, и подала ему правую руку. Он помог ей подняться в какой-то момент, когда она была очень близко к нему, он

прошептал:

– Как только мы поднимемся в воздух, дай пощечину Жан-Пьеру.

Джейн была слишком шокирована, чтобы реагировать, что оказалось к лучшему. Никто, кажется, не услышал, что сказал Эллис, но никто из окружающих в любом случае не понимал особенно английского. Она сосредоточилась, чтобы выглядеть, как ни в чем не бывало.

Кабина для пассажиров была маленькой и пустой, с низким потолком, так что мужчинам приходилось наклоняться. В ней ничего не было, кроме небольшой полки для сиденья, прикрепленной к фюзеляжу напротив двери. Джейн с облегчением опустилась на сиденье. Отсюда она могла видеть кабину водителя, кресло пилота было поднято на два или три фута выше уровня пола кабины, а сбоку была ступенька, пилот по-прежнему находился в кресле – лопасти по-прежнему вращались. Шум был очень громкий.

Эллис сел на пол рядом с Джейн, между креслом пилота и скамьей. Анатолий взобрался в вертолет вместе с солдатом и указал на Эллиса. Джейн не могла услышать, что было сказано солдату, но по его реакции можно было догадаться, что ему велели охранять Эллиса. Он вытащил винтовку и держал ее в руках.

Жан-Пьер поднялся в вертолет последним. Он стоял у открытой двери, выглядывая наружу, пока вертолет поднимался. Джейн разволновалась. Эллису хорошо. Попросить ее

дать пощечину Жан-Пьеру, как только они взлетят, но как это сделать? Как раз сейчас Жан-Пьер стоял, отвернувшись от нее и стоял у открытой двери – если она попытается ударить его, она скорее всего потеряет равновесие и выпадет из вертолета. Она посмотрела на Эллиса в надежде, что он ей что-нибудь подскажет. Выражение его лица было напряженным, но он не ответил на ее взгляд.

Вертолет поднялся на восемь или десять футов в воздух, на минуту задержался на месте, затем, сделал полукруг набрал скорость и начал подниматься резко вверх.

Жан-Пьер отвернулся от двери, шагнул в кабину и увидел, что ему негде сидеть. Он на мгновение растерялся. Джейн поняла, что самое время встать и дать ему пощечину – хотя она не понимала, почему, но она приросла к своему сиденью, не в состоянии сдвинуться с места от страха. Затем Жан-Пьер показал ей большим пальцем, чтобы она встала.

И тогда она взорвалась. Она так устала, была голодной и несчастной, а он хотел, чтобы она встала, с ребенком на руках, чтобы он мог сесть. Этот жест пальцем, казалось, явился итогом всей его жестокости, предательства и зла, и это возмутило ее. Она встала, Шанталь повисла на подвязке, перевязанная на шее, и бросила на него:

– Ты ублюдок! Ты ублюдок! – Ее слова потерялись в шуме мотора и ветра, но выражение ее лица явно поразило его, поскольку он отступил.

– Я ненавижу тебя!

Джейн бросилась к нему и, выставив обе руки, с силой толкнула его назад через открытую дверь вертолета.

Русские допустили одну ошибку. Очень маленькую, но это было как раз то, что нужно было Эллису, и он был готов воспользоваться ею. Их ошибка состояла в том, что они связали ему руки впереди, вместо того, чтобы связать их за спиной.

Он надеялся, что они вообще его не свяжут, поэтому он ничего не сделал, прилагая сверхчеловеческие усилия, когда Жан-Пьер начал бить Джейн, чтобы не упустить шанс остаться без наручников: ведь в конце концов он был один и без оружия. Но, как оказалось, Анатолий был предусмотрительным человеком.

К счастью, Анатолий не сам надевал наручники, а поручил солдату. Для солдат легче надеть наручники на пленного, вытянувшего руки вперед – меньше вероятности, что он упадет, к тому же сам сможет забраться в вертолет или машину без поддержки. Так что, когда Эллис послушно протянул руки вперед, солдат без задней мысли надел на его руки наручники.

Эллис не мог одолеть троих мужчин без посторонней помощи, в особенности учитывая, что один из них был вооружен. Его шансы в открытой схватке были ничтожны, единственной его надеждой было разбить вертолет.

Было мгновение, когда, казалось, время застыло, Джейн стояла у открытой двери, с ребенком, висящем у нее на под-

вязке, и смотрела с выражением ужаса на лице, как Жан-Пьер летел в воздухе, и в этот момент Эллис подумал: «Мы ведь взлетели только лишь на двенадцать-пятнадцать футов вверх, мерзавец может и выжить, было бы очень жаль». Затем к ней бросился Анатолий и схватил сзади за руки, пытаясь сдержать ее. Теперь Анатолий и Джейн стояли между Эллисом и солдатом, находящимся в дальнем углу кабины.

Эллис перекатился через спину, вскочил на ноги за креслом пилота, завел руки в наручниках над головой пилота, подвел цепь от наручников прямо к горлу пилота и стал изо всех сил давить.

Пилот не успел даже пикнуть.

Продолжая держать ноги на педалях, а левую руку на рукоятке управления, он схватил правой рукой кисть Эллиса.

Эллиса охватил мимолетный страх. Это был его последний шанс и у него было всего несколько секунд. Солдат сначала не решился стрелять, побоявшись задеть пилота. А Анатолий, если он также вооружен, тоже побоится. Но через некоторое время они поймут, что терять им нечего, поскольку если они не застрелят Эллиса, вертолет разобьется, поэтому они вынуждены будут рискнуть.

Кто-то схватил Эллиса сзади за плечи. Оглянувшись через плечо, он увидел темно-серый рукав. Значит это был Анатолий. На другом конце вертолета солдат с автоматом, увидев, что происходит, начал вставать с места.

Эллис резко рванул цепями наручников. Боль была слиш-

ком острой для пилота. Он вытянул обе руки и встал с места. Как только пилот выпустил контроль над управлением, вертолет начал крениться на бок и качаться на ветру. Эллис был готов к этому и удержался на ногах, обхватив кресло пилота. Позади него Анатолий, потеряв равновесие, отпустил руки.

Эллис стащил пилота с кресла и бросил на пол, затем добрался до панели управления и потянул рычаг управления вниз.

Вертолет стал падать вниз подобно камню. Эллис оглянулся посмотреть, что произошло с окружающими в результате резкого падения. Пилот упал на пол кабины, судорожно схватившись за горло. Анатолий упал плашмя посередине кабины. Джейн ползала в уголке, закрывая руками Шанталь. Солдат тоже упал, но потом поднялся на одно колено и поднял «Калашникова», направив его в Эллиса.

Как только он взвел курок, колеса вертолета ударились об землю.

От удара Эллис упал на колени, но он был готов к этому и удержал равновесие. Солдат выпустил очередь из автомата, но его пули прошили фюзеляж в ярде от головы Эллиса, затем он упал вперед, выпустив автомат и выставив руки вперед, чтобы амортизировать падение.

Эллис потянулся вперед, подхватил винтовку и взял ее неуклюже в руки, сцепленные наручниками.

Наступил момент ликования. Он сражался. Он сбежал, затем его поймали и унижали, он страдал от голода и холода, и

страха, и стоял беспомощный, когда Джейн ударили по лицу, но теперь, наконец, у него был шанс встать с колен и бороться.

Он поднес палец к затвору. Его руки были скованы слишком тесно, чтобы держать автомат в нормальном положении, но ему удалось схватиться за ствол, используя левую руку для поддержки магазина с патронами.

Двигатель вертолета умолк и лопасти начали замедлять вращение. Эллис взглянул на панель приборов и увидел, как из боковой двери вертолета выпрыгнул пулеметчик. Ему нужно было овладеть ситуацией мгновенно, прежде, чем русские снаружи смогут сориентироваться.

Он двинулся к Анатолию, который растянулся на полу перед дверью и ударил его прикладом винтовки в голову.

Солдат уставился на него, испугавшись.

– Проваливай отсюда, – выкрикнул Эллис солдату, кивнул головой на дверь.

Солдат понял и выпрыгнул через дверь. Пилот по-прежнему лежал на полу, у него что-то явно происходило с дыханием. Эллис толкнул его ногой, чтобы он пришел в себя, затем крикнул, чтобы он тоже выходил. Человек с трудом поднялся на ноги, все еще держась за горло, вылез через дверь наружу.

– Скажи этому парню, чтобы он выбирался из вертолета и повернулся спиной ко мне. Переведи ему быстрее! – обратился Эллис к Джейн.

Джейн крикнула это по-русски Анатолию. Тот поднялся на ноги, взглянул с ненавистью на Эллиса и медленно вылез из вертолета.

Эллис ударил прикладом автомата по шее Анатолия и крикнул:

– Скажи ему, чтобы все отошли назад.

Джейн начала говорить снова и Анатолий прокричал команду остальным. Эллис оглянулся. Пилот, пулеметчик и солдат, который был в вертолете, были недалеко. Среди них также находился Жан-Пьер, он сидел на земле, потирая щиколотку ноги: он должно быть, упал удачно, подумал Эллис, и особенно не травмирован. Чуть поодаль стояло еще трое солдат, капитан, лошадь и Халам.

– Скажи Анатолию, чтобы он расстегнул свою шинель, медленно вытащил пистолет и передал тебе, – сказал Эллис Джейн.

Джейн перевела. Эллис прижал винтовку крепче к Анатолию, пока тот вытаскивал пистолет из кобуры и передавал его за спиной Джейн. Джейн взяла пистолет.

– Это «Макаров»? – спросила она.

– Да, видишь предохранитель слева? Оттяни его, пока он не закроет красную точку, чтобы выстрелить – сначала потяни назад затвор, затем взведи курок. Хорошо?

– О'кей, – ответила она. Она побледнела и вся дрожала, но решительно сжала рот.

– Скажи, чтобы солдаты сбросили все оружие здесь, по

одному, и затем сложили его в вертолет.

Джейн перевела и Анатолий отдал приказ.

– Направь на них пистолет, как только они подойдут ближе, – сказал Эллис.

Один за другим солдаты подходили и складывали оружие.

– Пять парней, – произнесла Джейн.

– О чем ты говоришь? – спросил Эллис.

– У них был капитан, Халам и пять парней. А я вижу только четверых.

– Скажи Анатолию, чтобы он нашел пятого солдата, если он хочет выжить.

Джейн выкрикнула это Анатолию, и Эллис был удивлен решительностью в ее голосе. Анатолий отдал команду дрогнувшим голосом. Через мгновение из-за хвоста вертолета появился пятый солдат и сдал оружие так же, как и другие.

– Отлично, – сказал Эллис Джейн. – Он мог бы все испортить, а теперь скажи, чтобы они все легли.

Через минуту они все лежали на земле лицом вниз.

– Теперь тебе придется прострелить мои наручники, – сказал Эллис.

Он отложил оружие и стал у двери вертолета, вытянув руки к дверному проему. Джейн потянула затвор, затем направила дуло на цепь наручников. Они стояли так, что пуля должна была вылететь через дверь наружу.

– Я надеюсь, этот выстрел не разнесет мои запястья, – сказал Эллис.

Джейн закрыла глаза и нажала на курок.

– О, черт, – взвыл Эллис.

В первый момент боль в запястье была невыносимой. Затем он понял, что руки целы, разорвало только цепь наручников.

Он подхватил автомат.

– Теперь мне нужна их рация, – сказал он.

По приказу Анатолия капитан начал отвязывать большой ящик, навьюченный на лошадь. Эллис подумал, сможет ли вертолет снова взлететь.

Его шасси сломано, конечно, и могут быть другие повреждения снизу, но двигатель и основные коммуникации управления наверху. Он вспомнил, как в бою под Даргом он видел вертолет «Хинд», почти такой же, как этот. Он упал с высоты двадцати или тридцати футов, а затем снова поднялся в воздух. Этот чертов вертолет должен взлететь, если тот взлетел, подумал Эллис. Если нет, то...

Он не знал, что он сделает тогда. Капитан принес рацию и сложил ее в вертолет, затем снова отошел. Эллис позволил себе на мгновение расслабиться и почувствовал облегчение. Пока у них есть рация, русские не смогут выйти на связь с базой. Это означает, что им нечего надеяться на помощь, а также не смогут поднять тревогу. Если Эллис сможет поднять вертолет в воздух, никто их уже не сможет преследовать.

– Направь пистолет на Анатолия, – сказал он Джейн. – Я

хочу посмотреть, летает ли эта штука.

Джейн взяла пистолет в руки и удивилась, какой он тяжелый. Она направила дуло на Анатолия, держа руку вытянутой, но через некоторое время вынуждена была опустить ее, чтобы отдохнуть. Левой рукой она похлопывала по спине Шанталь. Шанталь плакала все сильнее и сильнее в течение последних нескольких минут, но сейчас перестала. Двигатель вертолета заработал, дернулся и начал глохнуть. О, пожалуйста, заведись, молилась она, пожалуйста.

Двигатель взревел, и она увидела, как стали вращаться лопасти.

Жан-Пьер приподнялся, чтобы посмотреть на происходящее. «Не смей, – подумала она. – Не двигайся». Жан-Пьер сел, взглянул на нее, затем встал с трудом на ноги. Джейн навела на него пистолет. Он двинулся по направлению к вертолету.

– Не заставляй меня стрелять в тебя! – вскрикнула она, но ее голос потонул в шуме двигателя.

Анатолий, должно быть, увидел Жан-Пьера, так как он перекатился через спину и сел. Джейн навела пистолет теперь на него. Он поднял руки вверх. Джейн перевела пистолет на Жан-Пьера. Тот продолжал приближаться. Джейн почувствовала, как вертолет вздрогнул и попытался подняться в воздух. Жан-Пьер уже был рядом. Она уже видела отчетливо его лицо. Его руки были расставлены в стороны, подавая сигнал ненападения, но в глазах его горел сумасшедший огонь. Он

потерял рассудок, подумала она, но, может быть, это случилось намного раньше.

– Я сделаю это, – выкрикнула она, хотя понимала, что он не слышит ее. – Я застрелю тебя!

Вертолет поднялся в воздух. Жан-Пьер бросился бежать. Как только вертолет поднялся выше, он прыгнул и приземлился на подножку вертолета. Джейн надеялась, что он снова упадет, но он удержался. Он взглянул на нее с ненавистью в глазах и собирался пробраться дальше.

Она закрыла глаза и нажала на курок. Пистолет выстрелил и подпрыгнул в ее руке.

Она снова открыла глаза. Жан-Пьер все еще стоял прямо с выражением удивления на лице. На груди его постепенно расплывалось темное пятно. В панике, Джейн взвела курок и выстрелила еще и еще, в третий раз. Она промазала первые два раза, но третья пуля попала, похоже ему в плечо. Он повернулся лицом наружу и упал вперед прямо в дверной проем.

Затем он скрылся из вида.

«Я убила его», – подумала она.

Сначала она почувствовала нечто вроде ликования. Он преследовал ее, пытался ее поймать, пленить и сделать рабой. Он охотился за ней, как за зверем, он предал ее и ударил ее. Теперь она убила его.

Затем ее охватила волна горя. Она села на пол и разрыдалась. Шанталь тоже начала плакать и Джейн стала покачи-

вать своего ребенка, пока они вместе плакали.

Она не помнила, сколько времени она так сидела. В конце концов она поднялась и прошла вперед и стала рядом с креслом пилота.

– Ты в порядке? – прокричал Эллис. Она кивнула и слабо улыбнулась.

Эллис улыбнулся в ответ, указав на измерительные приборы и воскликнул: «Посмотри, полные баки горючего!»

Она поцеловала его в щеку, как-нибудь она расскажет ему, что убила Жан-Пьера, но не сейчас.

– Далеко до границы? – спросила она.

– Меньше часа. И они не могут никого послать за нами в погоню, мы забрали у них рацию.

Джейн посмотрела через ветровое стекло. Прямо впереди она увидела белоснежные пики гор, на которые им пришлось бы взбираться. «Не думаю, что я смогла бы это сделать, – сказала она себе. – Я легла бы в снег и умерла».

У Эллиса было задумчивое выражение лица.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Я думал о том, как я хотел бы съесть сэндвич с ростбифом, с листьями салата и помидорами под майонезом на белом пшеничном хлебе, – сказал он и Джейн улыбнулась.

Шанталь проснулась и заплакала. Эллис снял руку с рукоятки и дотронулся до ее розовой щеки.

– Она голодная, – сказал он.

– Я пойду в кабину и займусь ею, – сказала Джейн. Она

вернулась в кабину для пассажиров и села на скамью. Она расстегнула пальто и блузку и стала кормить ребенка. Вертолет тем временем летел в сторону восходящего солнца.

Часть третья

1983

Глава 20

Джейн чувствовала себя счастливой, спускаясь по дорожке к машине и сев на сиденье рядом с Эллисом. Сегодня был отличный день. Пицца была превосходной, а Петаль понравились танцы во «Флэшданс». Эллис держался очень напряженно, представляя дочь своей возлюбленной, но Петаль была очарована восьмимесячной Шанталь, и все прошло довольно легко. Эллис был так вдохновлен, что предложил Джейн после того, как они подвезли Петаль домой, пройти вместе с ним по дорожке к дому и познакомиться с Джилл. Та пригласила их войти в дом и принялась ворковать с Шанталь. Так что Джейн познакомилась не только с дочерью Эллиса, но и с его женой. И все это в один и тот же день.

Эллис, – Джейн никак не могла привыкнуть, что его настоящее имя было Джон, и она решила, что всегда будет звать его Эллисом, – посадил Шанталь на заднее сиденье машины и сел за руль рядом с Джейн.

– Ты не говорил мне, что она хорошенькая, – сказала Джейн.

– Петаль хорошенькая.

– Я имею в виду Джилл, – засмеялась Джейн, – они такие чудесные и не заслуживают того, чтобы связываться с таким, как ты.

Она шутила, конечно, но Эллис грустно кивнул. Джейн потянулась к нему и прикоснулась к его ноге.

– Я имела в виду другое, – сказала она.

– Но это так и есть.

Они ехали некоторое время молча. Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как они выбрались из Афганистана. До сих пор Джейн иногда заливалась слезами по пустякам, но ее уже перестали мучить кошмары, в которых она стреляла и стреляла в Жан-Пьера. Никто, кроме нее и Эллиса, не знал, что случилось. Эллис даже соврал начальству об обстоятельствах смерти Жан-Пьера, а Джейн решила, что расскажет потом Шанталь, что ее отец погиб в Афганистане на войне и ничего более.

Вместо того, чтобы поехать в горы, Эллис свернул на боковые улочки и проехал окраиной, в конце концов он припарковался на свободном месте стоянки, выходящей прямо к воде.

– Что мы собираемся здесь делать? – спросила Джейн. – Обниматься?

– Если хочешь, – ответил Эллис, – но я хотел бы поговорить.

– О'кей.

– Хороший сегодня был день.

– Да.

– Петаль чувствовала себя так раскованно со мной, как никогда.

– Почему бы это?

– У меня на этот счет есть своя теория, – ответил Эллис. – Это все из-за тебя и Шанталь. Теперь, когда у меня своя собственная семья, я больше не являюсь угрозой для ее дома и ее стабильной жизни. Во всяком случае, я думаю, что это повлияло на нее.

– В этом что-то есть. Ты об этом хотел поговорить со мной?

– Нет, – сказал он и после некоторых колебаний добавил:

– Я хочу уйти из Агентства.

– Я очень рада, – кивнула Джейн. Она ожидала нечто подобное. Он недавно привел в порядок свои банковские счета.

– В основном мое задание в Афганистане завершено, – продолжал он. – Программа подготовки частей Масуда идет полным ходом. Они получили первую поставку оружия. Масуд сейчас достаточно силен, он даже не договаривается с русскими о зимнем перемирии.

– Отлично! – сказал Джейн – Я всегда за то, что ведет к прекращению огня.

– Когда я был в Вашингтоне, а ты была в Лондоне, мне предложили другую работу. Это то, чем я хотел заняться на самом деле, к тому же платят прилично.

– Что за работа? – спросила Джейн, явно заинтригованная.

– Это работа, связанная с новым президентским заданием по борьбе с организованной преступностью.

Сердце у Джейн замерло от страха.

– Это опасно?

– Да, но не для меня. Я слишком стар для того, чтобы работать на оперативной работе. Я буду руководить оперативным отделом.

Джейн чувствовала, что он что-то недоговаривает.

– Скажи мне всю правду, негодник! – сказала она.

– Ну, это намного менее опасно, чем то, что я делал раньше. Но, конечно, это не такое безобидное занятие, как воспитание дошкольников.

Она улыбнулась. Она понимала, к чему он клонит, и это доставляло ей ощущение счастья.

– К тому же, я буду работать здесь, в Нью-Йорке, – сказал он.

– В самом деле? – спросила она. Это было для нее неожиданностью.

– Что тебя так удивляет?

– Потому, что я тоже подала заявку на работу в ООН. Здесь, в Нью-Йорке.

– Ты мне об этом не говорила, – сказал он обиженно.

– Это ты рассказывал мне о своих планах, – сказала она с возмущением.

– Я тебе сейчас о них рассказываю.

– И я тебе сейчас рассказываю.

– Но... ты меня оставишь?

– Почему мы должны жить там, где ты работаешь? Почему бы нам не жить там, где я буду работать?

– За тот месяц, что мы были врозь, я совершенно забыл, что ты так ранима, сказал он.

– Совершенно верно.

Они помолчали. Наконец, Эллис сказал:

– Ну, раз мы оба собираемся жить в Нью-Йорке...

– Мы могли бы жить вместе?

– Да, – ответил он после некоторого раздумья.

Внезапно она пожалела, что так поспешила. Он на самом деле все обдумал, просто нерешителен. Она чуть не потеряла его, там, в Афганистане, и теперь она сможет быть долго без ума от него, потому что всегда будет помнить, как напугана была тем, что они расстанутся навсегда, и как была рада, когда они встретились и вместе смогли выжить...

– О'кей, – произнесла она уже мягче. – Давай жить вместе.

– Вообще-то... Я думал, чтобы предложить это как-то официально. Если ты захочешь.

Это было как раз то, чего она ждала.

– Официально? – сказала она, как будто не понимая.

– Да, – сказал он неуклюже. – Я имел в виду, мы могли бы пожениться. Если ты хочешь.

Она рассмеялась от удовольствия.

– Эллис! Ну скажи, как это положено. Сделай предложение!

Он взял ее руку.

– Джейн! Дорогая моя, я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж?

– Да! Да! – ответила она. – Как можно скорее! Завтра! Сегодня!

– Спасибо! – сказал он.

Она потянулась к нему и поцеловала его.

– Я люблю тебя тоже.

Они посидели некоторое время молча, держась за руки и наблюдая за заходом солнца. Смешно, – думала Джейн, – но Афганистан казался сейчас чем-то нереальным, как дурной сон, ясный, но уже не пугающий. Она хорошо помнила людей – Абдуллу, муллу, Рабию, акушерку, красивого Мохаммеда и чувственную Захару, и мудрую Фару – но бомбы и вертолеты, страх и невзгоды изгладились из памяти. Это было настоящее приключение. Выйти замуж, воспитывать Шанталь и стараться сделать мир лучше для нее.

– Поедем? – спросил Эллис.

– Да, – ответила она, пожала его руку под конец и затем отпустила. – У нас много дел.

Он завел машину, и они поехали обратно в город.